РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК
ИНСТИТУТ ЭТНОЛОГИИ И АНТРОПОЛОГИИ
им. Н.Н. МИКЛУХО-МАКЛАЯ

Н.И. Новикова

Охотники и нефтяники

ИССЛЕДОВАНИЕ ПО ЮРИДИЧЕСКОЙ АНТРОПОЛОГИИ

МОСКВА НАУКА 2014

УДК 39; 340
ББК 71.1+67.404
Н73

Издание осуществлено при финансовой поддержке
Программы Президиума РАН
«Поисковые фундаментальные научные исследования
в интересах развития Арктической зоны Российской Федерации»
по проекту «Коренные народы и промышленное освоение Арктики:
преодоление рисков и стратегии развития»

Рецензенты:
доктор филологических наук, профессор
Н.Б. ВАХТИН
доктор исторических наук, профессор
Е.М. ГЛАВАЦКАЯ

Новикова Н.И.

Охотники и нефтяники : Исследование по юридической антропологии / Н.И. Новикова ; Ин-т этнологии и антропологии им. Н.Н. Миклухо-Маклая РАН. – М. : Наука, 2014. – 407 с. – ISBN 978-5-02-039089-8.

Монография посвящена анализу культурно-ценностных и правовых взаимодействий между коренными малочисленными народами Севера и нефтегазовыми корпорациями в 1990–2000-х гг. Исследование строится на полевых материалах автора, собранных в течение длительного времени в Ханты-Мансийском и Ямало-Ненецком автономных округах, Сахалинской области России и Северо-Западных территориях Канады. Коренные народы, нефтедобывающие корпорации и органы власти рассматриваются как составляющие одной системы отношений, которая и определяет возможности существования и развития этих народов в современных условиях. Сегодня в таких отношениях существенную роль играют антропологи, выступающие не только как академические ученые, но и как эксперты-посредники.

Для этнографов, антропологов, юристов, политиков, а также менеджеров нефтяных компаний и активистов аборигенных общественных движений.

ISBN 978-5-02-039089-8

© Институт этнологии и антропологии им. Н.Н. Миклухо-Маклая РАН, 2014
© Новикова Н.И., 2014
© Редакционно-издательское оформление. Издательство «Наука», 2014

ОГЛАВЛЕНИЕ

Введение 5

Глава 1

Обычаи и традиции коренных малочисленных народов Севера в государственной правовой системе 46

1. Положение коренных народов Севера в контексте правового плюрализма 46
2. Обычное право коренных малочисленных народов Севера в системе российского законодательства 74
3. Восстановительное правосудие и альтернативные процедуры разрешения конфликтов 96
4. Обычное право как индикатор особого статуса коренных народов в государстве 109

Выводы 113

Глава 2

Земля и другие природные ресурсы в представлениях и практиках аборигенов, политиков и промышленных компаний 114

1. Мифологические представления о связи с землей и обычаи землепользования 116
2. Правовое регулирование землепользования в прошлом и настоящем 137
3. Конфликты в сфере землепользования 152
4. Антропология судебного процесса 166

Выводы 176

Глава 3

«Ойлизм». Нефтяное освоение как социальное поле существования коренных малочисленных народов Севера 178

1. «Ойлизм» в жизни аборигенов 180
2. Нефтяники как социально-профессиональная группа 191
3. Зарубежные и отечественные компании, работающие в Ханты-Мансийском автономном округе 206
4. Корпоративное право как особая форма «обычного права» 215

Выводы 221

Глава 4

Социально-культурные ценности коренных малочисленных народов как основания для установления диалога 223
1. Самоопределение, самоуправление, самовоспитание 223
2. Установление диалога в поликультурном обществе: дарообмен, договор, экономическое соглашение 259
3. Стратификация аборигенного сообщества и формы проявления протеста 264
4. Слово и молчание как культурные границы. О чем и почему молчат аборигены… 281
Выводы 292

Глава 5

Механизмы взаимодействия коренных народов и промышленных компаний 294
1. Обзор научных и политических подходов к оценке взаимодействия коренных народов и промышленных компаний 295
2. Международные стандарты взаимодействия коренных народов и промышленных компаний и его правовое регулирование в России 306
3. Примеры взаимодействия за границами Ханты-Мансийского автономного округа 328
4. Экологическая и этнологическая экспертные оценки взаимоотношений аборигенов и нефтяников 355
Выводы 381

Заключение 383

Список сокращений 403

Summary 404

Посвящается памяти Юрия Вэллы – оленевода, поэта, общественного деятеля

ВВЕДЕНИЕ

В 1998 г. в г. Ханты-Мансийске проходила первая международная конференция «Коренные народы. Нефть. Закон». Начиная свое выступление, Юрий Вэлла сказал: «Мне сегодня приснился сон, будто наш губернатор связан нефтяниками. Веревки его так туго переплели, что он не может пошевелить ни руками, ни ногами. Я пытаюсь до него дотянуться, но не могу, кричу, чтоб кто-то помог, и от крика просыпаюсь». Потом Юрий предложил и термин для определения этого явления – «ойлизм».

«Ойлизм» – это слияние нефтяного бизнеса и власти. «Ойлизм» не только определяет приоритеты власти, но и создает как бы ситуацию «власти без власти», потому что генеральные директора нефтяных компаний формально не являются представителями органов власти, но активно на эту власть влияют. Кроме того, добыча нефти, политика государства в сфере недропользования и само присутствие нефтяников на Севере оказывают существенное влияние на местное население, в том числе и на аборигенов, формируют у них новые представления о мире.

В современных условиях изучение взаимодействия коренных народов Севера[1] и промышленных компаний, работающих на Севере, составляет важнейшую часть исследовательского поля современного положения этих народов. Практически все вопросы социально-культурной антропологии аборигенов связаны с промышленным развитием регионов их расселения. Нефтяное освоение и его последствия являются важной частью конструируемого социального знания. Оно имеет и академическое значение, и все более активно используется в политической борьбе коренных народов за свои права. Сегодня эта борьба отражает конфликт между традиционным и промышленным природопользованием, народными представлениями и навыками, научными и утилитарно-коммерческими знаниями и подходами к окружающей среде и ее ресурсам. Правовые и обыденные конфликты в этой сфере

[1] В данной работе термины «коренные малочисленные народы Севера», «малочисленные народы», «аборигены» используются как синонимы.

приводят к негативным последствиям: разрушению окружающей среды, безработице, алкоголизму, утрате традиционных ценностей и языков коренных народов, недостаточному развитию образования и здравоохранения, низкому уровню жизни и т.п.

Исследователи и политики предлагают разные пути выхода из сложившейся ситуации, например, основанные на совершенствовании законодательства и достижении свободного, предварительного и осознанного согласия коренных народов на промышленное освоение территорий их проживания, получения ими компенсаций и справедливого распределения прибыли от использования природных ресурсов. Существует и иное видение этих проблем, которое характерно для части политической и бизнес элиты – переселить аборигенов с их земель, построить им дома в поселках и городах, выплатить компенсацию. Правда, в последнем случае оценка финансовых затрат на такие программы бывает заниженной, а социально-экономические, культурные и психологические последствия вообще не просчитываются.

Монография посвящена анализу взаимоотношений коренных народов Севера, нефтегазодобывающих корпораций и органов власти. Основное внимание в ней уделено Ханты-Мансийскому автономному округу, где добывается более половины общего количества нефти России. В городах и селах округа проживают коренные малочисленные народы Севера – ханты, манси, лесные ненцы, которых насчитывается более 30 тыс. человек. Из них более 500 семей получили права на территории традиционного природопользования регионального значения и выселились на стойбища. Эта группа в значительной степени сохраняет традиционный образ жизни, основанный на оленеводстве, охоте, рыболовстве и собирательстве. Из-за начавшегося в 1960-е годы промышленного освоения этой территории именно их существование оказалось под угрозой, так как из сферы традиционного природопользования были выведены огромные участки земли, а аборигенная культура подверглась деформации. Острой является проблема сохранения и развития традиционных отраслей хозяйства и установления диалога как с органами власти, так и в целом с окружающим их техногенным миром, а также с доминирующим (основным) населением.

Для Ханты-Мансийского автономного округа характерны попытки установления диалога и со стороны аборигенного сообщества, и со стороны промышленных компаний. Здесь приняты многие нормативные акты, регулирующие эти отношения, которые во многом опережают федеральное законодательство, но могут быть подвергнуты критике после углубленного изучения потребностей

и интересов разных групп, вовлеченных в процессы природопользования. Для характеристики механизмов взаимодействия между промышленными компаниями и коренными народами привлекаются сравнительные материалы по другим регионам России (Ямало-Ненецкий автономный округ, Сахалинская область) и по Северо-Западным территориям Канады.

Отношения между промышленными компаниями и коренными народами Севера рассматриваются в контексте правового плюрализма, т.е. сосуществования государственных и иных правовых норм. Коренные народы, нефтедобывающие корпорации и органы власти выступают составляющими одной системы отношений, которая и определяет возможности существования и развития этих народов в современных условиях. Сегодня в этих отношениях существенную роль играют антропологи, выступающие не только как академические ученые, но и как эксперты-посредники. Для определения допустимых рамок промышленного развития в районах проживания и хозяйствования аборигенов используется этнологическая экспертиза, которая позволяет установить диалог между промышленными компаниями и аборигенными сообществами.

Представители коренных малочисленных народов Севера – ханты, манси, ненцы, одними из первых в стране столкнулись с промышленным освоением. К сегодняшнему дню накопился уже определенный опыт их взаимодействия с нефтяниками. Аборигенное сообщество в значительной степени стратифицировано, лишь часть его стремится сохранить свои земли для ведения традиционного хозяйства и развития своей культуры. Но именно с этой группой связываются в общественном сознании надежды на сохранение уникальной северной культуры и природы.

Различные группы в разной мере испытывают влияние нефтяного освоения. Более чем сорокалетняя история этого процесса показывает различия в положении и развитии групп, в районах проживания которых нефтяное и в целом промышленное освоение протекало без каких-нибудь нормативных актов, защищающих права аборигенов, по сравнению с современной ситуацией. В качестве референтных групп рассматриваются восточные манси, восточные ханты и лесные ненцы. Кондинские (восточные) манси оказались первыми, кто столкнулся с промышленным освоением, осуществлявшимся без правовой защиты коренных народов, что привело практически к полной аккультурации этой группы.

Восточные ханты и лесные ненцы, проживающие в Нижневартовском и Сургутском районах, представляют группу, ведущую в основном традиционный образ жизни. Именно у них сохраняются

свои языки, оленеводство, традиционная материальная культура, религиозные представления, практика жертвоприношений, традиционная правовая культура, что позволяет им поддерживать социальные связи внутри сообщества, передавать традиции следующим поколениям. Интересно отметить непростую корреляцию между уровнем модернизации традиционного природопользования и конфликтностью отношений с нефтяниками. С этими группами связана история борьбы с нефтяниками, история активного противостояния и выработки механизмов ритуализации политической жизни и инкорпорации традиционных ценностей аборигенов в современную городскую культуру, причем наблюдается и обратный процесс.

Важным источником анализа явились также полевые материалы автора, собранные в Сахалинской области, Ямало-Ненецком автономном округе и Северо-Западных территориях Канады, которые демонстрируют отличные от ханты-мансийской модели взаимодействия коренных народов и промышленных компаний. Эти материалы позволяют по-новому взглянуть на западно-сибирскую ситуацию, а также рассматривать проблемы взаимодействия коренных народов и промышленных компаний на широком сравнительном материале.

Общество нефтяников также неоднородно, но в целом можно сказать, что их отношения с аборигенами носят конфликтный характер. Этот конфликт сегодня многокомпонентный. Необходимо учитывать его экологическую, культурно-ценностную, правовую и обычно-правовую составляющие. Полевые исследования проводились преимущественно в подразделениях ОАО «ЛУКОЙЛ – Западная Сибирь» и ОАО «Сургутнефтегаз», сравнительные материалы получены во время работы в подразделениях ОАО «Газпром» и зарубежных компаниях на Сахалине и в Канаде.

Особую часть исследования составляет анализ состояния окружающей среды и возможностей устойчивого развития на Российском Севере, которые в значительной степени связываются с идеологией традиционного природопользования коренных народов Севера. В исследовании уделяется особое внимание нормам обычного права в сфере природопользования, особенно степени их бытования в современных условиях и возможности их использования в законотворчестве, суде и внесудебном разрешении конфликтов между промышленными компаниями и коренными народами.

Антрополого-юридический анализ взаимодействия коренных малочисленных народов и промышленных компаний предполагает также анализ государственного правового регулирования

положения коренных народов и нормативной субкультуры нефтяников, роли нефтяного освоения в конструировании аборигенной идентичности. Особую важность для меня при этом представляют исследование механизмов взаимодействия и договорного процесса между коренными народами Севера и нефтяными корпорациями в мифо-ритуальной традиции, нормах обычного и государственного права, социально-экологической политике и практике, а также интерпретация символов, которые используются для презентации аборигенной культуры и установления диалога с промышленными компаниями и органами государственной власти.

Анализируемые материалы относятся в основном к 1990–2000-м годам, поскольку именно в этот период сложилась современная российская практика взаимодействия коренных народов и промышленных компаний. Основной блок материалов относится к периоду до 2010 г. В последнее время политика и законодательство, регулирующее рассматриваемые отношения, существенно меняются, права коренных народов сужаются, но это уже тема других исследований. К сожалению, достижения 1990-х годов уходят в историю.

Рабочая гипотеза заключается в том, что сегодня существуют различные пути развития процессов взаимодействия коренных народов Севера, нефтедобывающих корпораций и органов власти. В регионах Севера предлагаются разные формы установления договорных отношений. Вместе с тем этот процесс иногда приводит к нарастанию конфликта, который может принимать формы открытого противостояния. Для разрешения этого конфликта могут быть использованы нормы корпоративного права, сложившиеся в международном бизнес-сообществе и нефтяных компаниях, с одной стороны, и нормы обычного права и другие механизмы установления диалога, выработанные аборигенами, – с другой. На основании изучения этих норм могут быть выработаны общие стандарты социальной и экологической политики деятельности промышленных компаний в регионах проживания и традиционной хозяйственной деятельности коренных малочисленных народов Севера.

Концептуальная идея исследования строится на анализе развития коренных народов Севера и их взаимодействия с промышленными компаниями с позиций юридической антропологии в рамках методологии правового плюрализма (Дж. Вандерлинден, С. Мур, Дж. Гриффитс, С. Мерри, Г. Вудман, К. и Ф. Бенда-Бекманн и др.), рассматриваемого как сосуществование двух и более правовых систем, когда поведение человека, по определению

Дж. Гриффитса, соответствует более чем одному правопорядку[2]. Правовой плюрализм предполагает не только сосуществование, но и взаимовлияние, взаимодействие различных правовых систем, которые создают «полуавтономные социальные поля»[3].

Другим методологическим основанием данного исследования являются подходы, разработанные символической антропологией (по К. Гирцу), когда анализ культуры является не экспериментальной наукой в поисках закономерностей, а наукой интерпретации в поисках значений[4]. Такой подход позволяет опираться на микроисследования и сохранять чувствительность к материалу, учитывая широкий спектр прав и интересов сторон. Культурная интерпретация, по мнению К. Гирца, обладает рядом особенностей, определяемых тем, что теория должна быть ближе к «почве». «Главная цель теоретических построений в данной области – не кодифицировать абстрактные закономерности, а делать возможным “насыщенное” описание; производить обобщение не множества случаев, а в каждом из них». Таким образом, по мнению этого выдающегося ученого, «задача интерпретативной антропологии – не в том, чтобы дать ответ на самые сокровенные наши вопросы, но в том, чтобы дать доступ к ответам других, тех, кто сторожит других овец в других долинах (в нашем случае, аборигенов и нефтяников. – *Н.Н.*), и тем самым включить эти ответы в единую человеческую летопись, с которой мы сможем консультироваться»[5]. Опираясь на данные теоретические построения, я представляю взаимодействие коренных народов и промышленных компаний как широкое исследовательское поле, в котором каждый получил право голоса.

Методологически изучение взаимодействия коренных малочисленных народов и промышленных компаний строится также на положении об относительности границ между этими группами и роли этих границ в конструировании старых и новых идентичностей[6]. Ф. Бартом представлен пример рассмотрения «автохтонной модели» через анализ главных ценностных ориентаций, существующих в исследуемом обществе. Понимание проблемы

---

[2] *Griffiths J.* What is legal pluralism? // Journal of Legal Pluralism. 1986. № 24. P. 3.

[3] *Moor S.F.* Law and social change: the semi-autonomous social field as an appropriate subject of study // Law and Society Review. 1973. P. 719–746; *Бенда-Бекманн К.* Зачем беспокоиться о правовом плюрализме? Вопросы изучения и осуществления политики правового плюрализма //Обычное право и правовой плюрализм. М., 1999. С. 12 и др.

[4] *Гирц К.* Интерпретация культур. М., 2004. С. 11.

[5] Там же. С. 33–35, 40.

[6] *Барт Ф.* (ред.). Этнические группы и социальные границы. Социальная организация культурных различий. М., 2006.

границы этнической единицы зависит от осознания особых факторов, которые могут сделать «поддержание этой идентичности невозможным или непривлекательным»[7]. В исследуемых отношениях одни и те же факторы, такие как государственная политика или промышленное развитие, могут вести и к усилению представлений об этнической идентичности и к их разрушению. Рассматриваемые в монографии культурные и социальные ценности оказываются релевантными в определенных сферах, на которых и сконцентрирован проводимый анализ.

Обычно границы в этнографической литературе воспринимаются и описываются как культурные или этнокультурные. Отдельной проблемой становится конструирование этничности под влиянием и в рамках государства. Особый интерес представляет обоснование В.А. Тишковым «личностно-ориентированного подхода к изучению этнической идентичности». Он пишет: «Когда мы говорим об этнической границе, конструирующей группу, мы должны иметь в виду, что если даже это результат внутреннего выбора, то это не есть всеобщий выбор, а момент согласия только части социально активного населения, для которой участие в этническом дискурсе важно по тем или иным причинам»[8].

В данной работе эти идеи стали методологической основой анализа взаимоотношений коренных народов и промышленных компаний, хотя эти отношения по определению являются отношениями групп, но сделана попытка рассмотреть эти группы как стратифицированные, объединяющие различных социальных и культурных акторов. А так как в работе применены методы юридической антропологии, то эти сообщества анализируются через выработанные ими и/или доминирующие извне нормы и обычаи. Юридическая антропология рассматривает этничность как одну из составляющих исследовательского поля, она изучает отношения между людьми. Сложность интерпретации заключается в том, что это изменяющиеся отношения живых людей, а при процессуальном анализе становится очевидным, что обычай создает и разрушает норму.

Определенную сложность для изучения представляет и то, что не только идентичность аборигенов, но и многое в их повседневной и даже сакральной жизни в течение длительного времени конструируется не только ими, но и учеными, государством,

---

[7] *Барт Ф.* Пуштунская идентичность и поддержание ее сохранности // Этнические группы и социальные границы. Социальная организация культурных различий. М., 2006. С. 146, 150.

[8] *Тишков В.А.* Реквием по этносу. Исследования по социально-культурной антропологии. М., 2003. С. 119–120.

через составление бесконечных списков, и даже промышленными компаниями. Столкновение внешних и внутренних представлений о группе приводит к тому, что некоторые аборигены сами называют себя «националы» или «КМНС». Они воспринимают себя как группу, имеющую особый статус, со всеми ограничениями для свободного развития.

В анализе взаимоотношений коренных народов и промышленных компаний может быть применим подход «социологии знания» П. Бергера и Т. Лукмана, которые, рассматривая социальное конструирование реальности, говорят о ситуации «лицом-к-лицу», когда «другой гораздо более реален для меня, чем я сам»[9]. При анализе положения аборигенов российского Севера мы часто попадаем в ситуацию, при которой многие реалии их повседневности и правового статуса формируются под влиянием и благодаря наличию и деятельности нефтяных компаний в районах их проживания. Подход этих авторов оказался очень важным для моего исследования, так как они рассматривают «причастность к социальному запасу знания» как мотивации «размещения индивидов в обществе и соответствующего обращения с ними». В качестве такого знания авторы рассматривают «знание, сводящееся к практической компетентности в обыденных делах»[10].

В последнее время в антропологии высказываются определения знаний как индикатора аборигенности в современном мире. С подобным подходом связан и усилившийся в последние годы интерес к традиционным, в том числе правовым, знаниям коренных народов. Мировое сообщество признало значение этих знаний для устойчивого развития. В документах Конференции ООН по окружающей среде и развитию (Рио-де-Жанейро, 1992 г.) говорится: «Коренное население и его общины, а также другие местные общины призваны играть жизненно важную роль в рациональном использовании и улучшении окружающей среды с учетом их знаний и традиционной практики. Государства должны признавать и должным образом поддерживать их самобытность, культуру и интересы и обеспечивать их эффективное участие в достижении устойчивого развития»[11]. В международном сообществе и в Российской Федерации была создана правовая база для

---

[9] *Бергер П., Лукман Т.* Социальное конструирование реальности. М., 1995. С. 53.

[10] Там же. С. 72.

[11] Рио-де-Жанейрская декларация по окружающей среде и развитию, утвержденная Конференцией ООН по окружающей среде и развитию. Рио-де-Жанейро, 3–14 июня 1992 года, принцип 22.

обеспечения участия коренных народов в со-управлении природными ресурсами[12].

Юридическая антропология обращается к традиционным знаниям, стремясь адаптировать их к современной жизни, использовать правовой потенциал нормативной культуры аборигенов для создания нового законодательства, проведения этнологических и экологических экспертиз, создания систем правового регулирования, учитывающих исторические и культурные особенности сообществ коренных народов. В условиях главенства официального права во всех государствах, где проживают коренные народы, для аборигенов стали важными не только внутренние правила коренных общин, которые они узнают в процессе социализации, но и нормы законодательства, и правила поведения в суде, и особенности административной работы. При анализе правового положения коренных народов я исхожу из того, что их традиционный образ жизни определяется их *особыми знаниями об окружающем мире и своем месте в нем.*

В научной литературе встречаются различные подходы к определению правового статуса этих народов. Подчас проблема приобретает острый характер, особенно в случаях выплаты компенсаций за промышленное освоение традиционных территорий. Как юридический антрополог я исхожу из того, что культурные и исторические особенности образа жизни коренных народов Севера требуют создания системы специальной защиты их прав. Причем это задача не только законодательства, но и формирования общественного мнения в государствах, в которых они проживают. В антропологической литературе наиболее распространена характеристика коренных народов как маргинальных групп в современных государствах, где они получают особый статус. Признается, что эти народы имеют особую связь с территориями, на которых проживают. У них особый язык, отличающий их от доминирующего населения; они ущемлены в правах политической и правовой системами; их культура отличается от культуры доминирующего сообщества; они отличаются способами природопользования, являясь охотниками и собирателями, кочевниками. Важнейшей характеристикой этих народов является то, что они сами и доминирующее сообщество воспринимают их как иных[13]. Обзор российских и международных подходов к определению

---

[12] Участие коренных малочисленных народов России в управлении природными ресурсами: правовые основы и опыт. Составители О. Мурашко, Ю. Якель. М., 2008.

[13] Определение, предложенное Е. Далем в: Arctic Human Development Report. Akureyri, 2004. P. 46.

статуса коренных малочисленных народов содержится в работах С.В. Соколовского[14]. Этот автор настаивает на необходимости определения статуса коренных народов исходя из их равенства с населением, проживающим в таких же условиях. Не отрицая такой подход, в данной работе проблемы коренных малочисленных народов Севера рассматриваются в контексте международного права и национального законодательства, гарантирующих *специальные права*, и обосновывается необходимость создания *равноправных условий* в управлении и контроле над ресурсами для коренных народов и промышленных компаний.

В российской традиции эти народы выделяются в первую очередь на основании характерной для них системы жизнеобеспечения, причем именно в сфере природопользования и возникают все рассматриваемые в данном исследовании вопросы. У антропологов, которые занимаются изучением коренных малочисленных народов Севера на основании длительных полевых исследований, практически не возникает вопросов в определении того, какие именно народы к ним относятся. При этом анализ инноваций в их культуре или увеличение числа аборигенов, живущих в городах, мало что меняет в исследовательском дискурсе. Появляются новые вопросы, и исследователи ищут на них ответы. Чаще проблемы для научных исследований возникают при анализе статистических материалов и других формальных источников, которые, как правило, «не работают» в отношении этих народов. Это обусловливает необходимость разработки качественных методов при изучении современного развития коренных народов, в частности их взаимодействия с промышленными компаниями.

Для целей антрополого-юридического анализа используется определение коренных малочисленных народов, которое содержится в Федеральном законе «О гарантиях прав коренных малочисленных народов Российской Федерации» (1999 г.): «коренные малочисленные народы Российской Федерации – народы, проживающие на территориях традиционного расселения своих предков, сохраняющие традиционные образ жизни, хозяйствование и промыслы, насчитывающие в Российской Федерации менее 50 тысяч человек и осознающие себя самостоятельными этническими общностями». Это определение является инструментальным. В тексте книги разбираются конкретные коллизии, которые связаны с бюрократически-списочным подходом к определению положения этих народов в России. Для исследования данной

---

[14] *Соколовский С.В.* Образы других в российской науке, политике, праве. М., 2001; *Он же*. Антропологическое знание в правовом и политическом дискурсах. Автореф. дисс. ... д.и.н. М., 2009.

темы представляют интерес и определения коренных народов, содержащиеся в Конвенции 169 МОТ и директивах Всемирного Банка.

В современных условиях особую актуальность приобретает представление о знаниях коренных народов об окружающем мире как определяющей черте их особого правового статуса. Не случайно Т. Инголд в работе, представленной в 2004 г. на ICASS V и названной «Манифест северной антропологии», пишет о необходимости установления диалога между традиционными и научными знаниями о Севере, подчеркивая, что для коренных жителей Севера земля – не объект, а источник поддержания жизни. Они живут внутри земли, а не над ней, а в процессе движения по миру они скорее не создают новые знания о земле, а вспоминают их, и поэтому не земля принадлежит им, а они принадлежат земле[15]. Этим автором предложена реляционная модель, в противоположность генеалогической, земля не противостоит ее обитателям в дихотомии живого и неживого, а отношения с землей и всеми живущими на ней существами, с миром духов служат источником жизни коренным народам, их опыта и знаний, когда между преемственностью и изменениями нет противоречия[16].

Необходимость формирования общего знания особенно важна в правовой сфере. Такой подход соответствует принципам международного права, отраженным в Конвенции 169 МОТ, в которой подчеркивается значение обычного права этих народов для их правового статуса. Для создания адекватной системы взаимоотношений между коренными народами и промышленными компаниями важно учитывать также нормы корпоративного права, которые вырабатываются внутри нефтяного сообщества.

Данное исследование осуществляется как *междисциплинарное*, поэтому в работе использованы методы антропологии и юриспруденции, нормативного и процессуального анализа, а также метод кейс-стади (case study). Для сбора материалов применяются *методы полевой этнографии*: стационарные исследования, включенное наблюдение, углубленное интервьюирование, экспертные опросы политиков и лидеров общественных движений, интервью и опросы.

---

[15] «…live in the land, not on it… It is through this movement of remembering that the land belongs to its inhabitants, as they indeed belong to it» – *Ingold T.* A Manifesto for the Anthropology of the North // Connections: Local and Global Aspects of Arctic Social Systems. Topics in Arctic Social Sciences 5. IASSSA, 2005. P. 68–69.

[16] *Инголд Т.* Родословная, поколение, субстанция, память, земля //ЭО. 2008. № 4. С. 93, 95.

Основное внимание в работе уделено взаимодействию, причем правовому и квазиправовому, между коренными народами и промышленными компаниями. Исследование в рамках антрополого-юридического подхода предполагает принцип универсальности как правовых категорий, применяемых к объектам сравнения[17], так и методов изучения. Обращение к юридической антропологии при рассмотрении данной проблемы позволяет говорить не только о государственном официальном правовом регулировании отношений, но и о том, как оно связанно с хозяйственными и символическими практиками субъектов этих отношений. Так как антрополого-юридическое исследование является сравнительно новым, необходимо сделать несколько предварительных замечаний о предмете и методах этой дисциплины.

Юридическая антропология – научная дисциплина, изучающая правовые формы общественной жизни от архаических до современных в различных регионах мира, традиционно является одним из направлений науки о человеке. Юридическая антропология позволяет изучать новые аспекты права, углублять, конкретизировать и развивать знания о праве как специфическом социальном явлении, играющем существенную роль в организации и функционировании общественной жизни людей в разнообразных условиях и на различных этапах истории человечества. В предметную область данной дисциплины входят правовые системы и в целом весь комплекс правовых явлений (все правовые формы в широком смысле этого слова – правовые нормы, отношения, идеи и представления, институты, процедуры, способы регуляции поведения, защиты порядка, разрешения конфликтов и т.д.), которые складываются в традиционных и современных сообществах[18]. Юридическая антропология имеет своей целью понять правила поведения в различных обществах и, отдавая предпочтение юридическому аспекту, заявляет о невозможности изолировать право как таковое, поскольку оно является лишь одним из элементов общей культурной и социальной системы и различным образом воспринимается и реализуется каждой из подгрупп общества[19]. Внимание к культурному контексту права позволяет юридической антропологии считать своим основным методологическим

---

[17] *Ковлер А.И.* Антропология права. М., 2002. С. 33.

[18] *Нерсесянц В.С.* Юридическая антропология как наука и учебная дисциплина. Предисловие// Рулан Н. Юридическая антропология. М., 1999. С. 1–2.

[19] *Рулан Н.* Юридическая антропология. М., 1999. С. 9.

приемом отстаивание «права на инаковость» индивидов и групп. При этом антропология права рассматривается как наука, основанная на принципе познания взаимодействия традиционных и современных правовых систем, их синтеза – познания, имеющего своей целью формирование адекватного представления о правовом бытии человека[20]. Именно последнее обстоятельство является основной чертой нашего понимания этой науки.

Существует взгляд на юридическую антропологию как науку о *homo juridicus*, человеке как юридическом явлении. Только человек способен создавать нормы и соблюдать их, принимать решения и подчиняться им, причем речь идет не о конкретных решениях, а об абстрактной способности создавать и воспринимать юридическое[21]. Для антропологов освоение этой дисциплины важно в первую очередь при изучении правового многообразия мира и права через его восприятие людьми в различных культурах. В нормативной культуре концентрируются знания по религии, этике, социальной организации, семье и быту, хозяйственной деятельности. Изучение правового регулирования различных сфер жизни и их соотношения с существующими практиками дает возможность понять внутренние механизмы развития и сосуществования человеческих сообществ. В современных условиях интерес к подобным исследованиям вызван также тем, что обычаи, традиции, нормы обычного права становятся частью правовой системы государства. Юридическая антропология возникла на стыке юриспруденции с социальной антропологией, социологией, историей, философией. Со второй половины XX в. основой ее методологии становится правовой плюрализм (Дж. Вандерлинден, С. Мур, Дж. Гриффитс, С. Мерри, Г. Вудман, К. и Ф. Бенда-Бекманн и др.).

Современная юридическая антропология уделяет особое внимание сравнительному изучению традиционных и современных правовых систем, анализу субкультур, правам человека в международном и национальном праве. Права человека в данном исследовании рассматриваются в двух плоскостях:

в контексте особенностей культуры коренных малочисленных народов Севера, традиционного природопользования и их взаимодействия с внешним миром;

в контексте применения стандартов прав человека в сфере деятельности нефтяных корпораций с учётом международных норм социальной ответственности и корпоративного права компаний.

---

[20] *Ковлер А.И.* Антропология права. М., 2002. С. 23.
[21] *Карбонье Ж.* Юридическая социология. М., 1986. С. 61.

Рассмотрение культурного контекста правовой защиты коренных малочисленных народов Севера требует внимания к особенностям их традиций и обычаев, что отмечается в международном праве. Опыт судебной защиты их прав в России показывает, что современному государственному суду трудно разобраться в особенностях их отношения к земле, доступа к ресурсам. Но суд может стать той площадкой, где эти особенности получат правовую характеристику и станут основой для принятия решений. Поэтому понятие «обычаи коренных малочисленных народов» впервые появилось в законодательстве именно в статье о судебной защите. Этот вопрос изучается некоторыми авторами-юристами.

Так, например, Н.И. Кочетыговой рассматривается «этнический правовой обычай». Такой подход вызывает мою критику, так как правовые обычаи чаще всего не являются этническими, они могут быть общими для различных народов и могут различаться у одного народа. Кочетыгова не согласна с моей идеей о «принципах обычного права», выдвигает определение этнического обычая как правила поведения, обязательность которого заключается во внутреннем убеждении лица в юридической необходимости его существования, что подтверждается реальным соблюдением и исполнением данного правила[22].

Более убедительно мнение В.А. Кряжкова, который рассматривает правовые обычаи в контексте справедливого судебного разбирательства, в числе обязательных условий которого названы «наличие компетентного суда, способного вникнуть в специфику “аборигенных” дел, а также выстраивание рассмотрения таких дел и вынесения соответствующих решений с учетом всего комплекса культурно-антропологических факторов. Это согласуется с конституционно-правовым статусом названных народов и отвечает их ожиданиям»[23]. Указанные авторы предлагают для достижения эффективного судебного разбирательства этно-правовую экспертизу. Не отрицая такого подхода, я предлагаю формулирование принципов обычного права как правил его учета в суде, что в большей степени соответствует международному опыту, накопленному в разных регионах мира. Одной из проблем юридической антропологии в России является отсутствие «полевых» юридических исследований, которые проводятся на Западе, поэтому весь груз интерпретации правовых отношений ложится на антропологов. Это затрудняет проведение междисциплинарных исследований.

---

[22] *Кочетыгова Н.И.* Этнический правовой обычай как источник права в России. Ростов-на-Дону, 2007. С. 96.

[23] *Кряжков В.А.* Коренные малочисленные народы Севера в российском праве. М., 2010. С. 484.

Определенные коллизии возникают из-за того, что права коренных народов носят как коллективный, так и индивидуальный характер. Такая ситуация типична для аналогичных народов в мире, но оказывается сложной для российской судебной системы. Хотя здесь мы сталкиваемся с ситуацией, когда права индивида могут быть защищены через права группы[24]. И эта ситуация не означает противоречия с универсальностью прав человека, но недостаточно исследуется в научной литературе в России.

Исследование взаимодействия коренных народов и промышленных компаний позволяет выявить определенную «упругость» в отношении к государству, его правовой системе как у аборигенного, так и у бизнес-сообщества. И те, и другие вырабатывают свои нормы, которые, в свою очередь, конструируют идентичности и субкультуры этих групп. Правовой плюрализм позволяет рассматривать взаимодействие между аборигенами и промышленными компаниями по-новому, опираясь на анализ нормативной культуры. И именно в нормативной сфере автор видит потенциал для установления диалога между «охотниками и нефтяниками».

Уникальность методологии правового плюрализма заключается в том, что независимо от того, принимает ли эту ситуацию государство и научное сообщество, существование этих правовых систем зависит от «эмпирически наблюдаемого факта использования людьми тем или иным образом нескольких систем права, что выражается в их поведении»[25]. Это обстоятельство диктует необходимость этнографического исследования поля, в качестве источника используются собственные полевые материалы, правовые ситуации, очевидцем которых я была.

В России становление юридической антропологии в ее современном виде произошло в 1990-е годы. Центральными для научных дискуссий стали проблемы юридической антропологии, связанные с управлением и регулированием жизни коренных малочисленных народов Севера, которые привлекли внимание различных специалистов, антропологов и юристов. В журнале «Этнографическое обозрение» была опубликована статья «Этнографы пишут закон: контекст и проблемы» и текст законопроекта о правовом статусе коренных народов Севера, в подготовке которого значительную роль сыграли сотрудники Института этнологии

---

[24] *Нагенгаст К.* Права человека и защита меньшинств: этничность, гражданство, национализм и государство // Этничность и власть в полиэтничных государствах. М., 1994. С. 183–185.

[25] *Бенда-Бекманн К.* Зачем беспокоиться о правовом плюрализме? Вопросы изучения и осуществления политики правового плюрализма// Обычное право и правовой плюрализм. М., 1999. С. 10.

и антропологии РАН[26]. Эти материалы положили начало широкой международной дискуссии о правовом статусе коренных народов, их правах на землю и другие природные ресурсы, перспективах, в том числе правовых, их существования в современном мире. Впоследствии стала выходить серия книг «Исследования по юридической антропологии»[27].

Новый этап развития юридической антропологии явился в значительной степени восстановлением прерванной в предыдущие годы традиции изучения правового бытия людей и правового многообразия человечества в его становлении и развитии. Особенностью исследований последних лет стала более тесная кооперация и сотрудничество с российскими юристами и с Комиссией по правовому плюрализму МСАЭН, выразившиеся в разработке новых подходов и методов научной работы, расширении исследовательского поля. В центре внимания современных юридических антропологов находится взаимодействие различных правовых систем внутри единого социального поля. Сосуществование различных правовых систем может проходить по-разному. Государство может их в той или иной степени признавать, в том числе допуская учет народных традиций и обычаев в суде, или при регулировании вопросов природопользования. Проблема правового плюрализма касается не только коренных малочисленных народов, но и практически любой социально-нормативной культуры. В.А. Тишков отмечает важность его для современного общества: «Если же эти культурно обусловленные правовые нормы, бытующие, как правило, среди этнических или иммигрантских меньшинств, не признаются или даже репрессируются государством, то они все равно составляют часть социальной реальности как малых общин, так и большого сообщества, производя напряженность и противоречия, а иногда – жестокие конфликты»[28].

Юридической антропологии наиболее близко либертарно-юридическое правопонимание, предложенное В.С. Нерсесянцем, по которому право рассматривается как «форма отношений

---

[26] *Соколова З.П., Новикова Н.И., Ссорин-Чайков Н.В.* Этнографы пишут закон: контекст и проблемы // Этнографическое обозрение. 1995, № 1; Дискуссия // ЭО. 1995. № 2, 3, 6; 1996. № 1, 2.

[27] Обычное право и правовой плюрализм. М., 1999; Человек и право. Книга о летней школе по юридической антропологии. М., 1999; Обычай и закон. Исследования по юридической антропологии. М., 2001; Олень всегда прав. Исследования по юридической антропологии. М., 2003; Право в зеркале жизни. Исследования по юридической антропологии. М., 2006; Люди Севера: права на ресурсы и экспертиза. Исследования по юридической антропологии. М., 2008.

[28] *Тишков В.А.* Антропология права – начало и эволюция дисциплины // Юридическая антропология. Закон и жизнь. М., 2000. С. 11.

равенства, свободы и справедливости, определяемая принципом формального равенства участников данной формы отношений. Везде, где есть (действует) принцип формального равенства (и конкретизирующие его нормы), есть (действует) право, правовая форма отношений»[29]. На основе этого определения и выделяется сфера правового регулирования. При изучении правового бытия людей юридическая антропология исходит из того, что эти явления не «лежат на поверхности», для создания адекватного представления о них требуется интерпретация всех источников.

Основой исследования является анализ прав человека как базовой современной юридической научной парадигмы. Права человека рассматриваются как «неотъемлемое, неотчуждаемое достояние всего человеческого рода», «ценностный ориентир в развитии общественных процессов»[30]. В значительной степени на меня повлияли работы, выполненные в рамках исследования культурного контекста прав человека (Ковлер А.И., Крашенинникова Н.А., Лукашева Е.А., Муромцев Г.И., Нерсесянц В.С., Супатаев М.А., Сюкияйнен Л.Р.). В них представлены как общие подходы к изучению культурного контекста прав человека, так и рассмотрение этой проблемы в африканской, индийской, мусульманской правовых системах.

В юридической литературе правовое положение коренных малочисленных народов обычно рассматривается в контексте государственного права, как федерального, так и регионального законодательства (Андриченко Л.В., Кряжков В.А., Павлов П.Н., Харючи С.Н., Якель Ю.Я. и др.), анализируются основные проблемы современного правового статуса этих народов: конституционного статуса, соотношение коллективных и индивидуальных прав, особенности их права на землю и иные природные ресурсы, природа их специальных прав, судебная защита. Ближе всего к антрополого-юридическому подходу анализ судебной защиты адвоката Ю.Я. Якель, так как ее работы основаны на анализе суда как правового разрешения жизненных ситуаций коренных малочисленных народов Севера[31]. Для изучения данной темы представ-

---

[29] *Нерсесянц В.С.* Юриспруденция. Введение в курс общей теории права и государства. М., 1998. С. 5.

[30] *Лукашева Е.А.* (ред.). Права человека: итоги века, тенденции, перспективы. М., 2002. С. 4.

[31] *Новикова Н.И., Якель Ю.Я.* Судебная защита права на традиционное природопользование: антрополого-правовые аспекты // Исследования по прикладной и неотложной этнологии, № 189. М., 2006; *Якель Ю.Я.* Судебная защита права на традиционное природопользование. Законодательные гарантии. Опыт. Практика //Люди Севера. Права на ресурсы и экспертиза. М., 2008. С. 212–231; Спец. выпуск журнала «Мир коренных народов. Живая Арктика». 2011. № 26; и др.

ляют интерес также юридические исследования, посвященные отношениям в сфере природопользования при добыче нефти.

Антрополого-юридическое исследование строится на полевых источниках, что не исключает сбора собственно правовой информации, содержащейся в нормах права и системе законодательства, которые используются в государственном управлении, в правотворчестве и правоприменительной деятельности, в деятельности органов государства, должностных лиц, органов правосудия и самоуправления[32]. Но в данной книге законодательство анализируется в качестве фона изучения основной проблемы в контексте соотношения новых идей и «традиционных» установок законодателей и ученых-экспертов, т.е. процесса превращения традиционного и научного знания в юридическую норму.

Рассмотрение правового положения коренных малочисленных народов Севера в контексте соотношения коллективных и индивидуальных прав, международного и национального (российского) права осуществлено в монографии Л.В. Андриченко. Ее работа выполнена со строго юридических позиций, без учета традиционной правовой системы, да и многих реалий современного правового и социально-экономического положения этих народов. Сама автор отмечает, что за рамками ее исследования остались вопросы судебной защиты и самобытности этих групп в отдельных сферах (культуры, языка, традиций)[33]. Многочисленные работы В.А. Кряжкова[34], посвященные практически всем правовым проблемам коренных малочисленных народов и подготовленные и изданные им сборники правовых актов, принятых в мире и Российской Федерации в отношении этих народов, позволяют проводить именно антрополого-юридическое исследование, концентрируя внимание на правовом бытии этих народов, рассматривая законодательство и государственную правовую систему как один из инструментов регуляции взаимодействия коренных народов и промышленных компаний.

Особый интерес для данной работы представляет исследование обычного права коренных народов Севера. Публикации источников по обычному праву лишь в незначительной степени

---

[32] Драма российского закона. М., 1996. С. 106–111.

[33] *Андриченко Л.В.* Регулирование и защита прав национальных меньшинств и коренных малочисленных народов в Российской Федерации. М., 2005. С. 382.

[34] *Кряжков В.А.* Коренные малочисленные народы Севера в российском праве. М., 2010, и др.; Статус коренных малочисленных народов России. Кн. 1–4. М., 1994–2007.

могут быть использованы для современного антропологического исследования. В этнографической литературе обычное право за редким исключением рассматривается как древнее, устаревшее явление, просуществовавшее в лучшем случае до начала XX века. Да и таких исследований немного: практически единственная монография на данную тему «Юстиция у малых народов Севера (XVII–XIX вв.)» опубликована В.А. Зибаревым в Томске в 1990 г. Для целей юридической антропологии такие знания представляют в основном академический интерес. Еще в 1929 г. А. Радклиф-Браун на Всетихоокеанском научном конгрессе в своем выступлении «Историческая и функциональная интерпретация культуры и практическое применение антропологии в управлении туземными народами» отмечал: «Наиболее же слабой стороной метода, интерпретирующего культуру при помощи гипотетической реконструкции неизвестного прошлого, является то, что он полностью лишен какой бы то ни было практической ценности… Только поняв культуру как функционирующую систему, мы можем предвидеть результаты любого оказываемого на нее преднамеренного или непреднамеренного влияния. Поэтому, если антропология хочет оказать помощь в решении практических проблем управления и образования, ей необходимо отказаться от попыток угадать историческое прошлое и посвятить себя функциональному исследованию культуры»[35]. Эта идея до сих пор не утратила своей актуальности.

В рамках правового плюрализма обычное право рассматривается как живое явление аборигенной культуры и интерпретируется с точки зрения традиционного природопользования, регулирования традиционного образа жизни, который ведут эти народы в современных условиях взаимодействия с промышленными компаниями. При этом вопросы обычного права связываются с вопросами развития, о чем свидетельствует, например, последнее издание ИВГИА[36].

Мерой отношений между людьми выступают многообразные регуляторы в различных культурах. Аборигенное сообщество выработало свои нормы, во многом синкретичные, сочетающие моральные, религиозные, правовые составляющие. В антрополого-юридической литературе они получили название «мононорм». С течением времени содержание этого понятия существенно изменилось. А.И. Першиц привлек внимание к этой проблеме, но рассматривал ее в контексте классовой теории и теории этно-

---

[35] Цит. по: Антология исследований культуры. Т. I. Интерпретации культуры. СПб., 1997. С. 634–635.

[36] Development and Customary Law // Indigenous affairs. 2010. № 1–2.

са[37]. В рамках современной антропологии права А.И. Ковлером мононорматика рассматривается как система регуляции жизни «человека общинного», а мононорма – как монолитная недифференцированная норма[38].

В данной работе внимание уделяется анализу научного потенциала этого понятия. Правовые обычаи коренных малочисленных народов дают пример современных мононорм, т.е. правил существования аборигенного сообщества, регуляции отношений природопользования. Во время антрополого-юридического исследования важно учитывать, что в традиционном сообществе существуют не только общественные, но и сверхъестественные регуляторы отношений. Аборигенные нормы рассматриваются с точки зрения права, вычленения именно их правовой составляющей. Такой подход предопределен стремлением автора показать место этих норм, правовых обычаев коренных малочисленных народов в правовой системе государства, в первую очередь в судебной защите прав аборигенов. При этом важным фактором выработки критериев для такого подхода являются существующие в науке и практике выводы о том, какие обычаи и как могут служить не только социальными регуляторами общественных отношений, но и источниками принятия правовых решений. Кроме того, в данном исследовании предлагаются принципы обычного права как наиболее общие правила его применения в суде Российской Федерации.

Существенную часть научного дискурса составляет выявление «юстициабельности» обычаев различных народов. Ж. Карбонье выделил три признака «юстициабельности»: важность разрешаемого дела; возможность разрешения его третьей стороной; реализация нормы обеспечена процессуальными предписаниями. Этот автор отмечает, что «процесс и решение – такие психосоциологические феномены, которые настолько чужды всем социальным неправовым явлениям и настолько специфичны для права, что наиболее правильным представляется избрать именно их в качестве критерия юридического. В соответствии с этим признаком правовыми являются лишь нормы, дающие возможность вынесения решения»[39].

В 2005 г. идея принципов обычного права стала предметом дискуссии в журнале «Этнографическое обозрение»[40]. Приве-

---

[37] *Першиц А.И.* Проблемы нормативной этнографии // Исследования по общей этнографии. М., 1979. С. 210–240.

[38] *Ковлер А.И.* Антропология права. М., 2002. С. 104–138.

[39] *Карбонье Ж.* Юридическая социология. М., 1986. С. 164–175.

[40] ЭО. 2005. № 5.

денные в журнале высказывания о проблемах обычного права не всегда конструктивны. Вместо того чтобы изучать, как это право может применяться в государственном суде или во взаимоотношениях между коренными народами Севера и промышленными компаниями, или в конструировании их правового статуса в современном государстве, некоторые авторы высказывают мнение о том, что применение народных обычаев и традиций, выделяя одну группу населения в ущерб другим, может привести к межэтническим конфликтам[41]. Л.Г. Свечникова прямо пишет, что «попытки приспособить обычное право, т.е. право, характерное для обществ предгосударственного типа, можно сказать, право переходного состояния, к современным условиям нам представляются не только лишенными практической значимости, но и опасными для функционирования правовой системы»[42]. Аналогичные мысли высказываются также рядом ученых и политиков. К сожалению, по этой причине проблемы обычно-правового регулирования вопросов жизнедеятельности коренных народов в современном мире в нашей стране почти не изучаются. В действительности действие обычного права не может быть отменено трудами ученых, а отказ от его изучения, как и использования в правовой защите коренных малочисленных народов Севера, лишает и науку и судебную практику очень важного импульса. В результате вне поля зрения ученых в нашей стране оказывается рассмотрение справедливости и действенности данных систем права как на межгрупповом, так и на внутригрупповом уровне.

Но если государственная правовая система подвергается изменению в результате целенаправленной деятельности законодателей, то обычно-правовая носит скорее «естественный характер», что вызывает необходимость более критического к ней отношения. Исследователь коренных народов России и Канады Г. Фондал пишет: «Между следованием обычному праву как “групповому праву” и защитой личных прав, которые могут размываться последним, традиционно существуют противоречия. При идентификации принципов обычного права эти противоречия часто всплывают на поверхность. Как правило, они оказываются поляризующими и требуют подчинения одних идентичностей другим (например, гендерной идентичности женщины – идентичности представителя коренного народа). Увы, “политкорректность” нередко приводит к тому, что на такие аспекты обычного

---

[41] *Свечникова Л.Г.* Реплика в дискуссии // ЭО. 2005. № 5; *Она же.* Обычай в правовой системе (на материалах правового развития народов Северного Кавказа в XIX в.). Ставрополь, 2002.

[42] *Свечникова Л.Г.* Обычай в правовой системе. С. 31.

права не обращается внимания – необходимость защищать обычное право как культурный символ мешает критическому взгляду на явление и анализу любых несправедливых отношений власти, которые могут воспроизводиться в обществе по причине следования обычному праву»[43]. На мой взгляд, обычное право должно подвергаться критике в современных условиях при принятии решений на его основе, но исходя из логики именно этой системы регулирования отношений. Мы можем интерпретировать правовые обычаи как действенные механизмы, практикуемые сегодня, но и отвечающие требованиям справедливости, «правосудности», равенства.

В данной работе исследование обычного права строится в первую очередь на полевых материалах и позволяет рассматривать его как возможное средство достижения диалога с промышленными компаниями именно потому, что оно гибко учитывает особенности образа жизни коренных народов, строится на их культурных ценностях. В книге также использована литература по традиционному природопользованию народов Севера, вопросам статуса священных мест у народов Севера (работы Адаева В.Н., Балалаевой О. и Уигета Э., Зенько М.А., Головнева А.В., Кулемзина В.М., Лукиной Н.В., Мартыновой Е.П., Пивневой Е.А., Сириной А.А., Соколовой З.П., Сподиной В.И., Харючи Г.П., и др.). Интерес для данного исследования представляют и работы Г.А. Комаровой, посвященные влиянию радиационного заражения на население Южного Урала, в частности формирования различных идентичностей в условиях экологической катастрофы[44].

Важным аспектом изучения является этика ученого. Именно при антрополого-юридическом исследовании важно соблюдать определенные правила, так как оно затрагивает острые вопросы, касающиеся прав людей, жизнь которых изучается, очень важно не навредить своей работой, установить взаимную заинтересованность в ее результатах. Вопрос о том, как может быть получена информация и какие ограничения существуют для ученых (кроме личных принципов), недостаточно обсуждается в российском научном сообществе, но эти проблемы должны рассматриваться как важная часть профессиональной подготовки антропологов. Вероятно, и в России, как, например, на Севере Канады, обязательным требованием при полевых исследованиях должно стать получение разрешения информанта на публикацию и указание его личных данных. Еще один аспект этой проблемы связан с тем, что юри-

---

[43] *Фондал Г.* Реплика в дискуссии // ЭО. 2005. № 5.

[44] *Комарова Г.А.* Предтеча Чернобыля; этнокультурные аспекты экологической катастрофы на р. Теча. М., 2002.

дического антрополога часто воспринимают как «адвоката». При большом разнообразии интересов внутри изучаемых сообществ исследователю легко стать ангажированным. Информанты подчас слишком хорошо знают, что они хотят получить от исследователя, они создают не только «образы права», но и «образ юридико-антропологического исследования». Эти вопросы явно недостаточно изучены и даже неотрефлексированы российскими учеными. Они стали предметом специальной темы в журнале «Антропологический форум»[45], но там нет ни одной статьи, посвященной исследованиям народов Севера, которые имеют свою специфику.

При изучении правового бытия людей необходимо охватить по возможности все социальное поле, в котором живут те или иные группы. Поэтому антрополого-юридическое исследование коренных малочисленных народов предполагает изучение не только государственного и обычно-правового их статуса в государстве, но и правового положения тех групп, отношения с которыми составляют часть их правового бытия. Для народов севера Западной Сибири это в первую очередь нефтяные и газовые компании.

Нефтяники рассматриваются как социально-профессиональная группа, выступающая одним из акторов исследовательского поля в данной работе. При их изучении используются различные методологические подходы. Наряду с антрополого-юридическим в работе используются методы прикладной антропологии, в первую очередь антропологии организаций. Именно это направление исследований позволяет совершенствовать управление трудовыми коллективами, способствовать созданию благоприятных условий развития бизнеса. В Российской Федерации таких исследований мало, в условиях недостаточной правовой регламентации вопросов воздействия промышленного развития на местные сообщества нефтяные компании заключают союзы с органами власти и часто используют прямое давление на коренные малочисленные народы Севера. Возможно, поэтому почти нет исследований организационной культуры нефтяных компаний, которые могли бы иметь в том числе и прикладное значение.

При изучении нефтяников как социально-профессиональной группы использовались характеристики, предложенные О.В. Крыштановской для выделения профессиональной группы инженеров: «Становление и развитие профессии можно было бы представить в виде следующих, сменяющих друг друга этапов: а) выделение определенной совокупности трудовых функций и ее закрепление за группой людей, б) обособление и профессионали-

[45] Антропологический форум. 2006. № 5. С. 6–166.

зация членов группы, включение в товарные отношения, в) социализация группы, приобретение ею особых черт социального облика и специфических общественных интересов…»[46].

В узком, «операциональном» смысле слова она предлагает рассматривать профессию как трудовую деятельность, характеризующуюся следующими признаками: а) постоянство данного занятия для работника, б) необходимость специальной подготовки, в) статус данного вида деятельности как источника дохода (как правило, основного)[47]. Я руководствовалась сходными критериями при выделении нефтяников, но при изучении ее взаимодействия с коренными народами основное внимание уделяла организационной культуре как системе понятий, принятых членами группы, ранее изобретенных, обнаруженных или развитых данной группой для того, чтобы справиться с задачами внешней адаптации или внутренней интеграции[48].

Существует и другое определение организационной культуры, которое также используется в данной работе – разделяемые членами организации философия, идеология, ценности, нормы, которые связывают организацию в единое целое, т.е. целостную систему, существующую для придания смысла результату и процессу деятельности, создания форм взаимодействия и его осуществления, постоянно создаваемую и воссоздаваемую через это взаимодействие[49]. Я рассматриваю в первую очередь нормативную культуру, т.е. внутренние нормы, которыми руководствуются и которым подчиняются члены группы в определенных ситуациях, а именно во взаимодействии с коренными народами. Нефтяные компании относятся к типу сильных жестких субкультур, в которых следование принятым образцам является условием включения в организацию ее членов, как следствие получающих все преимущества принадлежности к организации. Интерес к нормативной культуре промышленных корпораций привел к сформулированным прикладным выводам. При этом принципиальное значение для оценки роли нефтяников в обществе имеет концепт «стратегическая элита»[50].

Работ, которые были бы посвящены теме взаимодействия коренных народов и нефтяников, сравнительно немного. В Ханты-

---

[46] *Крыштановская О.В.* Инженеры. Становление и развитие профессиональной группы. М., 1969. С. 16–17.
[47] Там же. С. 20–21.
[48] *Романов П.В.* Власть, управление и контроль в организациях: антропологические исследования современного общества. Саратов, 2003. С. 112.
[49] Там же. С. 138.
[50] *Крыштановская О.В.* Анатомия российской элиты. М., 2005. С. 261.

Мансийском автономном округе социологические исследования проводятся В.В. Мархиным и И.В. Удаловой, основной вывод которых сводится к тому, что «нефтегазовое освоение региона и развитие традиционного промыслового хозяйства совсем не обязательно должны иметь несовместимый характер; антагонистичность взаимоотношениям нефтегазового комплекса и традиционного хозяйства придает именно курс "радикальных реформ", и наиболее непосредственно – в том его выражении и в той мере, в каких деятельность нефтегазовых компаний подчиняется логике "олигархической модели экономики"»[51].

В данной работе показано, что процесс гораздо сложнее, включает в себя правовую, организационную и культурно-ценностную составляющие. Для рассматриваемой здесь проблемы важно учитывать, что для аборигенов существуют нефтяники в узком и широком смысле слова. С одной стороны, это профессионалы, которые работают на одной территории с ними, с другой – это все работающие в отрасли и на отрасль люди, воспринимаемые как «приехавшее на Север техногенное население». При этом рассматриваются история формирования этой группы, ее стратификация и влияние нефтяников на политику на региональном и федеральном уровнях. Нефтяники изучаются методом интервью инсайдеров (работников нефтяных компаний) и аутсайдеров (аборигенов).

В России прорыв в изучении антропологии добывающей промышленности был сделан в 2008 г. специальным выпуском журнала «Этнографическое обозрение». В нем впервые собраны работы практически всех авторов, которые занимаются этой проблемой в нашей стране, а также некоторых исследователей, работающих в Канаде. Знакомство с опытом освоения в Северо-Западных территориях Канады, анализируемым М. Наттэлом, показывает большое разнообразие взглядов, подходов к развитию и представлениям коренных народов о промышленном освоении арктических территорий[52]. Российские ситуации анализируются с точки зрения международных стандартов, правовых аспектов, возможностей этнологической экспертизы и общественных обсуждений, сверхъестественных форм борьбы коренных народов за свои права[53].

---

[51] *Мархинин В.В., Удалова И.В.* Традиционное хозяйство народов Севера и нефтегазовый комплекс. Социологическое исследование в Ханты-Мансийском автономном округе. Новосибирск, 2002. С. 213.

[52] *Наттэл М.* Нефть, газ и права аборигенов в Арктике: опыт Северной Канады // ЭО. 2008. № 3. С. 4–17.

[53] *Уилсон Э., Свидерска К.* Горнодобывающая промышленность и коренные народы в России: регулирование, участие и роль антропологов//ЭО. 2008. № 3.

В последние годы тема взаимодействия коренных малочисленных народов и промышленных компаний в России рассматривается некоторыми западными учеными, проводящими полевые исследования в Арктике и на Сахалине. Особенностью их подхода является широкий охват всего исследовательского поля и большое внимание к климатическим изменениям[54].

Данное исследование является междисциплинарным, в нем учитываются различные аспекты, поэтому здесь используются труды социологов и экономистов, тем более что такие работы стали появляться в последнее время. В серии «Библиотека коренных народов Севера» в 2005 г. опубликована книга В.А. Крюкова и А.Н. Токарева «Учет интересов коренных малочисленных народов при принятии решений в сфере недропользования». Она написана на основании количественных официальных данных, что вступает в противоречие с данными, полученными этнографическими качественными методами. Наибольший интерес представляют предложенные в книге базовые сценарии учета интересов коренных народов: экономические соглашения, выделение части ренты, использование налогов, предоставление потребительских и производственных услуг. Вместе с тем этот подход не учитывает необходимости развития коренных народов по их собственным сценариям. Для большинства авторов включение информантов в исследовательское поле представляет большую проблему. Ведь при таком подходе нужно привести к соответствию научные и «народные» знания, что достигается только этнографическими методами изучения.

С. 17–27; *Новикова Н.И.* Право нефти и права аборигенов // Там же. С. 28–36; *Роон Т.П.* Размышления о Сахалине и его жителях в свете транснациональных проектов добычи углеводородов на шельфе Охотского моря (к вопросу об этнологической экспертизе) // Там же. С. 36–47; *Сирина А.А., Фондал Г.* Призрак нефтепровода на севере Байкала // Там же. С. 60–71; *Жуковская Н.Л.* Тункинский национальный парк против ЮКОСа: история одного противостояния // Там же. С. 71–78.

[54] *Stammler F., Wilson E.* Dialog for Development: An Exploration of Relations between Oil and Gas Companies, Communities and State // Sibirica. Vol. 5, № 2. P. 1–42; *Штамлер Ф.* Кочевой образ жизни оленеводов прибрежной зоны Западной Сибири (Ямал): возможности и ограничения в сете недавних перемен // Экологическое планирование и управление. 2008. № 3–4. С. 78–91; *Форбс Б., Штамлер Ф., Кумпула Т., Месштыб Н., Паюнен А., Каарлеярви Э.* Ямальские оленеводы, газовое освоение и изменения в окружающей среде: адаптивный потенциал кочевого образа жизни и его ограничения// Экологическое планирование и управление. 2011. № 1. С. 52–68; *Stammler F., Peskov V.* Building a ‘culture of dialogue’ among stakeholders in North-West Russian oil extraction // Europe-Asia studies. 2008. Vol. 60, № 5. P. 831–849; *Nattall M.* Pipeline Dreams. People, Environment and the Arctic Enerdgy Frontier. Copenhagen, 2010.

Показателем осознания большого общественного звучания темы данного исследования является публикация Комитетом Совета Федерации по делам Севера и малочисленных народов сборника статей, где были собраны материалы, обзоры, написанные активистами Ассоциации коренных малочисленных народов Севера, Сибири и Дальнего Востока и работниками органов государственной власти северных регионов[55].

В международной практике последние годы ознаменовались формированием новой системы отношений с аборигенами и стремлением к партнерству. Не случайно ООН объявила уже два Международных десятилетия коренных народов мира. В международном сообществе разработаны руководящие принципы развития бизнеса, которые также рассматриваются в данной работе в контексте положения коренных народов. В связи с этим меняются и принципы взаимоотношений аборигенов и этнографов, что накладывает отпечаток на подобные исследования в мире и открывает перспективу создания политики и законодательства, более адекватных образу жизни этих народов и защите их прав.

Специфика поля и полевой работы при изучении проблем юридической антропологии взаимодействия коренных народов и промышленных компаний

Рассмотрение специфики полевой работы по теме исследования связано с ее важностью, а также с тем, что я руководствуюсь несколько отличным от традиционного подходом к полевым исследованиям. Новым является выбор поля, его очертаний. Поле взаимодействия коренных малочисленных народов Севера и промышленных компаний можно изобразить в виде треугольника, все стороны которого взаимно влияют друг на друга: это «охотники» – нефтяники – власть. В центре треугольника находится антрополог.

Я представляю поле в виде различных отношений людей, которые складываются у них в современном мире и которые определяют их жизнь, их правовое положение и в значительной степени их представления о рассматриваемых в данной работе категориях – земле, праве и политике, а также о различных формах презентации культуры и средствах коммуникации в современных условиях.

В данной работе анализируются традиционные правовые знания аборигенов, которые определяют их статус в современном

---

[55] Вопросы взаимоотношений коренных малочисленных народов с промышленными компаниями (опыт, практика сотрудничества, документы). М., 2009.

мире и могут рассматриваться в качестве одного из наиболее ярких индикаторов их особого положения в обществе. Я рассматриваю право и политику как поле, в котором происходит взаимодействие «аборигенов и нефтяников», как рамку, в которой они строят свою жизнь. Государство своими законами пытается подчинить себе течение их жизни и те правила, которые они вырабатывают в своих сообществах. И нефтяники, и аборигены вырабатывают не только нормы своего внутреннего права, но и своеобразную политическую культуру. Следующим важнейшим элементом поля является природа, но так как это понятие очень широкое, я фокусирую свое внимание на представлении о земле как основе существования, правового статуса и мировоззрения, так как именно отношения в сфере землепользования определяют правовые границы отношений между аборигенами и промышленными компаниями. Существенной для рассмотрения заявленной темы является интерпретация жизненных стратегий коренных народов и нефтяников и роли средств коммуникации, включая невербальные, благодаря которым они их выстраивают.

В работе используется этнографический метод в его традиционном понимании, как «отличительный метод производства знания об обществе, который основан на прямом контакте и даже соучастии (включенное наблюдение или участвующее наблюдение) с целью более детального изучения малых сообществ и других социальных групп и коалиций. Этнография составляет цеховую основу дисциплины под названием этнология и социально-культурная антропология. Этнография делается в “поле”, т.е существует практика полевой работы. Одновременно этнографией называют процесс и результат изложения полевого материала в научных текстах, т.е. документально-эмпирическую основу академического нарратива, или же особый жанр в антропологической литературе»[56]. Но, как отмечает этот автор, сегодня сущность и рамки этого метода существенно меняются. Особенно важными для данного исследования являются поиск и определение своего собственного поля и выбор научного дискурса как междисциплинарного.

Необходимо отметить те работы (не только тексты, но и виды практической деятельности), которые оказали влияние на выбор методики данного исследования. Сбор материалов по теме начался в середине 1990-х годов. Во время одной из экспедиций, в последний вечер уже перед вылетом в Москву, мне в гостиницу

---

[56] *Тишков В.А.* Реквием по этносу. Исследования по социально-культурной антропологии. М., 2003. С. 36.

принесли бумаги по Приобскому месторождению – это было соглашение с семьей Вэнго, по которому фактически за восемь батареек они согласились на передачу огромной территории нефтяной компании. С этого и началась моя новая работа – я стала изучать нефтяников, чтобы понять, что и почему произошло с аборигенами. Ситуацию с Вэнго тогда урегулировали, соглашение отменили по настоянию властей, а я написала первую статью в журнал «Северные просторы». В те годы «Северные просторы» были популярным журналом, и многие люди становились моими информантами, потому что читали мои статьи в журнале.

Еще до этого события на Конгрессе по изучению охотников и собирателей (Москва, 1993 г.) я познакомилась с австралийскими коллегами, которые не только изучали проблемы австралийских аборигенов, но и активно участвовали в правозащитной деятельности, работали по заказу общин. Именно после этого конгресса я и решила заниматься «охотниками и нефтяниками». Постепенно приходила к убеждению, что нужно изучать не влияние промышленного освоения на коренные народы, а их взаимодействие, причем с активной ролью исследователей-антропологов.

В нашей стране тогда да и теперь немного специалистов в этой сфере, а практика соучастия коренных народов в антропологических работах складывается очень медленно и малопродуктивно. И это взаимный процесс – слишком мало антропологов занимаются прикладными исследованиями в этой области, а организации коренных народов, особенно в Москве, предпочитают обходиться без экспертов и договариваться с промышленными компаниями напрямую. Тем не менее в 1990-е годы в Москве было создано несколько общественных организаций, преимущественно экологических, в одной из которых – Правовой центр «Родник» – я стала работать. Благодаря этой деятельности я познакомилась с адвокатами и получила возможность присутствовать на судебных процессах, а значит наблюдать и изучать судебную защиту прав коренных малочисленных народов Севера.

Другим толчком для формирования поля данной работы послужили идеи об изменении его под влиянием глобализации, миграций, смещений, которые произошли в современном мире в последние десятилетия. Это и работы А. Гупта и Д. Фергюсона (перевод С.В. Соколовского и О.А. Поворзнюк, выполненный в рамках проекта интеграции академической и вузовской науки по фонду Сороса), и взгляд на проблему В.А. Тишкова о тех изменениях, которые происходят с полем, в том числе и под влиянием

политики[57]. И наконец, метод правового плюрализма и в целом сотрудничество с юристами, которые позволили по-иному структурировать полевой материал, задавать такие вопросы информантам, ответы на которые могут помочь как в правозащитной работе, так и в выстраивании диалога с промышленными компаниями. Этот подход и помог найти нормативную составляющую в полевых материалах, благодаря чему и культура нефтяников, и культура аборигенов анализируются в первую очередь как нормативные, причем в контексте международного, национального, корпоративного и обычного права. Широкому знакомству российских антропологов с работами в этом направлении способствовали публикации переводов на русский язык работ многих членов Комиссии правового плюрализма МСАЭН[58].

В международной практике в последнее время меняются принципы взаимоотношений аборигенов и антропологов, новые условия диктуются как появлением общественных организаций коренных народов и ростом их влияния на политические процессы в стране, так и появлением исследователей из числа этих народов и специальных исследовательских учреждений, где они составляют большинство сотрудников. Рост числа ученых из коренных народов неоднозначно влияет на условия полевой работы. В меньшей степени это сказывается при антрополого-юридических исследованиях. По проблематике, рассматриваемой в этой работе, аборигенные ученые почти не работают. Аборигены обычно выбирают для научной работы темы, связанные со знанием языка, фольклора, их редко интересуют антрополого-юридические исследования или проблемы взаимодействия с промышленными компаниями. Немногочисленные исследователи, работающие по данной тематике в Ханты-Мансийском автономном округе, выступали консультантами в данной работе, участвовали в моих полевых работах.

Сегодня образовательная и научная деятельность составляет важную сферу занятости в Ханты-Мансийском округе. В начале 1990 г. здесь были созданы научные центры, в первую очередь Институт возрождения обско-угорских народов (сейчас он называется Институт прикладных исследований и разработок). В начале своей деятельности он сыграл значительную роль в становлении

---

[57] *Gupta A, Ferguson J.* Discipline and Practice: «The Field» as Site, Method and Location in Anthropological Locations: Boundaries and Grounds of Fild Science / Ed. A. Gupta, J.Ferguson. Berkeley, 1997. P. 1–46; *Тишков В.А.* Реквием по этносу. С. 34–51.

[58] Обычное право и правовой плюрализм. М., 1997; Человек и право. Книга о школе по юридической антропологии. М., 1999; и др.

не только научной, но и общественной деятельности хантыйской и мансийской интеллигенции. Портрет такого работника – женщина (преимущественно), хорошо знающая родной язык и работающая в сфере образования или занимающаяся «женскими» научными темами. Так как многие темы являются запретными для женщин, то и получив образование, они не стремятся ими заниматься или используют «неявный сбор запретной информации, которая пока только обдумывается». Исследователь этого вопроса Н.В. Лукина пишет: «Очень важно признание традиционным обществом ценности науки как вида деятельности своих сородичей, при этом идет ориентация на прошлое, настоящее и будущее. Носители традиционного мировоззрения приравнивают научную (письменную форму изложения их знаний) к высшим ценностям прошлого ("только боги умели писать"). Вместе с тем высказывается надежда на решение практических задач современности ("вы грамотные, вы думайте, мы будем помогать") и уверенность в возможности сохранения традиций для будущих поколений ("если что-то забыто, но вошло в науку, то внуки-правнуки прочитают и смогут вернуться к этому")... вызывает интерес такое новое явление, как предпочтение "своих" собирателей материала – "чужим", со следующей мотивацией: нашим это нужно для работы, за которую они получают зарплату»[59].

Значимую сферу сегодня составляют фольклорные архивы, где работают представители коренных народов, хорошо знающие язык и культуру своей локальной группы и записывающие фольклорные, лингвистические материалы от информантов, которые могут быть их родственниками или хорошо знакомыми соседями. По словам С.Д. Ерныховой, «основная цель фольклорного архива – постоянный сбор, обработка, хранение этнической информации (особенно устного народного творчества) в пределах естественной единицы культуры, например, на территории говора или диалекта». Фольклорные центры созданы у манси, северных и восточных хантов, лесных ненцев. Проект такого учреждения был разработан венгерским финно-угроведом Е. Шмидт и томским этнографом Н.В. Лукиной в 1984 г.[60] Впоследствии все эти архивы были объединены в Научный фольклорный архив

---

[59] *Лукина Н.В.* Наука как форма общественного развития северных этносов. Томск, 2002. С. 84–86.

[60] *Ерныхова С.Д.* Научный фольклорный архив коренных малочисленных народов Севера // Встреча родов ханты. Сургут, 2004. С. 97–98. См. также: *Лукина Н.В.* Служебная записка «О проекте создания фольклорного архива в Ханты-Мансийском национальном округе» // Миссия «одинокого венгра» (Воспоминания друзей и коллег о Еве Шмидт). М., 2004. С. 61–66.

коренных малочисленных народов Севера Ханты-Мансийского автономного округа. Локальные архивы стали местом работы для части аборигенов, не имеющих специального или высшего образования, но заинтересованных в сохранении и развитии фольклора. А для антропологов из других научных центров такие архивы и работающие в них люди становятся носителями информации. Когда порой в ходе бесед с наиболее информированными представителями коренных народов, работающими в научных учреждениях Ханты-Мансийского автономного округа, становилось очевидным, что они могут написать статьи по этим темам, я всегда старалась их поддержать и по возможности оказать содействие в их публикации.

Партнерские отношения с информантами особенно важны при исследовании взаимодействия коренных народов и промышленных компаний, по этой теме реальную информацию можно получить, только если люди захотят об этом рассказывать. В этой работе важна заинтересованность информантов в результатах. А малая результативность, ограниченность возможностей антрополога влиять на государственную политику сказываются на желании или нежелании информантов работать по этой теме. В 1990-е годы и у аборигенов, и у исследователей было больше надежд на улучшение отношений с нефтяниками, были и примеры успешной работы ученых и борьбы аборигенов. Определенную роль в установлении партнерских отношений с информантами играло то, что многие рассказанные ими истории служили основой для газетных и журнальных публикаций. А так как я в эти годы активно писала как в местные газеты, так и в московские издания – газеты «Труд», «Независимая», журнал «Северные просторы», многие ханты и ненцы специально приезжали поговорить со мной или приглашали меня поработать на их стойбищах. Способствовала получению ценной информации и моя работа в неправительственных правозащитных организациях.

При проведении полевых исследований используются уже ставшие традиционными методы интервью и включенного наблюдения, но для изучения вопросов юридической антропологии они находят новое преломление. Так, наиболее успешным является метод «снежного кома», когда информанты передают исследователя по цепочке. Важно установить первый контакт, и тебя поведут к следующим информантам. В этом случае антрополог уже оказывается не человеком «с улицы», а членом сообщества. Это важно, так как обсуждаемые вопросы являются часто слишком деликатными. О подобном методе, названном «методом взаимной заинтересованности и наращиваемого контакта», писал Л. Гоулд

в работе о полицейских навахо[61]. Подобно описываемому исследованию моя работа по этой теме началась со знакомства с некоторыми ключевыми фигурами аборигенного движения на I съезде коренных малочисленных народов Севера в Москве в 1989 г. В дальнейшем я почти всегда имела возможность работать со знакомыми и родственниками моих первых информантов.

Необходимо сказать о большой роли родственных связей в современном аборигенном сообществе. Здесь очень редко есть друзья. Возможно, это связано с трансформациями отношений именно на фоне промышленного освоения, когда люди стали доверять только родственникам. Полевая работа требует большей включенности антрополога в жизнь людей, участия в решении их многих бытовых проблем, установления отношений не только со «знатоками», но и со всеми членами семьи: для меня одним из показателей остроты проблем, рассматриваемых в данной работе, было отношение детей к нефтяникам.

Такая включенность в жизнь сообщества, постоянные встречи с информантами из года в год как в местах их традиционного проживания, так и в Москве, помогают в исследовании аборигенов. Но эти же обстоятельства создают некоторые трудности в работе с нефтяниками и чиновниками, которые в такой ситуации переносят свою неприязнь к аборигенам-активистам на антрополога. В таком случае для этих групп информантов можно использовать методы прикладной антропологии, показывая, что работа антрополога может стать для них полезной или хотя бы интересной. Таким образом, наблюдения, свободные и структурированные интервью являются первой формой полевой работы по данной теме.

Другой формой работы являются наблюдения и присутствие на собраниях или встречах на стойбищах при подписании экономических соглашений. В этом случае работа предполагает два этапа – участие во встрече, а затем уточняющие интервью с ее участниками. В поведении всех «фигурантов» таких мероприятий есть подводные камни, и задача антрополога заключается в том, чтобы выяснить, что обе стороны имели в виду и почему вели себя так или иначе. Иногда собрания на стойбищах были организованы специально как встречи оленеводов, правовые семинары и т.п., иногда они получались спонтанно – приехали гости, потом соседи. Во время таких бесед можно получить новые сведения и уточнить полученные ранее. Кроме того, на таких встречах можно завязать новые знакомства.

---

[61] *Гоулд Л.* Дилемма навахо полицейского: традиционный способ социального контроля против европейского // Обычное право и правовой плюрализм. М., 1999. С. 120.

Для изучения нефтяников как социально-профессиональной группы полезными были выезды на месторождения и проживание в городах и вахтовых поселках, участие в собраниях компаний. Здесь особенно продуктивным является наблюдение. Такие формы работы дополнялись интервью. Предметом изучения стали две российские компании «ЛУКОЙЛ» и «Сургутнефтегаз». Я никогда не упускала возможности разговаривать с нефтяниками на конференциях, обсуждениях, парламентских слушаниях, а также при проведении работ в Ямало-Ненецком автономном округе и на Сахалине, а также в Северо-Западных территориях Канады. Большое влияние на меня в таких исследованиях оказало знакомство с методами антропологов, работающих в рамках «антропологии профессий» и «антропологии организаций».

Важной особенностью данного исследования являются перекрестные структурированные интервью, когда одни и те же вопросы задавались аборигенам, нефтяникам и чиновникам. В этом случае ответы рассматривались как характеристики и того, кого спрашивают, и того, о ком спрашивают.

Важнейшим полем для данного исследования стала работа государственных органов власти федерального и регионального уровней. Материалы собирались разными методами: интервью и беседы с депутатами, экспертами, работниками аппарата; участие в парламентских чтениях, законотворческой работе.

Участие в прикладных исследованиях, к которым может быть отнесена и законотворческая деятельность, создает прекрасные возможности для научной работы. В подготовке законопроектов мне пришлось участвовать несколько раз. В начале 1990-х я, как и другие мои коллеги, участвовала в создании законопроекта «Основы правового статуса коренных малочисленных народов Севера» (рабочее название). Это был уже второй опыт для меня. Первый заключался в подготовке материалов для закона ХМАО о местном самоуправлении. Эти работы позволяли мне часто беседовать с депутатами, особенно из числа коренных малочисленных народов из различных регионов Севера. Наиболее полезный опыт был приобретен мною во время подготовки законопроекта «Об общих принципах организации общин коренных малочисленных народов Севера, Сибири и Дальнего Востока Российской Федерации». Эта работа продолжалась два года, в заседаниях рабочей группы участвовали депутаты и эксперты Комитетов национальностей, Севера Государственной думы, а также Совета Федерации и органов исполнительной власти. Я могла записывать и наблюдать.

Участие антрополога в работе по законопроектам позволяет донести до законодателей реальные потребности аборигенов.

Свою задачу я вижу в том, чтобы предлагать и отстаивать включение в законы статей об обычаях и традициях коренных народов. В 2010 г. началась работа над законопроектом «О государственной поддержке северного оленеводства», и я вошла в рабочую группу. В этой работе главным для меня является включение в законопроект статей, адекватных потребностям и законным интересам оленеводов, сведения о которых получены в ходе полевых работ в Ханты-Мансийском и Ямало-Ненецком автономномных округах. Позднее я стала членом рабочей группы Комитета национальностей по закону «Об этнологической экспертизе» (рабочее название). В 1990-х г. я полгода работала в Госкомсевере: писала аналитические записки и наблюдала деятельность департамента по коренным народам Севера.

Важнейшим полем изучения стало выполнение ООО «Этноконсалтинг» заказа Министерства регионального развития РФ по выработке проекта Российского стандарта социальной и экологической политики промышленных компаний, осуществляющих деятельность в местах традиционного проживания и традиционной хозяйственной деятельности коренных малочисленных народов Севера, Сибири и Дальнего Востока. Во время выполнения этого проекта я координировала работу, готовила документы и обсуждала их с работниками промышленных компаний: ЛУКОЙЛ – Западная Сибирь, Сургутнефтегаз и Сахалин энерджи.

В работе учтен опыт, полученный во время полевого исследования в Северо-Западных территориях Канады, особенно в г. Инувике в 2006 г., когда там проходили общественные слушания по проекту строительства газопровода на р. Макензи. Там я также имела возможность беседовать с федеральными и региональными чиновниками и адвокатами, работающими с коренными народами. Кроме того, у меня была возможность наблюдать нефтяников в ситуации необходимости установления их диалога с местным сообществом.

Важное место в данной работе занимают также контакты с коллегами – антропологами, юристами, географами, занимающимися этой проблемой в разных странах. Для российского опыта интерес представляет не только разнообразие подходов к изучению взаимодействия коренных народов и промышленных компаний, но и различная роль антропологов в этом процессе. В этом плане в российских компаниях практика участия в их работе антропологов почти не встречается, в лучшем случае есть социологи.

Отдельную тему исследования составляет экспертная деятельность антропологов. В последние годы этнологическая эксперти-

за получает все большее распространение, причем чаще всего именно для оценки последствий техногенного воздействия на среду обитания и образ жизни аборигенов. В Ханты-Мансийском автономном округе такие экспертизы либо не проводятся, либо их результаты не публикуются. Но закрепленная в законодательстве и потенциально возможная экспертиза составляет фоновое поле для данной темы. В округе предпринимались попытки организовать этнологическую экспертизу в районе оз. Нумто, однако это не получилось. Дело в том, что современная политика взаимодействия промышленных компаний и аборигенов осуществляется напрямую, без посредников. Даже органы государственной власти, по законодательству регламентирующие эти отношения, подчас работают формально, отдавая главную роль нефтяникам.

Современные условия не только предъявляют определенные требования к поведению этнографа во время полевой работы, но и вызывают необходимость информированного участия местного населения в исследовании, в том числе уважения права аборигенов оставлять некоторые сферы своей жизни закрытыми от посторонних. В России отношения аборигенов и антропологов ничем не регламентируются. Практически любой человек сегодня может поехать на Север, жить там и заниматься этнографией, если ему удается договориться об этом с местным населением. Это распространенный взгляд, но при проведении антрополого-юридических исследований, а может быть и в более широкой сфере, на мой взгляд, ситуация может быть подвергнута корректировке.

Во время проведения полевых исследований я стараюсь максимально внятно и полно объяснить людям, с которыми планирую работать, что я изучаю. Иногда прошу их подумать над вопросами и ответить более полно позднее. Это связано с тем, что нужные мне сведения не лежат на поверхности. Ведь даже чтобы определить, что относится к сфере правового регулирования, нужно определенным образом интерпретировать полученные сведения. И этому я научилась не только в ходе изучения и преподавания юридической антропологии, но и от самих аборигенов. Они мне иногда рассказывают, что какая-то фраза из фольклора, особенно «песен» медвежьего праздника, поначалу кажется непонятной, или ее смысл становится понятным после длительной мыслительной работы: нужно спрашивать стариков, сопоставлять различные сведения, и только тогда станет понятно, о чем идет речь. Иногда в моей полевой работе были такие счастливые случаи, когда я могла наблюдать процесс такого осмысления. Такой метод похож на социологические исследования в фокус-группах, только в моем случае они возникают спонтанно. В этих ситуациях

мои информанты анализируют «идеальный правовой порядок», по определению Н. Рулана, но иногда потом сами они или уже я как исследователь переносим эти сведения на реальную жизнь, получаем «пережитой правовой порядок», по определению того же автора. Так, иногда требуется несколько лет для того, чтобы получить ответ, понять значение, смысл той или иной «юридической формулы».

Необходимость получения сравнимых материалов по аборигенам и нефтяникам требует аналогичной исследовательской схемы при изучении деятельности промышленных компаний. Сегодня большинство из них имеют различные кодексы: социальные, деловой этики и т.п. Такие собрания корпоративного права могут рассматриваться как особый вид обычного права. Задачу юридической антропологии я вижу в том, чтобы интерпретировать эти источники в контексте государственного права, документов неправительственных организаций и критики их с точки зрения аборигенов и антропологов. Работа дополнялась полевыми этнографическими исследованиями деятельности нефтяников.

Вопрос об этических нормах работы антрополога, особенно проводящего подобные исследования, является дискуссионным. На мой взгляд, такие нормы могут быть полезными для нашей работы. Но это возможно, если воспринимать право как необходимую форму свободы, как равенство в данном случае не только перед судом, но и в установлении партнерских отношений с аборигенами. Своей работой мы активно вмешиваемся в их жизнь, наши статьи и книги часто оказывают влияние на законодательство и политику в отношении этих народов. Когда я проводила полевые исследования в Канаде, я получала лицензию. В самолете по дороге в г. Инувик познакомилась с одной местной женщиной гвитчин. Я поделилась с ней своими волнениями, связанными с получением этого разрешения, необычного для российского антрополога. Она сказала, что лицензия – это не ограничение и тем более не запрет на работу, а «*проявление уважения к нам*».

Вопрос о возможностях и границах такого партнерства в сфере юридической антропологии связан с особой чувствительностью проблемы традиционных знаний и культурного наследия в рамках правового положения коренных народов. Для исследователя установление партнерских отношений с местным сообществом, их взаимная заинтересованность в результатах работы часто становятся необходимыми условиями ее успеха. Для того чтобы люди рассказывали нам о совершенных правонарушениях и их причинах, отношении к ним в аборигенном и шире – локальном

сообществе, они должны понимать, зачем проводится это исследование и в чем будет заключаться его смысл для них. Тем более, важно установление доверительных партнерских отношений при изучении взаимодействия коренных народов и промышленных компаний.

Необходимо сказать несколько слов о том, как организована работа антрополога на севере Канады. Она строится на сложившейся в этой стране политике партнерства и уважения к первым нациям. В Северной Америке существуют различные практики сотрудничества исследователей и коренных народов, с середины XX в. создаются и обновляются кодексы этики ученых, складывается новая парадигма исследований аборигенных народов, строящаяся на концепции, которую Р. Рундстром и Д. Дуэр назвали «взаимным приобретением»[62].

В Канаде разработаны «Этические принципы проведения научных исследований на Севере», которые призывают к установлению партнерских отношений между учеными и коренными народами Севера, причем, как отмечает Г. Фондал, канадские ученые должны их соблюдать при работе не только на канадском Севере, но и в северных регионах других стран. Г. Фондал проанализировала принципы регулирования исследовательской деятельности и регламент ее в конкретных общинах, а также практику заключения особых соглашений исследователей с общинами народов тлацтен и вантат гвитчин[63]. Для проведения работы в этих регионах исследователи должны получать лицензию, которая выдается в соответствии с Актом ученых[64]. Этот документ не является законом, но он регламентирует работу исследователей в северо-западных территориях. Процесс получения лицензии включает подачу заявки с кратким описанием проекта, вопросов для изучения и интервью, а также процедуры получения разрешений у информантов на запись интервью, использование полученной информации для печати, указание имени информанта, использование фотографий. Заявка на лицензию подается в Aurora Research Institute (Исследовательский институт Аврора) в Инувике, который посылает материалы на рецензию в организации Первых наций и только после получения положительных заключений выдает лицензию. После окончания полевых исследований и написания

---

[62] См.: *Фондал Г.* Регламенты обследования общин аборигенов как важный инструмент обычного права // Обычай и закон. Исследования по юридической антропологии. М., 2002. С. 292; *Вахтин Н.Б.* Несколько замечаний об этике полевых исследований на Крайнем Севере России // Обычай и закон. С. 316–328.

[63] *Фондал Г.* Регламенты обследования общин аборигенов… С. 291–315.

[64] Consolidation of Scientists Act ACT R.S.N.W.T. 1988.

отчета каждый ученый должен подать в этот институт сведения о выполненном проекте и его описание[65].

Такая практика является проявлением уважения научного сообщества к местному населению и его правам на интеллектуальную собственность. Аналогичные процессы проходят и в США, где особенно остро стоят вопросы взаимодействия археологов и коренных народов[66]. В России эта проблема только начинает обсуждаться, и поэтому опыт зарубежного научного сообщества представляет для нас особый интерес.

На Севере России при исследовании правового положения аборигенов применяются те же методы, но здесь при моем подходе особенность составляет восприятие поля как многосоставного. При изучении правового положения аборигенов во всех его аспектах я стремилась сочетать нормативный и процессуальный анализ, добавив к этому очень важный этнографический аспект – «голос информанта», когда существенную роль играет интерпретация фоновой информации, когда важными являются формулировки, слова и умолчания. Кроме того, необходимо охватить по возможности все правовое поле, в котором живут аборигены, и понять, что наряду с ними есть и другие лица и группы, интересы и права которых влияют на положение коренных народов.

Наряду с проведением «полевой работы» важную часть исследовательского поля составляет изучение правовых документов, в первую очередь федеральных и региональных законов. Применяемый при этом метод может быть назван «антропологической критикой законодательства». Конечно, в данной работе описываются современное правовое положение коренных малочисленных народов и правовые рамки их взаимоотношений с промышленными компаниями, но основное внимание при антрополого-юридическом анализе уделяется изучению правового бытия людей, их отношениям. А значит, и законы, и другие правовые акты анализируются с точки зрения их соответствия жизненным стратегиям коренных народов, тому, насколько они служат защите их прав, насколько соответствуют нормам их культуры и современным реалиям. Отдельную часть «поля» составляет антропология судебных процессов. Материалы такого рода немногочисленны. Я имела возможность присут-

---

[65] Northwest Territories Scientists Act // www.nwtresearch.com

[66] *Данчевская О.Е.* К вопросу о репатриации индейских культурных ценностей и человеческих останков в Соединенных Штатах Америки // Власть в аборигенной Америке. М., 2006. С. 611–621.

ствовать на судебных процессах и выполнить их анализ вместе с адвокатами.

Изучение столь разнообразного поля и создает трудности, и имеет определенные достоинства. Трудности связаны в первую очередь с междисциплинарным характером исследования и необходимостью расширить рамки привычного поля. Полевая работа с аборигенами на Севере имеет уже длительную историю, среди них трудно встретить человека, который не знает, что такое этнография. Для нефтяников же метод включенного наблюдения, интерес к их культуре, вопросы, имеющие не только практическое значение, но и мировоззренческий характер, столь необычны, что могут вызвать полное неприятие. Тем более, они часто справедливо не ждут от антропологов добра, особенно если работают в интернациональных компаниях. Но антрополого-юридическое исследование требует установления ровных и равных отношений. Для юридической антропологии, как и для всей социальной антропологии, важнейшим методическим приемом является непосредственное наблюдение за правовым поведением людей, т.е. антропологи должны быть очевидцами[67].

Сегодня многими антропологами принято кодировать имена информантов и даже места проведения исследования. В данной книге я придерживаюсь другой идеологии. Все информанты понимали, зачем я с ними работаю и записываю интервью. Иногда они предупреждали, что не хотят упоминания их имени в публикации или были против придания некоторых фактов огласке. Я уважаю их право ограничивать касающуюся их информацию, но в других случаях считаю необходимым назвать героев своей книги. Во время работы над книгой я обсуждала ее со многими российскими и зарубежными коллегами, а также с информантами на Севере, уточняя детали. Перечисление всех имен заняло бы слишком много места, но я всем им благодарна.

Специально хочу подчеркнуть роль в подготовке и публикации этой книги и поблагодарить коллег (перечисляю по алфавиту) Ю.Д. Анчабадзе, Н.Б. Вахтина, Е.М. Главацкую, А.И. Ковлера, В.А. Кряжкова, Е.П. Мартынову, А.А. Никишенкова, З.П. Соколову, В.А. Тишкова, Х. Финклера, Ю.Я. Якель, А.Н. Ямскова, а также моих информантов и всех, кто щедро делился со мной своими знаниями и временем на Севере, в первую очередь О.П. Айваседу, Е.Ф. Айваседа, Е.Д. Айпина, Е.А. Вахрушева, Н.Н. Вэлло, А.С. Глухих (Уфимцеву), А.П. Кауртаева, О.А. Кошманову,

[67] *Леви-Строс К.* Структурная антропология. М., 1983. С. 331.

Е.А. Немысову, Г.С. Райшева, И.А. Сопочина, А.С. Сопочину, А.Н. Хомякова.

Большую поддержку при подготовке книги мне оказали Институт этнологии и антропологии РАН, Издательство «Наука», Фонды Макартуров, Сороса, Комиссия Правового плюрализма Международного Союза Этнологических и Антропологических наук, Министерство по делам индейцев и северных территорий Канады, Исследовательский институт Аврора в г. Инувике (Канада).

Глава 1

ОБЫЧАИ И ТРАДИЦИИ КОРЕННЫХ МАЛОЧИСЛЕННЫХ НАРОДОВ СЕВЕРА В ГОСУДАРСТВЕННОЙ ПРАВОВОЙ СИСТЕМЕ

> Обычай ведь не хранится в памяти людей в неизменной форме, он творится ими, хотя они этого и не сознают и по-прежнему уверены в его «седой старине».
>
> *Гуревич А.Я.*
> *Категории средневековой культуры*

> Большой катер и маленькая хантыйская лодочка. Им надо идти по одной реке. Им трудно вместе. Непременно волна, которую создает катер, захлестнет маленькую лодочку. Как найти компромисс? Если они идут рядом, то катеру нужно соблюдать меру движения, чтобы его волна не захлестнула лодочку.
> Нужны или не нужны законы вообще, не стоит говорить, раз вторглись в мир живой природы хантов, то естественно взаимоотношения нужно установить, найти границы, чтобы не разрушить и тот, и другой мир. Добывается нефть, портится природа, экологические проблемы, стрессы переживает земля, и люди переживают. Привести законы в соответствие с жизнью необходимо, но не получается это. Не хватает нужных рычагов у маленького народа, чтобы законы и мера были для него правильны. Всегда закон идет против или исполнение его невозможно. По той же причине, по которой катер победит маленькую лодочку – она не может перенести таких волн. Надо сбавить ход катеру, чтобы не повредить этому челну, чтобы не утопить человека. Надо найти меру движения, чтобы это соотношение было приемлемым.
>
> *Из беседы с художником Г.С. Райшевым, 2000 г., г. Ханты-Мансийск*

1. Положение коренных народов Севера в контексте правового плюрализма

Причины создания нового законодательства, специально посвященного коренным малочисленным народам Севера, различны, но одной из них является осознание в обществе особенностей культуры этой группы граждан, в первую очередь связанных

с существующими у них традициями природопользования и различными формами самоорганизации. В значительной степени они определяются тем, что основу жизнеобеспечения коренных народов составляют охота, рыболовство, собирательство и оленеводство. Очевидно, что их прямая зависимость от природных возобновляемых ресурсов и относительная отдаленность от рынка привели к формированию у этих народов особых правовых систем. Но даже не это определяет сложность их правовой защиты в современном мире. Анализируя правовую ситуацию в подобных сообществах, К. Бенда-Бекманн отмечает: «Намного проще признать особое политическое положение и самоопределение какой-либо группы, живущей вдалеке от рыночной экономики и от доминирующей культуры, чем прийти к соглашению с коренным народом, который проживает в тесном контакте с другим населением и чей образ жизни во многом сходен с образом жизни доминирующего населения»[1].

Народы Севера уже в течение веков живут в рамках Российского государства, в XX в. большинство из них прошли через интернаты, многие получили высшее образование и живут в городах, тем не менее в жизни они часто следуют нормам традиционного общества. Коренные народы Севера адаптировали многие культурные, в том числе правовые представления «пришлого» населения, придав им свои формы. В современном обществе, ориентированном в большей степени на развитие промышленности, чем на сохранение природных ресурсов, права коренных народов Севера часто нарушаются. Но именно это приводит к тому, что повышается уровень их правосознания. Определенную роль в этом процессе играет и деятельность общественных организаций коренных народов в России и за рубежом. Отдельную проблему сегодня представляет юридическая защита городских аборигенов, которые должны доказывать свое право на природные, в первую очередь биологические, ресурсы. В данном вопросе обычное право, традиционные способы рыбной ловли и организации этого процесса могут служить дополнительным, а иногда и единственным критерием для доказательства их особого статуса.

Для того чтобы основополагающие принципы конституционного строя и правовой системы России стали действенными в отношении коренных народов, необходимо учитывать особенности их исторического и культурного развития. Политика правового плюрализма может стать одним из возможных вариантов защиты

---

[1] *Бенда-Бекманн К.* Зачем беспокоиться о правовом плюрализме? Вопросы изучения и осуществления политики правового плюрализма // Обычное право и правовой плюрализм. М., 1999. С. 12.

их прав через взаимодействие обычно-правового и государственного регулирования.

Поиск наиболее адекватного пути решения правовых проблем аборигенов основан на специальном законодательстве и внимании к обычаям и традициям этих народов. С целью создания условий для диалога между государственной и традиционной системами необходимо определить особенности правопонимания и правосознания, те образы и фигуры права, которыми руководствуются люди в «полиправовом пространстве», понять, что собой представляет «аборигенное право», которое на языке одного из коренных наров Севера – ханты называется «*жизненное действие*», т.е. нормы, синкретичные, сочетающие морально-этические, религиозные и собственно правовые составляющие.

В России попытки создания управления по «аборигенным нормам» и кодификации обычного права предпринимались и раньше, но они оказались неуспешными. Сегодня может быть учтен как собственный исторический опыт, так и международный опыт для того, чтобы разработать общие принципы обычного права или другие методы его включения в правовую систему государства. При этом необходимо учитывать, что обычное право в России может быть действенным лишь при учете разнообразия его локальных вариантов. В Сибири многие процессы приобрели особую остроту на фоне активного промышленного развития, сокращения ресурсов традиционного природопользования, ухудшения состояния природной среды и активной деятельности аборигенов по защите своих прав на традиционный образ жизни. Несмотря на принятие нескольких законов, которые определяют правовое положение коренных малочисленных народов Севера, аборигены сталкиваются с проблемами в защите своих конституционных прав. Традиции и обычаи этих народов могут рассматриваться как связующее звено, «мост» между их жизнью, природопользованием, культурой и государственной правовой политикой.

При изучении правового положения коренных народов Севера и возможностей защиты их прав мы обычно обращаемся к опыту зарубежных стран, в первую очередь США, Канады, Скандинавских стран. Мне представляется, что в вопросах обычно-правового регулирования современной жизни аборигенов интерес для нас представляют и африканские правовые режимы. Именно в африканских государствах обычное право выступает юридическим решением конкретных социальных проблем. Исследователи отмечают также, что традиционное право в Африке

побеждает другие правовые режимы[2]. Особый интерес представляют роль обычного права и его влияние на судопроизводство.

В последней книге И.Е. Синицыной «В мире обычая» опубликована ее статья «Кенийский прецедент». В ней подробно рассматривается судебный процесс 1986 г., в котором были затронуты интересы разных общественных слоев Кении. Формально процесс касался вопроса о захоронении умершего известного кенийского адвоката С.М. Отиино, луо по происхождению[3]. И хотя дело трактовалось как тяжба об избрании похоронных обрядов, сутью процесса можно считать стремление сельских родственников на основании обычного права добиться признания брака адвоката недействительным и совершить погребальный обряд по традиционным нормам, фактически же они претендовали на наследование собственности семьи, которая занимала высокое положение в обществе. И.Е. Синицына отмечает, что «из знакомства с материалами процесса становится очевидным, что в суде искусственно создавались нормы псевдообычного права, которые в действительности правом не являлись. Из обычаев отбирались подходящие или конструировались выгодные для дальних родственников из большой семьи. Другие обычаи из обширного комплекса традиционных норм, сложившихся за многие столетия, “не замечались” или отвергались»[4].

Анализ судебного процесса, проведенный автором, заставляет задуматься о роли обычного права в современных условиях, о том, насколько правомерно следование традиционным нормам в обществе, часть которого следует модернизированным, в значительной степени европейским нормам права, как это сложилось в Кении в конце XX в. А какую роль обычное право играет в современной России – архаизации, «культурного возрождения» или важного инструмента защиты прав коренных малочисленных народов Севера?

Почему аборигены имеют особый статус в современном мире? Большинство исследователей согласится с тем, что главным критерием необходимо признать то, что составляет основу системы их жизнеобеспечения – традиционное природопользование, т.е. оленеводство, охоту, рыболовство и собирательство, причем оленеводство является занятием почти исключительно именно коренных народов Севера. В этих сферах аборигены демонстрируют особые технологии и знания, обычаи и традиции, которые

---

[2] *Супатаев М.А.* Культурология и право (на материале стран Тропической Африки). М., 1998; Права человека: итоги века, тенденции, перспективы. М., 2002. С. 353–367.

[3] *Синицына И.Е.* В мире обычая. М., 1997. С. 130–144.

[4] Там же. С. 142.

характерны для традиционного природопользования. Значит, эту область в первую очередь должны регулировать, наряду с законодательством, обычаи коренных народов. И именно эти обычаи должны учитываться государственной правовой системой, так как являются сущностными для этих народов. Неслучайно поэтому законодатели определили обычаи коренных малочисленных народов как «традиционно сложившиеся и широко применяемые ими правила ведения традиционного природопользования и традиционного образа жизни» (ФЗ «О территориях традиционного природопользования коренных малочисленных народов Севера, Сибири и Дальнего Востока», далее «О ТТП». – *Н.Н.*).

Необходимо согласиться с мнением Г.В. Мальцева, который рассматривает в качестве важной черты обычно-правовой нормы совпадение действительности и действия. Закон существует в обществе независимо от того, насколько он применяется, вплоть до его официальной отмены. Обычай, только если он осуществляется, подтверждается и переподтверждается участниками правового общения[5].

Другим важным обстоятельством, отмечаемым многими исследователями, является гибкость, модельность и высокая степень адаптивности обычая к изменениям, происходящим в обществе. Благодаря этим своим особенностям обычай не может быть создан или «возрожден» по желанию, он сохраняется лишь если соответствует жизни. Поэтому неоднозначными являются высказывания о том, что в современных условиях обычаи могут быть созданы искусственно, навязаны людям. Если же это происходит, задача суда при применении обычаев тщательно рассмотреть все эти непростые вопросы.

В законодательно закрепленном определении обычаев указывается на то, что они широко применяются. В этой части определение входит в противоречие с распространенным взглядом на обычай как на локально ограниченную норму. Действительно, конкретные нормы могут быть характерны лишь для ограниченного круга лиц и ограниченной территории, на которой существуют природно-климатические и моральные ограничители. Как можно в таком случае говорить о широком распространении обычаев? Вероятно, нужно трактовать это положение закона как необходимость опираться на норму, принципиальную для традиционного образа жизни и традиционного природопользования, а может быть, как норму, характерную для регулирования отношений внутри конкретного локального сообщества.

---

[5] *Мальцев Г.В.* Очерк теории обычая и обычного права // Обычное право в России: проблемы теории, истории и практики. Ростов-на-Дону, 1999. С. 25.

Подчас трудно разрешимым вопросом является поведение людей, ссылающихся на традицию. Последняя как раз и предполагает, что не нужно ничего объяснять, так как обычаи регулируют внутреннюю жизнь «традиционного сообщества». В связи с этим для аборигенов очень сложной является процедура доказательства своих прав, основанных на обычае. В современном суде обычай может рассматриваться как текст, и для его интерпретации сначала необходим «перевод». Я в данном случае говорю не о переводе с одного языка (например, ненецкого) на другой (русский), эту проблему решить можно. Обычаи и традиции коренных народов строятся на иных основаниях, а «перевод» в значительной степени включает знакомство с основами аборигенной культуры для последующей интерпретации собственно обычаев. Эта проблема взаимная, но если для аборигенов, часто окончивших советскую или российскую школу, «наши» государственные понятия и условности хорошо знакомы, то для судей и других юристов – участников процесса язык традиционной культуры непонятен. Конечно, добросовестный судья в таком случае может провести экспертизу, но чаще всего задача интерпретации обычаев лежит на плечах самих аборигенов или их представителей. Участие последних в процессе предусматривается законом «О гарантиях прав коренных малочисленных наров РФ» (далее «О гарантиях прав». – *Н.Н.*). Дело осложняется еще и тем, что эти нормы бывают часто устными, и их письменная кодификация может привести к искажению смысла.

Хотя современные обычаи отличаются от обычаев периода формирования права, позволю себе привести высказывание А.Я. Гуревича, которое не утратило смысл в наше время: «Самое же существенное то, что запись права вела к своего рода “отчуждению” его (права. – *Н.Н.*) от его творцов, которые впредь уже не могли оказать на него своего воздействия и изменить его, толкование закона в дальнейшем становилось исключительно монополией судей, властей, но не общества, которое тем не менее должно было ему подчиняться. Между тем обычаи, не будучи записаны, сохраняли “пуповину” связывавшую их с обществом, с определенными его группами и слоями, и исподволь, неприметно для людей, при сохранении иллюзии неизменности, изменялись, приспосабливаясь к новым потребностям»[6]. И если в прошлом создание письменных кодексов было оправдано развитием права, то сегодня есть повод отнестись к этой проблеме более осторожно.

В отношении современных правовых обычаев коренных народов должен быть найден другой метод. Мне представляется,

---

[6] *Гуревич А.Я.* Категории средневековой культуры. М., 1984. С. 196–197.

что он лежит на пути развития самоуправления этих народов и создания «свода правил», по которым могут регулироваться отношения на основании обычаев, записи «принципов обычного права коренных народов». Нужно иметь в виду, что большинство отношений, возникающих внутри аборигенного сообщества, могут разрешаться по обычаям, не противоречащим другим правовым нормам, а в некоторых случаях даже могут дополнять их. Тем не менее опубликованный свод таких принципов может существенно облегчить работу судов, рассматривающих дела аборигенов. Эту работу могут выполнить только квалифицированные юристы и антропологи вместе со знатоками культуры аборигенов. Начать ее можно было бы в рамках каких-то ограниченных сообществ, так как жизнь на Севере очень разнообразна, а уже потом создать такие «принципы» для всего Севера. Но это должны быть именно принципы права, а не запись отдельных норм, как это уже делалось в России в начале XIX в.

Дискуссии о правовом положении коренных малочисленных народов Севера

Правовое положение коренных малочисленных народов Севера России всегда представляло проблему как для органов власти, так и для исследователей. С первых шагов советской власти на Севере предлагалось несколько вариантов их развития и правового положения. Доминирующая политика опиралась на классовую теорию и обоснование права наций на самоопределение в ленинско-сталинской трактовке. Некоторые ученые предлагали альтернативные модели. В частности, в 1920-е годы на страницах газеты «Жизнь национальностей» развернулась интересная дискуссия о возможностях развития этих народов в рамках современного государства. В этот период большую роль в конструировании государственной политики в отношении коренных народов Севера играли крупные ученые, имевшие большой опыт изучения этих народов.

В.Г. Богораз предлагал, чтобы органы государственного управления включали в себя «ученых и исследователей, специалистов этнографов и лингвистов, которые одни компетентны судить об особенностях быта и духа инородцев и притом по самому роду своих занятий, привыкли подходить к туземцам вдумчиво и с любовью»[7]. Ему же принадлежит идея создания специальных территорий, по типу американских резерваций. Большинство участников дискуссии считали, что «жизнью аборигенов должно

[7] *Богораз В.Г.* О первобытных племенах // Жизнь национальностей. 1922. № 1.

управлять обычное право, что средства для большинства будущих программ будут формироваться за счет фиксированных вычетов из прибыли государственных предприятий, работающих на Севере (или за счет сдачи туземных территорий в аренду таким предприятиям), и что новые "агенты по делам индейцев" должны быть абсолютно независимы от контроля на местах»[8]. Но планам создания территорий с особым правовым режимом, как и политике, основанной на научных этнографических знаниях, не суждено было осуществиться.

В марксистской литературе взгляды Богораза были подвергнуты критике[9], а органы государственной власти выбрали путь национально-территориального управления и активного вмешательства в образ жизни и традиционное природопользование народов Севера. Тем не менее политика в отношении народов Севера, во всяком случае в правовой части, до середины 1930-х годов, до ликвидации Комитета содействия народностям северных окраин, отличалась определенной мягкостью. Первоначально сохранялась роль обычного права в сфере природопользования, провозглашалась необходимость закрепления за этими народами необходимых угодий[10].

В целом в течение всего советского периода, да и в значительной степени впоследствии, сохранялась практика управления коренными малочисленными народами (и даже определения того, кто к ним относится) со стороны государственных органов без учета особенностей их образа жизни. Фактически не существовало никаких возможностей для участия аборигенов в принятии решений по жизненно важным для них вопросам. Институты их самоорганизации и самоуправления были слишком слабо развиты. Принципы управления коренными малочисленными народами Севера были заложены во Временном положении об управлении туземными народностями и племенами северных окраин РСФСР. Этот документ подтвердил и закрепил принцип «формальной этничности» и списочного состава коренных народов. Тогда же было закреплено положение о том, что особый статус имеют только сельские аборигены[11]. В целом политика советского периода строилась на системе патернализма и некоторых льгот для

---

[8] *Слезкин Ю.* Арктические зеркала: Россия и малые народы Севера. М., 2008. С. 175.

[9] *Сергеев М.А.* Некапиталистический путь малых народов Севера. М.; Л., 1955. С. 216.

[10] Там же. С. 251.

[11] Временное положение об управлении туземных народностей и племен северных окраин РСФСР// Статус малочисленных народов России. Правовые акты, кн. 2. М., 1999.

аборигенных народов. Об их особом правовом статусе мы можем говорить только начиная с 1990-х годов.

Особую остроту проблемам правового положения этих народов придают промышленное освоение районов их проживания и традиционной хозяйственной деятельности, конкуренция за возобновляемые природные ресурсы с государственными и частными предприятиями, работающими на Севере. Ухудшение положения народов Севера на фоне общего общественного подъема в советском обществе в период перестройки вызвало к жизни новую политику государства и создание специального законодательства, определяющего их правовое положение.

С конца 1980-х годов в средствах массовой информации появляются многочисленные публикации, посвященные положению аборигенных народов. Начинается работа в Правительстве, Верховном Совете над нормативными актами в отношении этих народов. В 1988 г. группа писателей коренных народов Севера направила в ЦК КПСС письмо с предложением о выделении территорий традиционного природопользования. Идея была подхвачена средствами массовой информации. Хантыйский писатель Е. Айпин эмоционально назвал эти земли «территориями жизни». В 1991 г. была опубликована книга «Народов малых не бывает», содержащая яркие статьи писателей, ученых, публицистов из числа коренных народов[12].

Учеными-гуманитариями были в этот период предложены модели перспективного развития экономики и культуры народов Севера, нашедшие отражение в концепции «неотрадиционализма», когда коренным народам самим была бы предоставлена возможность выбирать пути своего развития, сохраняя и развивая традиционное природопользование на специально выделенных территориях[13].

Устремления этих народов, определившиеся в письме их писателей в ЦК КПСС, были сформулированы в предвыборной программе нивхского писателя В.М. Санги: выделение обширных заповедных территорий и природно-культурных комплексов для проживания и хозяйственной деятельности народностей Севера, закрепление за ними приоритетного права природопользования с учетом исторически сложившегося традиционного образа жизни народностей Севера по их предложениям на уровне современных требований, восстановление закрытых в 1960–80-е годы сел, стойбищ, обустройство промысловых и оленеводческих маршрутов,

---

[12] Народов малых не бывает. М., 1991.

[13] Неотрадиционализм на Российском Севере (этническое возрождение малочисленных народов Севера и государственная региональная политика) /Под ред. А.И. Пики и Б.Б. Прохорова. М., 1994.

промежуточных и промысловых баз. Дать самим народностям Севера выбирать, какие хозяйства они хотели бы создать. Академии наук СССР с участием общественности разработать альтернативу экстенсивному промышленному освоению экологически очень хрупкой северной тундры и тайги[14]. В. Санги выдвинул также предложение о создании Ассоциации народностей Севера – национально-культурного общественного органа, осуществляющего настоящее представительство северных народностей[15].

Опыт стран, где проживают коренные народы, показывает, что законы, определяющие их правовой статус, принимаются тогда, когда для этого складывается благоприятное общественное мнение. В конце 1980–начале 1990-х годов в России была предпринята попытка переломить сложившиеся стереотипы и привлечь внимание общественности к действительным проблемам аборигенов. Они сами заговорили о своих болях, нашли слова, которые доходили до сердца. Их поддержали журналисты и ученые-правозащитники, об их нуждах говорили депутаты. Образ аборигена, сложившийся в те годы, определялся выражением хантыйского писателя Е. Айпина «обреченные на гибель» и взывал к состраданию. Многим участникам этого гуманитарного правозащитного движения казалось, что главное показать, что коренные народы живут крайне бедно, а их богатая фольклорная культура может исчезнуть. Эти идеи продолжали народническую традицию, влиявшую на политику государства (через Комитет Севера) в 1920–начале 1930-х годов. Надо отметить, что такие взгляды явились привлекательными для представительной власти, но на деле лишь идеологически обосновывали патерналистскую политику правительства.

Слабого и бедного легче вести за руку, и простой житейский тезис: «лучше дать удочку, чем рыбу» – потонул под гнетом льгот для коренных народов. Но и эта «жалостливая» традиция не смогла принести ощутимых результатов, во всяком случае на федеральном уровне основные законы о коренных малочисленных народах были приняты только в 1999–2001 годах. С 1990-х годов этнографы в качестве экспертов активно участвуют в законотворческой деятельности, в работе Комитетов Государственной думы и Совета Федерации. В этот же период начинается работа над законопроектом «Основы правового статуса коренных малочисленных народов Севера России». Первоначально в 1992 г. он готовился по заказу Госкомсевера РФ (первая редакция была под-

---

[14] *Санги В.* Чтобы крона не оголилась // Литературная газета. 15.02.89. С. 1,7.

[15] *Пика А.И., Прохоров Б.Б.* Большие проблемы малых народов // Коммунист. 1988. № 16. С. 82.

готовлена З.П. Соколовой, В.А. Тишковым, Ю.Б. Симченко, Н.И. Новиковой, вторая – З.П. Соколовой, Н.И. Новиковой, Н.А. Богдановой). Проект Закона 1993 г. был подготовлен по заказу Ассамблеи депутатов представителей коренных народов Севера, Сибири и Дальнего Востока. Он получил ее одобрение. На страницах журнала «Этнографическое обозрение» развернулась международная дискуссия по основным положениям законопроекта и вступительной статьи ученых[16].

В дальнейшем работа над законом проходила в Верховном Совете, а затем в Государственной думе. В мае 1995 г. Государственная дума приняла постановление «О кризисном положении экономики и культуры малочисленных коренных (аборигенных) народов Севера, Сибири и Дальнего Востока Российской Федерации», где правительству было предложено определить порядок выплаты этим народам компенсаций, но ничего не было сделано для выполнения этого постановления.

Поиски путей решения проблем современного развития народов Севера имеют различные формы в разных регионах. Особый интерес представляет ситуация в Ханты-Мансийском автономном округе, который явился одним из пионеров в деле правовой защиты коренных малочисленных народов. Оригинальные модели были предложены в ходе Самотлорского практикума, который проходил в июне 1989 г. в г. Ханты-Мансийске[17]. Целью его являлась «гуманитарная экспертиза моделей политического решения проблем выживания, сохранения, содействия развитию этносов коренных народностей Тюменского Севера».

Практикум проводился в форме деловой игры, во время которой участникам были предложены для коллективной экспертизы стереотипные модели решения этнических проблем. Эксперты были вовлечены в ситуацию выбора: отстаивать приоритет какой-нибудь одной модели, искать компромиссные подходы, предлагать выбор самим коренным народностям. На практикум были приглашены ученые, партийные, советские, комсомольские работники, деятели культуры, представители средств массовой информации. Им было предложено принять на себя и разыграть роли участников заседания «Президиума Совета народных депутатов автономного округа». Такого органа не было, но организаторы практикума именно в его деятельности видели возможности для достижения

---

[16] *Соколова З.П., Новикова Н.И., Ссорин-Чайков Н.В.* Этнографы пишут закон: контекст и проблемы // ЭО. 1995. № 1. С. 74–89; Дискуссия // ЭО. 1995. № 2, 3, 6; № 1996. № 1, 2.

[17] Практикум был организован Ханты-Мансийским окружкомом КПСС, АПН, Институтом проблем освоения Севера СО АН СССР.

нового уровня политической культуры в решении национальных проблем, ориентации политических решений на ценности права и морали.

В ходе подготовки практикума были предложены три модели:

Модель 1. «Невмешательство». Сторонники этой модели исходят из убеждения, что управлять национальными процессами мы еще не умеем, скорее, они и вовсе «неуправляемы». Следовательно, для субъекта политического решения достойнее и гуманнее в такой ситуации не брать на себя ответственности, уклонившись от выбора.

Модель 2. «Заповедная зона». Ее поборники предлагают исключить некоторые территории, где традиционно проживали коренные народы, из процесса промышленного освоения. Эти земли закрепляются за коренными народами в форме национального поселка, района, управление которыми предельно автономно. Предполагается, что именно таким путем удастся восстановить традиционный образ жизни и тем самым устранить социальный дисбаланс, предотвратить физическое исчезновение этноса, а, возможно, и достичь этнического возрождения.

Модель 3. Сторонники этой модели предлагают в качестве альтернативы контролируемую обществом ассимиляцию культур, своего рода «подтягивание» их до уровня современной цивилизации. При сохранении народной самобытности такое решение давало возможность «вписать» народы Тюменского Севера в единый современный тип сознания, а через него – в новый тип общественного уклада.

Анализ материалов экспертного опроса тридцати пяти участников практикума показывает, что большинство из них считали невозможным использование ни одной из этих моделей в чистом виде. Примерно третья часть придерживалась второй модели, внося в нее некоторые дополнения и изменения. Многие участники подчеркивали необходимость создания ситуации, когда сами народы Севера смогут принимать решения и выбирать тот путь, по которому им идти. Именно самим народам Севера должно принадлежать законодательное слово в вопросах масштабного и местного строительства, эксплуатации подземных недр и других природных богатств[18]. В ходе обсуждения для второй модели было предложено другое название – «самоуправление и экономическая самостоятельность»[19].

---

[18] Освоение без отчуждения. Материалы экспертного опроса. Препринт. ИПОС СО АН СССР. Тюмень, 1989. Вып.1. С. 16.

[19] Там же. Вып. 1. С. 20.

Фундаментальными для понимания всей ситуации на Севере были названы два вопроса – право на землю и право на принятие решений[20]. В ответах экспертов отмечалось, что «малые народы Севера представляются лишь как объекты нашего социалистического альтруизма, а не деятельная и действующая этносоциальная сила. В нашем государстве не реализовано главное право малой нации – право выбора пути, самостоятельного, собственного выбора»[21]. Значение именно второй модели в решении стоящих перед народами Севера задач было наиболее полно представлено в ответе на анкету А.И. Пики: «Только системы с заповедными территориями, разумными ограничениями въезда и предоставления работы в национальных поселках позволят изменить ситуацию и дадут этим народностям возможность самостоятельных решений. Без предоставления этой самостоятельности, без перехода от патернализма и навязывания нашей неквалифицированной и грубой формы помощи к принципу содействия, развитию самого коренного населения ситуация не изменится»[22].

Эта точка зрения подтверждается материалами массового опроса общественного мнения населения Тюменской области о судьбах коренных народов Севера (март–апрель 1989 г.). Опрос велся через местные газеты, где были опубликованы анкеты. Кроме того, около 10% населения было опрошено индивидуально. Всего в опросе приняло участие около 5 тыс. человек. Приведем распределение ответов лишь на некоторые вопросы. 92% опрошенных считают, что коренные народы Тюменского Севера находятся в тяжелом положении и государство должно оказать им необходимую помощь. Среди причин такого положения основными названы: разрушение природы Крайнего Севера современной промышленностью и транспортом, повсеместные разработки нефти и газа, экстенсивное освоение Севера со стороны центральных министерств и ведомств, сокращение территорий, пригодных для оленеводства (от 65 до 85% опрошенных). 74% опрошенных считают, что в поисках выхода из сложившейся ситуации необходимо принимать во внимание пожелания самих коренных народов Севера. И наконец, 70% населения, участвующего в опросе, высказались за создание зон с правом преимущественного проживания коренных народов Севера, с запретом на промышленные разработки и добычу полезных ископаемых без согласия со стороны коренного населения[23]. В дальнейшем Тю-

[20] Там же. Вып. 1. С. 44.
[21] Там же. Вып. 2. С. 4.
[22] Там же. Вып. 2. С. 11.
[23] Там же. Вып. 2. С. 39–43.

менская область и в первую очередь Ханты-Мансийский и Ямало-Ненецкий автономные округа становятся пионерами в поиске правовых решений вопросов развития коренных народов Севера в современных условиях. Здесь проходит ряд научно-практических конференций, в частности «Коренные народы. Нефть. Закон» в г. Ханты-Мансийске, правда, уровень этих конференций и степень участия в них коренных народов и их организаций снижались год от года.

Конституционный статус коренных малочисленных народов Севера России

В 1993 г. в России была принята новая Конституция, которая коренным образом изменила ситуацию с аборигенами. С принятием новой Конституции и специального законодательства существенными стали два момента: международно-правовые гарантии государства и внимание к традициям и обычаям этих народов. В ходе обсуждения Конституции на нее возлагались еще большие надежды, и от Института этнологии и антропологии РАН было даже подано предложение включить в нее статьи, гарантирующие права коренных малочисленных народов Севера, Сибири и Дальнего Востока на землю и самоуправление. Однако они не прошли и не могли пройти, так как для этого в стране и сегодня нет достаточных правовых оснований, но в Конституции 1993 г. есть ряд статей, которые прямо или косвенно определяют положение коренных народов.

В 1993 г. впервые государство гарантировало права коренных малочисленных народов в соответствии с общепризнанными принципами и нормами международного права и международными договорами Российской Федерации (ст. 69). Особой компетенцией органов государственной власти были признаны «защита исконной среды обитания и традиционного образа жизни малочисленных этнических общностей» (ст. 72). Определенную сложность создает отсутствие единой терминологии в законодательстве, но «по умолчанию» под категориями населения, названными в данных статьях, имеются в виду коренные малочисленные народы Севера, Сибири и Дальнего Востока. При анализе этой статьи юристы в первую очередь указывают на ряд положений. Под общепризнанными принципами понимаются, во-первых, признание за каждым представителем этих народов основных прав человека и гражданина, во-вторых, гарантия им специальных прав с учетом международных документов. Основополагающие принципы международного права сформулированы в Конвенции МОТ 169 «О коренных народах и народах, ведущих племенной образ

жизни в независимых странах» (1989 г.). Одним из важнейших принципов международного права в отношении таких народов является роль обычаев и обычного права в регулировании их статуса. В Конвенции 169 МОТ зафиксировано: что их «положение регулируется полностью или частично их собственными обычаями или традициями, или специальным законодательством; При применении к соответствующим народам национальных законов должным образом учитываются их обычаи или обычное право. Указанные народы имеют право сохранять собственные обычаи и институты, если они не противоречат основным правам, определенным национальной правовой системой, и международно признанным правам человека. При необходимости устанавливаются процедуры для разрешения конфликтов, могущих возникнуть при осуществлении данного принципа» (ст. 8).

Согласно ст. 9, «В той мере, в какой это совместимо с национальной правовой системой и с правами человека, при рассмотрении правонарушений, совершаемых лицами, принадлежащими к соответствующим народам, проявляется уважение к методам, традиционно практикуемым этими народами. Обычаи указанных народов, касающиеся уголовно-правовых вопросов, принимаются во внимание органами власти и судами, рассматривающими соответствующие судебные дела».

Хотя данная Конвенция не ратифицирована Российской Федерацией, тем не менее российские законодатели, руководствуясь принципиальными соображениями, гарантировали это право и коренным малочисленным народам Севера. Обычаи и традиции вошли в правовую систему страны, что создало новые возможности для защиты прав этих народов и для развития теории и практики правового плюрализма в России. В последнее время все больше говорится об особых знаниях аборигенов, которые выделяют их из окружающего мира. В первую очередь, это касается их традиционных знаний о природе, которые рассматриваются как составная часть доктрины устойчивого развития (Конвенция ООН по окружающей среде и развитию 1992 г. и др.).

Конвенция 1992 г. была ратифицирована Российской Федерацией в 1995 г. и стала частью национальной правой системы. В этом документе указывается, что каждая из договаривающихся сторон «в соответствии со своим национальным законодательством, обеспечивает уважение, сохранение и поддержание знаний, нововведений и практики коренных и местных общин, отражающих традиционный образ жизни, которые имеют значение для сохранения и устойчивого использования биологического разнообразия, способствует их более широкому применению с

одобрения и при участии носителей таких знаний, нововведений и практики, а также поощряет совместное пользование на справедливой основе выгодами, вытекающими из применения таких знаний, нововведений и практики» (ст. 8). В значительной степени именно на этих знаниях строятся и аборигенные правовые нормы.

Для положения коренных малочисленных народов существенное значение имеет еще один документ – Декларация ООН о правах коренных народов, имеющая рекомендательный характер. Российская Федерация выступила на стороне государств, воздержавшихся от принятия этого документа как не соответствующего национальной правовой системе, в основном по вопросам права на самоопределение. Вместе с тем «она стремится учитывать в своем законодательстве те принципиальные подходы к защите прав коренных малочисленных народов, которые выработаны в рамках данного документа международным сообществом, при условии, что они не вступают в противоречие с положениями Конституции»[24]. В Декларации в нескольких статьях подчеркивается значение традиций и обычаев коренных народов. Для данной работы особое значение имеют статьи 26 и 27, определяющие права коренных народов на земли, которыми они традиционно владели или пользовались, с «должным уважением к обычаям, традициям и системам землевладения соответствующих коренных народов». Последнее обстоятельство обеспечивается и при ведении их переговоров с государствами.

Правовой статус коренных малочисленных народов по федеральному и региональному законодательству

В апреле 1992 г. Президент РФ Б. Ельцин подписал Указ «О неотложных мерах по защите мест проживания и хозяйственной деятельности малочисленных народов Севера». Указ декларировал необходимость выделения территорий традиционного природопользования и был дополнен местным законодательством, принятым рядом автономных округов, и иными нормативными актами. Значение этого документа было велико не только в силу тех мер, которые были в нем провозглашены, но и потому, что в нем впервые была сформулирована идея выделения особых территорий. Достаточно сказать, что в среде коренных малочисленных народов это был, наверное, первый правовой документ, который хранили и читали даже люди, напрямую не связанные с правозащитной или правоприменительной деятельностью.

---

[24] Комментарий к Конституции Российской Федерации / Под ред. В.Д. Зорькина, Л.В. Лазарева. М., 2009. С. 551.

Указ и Федеральный закон «О животном мире» 1995 г. некоторое время оставались единственными правовыми гарантиями приоритетных прав коренных народов на пользование природными ресурсами. Этим законом коренным малочисленным народам гарантируется право на применение традиционных методов добывания объектов животного мира и продуктов их жизнедеятельности и право на приоритетное пользование животным миром. Последнее означает: предоставление первоочередного выбора промысловых угодий, льготы в отношении сроков и районов добывания объектов животного мира, полового, возрастного состава и количества добываемых объектов животного мира и продуктов их жизнедеятельности, исключительное право на добывание определенных объектов животного мира. Принятые впоследствии отраслевые законы, с одной стороны, определяют некоторые особые права коренных малочисленных народов, а с другой – фактически сводят это приоритетное право к минимуму.

В настоящее время законодательство о коренных малочисленных народах Севера России состоит из нескольких законов. 30 апреля 1999 г. Президент Российской Федерации подписал Федеральный Закон «О гарантиях прав». Его принятие стало важным шагом на пути установления правового статуса этих народов. Работа над этим законом продолжалась в течение десяти лет, в ней участвовали на разных этапах как ученые, так и представители коренных народов Севера. Хотя этот закон касается всех коренных малочисленных народов России, он относится в первую очередь именно к народам Севера.

Перечень этих народов утверждается правительством и состоит сегодня из 48 позиций[25]. Потенциально в него могут войти еще некоторые группы. Однако механизм определения того, *кто* является представителем малочисленных народов и *как* в каждом конкретном случае может быть определена принадлежность человека к этим народам, в законе совершенно не сформулирован.

В этом законе закреплены коллективные и индивидуальные права как этих народов, так и граждан, относящих себя к ним, определены полномочия органов государственной власти по защите прав и законных интересов этих народов, а также определены основные права коренных малочисленных народов, причем необходимо отметить, что эти права в первую очередь связаны с защитой «их исконной среды обитания, традиционных образа

---

[25] Единый перечень коренных малочисленных народов Российской Федерации (в ред. Постановлений Правительства РФ от 13.10.2008 № 760, от 18.05.2010 № 352, от 17.06.2010 № 453).

жизни, хозяйствования и промыслов». Это положение, зафиксированное в ст. 8, и составляет основу современного законодательства о коренных малочисленных народах.

Особый интерес для данной темы представляет ст. 14 о судебной защите прав малочисленных народов, в которой, во-первых, специально подчеркивается их право на судебную защиту «исконной среды обитания, традиционного образа жизни, хозяйствования и промыслов», во-вторых, указывается на необходимость при рассмотрении дел в судах принимать во внимание *традиции и обычаи этих народов* и, в-третьих, допускается участие в судах уполномоченных представителей. Конечно, судебная защита прав гарантируется и Конституцией РФ, и федеральным законодательством, но такая детализация как раз подчеркивает специфику этих народов и может быть использована их представителями при обращении в суд. В целом можно сказать, что данный закон может быть применен в защите прав коренных народов, а дальнейшее изучение его применения может быть использовано в законотворческом процессе.

В 2000 г. был принят закон «Об общих принципах организации общин коренных малочисленных народов Севера, Сибири и Дальнего Востока Российской Федерации» (далее «Об общих принципах». – *Н.Н.*). Он оказался наиболее действенным из всех принятых законов, и согласно этому закону на Севере создано уже большое количество общин коренных малочисленных народов Севера. Для нас представляет интерес то, что согласно ст. 4 этого закона вопросы местного значения могут решаться в соответствии с традициями и обычаями этих народов.

И наконец, в 2001 г. был принят закон «О территориях традиционного природопользования коренных малочисленных народов Севера, Сибири и Дальнего Востока Российской Федерации» (далее «О ТТП». – *Н.Н.*). В нем изложена правовая основа отношений в сфере природопользования. Согласно этому закону коренным малочисленным народам выделяются территории традиционного природопользования (далее ТТП) федерального, регионального и местного значения. Природопользование на этих территориях подчиняется особому правовому режиму. Несмотря на то что до сих пор не создано ни одной ТТП федерального значения, закон применяется на уровне субъектов федерации. Так, только в Ханты-Мансийском автономном округе выделено около 500 ТТП регионального значения. Также важно отметить, что еще недостаточно используется потенциал этого закона, в частности в сфере применения его норм об обычаях и традициях коренных малочисленных народов. В нем впервые дается определение

обычаев коренных малочисленных народов Севера, Сибири и Дальнего Востока Российской Федерации: обычаи – *традиционно сложившиеся и широко применяемые этими народами правила ведения традиционного природопользования и традиционного образа жизни.*

В законе указывается, что правовое регулирование отношений в области образования, охраны и использования территорий традиционного природопользования осуществляется в том числе и обычаями этих народов, если они не противоречат законодательству Российской Федерации и субъектов РФ (ст. 2). Наряду с законодательством обычаи регулируют и использование природных ресурсов, находящихся на территориях традиционного природопользования (ст. 13). Именно в этом вопросе коренные народы могут применить свои обычаи неистощительного природопользования, продемонстрировать умение использовать ресурсы в соответствии с «мерой». Таким образом, новое законодательство, выделяя территории традиционного природопользования как особо охраняемые природные территории, исходит из принципов международного права, которое во многих документах подчеркивает роль знаний и практик этих народов в сохранении окружающей среды[26].

Спустя десять лет после принятия первых законов начался процесс внесения изменений в эти документы, причем в сторону ухудшения положения коренных малочисленных народов, урезания правовых гарантий государства в отношении прав этой группы и отдельных аборигенов. В начале XXI в. лидеры коренных народов и работающие с ними эксперты выступили с обращением в адрес президента от Ассоциации коренных малочисленных народов Севера, Сибири и Дальнего Востока, в котором подчеркивается, что «федеральные законы (о коренных малочисленных народах. – *Н.Н.*) являются юридической основой для создания условий устойчивого развития коренных малочисленных народов Севера, Сибири и Дальнего Востока Российской Федерации… Мы согласны с тем, что правовое поле защиты интересов коренных народов нуждается в дальнейшем совершенствовании и развитии, но не в уничтожении его основ»[27].

К настоящему времени процесс изменения правового статуса коренных народов продолжается, поэтому имеет смысл обратиться

---

[26] *Павлов П.Н.* Комментарий к Федеральному закону «О территориях традиционного природопользования коренных малочисленных народов Севера, Сибири и Дальнего Востока Российской Федерации». М., 2001.

[27] *Суляндзига П., Тодышев М., Мурашко О.* Изменения в федеральные законы о коренных малочисленных народах // Мир коренных народов. 2002. № 9–10. С. 41.

к началу этого процесса как точке отсчета, когда в Российской Федерации была создана система юридической защиты прав этих народов на коллективном и индивидуальном уровне, и проанализировать правовое положение аборигенных народов Севера под углом зрения социального антрополога, изучающего жизнь коренных народов, чтобы посмотреть, насколько эта система соответствует их чаяниям и интересам в современных условиях.

Важно учитывать, как воспринимаются те или иные нормы официального права самими аборигенами. Широкую популярность с начала 1990-х годов приобрел Указ Президента РФ от 22 апреля 1992 г. № 397 «О неотложных мерах по защите мест проживания и хозяйственной деятельности малочисленных народов Севера». 25 февраля 2003 г. Президент РФ В.В. Путин подписал Указ № 250 «Об изменении и признании утратившими силу некоторых актов Президента РСФСР и Президента Российской Федерации», который отменил абзац 3 пункта 1 Указа Президента Российской Федерации от 22 апреля 1992 г. Данный абзац давал право: «Передавать бесплатно оленьи пастбища, охотничьи, рыболовные угодья для комплексного использования (оленеводства, охотничьего, рыболовного и морского зверобойного промыслов, сбора ягод, грибов, орехов, лекарственных растений и других) родовым общинам и семьям из числа малочисленных народов Севера, связанным с традиционными отраслями и промыслами, в пожизненное наследуемое владение либо в аренду, а колхозам и совхозам – в постоянное (бессрочное) пользование или в аренду». Представители коренных малочисленных народов Севера, Сибири и Дальнего Востока восприняли этот акт как ущемление своих конституционных прав[28].

Дальнейшая эволюция правовой политики в отношении коренных народов связана с передачей все больших полномочий на федеральный уровень и сокращением возможностей для развития самоуправления и представительства их в политическом процессе. Эти тенденции отражены в законе «О внесении изменений в законодательные акты Российской Федерации и признании утратившими силу некоторых законодательных актов Российской Федерации в связи с принятием федеральных законов “О внесении изменений и дополнений в Федеральный закон “Об общих принципах организации законодательных (представительных) и исполнительных органов государственной власти субъектов Российской Федерации” и “Об общих принципах организации

---

[28] Информационная рассылка «Лач» № 10 (73), 18 марта 2003 г., Этно-Экологический Информационный центр «Лач» Ассоциации КМНСС и ДВ РФ г. Петропавловск-Камчатский.

местного самоуправления в Российской Федерации"» (№ 122-ФЗ от 22 августа 2004 г.). «Трансформация полномочий органов власти свидетельствует об известной централизации правового регулирования отношений, связанных с коренными малочисленными народами»[29]. Этот процесс соответствует общей тенденции усиления «федерального присутствия» в правовом поле, когда снижается роль регионального законодательства, по остроумному выражению В. Лексина, в условиях «презумпции региональной виновности»[30].

Существенные изменения были внесены в закон «О гарантиях прав». Наиболее важным из них является передача органам государственной власти РФ полномочий регулировать правовой режим владения, пользования и распоряжения землями традиционного природопользования и землями историко-культурного назначения в местах проживания малочисленных народов. Ранее этот вопрос находился в совместном ведении РФ и субъектов РФ. В.А. Кряжков считает, что это положение не противоречит Конституции, а, напротив, «согласуется с правовыми позициями Конституционного суда РФ, который, интерпретируя положения Конституции РФ (ст. 9, 36, 71, 72, 76), пришел к выводу, что земля и иные природные ресурсы как всенародное достояние являются всенародной собственностью; ее регулирование – компетенция РФ, которая может в этой сфере наделять органы власти субъектов федерации определенными полномочиями (см. постановление КС РФ от 9 января 1998 г. № 1-П, п. 4-7; от 7 июля 2000 г. № 10-П, п. 3)»[31].

При этом в ведении субъекта федерации остается «порядок отвода, использования и охраны находящихся в собственности субъектов РФ земель традиционного природопользования малочисленных народов» (ст. 6, п. 7 ФЗ «О гарантиях прав коренных малочисленных народов РФ»). Сложность заключается в том, что большинство территорий расселения этих народов являются собственностью Российской Федерации. Совместное ведение позволяло более гибко решать вопросы защиты прав аборигенных народов, корректировать деятельность органов власти, когда они расставляли слишком жесткие приоритеты. Изучение опыта Ханты-Мансийского автономного округа в вопросах защиты прав

---

[29] *Кряжков В.А.* Вступительная статья // Статус коренных малочисленных народов России. Правовые акты. Книга третья. М., 2005. С. 24.

[30] *Лексин В.* Феномен «федерального присутствия» в политической культуре России // Федерализм. 2005. № 4. С. 12.

[31] *Кряжков В.А.* Изменения Федерального закона от 22 августа 2004 г. № 122-ФЗ, касающиеся коренных малочисленных народов: содержание и применение // Мир коренных народов. Живая Арктика. 2004. № 16. С. 29.

коренных народов в сфере природопользования показывает, что принцип совместного ведения, провозглашенный в Конституции, является очень важным, так как позволяет корректировать политику в отношении коренных народов Севера. Органы власти субъекта федерации оказываются в большей степени знакомыми с проблемами коренных народов, но они же бывают заинтересованы в работе нефтяных компаний на своей территории и в этом вопросе коренные народы могут апеллировать к центру как гаранту прав человека. С другой стороны, излишняя централизация, о которой свидетельствует эволюция законодательства после 2004 г., может лишить власть «знания жизни». Тем более это актуально для коренных малочисленных народов, которые наряду с общими чертами образа жизни имеют много локальных особенностей. Опыт взаимодействия этих народов с промышленными компаниями особенно ярко высвечивает необходимость учета таких особенностей. Об этом свидетельствует и опыт других стран, в первую очередь Канады, где наряду с общей политикой выработаны различные подходы в разных регионах и даже к разным народам[32]. Поэтому усиливающаяся централизация в правовой сфере только затрудняет взаимодействие с промышленными компаниями. В последние годы очевидно отставание федерального законодательства от регионального в этом вопросе.

Закон «О гарантиях прав» почти не касался вопросов самоуправления. В нем была лишь статья 11 о «Территориальном общественном самоуправлении малочисленных народов»: «В целях социально-экономического и культурного развития, защиты исконной среды обитания, традиционных образа жизни, хозяйствования и промыслов малочисленных народов, а также для решения вопросов местного значения лица, относящиеся к малочисленным народам, в местах их компактного проживания вправе в соответствии с законами субъектов РФ создавать органы территориально общественного самоуправления малочисленных народов с учетом национальных, исторических и иных традиций». А новая формулировка «вправе осуществлять территориальное общественное самоуправление» лишена специфики. В законе рассматривался и вопрос о квотном представительстве этих народов в органах власти

---

[32] Например, Nuttall M. Pipeline Dreams. People, Environment and Arctic Energy Frontier. Copenhagen, 2010; Руководящие Принципы Добычи Полезных Ископаемых Племени Таку Ривер Т'лингит, Провинция Британская Колумбия, Канада (Taku River Tlingit / First Nation Mining Policy), март, 2007 г. «Наша земля – это наше будущее» // Рекомендации по подготовке к переговорам с ресурсодобывающими предприятиями. Pacific Environment, 2008. С. 11–22.

(ст. 13), но лишь при наличии соответствующего законодательства в субъекте федерации. В новом законе эта статья отменена.

Эволюция законодательства существенно сокращает возможности защиты прав коренных народов через развитие их самоуправления и представительство в органах власти. Именно поэтому столь актуальным становится поиск новых или дополнительных средств и механизмов защиты прав коренных малочисленных народов Севера, изучением которых как раз и занимается юридическая антропология.

Определенные коллизии возникают и в связи с принятым на федеральном уровне списком коренных малочисленных народов, районов их проживания и хозяйственной деятельности. Данный документ, принятый для защиты прав этих народов, в современных условиях подчас является определенным ограничением для них. Для того чтобы сохранить свои права, они вынуждены проживать в определенных районах, а если они выезжают оттуда, даже под давлением промышленного освоения, они оказываются уже «неполноправными аборигенами» или вообще могут потерять свои права. С другой стороны, те же органы государственной власти не дают этим народам их законного права на территории традиционного природопользования.

Вообще для современного законодательства все в большей степени характерна формализация статуса коренных малочисленных народов, принятие перечня мест проживания создает дополнительные трудности в защите прав этих народов. Так, показательное дело было рассмотрено Верховным судом Республики Саха (Якутия). Как сообщает пресс-служба прокуратуры РС(Я), Верховный суд республики 2 апреля 2010 г. удовлетворил заявление (об отнесении чукчей к КМНС Якутии. – *Н.Н.*) прокуратуры, признав противоречащей федеральному законодательству и недействующей с момента вступления решения суда в законную силу ч. 1 ст. 2 Закона РС (Я) «О перечне коренных малочисленных народов Севера и местностей (территорий) их компактного проживания в Республике Саха (Якутия)». Определением судебной коллегии по гражданским делам Верховного суда РФ от 2 июня 2010 г. решение суда первой инстанции вступило в законную силу. В соответствии с Единым перечнем коренных малочисленных народов Российской Федерации, утвержденным постановлением Правительства Российской Федерации от 24. 03. 2000 № 255, на момент рассмотрения дела судом к коренным малочисленным народам Российской Федерации, проживающим на территории Республики Саха (Якутия), отнесены долганы, эвены, эвенки, юкагиры. Постановлением Правительства РФ от 2 сентября 2010 г.

№ 669 в Единый перечень внесены изменения, в соответствии с которыми аборигенный этнос «чукчи» отнесен к коренным малочисленным народам, проживающим в том числе на территории Республики Саха (Якутия). В связи с этим Ил Тумэн (Законодательное собрание) обратился с заявлением о пересмотре решения Верховного суда Республики Саха (Якутия) от 02.04.2010 г. по вновь открывшимся обстоятельствам. Но Верховный суд РС(Я) и на этот раз отказал Госсобранию в удовлетворении заявления, так как налицо превышение полномочий субъекта Российской Федерации в части установления такого регионального законодательного регулирования, которое на момент рассмотрения дела отсутствовало на федеральном уровне[33]. Странно, что при наличии других немаловажных проблем коренных малочисленных народов в России и в Республике Саха Верховный суд разбирает подобные дела.

Еще одна проблема «списочного подхода». В 2009 г. постановлением Правительства был определен список видов традиционной хозяйственной деятельности. У общин коренных народов возникают проблемы с регистрацией, так как их деятельность не всегда укладывается в рамки видов традиционной хозяйственной деятельности, указанных в этом постановлении. Такие списки все меньше оставляют места для определения статуса коренных малочисленных народов в соответствии с их хозяйственно-культурными практиками.

В субъектах федерации, в частности в ХМАО, процесс определения статуса по спискам приобрел еще более жесткие рамки. Там существуют списки или реестры всего: субъектов традиционного природопользования, видов традиционной хозяйственной деятельности, объектов культурного наследия этих народов. В региональном законодательстве существенно дополнено представление о том, кто относится к коренным малочисленным народам.

В Уставе ХМАО–Югры уже в преамбуле отмечается, что основной закон округа принимается с целью обеспечения равных прав российских граждан и защиты интересов коренных малочисленных народов. В статьях 1 и 62 отмечается, что «Ханты-Мансийский автономный округ – Югра является исконным местом проживания коренных малочисленных народов ханты, манси и ненцев». Определение этих народов осуществляется в соответствии с федеральным законодательством[34]. В законе ХМАО–Югры

---

[33] Рассылка Raiponlaw, от 24.12.2010.

[34] Нормативные документы ХМАО–Югры цитируются по: Статус коренных малочисленных народов России. Международные правовые акты и российское законодательство. Книга четвертая. М., 2007. С. 534–586.

«О традиционных видах деятельности коренных малочисленных народов Севера в Ханты-Мансийском автономном округе» (от 4 ноября 2001 г.) указывается: «Настоящий Закон распространяет свое действие на лиц, относящихся к коренным малочисленным народам Севера, постоянно проживающих в Ханты-Мансийском автономном округе, ведущих традиционный образ жизни и занимающихся традиционными видами деятельности, и их объединения, а также на лиц, не относящихся к коренным малочисленным народам Севера, но постоянно проживающих не менее 20 лет в Ханты-Мансийском автономном округе, ведущих традиционный образ жизни коренных малочисленных народов Севера и занимающихся традиционными видами деятельности указанных народов».

Таким образом, конкретизируется положение федерального законодательства об определяющем для статуса коренных народов традиционном образе жизни и дается перечень традиционных видов деятельности: оленеводства, коневодства, охоты, рыболовства и собирательства. Причем можно отметить, что этот перечень выгодно отличается от федерального списка, который включает 13 позиций и имеет очень широкий спектр, там перечислены практически все виды сельскохозяйственной деятельности, а также строительство, художественные промыслы и традиционные ремесла, которые характерны для всех народов страны[35].

Следующий список касается субъектов права традиционного природопользования. По закону ХМАО «О территориях традиционного природопользования коренных малочисленных народов Севера регионального значения в Ханты-Мансийском автономном округе – Югре» ими названы лица и общины коренных малочисленных народов и приравненных к ним, «в интересах которых в соответствии с действовавшим до вступления в силу настоящего Закона Положением о статусе родовых угодий в Ханты-Мансийском автономном округе были образованы родовые угодья», сведения о которых включены в Реестр территорий традиционного природопользования. Таким образом, согласно этим нормативным актам за представителями коренных малочисленных народов сохраняется право свободного определения своей национальности, гарантированное конституцией. Но это право конкретизируется: во-первых, подчеркивается преемственность с ранее действующей политикой в отношении родовых угодий; во-вторых, их правовое положение связывается с необходимостью индивидуальной фиксации. Таким образом, подчеркивается необходимость создания «именных реестров».

---

[35] Распоряжение Правительства Росийской Федерации от 8 мая 2009 г. № 631-р.

Этот путь представляется наиболее конструктивным. Но необходимо внести определенные правила в этот процесс. Важным было бы включить в этот процесс организации коренных народов, их права на участие в определении того, кто относится к коренным малочисленным народам. Такой процесс составления списков коренных малочисленных народов начался уже в некоторых субъектах федерации. Хотя остается проблемой выработка критериев отнесения гражданина к коренным малочисленным народам. В Российской Федерации, как и в более ранние периоды истории, превалировал коллективный взгляд на статус коренных малочисленных народов. Долгое время панацеей от всех бед считалось включение в Единый перечень, а национальность определялась по паспорту. В 1989 г. В.А. Тишковым была предложена следующая практика: существующая паспортная фиксация может быть заменена практикой официальных списков коренных народов на уровне местных властей. И здесь сугубо индивидуальное право самоидентификации должно дополняться коллективным правом местных общин и органов власти определять принадлежность граждан к той или иной группе, чтобы избежать возможных попыток намеренно отнести себя к национальности, члены которой пользуются определенными привилегиями и специфическими правами. Автор указывает на практику народов Северной Америки, у которых общины определяют состав своего членства, но предлагает не использовать принятый у них принцип «определения доли аборигенной крови»[36]. К сожалению, до сих пор нет общефедеральной практики определения процедуры отнесения гражданина к коренным малочисленным народам.

В современных условиях необходимость выполнения такой работы особенно актуальна. В связи с промышленным, в первую очередь нефтегазовым, освоением Севера возрастает конкуренция за получение такого статуса. Такая ситуация не является уникальной. Например, в Индии позитивная дискриминация в отношении неприкасаемых вызывает сходные проблемы. Государство резервирует назначения и должности для представителей «отсталых классов граждан». При выполнении этой нормы Индия сталкивалась с такими проблемами: при отсутствии достоверных списков лиц, имеющих право на льготы, представители не «низших» каст пытались попасть в число «неприкасаемых»[37].

---

[36] *Тишков В.А.* Двадцать лет спустя: Опыт переосмысления теории и практики межнациональных отношений (Материалы для обсуждения на методологическом семинаре ИЭА РАН 26 ноября 2009 г.) //Исследования по прикладной и неотложной этнологии. М., 2009. Вып. 200. С. 18.

[37] Права человека. Итоги века, тенденции, перспективы. М., 2002. С. 340.

Интересный для России опыт представлен в Северо-Западных территориях Канады. Во время проведения полевых исследований в 2006 г. в г. Инувике я столкнулась с тем, что в период обсуждения перспектив промышленного освоения территории этот вопрос стал особенно актуальным. В корпорации инувиалуитов применяется специальная схема получения статуса инувиалуита. Для вступления в корпорацию и получения соответствующих прав и преференций нужно заполнить «Confidential Inuvialuit Enrolment Data Sheet» / «Секретный (доверительный) лист записи инувиалуитом».

При заполнении этой анкеты нужно указать: имя христианское, имя инувиалуитское, номер социальной страховки, адрес, телефон, гражданство, пол, дату и место рождения, семейный статус, имя супруга, дату регистрации брака. Затем нужно указать свою этническую принадлежность. Возможны следующие варианты: инувиалуит, индеец Юкона, дене, метис, инуит (центральный/восточный), другие. Далее нужно ответить на вопросы: Имеете ли право на участие в других соглашениях по землям в Канаде, если да, то в каких. Указать количество детей (родных и усыновленных). На каждого ребенка нужно заполнить отдельную анкету. Все эти данные заверяются подписью заявителя.

К заявлению прилагаются свидетельства о рождении каждого члена семьи и данные на предков в трех поколениях с указанием места рождения и «аборигенности, доли аборигенной крови» (Native Blood). Как видно из этого документа, процедура довольно сложная, она должна обеспечить, с одной стороны, свободу волеизъявления, с другой – законный доступ к ресурсам. Дети от смешанных браков инувиалуитов и гвитчин могут быть записаны в ту или другую корпорацию по желанию родителей, но также с соблюдением процедуры. Как говорили мои информанты, на выбор этнической идентичности влияет и оценка успешности деятельности сообщества в тот период, когда нужно записывать ребенка[38].

В России подобная процедура также должна быть выработана. При приобретении особого статуса коренных малочисленных народов необходима процедура его получения отдельными гражданами, а пока этот вопрос юридически не урегулирован, должны быть найдены другие пути – возможно, составление списков органами местного самоуправления совместно с организациями коренных народов, как это делается, например, в Сахалинской области. В некоторых субъектах федерации, в частности в Республиках Саха (Якутия) и Бурятия приняты Положения о вкладыше

[38] ПМА, г. Инувик, Канада, 2006 г.

к паспорту гражданина Российской Федерации со сведениями о национальной принадлежности, существует и судебная практика установления принадлежности к коренным малочисленным народам. Суд в этом случае сам устанавливает критерии такого отнесения.

Так, Вилючинский городской суд (Камчатская область) принял решение на основании следующих документально подтвержденных сведений: заявитель является сыном и внуком ительменов, он и его предки с конца XIX в. проживали на территории Камчатского полуострова. Другие факты были, вероятно, приняты на основании свидетельских показаний (в статье нет об этом сведений. – *Н.Н.*): он является членом общины и ведет традиционный образ жизни; осознает свою принадлежность к ительменам, духовно связан с традициями и культурой ительменов. На основании этого была определена принадлежность заявителя к ительменам, которые являются признанным коренным малочисленным народом Севера, Сибири и Дальнего Востока[39].

Новый импульс для необходимости определения индивидуальной идентификации аборигенов в нашей стране связан с деятельностью Верховного суда. В Постановлении Пленума Верховного суда Российской Федерации от 23 ноября 2010 г. отмечается: «Действующим законодательством о рыболовстве и сохранении водных биоресурсов для коренных малочисленных народов Севера, Сибири и Дальнего Востока Российской Федерации предусмотрены особые условия рыболовства в целях обеспечения традиционного образа жизни и осуществления традиционной хозяйственной деятельности этих народов (далее – традиционное рыболовство)… При рассмотрении дел об административных правонарушениях, предусмотренных частью 2 статьи 8.17 и частью 2 статьи 8.37 КоАП РФ, совершенных лицами, которые утверждают, что они относятся к коренным малочисленным народам Севера, Сибири и Дальнего Востока Российской Федерации, необходимо учитывать следующее…

Лицо, в отношении которого ведется производство по делу об административном правонарушении, согласно части 1 статьи 26 Конституции Российской Федерации вправе самостоятельно определить свою национальную принадлежность к коренным малочисленным народам Севера, Сибири и Дальнего Востока Российской Федерации. Однако заявление указанным лицом о своей принадлежности к коренным малочисленным народам Севера, Сибири

---

[39] *Якель Ю.Я.* Возможности восстановления нарушенных прав коренных малочисленных народов // Мир коренных народов. Живая Арктика. 2011. № 26. С. 52–53.

и Дальнего Востока Российской Федераци само по себе не может повлечь предоставление ему прав на осуществление традиционного рыболовства, если будет установлено, что это лицо не восприняло язык, национальную культуру, традиционные образ жизни и хозяйственную деятельность данной этнической общности».

Такое положение вызывает ряд вопросов, в первую очередь в связи с тем, что является не ясным, что значит «восприятие языка», тем более что слишком незначительный процент коренных народов Севера владеет своим языком. Да и вообще как определить восприятие национальной культуры (для РФ национальной культурой является скорее российская, в данном случае речь может идти об этнической культуре. – *Н.Н.*), традиционного образа жизни и хозяйственной деятельности? По закону «О гарантиях прав» такое лицо должно вести традиционный образ жизни. Ассоциация коренных малочисленных народов Севера, Сибири и Дальнего Востока РФ уже обратилась в Верховный суд с просьбой о принятии мер к устранению неточностей, но ответа не получила[40].

Представляется более адекватным рассматриваемому вопросу внесение в правовую систему положения о том, что это лицо должно следовать нормам обычного права. Последнее может быть доказано в суде и явится правовым основанием получения этим лицом особых прав на рыболовство, гарантированных законодательством. Кроме того, может быть доказано и то, что данное лицо следует в рыболовстве традиционным приемам и методам, использует традиционные орудия лова. А правовая составляющая традиционного рыболовства как раз и будет доказана при следовании данного лица правовым обычаям коренных малочисленных народов.

В данной работе в качестве дополнительных мер защиты прав коренных народов, наряду с государственным законодательством, предлагается рассматривать обычное право коренных малочисленных народов.

2. Обычное право коренных малочисленных народов Севера в системе российского законодательства

Особый интерес при рассмотрении государственной политики в отношении народов Севера составляет статус обычного права этих народов. В российской традиции отношение к обычному праву как живому явлению было в наибольшей степени характерно

---

[40] *Якель Ю.Я., Мурашко О.А.* Верховный суд Российской Федерации уделил особое внимание урегулированию вопросов судебной практики по делам об административных правонарушениях при осуществлении традиционного рыболовства // Мир коренных народов. Живая Арктика. 2011. № 26. С. 89–91.

для начала XIX в. Безусловно, это было вызвано реальным положением народов Севера в тот период. По «Уставу об управлении инородцев» 1822 г. все «инородцы» были поделены на оседлых, кочевых и бродячих. Важнейшим элементом политики М.М. Сперанского являлось гибкое отношение к правовому положению отдельных групп «инородцев». Принципиально важен тот факт, что в XIX в. их статус не был так жестко детерминирован, как сегодня. В случае изменения образа жизни, занятий, условий проживания они могли переходить из одной группы в другую, т.е. «с переменой образа жизни и степени образования» возникала необходимость изменения «образа самого их управления»[41].

К возможности применения обычаев в суде обращалось и Советское государство в 1920-е годы. Не останавливаясь подробно на описании документов, отмечу, что в них подчеркивалась связь культурно-хозяйственного облика народов Севера с возможностью ведения судопроизводства на основании их обычаев. В развитие декрета ВЦИК и СНК РСФСР «О выполнении судебных функций органами туземного управления народностей и племен северных окраин РСФСР» (1927 г.) была принята «Временная инструкция о суде в туземных местностях Сибирского края» (1929 г.). В ней специально указывается: «При разрешении дел туземные советы и туземные райисполкомы применяют местные обычаи, не противоречащие основным советским законам. Наряду с обычаями могут применяться действующие законы РСФСР»[42]. Эти меры воспринимались как временные. Такие документы заслуживают особого упоминания, так как в отношении к обычному праву северная политика отличалась от правительственной кампании против следования родовым обычаям, которое было объявлено уголовным преступлением. Комитет Севера специально просил не применять уголовное преследование к народам Заполярья[43].

После принятия Устава об управлении инородцами проводилась работа по письменной фиксации отдельных норм права народов Севера. Такой подход означал, что управление народами Сибири должно строиться на иных, чем в Центральной России, основаниях и учитывать их обычаи и институты власти. Кодификация не увенчалась успехом. В исторической литературе отмечается, что к середине XIX в. правительство признало, что кодификация норм

---

[41] Устав об управлении инородцев, глава VIII. О законах и обычаях // Статус малочисленных народов России. Правовые акты, кн.2. М., 1999. С. 11–12.

[42] Материалы Государственного архива Ханты-Мансийского автономного округа. Ф. 138. Оп. 1. Д. 18. Л. 2–5.

[43] *Слезкин Ю.* Арктические зеркала: Россия и малые народы Севера. М., 2008. С. 183.

обычного права народов Сибири, предусматривающаяся по уставу Сперанского, будет «не полезной, а вредной». Она послужит консервации отсталых юридических норм и традиций. Под влиянием притока населения из центральных областей в жизни народов Севера произошли существенные изменения. Назначенный в 1847 г. генерал-губернатором Восточной Сибири Н.Н. Муравьев предложил «управление инородцами» подчинить общеимперскому законодательству. Правительство исходило из того, что обычное право было в этот период уже пройденным этапом для народов Севера, и склонялось к необходимости ускорения темпов интеграции русского и коренного населения Сибири[44].

Антропологический взгляд на эту проблему позволяет иначе оценить ситуацию. И имперское, и советское правительства переоценивали успехи ассимиляционной политики. Кроме того, исторический подход в данном случае не учитывает того, что нужно различать обычное право как предправо и обычное право как явление современной жизни, когда обычаи и традиции коренных народов регулируют жизнь аборигенов наряду с государственным правом. В этнографической литературе долгое время обычное право за редким исключением рассматривалось как древнее, устаревшее явление, просуществовавшее в лучшем случае до начала XX в. Для целей юридической антропологии такие знания представляют в основном историографический интерес.

В настоящее время вопрос о кодификации обычного права или иных механизмах его инкорпорации в государственную правовую систему является актуальным. И хотя роль обычного права никогда не была значительной в течение советского и постсоветского времени, обычаи и традиции коренных малочисленных народов Севера приобретают все большее значение в определении государственной политики в отношении этих народов.

Возможность учета обычаев и традиций этих народов провозглашена в Федеральном законодательстве Российской Федерации последних лет. Таким образом, законодатели подтвердили положения Конституции РФ о гарантиях защиты прав коренных малочисленных народов в соответствии с принципами и нормами международного права. На первый взгляд, это отрадное явление, которое свидетельствует об осуществлении стремления ученых, большей частью этнографов, и активистов аборигенных движений создать законодательство, чувствительное к образу жизни этих народов. Вместе с тем наше общество в целом и коренные малочисленные народы Севера, в частности, отнеслись к этому

[44] Сибирь с составе Российской империи. М., 2007. С. 234–235.

событию довольно индифферентно. Оно не вызвало ни всплеска академической активности по изучению обычного права и возможностей его рецепции в правовую систему государства, ни активности коренных народов и их общественных организаций по сбору и изучению правовых обычаев.

В 1999 г. с принятием закона «О гарантиях прав» сделана очередная попытка включения обычаев малочисленных народов в правовую систему. Создается впечатление, что государство возвращается к некогда существовавшей традиции особой политики в отношении коренных народов, основанной на признании их культурной самобытности. Но при более внимательном анализе современного правового положения коренных малочисленных народов становится очевидным, что в законодательстве начала XIX в. и современном гораздо больше различий, чем сходства. И законодатели иные, и законопослушные граждане не те. Серьезное различие заключается в том, что в начале XIX в. обычаи этих народов были в меньшей степени затронуты влиянием извне и в большей, чем сейчас, степени регулировали жизнь коренных народов. Необходимо также учитывать, что по «Уставу об управлении инородцев» были ограничены возможности проникновения на их земли иного населения. Да и ценность, и привлекательность этих земель до открытия на них месторождений различных видов минерального сырья были иными.

Обычное право коренных народов Севера является одним из важных инструментов в защите их прав, оно предоставляет им дополнительные гарантии судебной защиты. Юридическая антропология рассматривает обычаи и обычное право не сами по себе, она изучает правовое бытие людей, т.е. то, как люди живут в условиях регуляции их жизни законами и обычаями. Конечно, люди не думают об их действии постоянно, но для нас представляет интерес именно то, как они воспринимают эти нормы. Полевой опыт показывает, что люди задумываются о нормах обычного права в двух случаях: когда к ним приезжают этнографы и спрашивают об этом и когда у них возникают конфликты с администрацией или промышленными предприятиями. В других случаях они просто живут в соответствии или вопреки этим нормам. Причем именно низкий уровень официального правового сознания представителей коренных народов, что мало отличает их от остального населения России, часто приводит к тому, что они руководствуются в обыденной жизни нормами традиционного права как более ей соответствующими, особенно в сфере семейных отношений и природопользования.

Вмешательство государства, конечно, происходило в течение всей истории его существования, но до активного промышлен-

ного освоения Сибири противоречия в землепользовании не были столь острыми. Основные конфликты в природопользовании возникли из-за отторжения территорий традиционного проживания и хозяйствования этих народов. Также, но в меньшей степени, конфликты возникали и возникают из-за лимитирования государством биологических возобновляемых ресурсов. В семейной сфере активное вмешательство государства началось в период создания интернатов. В современных условиях сказываются уже в большей степени существенные последствия интернатной системы, когда три-четыре поколения аборигенов были оторваны от традиционного образа жизни. В этой ситуации мы вряд ли можем говорить о правовой аккультурации, хотя совсем не учитывать влияние официального права нельзя. Скорее следует говорить о существовании на Севере России, как и во многих других районах мира, «полуавтономных социальных полей», по определению С. Мур[45].

Итак, к настоящему моменту приняты три Федеральных закона: «О гарантиях прав коренных малочисленных народов РФ» (1999 г.), «Об общих принципах организации общин коренных малочисленных народов Севера, Сибири и Дальнего Востока РФ» (2000 г.), «О территориях традиционного природопользования коренных малочисленных народов Севера, Сибири и Дальнего Востока РФ» (2001 г.). Сначала было закреплено в законе главное – учет обычаев в судебной защите. Следующий закон зафиксировал возможность регулирования обычаями вопросов внутреннего развития общин. И наконец, третий закон дал определение обычаев и зафиксировал возможность их использования при правовом регулировании землепользования – фундаментального вопроса развития коренных народов в прошлом и настоящем.

В федеральном законодательстве не используется термин «обычное право», там говорится о традициях и обычаях народов. Это связано с тем, что у этнографов и юристов нет единого определения этого понятия. Мне кажется наиболее удачным следующее определение: это обычай, получивший общественную санкцию, т.е. норма, о которой все знают. В данном случае можно также пользоваться определением, которое дано в законе «О ТТП»: обычаи – это традиционно сложившиеся и широко применяемые коренными народами правила ведения традиционного природопользования и традиционного образа жизни. В научной литературе обычаи такого рода рассматриваются как «юридические

---

[45] *Moor S.F.* Law and social change: the semi-autonomous social field as an appropriate subject of study // Law and Society Review. 1973. P. 719–746.

обычаи» – обычаи, по которым разрешаются споры[46]. В данном случае мы имеем дело с нормами и правилами, которые регулируют поведение людей при возникновении конфликтных ситуаций или для предотвращения возникновения таких ситуаций. Последнее обстоятельство является очень важным для изучения механизма «управления жизнью» через обычаи.

Сфера действия обычая всегда ограничена локальным сообществом. Рамки его могут быть ограничены этнически или/и территориально, географически. Сегодня, когда нормы обычного права сохраняются только у аборигенов, ведущих традиционный образ жизни, основанный на оленеводстве, охоте, рыболовстве и собирательстве, такое сообщество может представлять одну семью или группу близких родственников, живущих по соседству.

Обычное право во все времена представляло собой синкретичное явление, но оно выделяется из общей системы мировоззрения сегодня потому, что не только содержит правовые ценности, но и выступает регулятором общественных отношений. Регулирующая функция предполагает при этом гибкость, модельность, но так как это право, то в рамках допустимого. Для коренных народов Севера такими рамками, на мой взгляд, выступают запрет и мера.

В традиционном обществе аборигенных народов существуют неукоснительные запреты. Иногда, описывая эти нормы, этнографы отмечают, что люди на вопрос: «Почему?» отвечают: «Нельзя», не вдаваясь в подробности. Думаю, это связано не с тем, что люди забыли (нельзя забыть часть нормы: норма может или «жить» только полностью, или быть полностью забытой, или больше не применяться), а с тем, что, по их представлениям, такого ответа достаточно. Понятия меры и запрета тесно связаны в обычном праве. Люди не только соблюдают меру, но и подчиняются запрету на ее нарушение. Мера определяется, в первую очередь, в отношении к окружающему миру, природе, земле. Именно благодаря существованию этой нормы и существует традиционное природопользование.

Например, опытные оленеводы определяют сами, сколько оленей они могут содержать на тех пастбищах, которые остались после занятия территорий под промышленное освоение. Количество оленей строго лимитируется состоянием пастбищ. В современных условиях из-за нефтедобычи и связанных с нею нарушений окружающей среды оно и не может быть увеличено. Но кроме этих техногенных ограничений, которые нарушили

---

[46] *Давид Р.* Основные правовые проблемы современности: (Сравнительное право). М., 1967. С 46; *Зибарев В.А.* Юстиция у малых народов Севера. Томск, 1990. С. 115–129.

меру, на севере существовали «естественные» ограничители, которые определяли меру. Конечно, мера в использовании возобновляемых природных ресурсов строилась и на том, что численность и, главное, плотность населения в XIX в. были намного меньше современных. Но это обстоятельство было не единственным. Аборигены сознательно представляли и представляют свои нормы природопользования ресурсосберегающими. Например, в настоящее время оленеводы Ханты-Мансийского автономного округа имеют небольшие стада – до 500 оленей, чаще значительно меньше. В.П. Евладов подробно описал нормы и правила ненцев, которым они следуют на охоте на песцов. Ненцы категорически протестовали против способов, применяемых зырянами. Приведу лишь один пример из его книги: «…разрывание нор, способ, не требующий объяснения, применять который не станет ни один ненец, ибо, по их понятиям, разрытие норы равносильно разлому чужой нарты»[47]. На международных встречах коренных народов мне приходилось слышать, как наши оленеводы обвиняли скандинавских в том, что те не сберегли пастбища, увлекшись получением прибыли.

В настоящее время общество аборигенов не однородно, его представляют различные группы с различными взглядами и стремлениями. Но не надо забывать, что современное законодательство предоставляет особые права только тем из них, кто ведет традиционный образ жизни. Определение круга лиц, на которых распространяется данное законодательство, представляет проблему. Но если мы внимательно рассмотрим логику аборигенных норм, то неслучайно действие обычаев строго ограничено той сферой, где легче всего может быть доказана его правовая природа: суд, община, территория традиционного природопользования.

Идеология обычного права не всегда соответствует практике. Нормы обычного права ближе к жизни, чем закон, принятый государством, но они, так же как и законы, нарушаются. При традиционном образе жизни мера в использовании ресурсов, в отношении к природе сохраняется коренными народами в большей степени, так как является основой их жизнеобеспечения. В этом обществе не говорят о том, что можно. Важно следовать самим и передать детям знания о запретах. Я думаю, можно говорить о запретительном характере норм обычного права. Эта черта является наиболее соответствующей жизни – нет излишней регламентации, есть запреты – все остальное разрешено. Но эта черта является

---

[47] *Евладов В.П.* По тундрам Ямала к Белому острову. Экспедиция на Крайний Север полуострова Ямал в 1928–1929 гг. Тюмень, 1992. С. 179–181.

и наиболее правовой, и на основе этого правовые обычаи (или обычное право) могут войти в правовую систему государства.

Для нормативной культуры коренных народов характерна «мера в запретах». Например, из-за каких-то внешних обстоятельств изменилась жизнь в общине, не осталось ни одного мужчины – хранителя и знатока обрядов и ритуалов. В этой ситуации роль мужчины берет на себя женщина. Если у семьи маленькое стадо оленей, то они не употребляют в пищу важенок, чтобы сохранить будущее потомство. Но если в какой-то момент мясо этой важенки будет единственной пищей для людей, то этот запрет может быть снят.

В подобных ситуациях государство иногда предлагает свою модель – «запрет без меры». Например, аборигенам Сахалина было запрещено ловить рыбу в р. Тымь в течение всего года, так как река является нерестовой. Рыба для них – основная и часто единственная пища. Вследствие этого запрета государственные предприятия вылавливали в этой реке и привозили населению по 100 кг рыбы на человека в год (что недостаточно), аборигены были лишены возможности заниматься традиционным и привлекательным для них видом деятельности, стали безработными со всеми вытекающими из этого положения финансовыми и психологическими проблемами. В результате и государственные службы, и население нарушали природоохранные нормы. Подобным запретом можно считать и действовавший в течение многих лет запрет эскимосам Чукотки добывать китов, охота на которых является этнообразующим признаком их культуры. Другим важным элементом обычной правовой системы является то, что *обычное право создает и разрушает норму*. Именно его изменяющийся характер приводит к тому, что обычай, становясь общественной нормой, создает преграду на пути развития и приводит со временем к разрушению этой нормы.

В вопросе о возможности сосуществования обычно-правовой и государственной правовой систем наша страна проходит путь, в большей или меньшей степени пройденный мировым сообществом, и мы можем учитывать уроки этого процесса. Один из них заключается в том, что, как пишет Н. Рулан, «путаются содержание традиционного права и его логика. В некоторых случаях суждение о том, что традиционное право не может быть приспособлено к требованиям современности, верно. Но совершенно неверно полагать, что традиционное право не способно к производству новых правовых норм; ведь всегда признавалось, что обычаи обладают гибкостью и сравнительно легкой приспособляемостью. И если многочисленные земельные реформы

и кодификации давали часто неудовлетворительные результаты, то происходило это потому, что их предписания воспринимались населением как какое-то право, навязанное извне. Вместо того чтобы изменять традиционное право, лучше было бы создать такие условия, чтобы оно постепенно преобразовалось, а не поступать с ним авторитарно, вплоть до его упразднения»[48].

Лучшим доказательством действенности нового законодательства может стать именно его применение коренными народами, в том числе и через обращение в суд. При рассмотрении современной судебной защиты прав коренных малочисленных народов особенно очевидным становится ее отличие от методов и приемов «традиционного суда». Ведь именно он руководствовался в первую очередь обычаями народов и на примере его изучения мы можем говорить об одном из способов такой защиты. По литературе и документам мы можем судить только о суде, возникшем и сложившемся под влиянием и контролем государства. Обвиняемому давалась полная возможность доказать свою невиновность, для чего использовалась присяга, у многих народов Севера на медвежьей лапе.

Наряду с традиционным судом, а в XX в. вместо него существовали иные способы разрешения конфликтов в обществе, одним из них было предотвращение их через соблюдение определенных правил и передачу знаний об этих нормах следующим поколениям. К таким нормам относятся, в первую очередь, обычаи регулирования семейных отношений, гостевания, промысловой деятельности. Именно потенциал толерантности правовой культуры коренных народов Севера является совершенно невостребованным в современном обществе. Поэтому особенно важно использовать обычаи примирения и различные приемы ведения переговоров как альтернативу судебному разрешению конфликта. В случае невозможности достижения соглашения следует обращаться в суд. Кстати, таким образом можно способствовать созданию благоприятного общественного мнения вокруг судебного процесса.

Обычное право в суде: российское законодательство и практика

В современном законодательстве понятие «обычаи и традиции коренных малочисленных народов» впервые встречается в Федеральном законе «О гарантиях прав» (1999 г.) и именно в очень важной его части – там, где речь идет о судебной защите. Ни суды, ни сами представители коренных народов не представляют сегодня, как и какие обычаи они могут применять. Вернее,

---

[48] *Рулан Н.* Юридическая антропология. М., 1999. С. 206.

у них может быть различное мнение на этот счет. Прояснить этот вопрос особенно важно, так как именно суд может способствовать действенности новых законов. Какие обычаи и традиции могут учитываться? Вероятно, те, нарушение которых и привело к нарушению прав человека, обратившегося за защитой в суд.

Нельзя просто прийти в суд и сказать, что эта земля принадлежит нам по традиции или что мы ловим рыбу в этих местах круглый год по традиции, и думать, что суд в случае разбирательства конфликтной ситуации о ресурсах рассудит обязательно в пользу аборигенов. Рассматривая возможности применения закона, мы сталкиваемся с большими трудностями, а вместе с тем получаем большие, почти неограниченные возможности. Ведь если удастся доказать в суде, что право нарушено и должно быть восстановлено не только по закону, принятому государством, но и по норме, обычаю, традициям того сообщества, к которому принадлежит, например, истец или ответчик, то мы вдохнем новую силу в судебный процесс в нашей стране. Для этого должна быть проведена большая работа по интерпретации этих обычаев, выявлению их правовой природы. И сначала, а может быть и только, это должна быть мыслительная работа.

Аборигены, живущие традиционно, часто признают только устную традицию. Поэтому необходимо говорить со знатоками культуры и спрашивать их, как нужно вести себя в той или иной ситуации. Эти сведения, конечно, нужно записывать, но, возможно, не для того, чтобы в письменном или опубликованном виде предъявлять в суде, а для того, чтобы озвучить их, сделать их достоянием общества, чтобы создать правила для государственного суда в отношении обычаев. И не надо думать, что это будет искусственный процесс. Если даже законы государства, при всей его мощи, не применяются, если они не соответствуют жизненной практике, то уж конечно нельзя сделать «искусственные нормы обычного права», они просто не будут восприниматься людьми.

Сегодня у общества аборигенов нет возможностей реально воздействовать на своих членов. Все методы наказания, которые были в прошлом, в настоящее время не эффективны за редким исключением. Общественные санкции могут быть применимы лишь в рамках локальных самоуправляющихся сообществ. Новым для современного положения аборигенов стали попытки применить обычное право для разрешения конфликтов с «иным миром» – государством, администрацией, промышленниками. В случаях отстаивания своего права на особый образ жизни аборигены могут обратиться к обычаям и традициям и именно в суде доказать, что обычное право определяет их статус в современном мире.

Изучение того, в каком случае обычай может быть использован в суде, является очень сложным и многогранным исследованием, которое может быть проведено только совместными усилиями юристов и этнографов. Я позволю себе высказать лишь некоторые соображения. Для использования обычая в суде он должен обладать правовыми характеристиками, должен внутренне потенциально соответствовать духу закона. Наиболее очевидными в этом смысле являются обычаи неистощительного природопользования, основанные на ресурсосберегающей идеологии традиционного общества.

Отношения, традиционно сложившиеся в сфере природопользования у коренных народов Севера, характеризуются понятиями меры, запрета, взаимности. Они определяют традиционное природопользование как особый вид хозяйственной деятельности в современном мире, и их аборигены предлагают для установления партнерства со всеми людьми, народами и организациями.

Такой правовой порядок находит отражение в нормах обычного права, а также в презентации себя в современном мире, например в случаях «экспериментального поля», во время проведения ролевых игр на семинарах по правовому обучению аборигенов. Причем нельзя считать это поле постановочным, так как искусственным являются только условия воспроизведения своей культуры, а не ее содержание.

Интересно, какие доводы приводят аборигены при отстаивании своих прав в ролевой игре «Судебный процесс». Такие игры проводятся на семинарах и летних школах по правовому плюрализму. Представители коренных народов основывали свои выступления в «суде» на нормах обычного права, которые отличают их природопользование от деятельности коммерческих организаций. Их доводы строились на следующих положениях:

- Их хозяйство носит комплексный характер, использование всех ресурсов животного и растительного мира позволяет «не брать у природы лишнего».
- Использование ресурсов в течение целого года.
- Максимальный охват территорий и водных участков при полуоседлом образе жизни.
- Традиционно существующие у них ограничения по срокам использования некоторых ресурсов, например рыбы в период нереста, ведения промысла в некоторых реках, озерах и т.п.

Конечно, нужно учитывать, что во время такой игры представляется идеальный вариант природопользования. В реальной жизни часто нарушаются как официально принятые законы, так и

нормы обычного права. Современное законодательство допускает использование обычного права в первую очередь в суде, и это обстоятельство уже само по себе вызывает большой интерес к нормативной культуре народов Севера. Включение обычаев и традиций народов в канву законодательства может способствовать не только созданию правовой системы, чувствительной к их образу жизни, но и применению норм обычного права в сегодняшней и завтрашней жизни этих народов, тем более что они в значительной степени соответствуют экологическому законодательству, принятому нашим государством, и международным документам, направленным на сохранение природы.

Необходимо учитывать, что государство заинтересовано или должно быть заинтересовано в сохранении северной природы, биоразнообразия, должно стремиться к устойчивому развитию и поэтому должно поддерживать тех людей, образ жизни которых создает возможности для такого развития. Но на эту поддержку государства имеют право и моральное, и юридическое только те люди, которые ведут традиционный образ жизни. Именно поэтому нормы обычного права, регулирующие защиту исконной среды обитания, традиционного образа жизни, вошли в правовую систему государства – значит, они ей соответствуют. В суде в этом случае могут быть доказаны целесообразность применения этих норм, их соответствие гуманистической и экологической направленности современного законодательства, в первую очередь Конституции РФ.

В комментарии к закону «О гарантиях прав» указывается, что в нем конкретизируются нормы, закрепленные в ст. 46 Конституции РФ, в соответствии с которыми каждому гарантируется судебная защита его прав и свобод[49]. Эти права являются особенно актуальными для коренных народов, так как их свободное существование в современном мире затруднено ввиду разницы принципов и методов природопользования, мировоззрения, организации семейной жизни и часто самих основ существования и хозяйствования. В комментарии к закону подчеркивается: «В судебной практике значение традиций и обычаев как оснований для оценки юридических фактов практически общепризнанно, однако трудность состоит в том, что нередко судьи недостаточно осведомлены о традициях и обычаях участников судебного процесса. Это имеет особенно большое значение в тех случаях, когда речь идет об обычаях и традициях малочисленных народов, которые

[49] Комментарий к Федеральному закону «О гарантиях прав коренных малочисленных народов Российской Федерации» / Под ред. Б.С. Крылова. М., 1999. С. 146–148.

не общепризнанны и не закреплены в письменных источниках». Такие правовые нормы дают «возможность исследовать обстоятельства дела с необходимой полнотой и объективностью. Надо обратить внимание и на то, что Закон дает судам право принимать во внимание традиции и обычаи малочисленных народов при рассмотрении уголовных, гражданских и арбитражных дел»[50]. Правовая норма, содержащаяся во втором абзаце комментируемой ст. 14, позволяет судам принимать во внимание и особенности поведения в суде представителей коренных малочисленных народов.

Я не являюсь адвокатом, поэтому позволю себе высказать лишь некоторые замечания, касающиеся сложной проблемы учета обычаев в процессуальном законодательстве. Я имею в виду «запрет на слово» и молчание в традиционной культуре. В конфликтных ситуациях поведение аборигенов может привести к тому, что складывается впечатление об их виновности. Например, по традициям многих аборигенных народов нельзя прямо смотреть в глаза, особенно определенным категориям лиц, например старшему мужчине. Судьей такое поведение подсознательно воспринимается как поведение виноватого. Кстати, мне говорили о подобной проблеме и канадские адвокаты. Более подробно вопрос о роли молчания в культуре аборигенов рассматривается в гл. 4.

Поведение аборигенов в суде может быть связано с их неопытностью. Как и большинство людей в нашей стране, они испытывают недостаток правовых знаний и навыков их применения. Вместе с тем в культуре аборигенов есть много запретов, когда нельзя, например, говорить о маленьких детях или о священных землях. Так, во время одного судебного процесса его участники не сказали о том, что во время совершения правонарушения с ними был маленький ребенок (до года, не имеющий зубов). Такой ребенок занимает пограничное положение между миром духов и людей, принадлежит и тому, и другому. Эти сведения могли бы способствовать иному решению суда, но, по представлениям ненцев и хантов, нельзя говорить чужим и при чужих о таком ребенке, чтобы не причинить младенцу вреда. К сожалению, в этот момент там не было антрополога, который мог бы выступить экспертом-посредником в суде. При этом нужно знать, что судебное заседание по просьбе участников процесса может быть в особых случаях и закрытым и можно воспользоваться этим правом.

Какие сферы жизни коренных народов могут регулироваться обычаями? В первую очередь, областью обычно-правового регу-

[50] Там же.

лирования представляется традиционное природопользование. Второй сферой выступает самоуправление коренных народов, строящееся на их собственных правовых представлениях об управлении ресурсами, выдвижении лидеров, охране природного и культурного наследия. Также правовыми обычаями могут регулироваться и некоторые вопросы семейного права и наследования. Возможно, список может быть продолжен, необходимо лишь оговориться, что применение обычаев аборигенов не должно привести к нарушению прав человека, прав остального населения. А для применения обычаев в суде должны быть выработаны общие принципы и правила.

Принципы обычного права как проект

Принципы обычного права, как и принципы права, являются юридически обобщенными правилами поведения в определенной области правоотношений[51]. Но в отличие от принципов права, принципы обычного права еще никогда не были предметом специального исследования.

С теоретической точки зрения большой интерес представляют общие принципы права, разработанные мусульманской юриспруденцией в X–XVI вв. Они рассматриваются в качестве исходных ориентиров, которым должна отвечать любая правовая оценка. «Они не могут непосредственно применяться судом, но используются им для точного выбора принимаемого решения из множества предлагаемых доктриной возможностей … Их авторитет наглядно выразился во включении 99 таких принципов в свод шариатских норм по вопросам гражданского и судебного права под названием «“Маджаллат ал-Ахкам ал-Адлийя” (“Кодекс правовых норм”), принятый в Османской империи в 1869–1876 гг.», – отмечает Л.Р. Сюкияйнен, осуществивший перевод с арабского и публикацию статей этого акта, закрепляющих указанные принципы, на русском языке[52].

В отношении обычного права коренных народов такая работа еще только начинается, и подобные инициативы выдвигаются некоторыми странами. В Норвегии, ратифицировавшей Конвенцию 169 МОТ, уже проведена большая работа по «объединению в некоторых жизненных вопросах государственного права и обычного права и юридических концепций саамов». Т. Свенсон приво-

---

[51] *Гавриленко В.Г., Ядевич Н.И.* Юридическая энциклопедия. Минск, 1999. С. 383–384; Большой юридический энциклопедический словарь. М., 2000. С. 500–501.

[52] *Сюкияйнен Л.Р.* Общие принципы мусульманского права // Антология мировой правовой мысли. Т. 1. М., 1999. С. 683–688.

дит мнение К. Смита, бывшего председателя Комитета по правам саамов, а ныне главного судьи Верховного суда Норвегии, который говорит о «Северной юридической доктрине, цель которой – синтезировать принципы права меньшинств и коренных народов, сделав, таким образом, вклад в развитие международного аборигенного права». Свенсон также отмечает, что обычно-правовая модель такова, что неоспоримое историческое признание должно быть вновь подтверждено в наше время, поскольку уважение к обычному праву не приходит само по себе. Для этого коренные народы должны выдвинуть ясные требования[53]. Норвежская судебная практика дает очень интересный пример отношения государственного права и обычного права саамов – дело Блэк Форест, рассмотренное Верховным судом Норвегии в 2001 году, описанное Т. Туэном. Конфликт возник в одном из прибрежных поселений на севере Норвегии из-за прав на землю, которую в течение длительного времени местные жители (в основном саамы) использовали для различных хозяйственных практик. Государство заявило о своих правах собственности на эту территорию, и суд принял его сторону. Община обратилась с апелляцией в Верховный суд, который постановил, что «в действительности государство потеряло право собственности, поскольку оно не настаивало последовательно на прекращении этих практик. Но для нас, – пишет Туэн, – представляет особый интерес то что, по мнению суда, местные жители вели себя так, как если бы они были собственниками, несмотря на то что у них не было представления о собственности в ее юридическом понимании. В этом деле обычное право было признано Верховным судом скорее как совокупность различающихся практик, чем как особая модель или специализированная форма – сложившаяся традиция землепользования – и стало, таким образом, важным правовым источником в норвежской юриспруденции»[54]. Мне представляется, что такой подход к обычному праву в современных условиях является более конструктивным, чем его кодификация.

В этом вопросе интерес представляет также опыт Индии, где накоплен исторически длительный опыт использования обычаев в суде. В 1880 г. было составлено руководство для судей У. Ратиггана, состоявшее из выдержек из деревенских и дистриктных записей обычаев, которые упоминались в судах с указанием исключений из этих обычаев. Впоследствии были выработаны

---

[53] *Свенсон Т.* Полномочия саамов и юридический плюрализм: самоопределение коренного народа в действии // Обычное право и правовой плюрализм. М., 1999. С. 51.

[54] *Туэн Т.* Обычное право и права саами в Норвегии //Олень всегда прав. Исследования по юридической антропологии. М., 2003. С. 120.

требования для признания обычая. Применение его в течение длительного времени, не менее 30 лет. Обычай не должен быть предметом раздора, должен быть рациональным, определенным, обязательным (ни одной из сторон не предоставляется право решать, следовать ли данному обычаю или нет), не должен противоречить другим обычаям данной общности лиц. Один обычай не мог быть выведен по аналогии из другого. И наконец, в ст. 3 Закона о браке 1955 г. было закреплено требование к обычаю – он должен «единообразно применяться в течение длительного времени, получить признание правовой нормы среди индусов определенной территории, социальной группы или семьи, быть определенным и разумным и не противоречить общественной политике»[55].

Обращение к опыту любого государства ставит больше вопросов, чем дает ответов. Одним из наиболее актуальных является вопрос, что такое обычное право коренных народов сегодня. Как влияет на обычное право признание его государственной правовой системой? Анализируя варианты политики государств в отношении обычного права, Г. Вудман отмечает, что возможна политика объединения, имеющая целью сделать обычное право – или его часть – частью государственного права. «Эта политика обычно упоминается как признание государственным правом корпуса обычного права. Конечной целью может быть усиление обычного права, но равно и контроль над ним, его улучшение или даже постепенная ликвидация путем искусного отбивания желания его соблюдать… Применение норм обычного права государственными институтами приводит к изменению их действия»[56].

Могут быть рассмотрены два типа признания обычного права, как это делает Г. Вудман, – материально-правовое и институционное. Первый путь избрали многие страны Африки и Юго-Восточной Азии. В этом случае государственным институтам, в частности государственным судам, предписывается применение норм обычного права, которые вместе с тем могут применяться выборочно[57]. Такой подход содержится и в российском законе «О гарантиях прав», ст. 14 которого содержит оговорку о необхо-

---

[55] *Крашенинникова Н.А.* Правовая система Индии. М., 2010.

[56] *Вудман Г.* Теория права, антропология и плановый правовой плюрализм // Обычное право и правовой плюрализм. М., 1999. С. 18; *Бенда-Бекманн К.* Зачем беспокоиться о правовом плюрализме? Вопросы изучения и осуществления политики правового плюрализма // Там же. С. 11.

[57] *Вудман Г.* Оценочные и стратегические перспективы планового правового плюрализма // Человек и право. Книга о Летней школе по юридической антропологии. М., 1999. С. 115.

димости учета обычаев и традиций, если они не противоречат федеральным законам и законам субъектов Российской Федерации.

Второй путь означает, что государство признает некоторые или многие институты аборигенного права, имеющие, например, отношение к землепользованию, процессу принятия решений или обеспечению соблюдения норм аборигенного права. При этом государство отказывается от контроля, дублирования или соперничества с соответствующими институтами. Такое признание включает предоставление большей или меньшей степени самоуправления. Это институционное признание легло в основу рекомендаций, подготовленных Австралийской комиссией по правовой реформе[58]. Данный подход содержится в Федеральном законе «Об общих принципах», в ст. 4 которого есть положение о том, что «Решения по вопросам внутренней организации общины малочисленных народов и взаимоотношений между ее членами могут приниматься на основании традиций и обычаев малочисленных народов, не противоречащих федеральному законодательству и законодательству субъектов Российской Федерации и не наносящих ущерба интересам других этносов и граждан». Как видим, и здесь содержатся оговорки в утверждении этого права, но проблема заключается не только в этом. В реальности путь от учреждения общины до становления ее как органа самоуправления слишком долог и слабо подкреплен законодательством, поэтому данная норма носит скорее перспективный характер.

Само по себе осознание сложности этой проблемы не должно приводить к отказу от попыток ее разрешения. С целью создания условий для диалога правовых систем в рамках государства необходимо попытаться определить особенности правопонимания и правосознания, те образы и фигуры права, которыми руководствуются люди в «полиправовом пространстве».

Особую сложность выработке принципов обычного права придает междисциплинарный характер этого проекта. В традиционном праве коренных народов Севера привычные для юристов принципы права могут принимать неожиданные формы. Хочу привести лишь один пример. Согласно либертарно-юридическому правопониманию, предложенному В.С. Нерсесянцем, «право – это форма отношений равенства, свободы и справедливости, определяемая принципом формального равенства участников данной формы отношений. Везде, где есть (действует) принцип

[58] Там же. С. 116.

формального равенства (и конкретизирующие его нормы), есть (действует) право, правовая форма отношений»[59].

В промысловом быту народов Севера сферой правового регулирования выступают не только отношения человек – человек, но и отношения человек – природа или человек – зверь. Существует норма, по которой, если лиса забежала на стойбище, то ее нельзя убивать. У коренных народов Севера правилом является состязательный характер охоты: человек должен победить зверя, находясь с ним в равных условиях, он может преследовать его, но у зверя остается шанс убежать, не быть убитым. Охотник должен добывать зверя в лесу (на общей для охотника и зверя территории), вступая с ним в отношения соревновательности. Отношения между человеком и зверем в данном случае также строятся на принципе равенства. Данная норма может рассматриваться как правовая и как этикетная. В последнем случае лиса выступает «гостем». Кроме того, с данным фактом может связываться идея об охотничьем счастье, персонификацией которого выступает такая лиса. Многозначность этого образа не исключает возможности вычленения правовой составляющей. Этот пример лишний раз доказывает, что антропологическая и юридико-антропологическая информация не лежит на поверхности. Свидетельством ее правового характера является рассмотрение этой ситуации на «большом жертвоприношении» восточных хантов и лесных ненцев на озере Нумто, когда старейшины говорили о запрете на убийство такой лисы. Подобные встречи являются примерами для обсуждения и оценки правовых обычаев.

Исследователями не раз отмечалось, что аборигены не объясняют свои обычаи, а для обоснования их выполнения ссылаются на то, что так поступали предки[60]. Правовые обычаи воспринимаются как правила, уже доказавшие свою действенность и обязательность. Это обстоятельство интерпретируется как отсутствие права в традиционном обществе. Но ведь необходимо учитывать, что в любом обществе, в том числе и в современном, далеко не все могут выступать толкователями права. В традиционном обществе или в обществе, называемом нами традиционным, существуют люди, которые, если не объясняют, почему возник тот или иной обычай, то во всяком случае могут объяснить его назначение. Задача исследователя попытаться интерпретировать эту норму из контекста отношений, существующих в данном сообществе,

---

[59] *Нерсесянц В.С.* Юриспруденция. Введение в курс общей теории права и государства. М., 1998. С. 5.

[60] *Рулан Н.* Юридическая антропология. М., 1999. С. 59; *Туэн Т.* Обычное право и права саами в Норвегии // Олень всегда прав. Исследования по юридической антропологии. М., 2003. С. 108.

выявить ее правовую природу. Это обстоятельство также свидетельствует о предпочтительности формулирования и фиксации именно принципов, а не норм права. Нормы обычного права, правовые обычаи коренных народов Севера являются устными, их кодификация может привести к искажению их смысла. Принципы же будут представлять «письменный свод правил». Они станут своеобразным мостом между официальным, государственно признанным, и обычным правом.

Наибольшие перспективы для развития правовых обычаев предоставляет самоуправление, создание самоуправляющихся территорий. Большой опыт в этой работе накоплен в Канаде, где именно для таких территорий вожди совместно с юристами вырабатывают свои «законы» и кодексы. В Гренландии Уголовный кодекс 1954 г. опирается на обычное право гренландских инуитов. Хотя виновность определяется при этом как в датском уголовном праве, наказание устанавливается с учетом личного и общественного положения виновного в момент осуждения, признано, что «наиболее уместен традиционный индивидуальный подход к преступникам без их изоляции от общества». Статья 171 новой Конституции Боливии, принятой в 1994 г., признает «коренные общины в качестве юридических лиц (субъектов права) и гласит, что традиционные органы власти коренных народов вправе осуществлять административные функции и альтернативные процедуры для разрешения споров – в соответствии со своими обычаями, если они не противоречат Конституции и законодательству»[61]. Как видим, существуют различные варианты самоуправления, но они в той или иной мере опираются на обычное право коренных народов. Эту практику используют многие страны, она может рассматриваться как политика углубления «горизонтальных» правовых отношений.

Возможности для этого заложены и в российском законодательстве, в первую очередь в Конституции, по которой местное самоуправление «обеспечивает самостоятельное решение населением вопросов местного значения, владение, пользование и распоряжение муниципальной собственностью» (ст. 130) и осуществляется «с учетом исторических и иных местных традиций» (ст. 131). В специальном федеральном законе местное самоуправление определяется как «признаваемая и гарантируемая Конституцией Российской Федерации самостоятельная и под свою ответственность деятельность населения по решению непосредственно или через органы местного само-

[61] Коренные народы и народы, ведущие племенной образ жизни: руководство по Конвенции МОТ 169. 1996. С. 6–7.

управления вопросов местного значения, исходя из интересов населения, его исторических и иных местных традиций» (ФЗ «Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации», ст. 2).

На аборигенов распространяется законодательство о местном самоуправлении, но лишь отчасти. В законодательстве субъектов федерации и в жизни аборигенов, причем не только России, но и других стран, самоуправление часто связывается и с деятельностью общин. В преамбуле Федерального закона «Об общих принципах» (2000 г.) говорится, что в законе устанавливаются общие принципы организации и деятельности общин, «создаваемых в целях защиты исконной среды обитания, традиционного образа жизни, прав и законных интересов указанных коренных малочисленных народов. [Закон] определяет правовые основы общинной формы самоуправления и государственные гарантии его осуществления». Хотя в целом данный закон подвергается во многом справедливой критике, отметим важность статьи 4, в которой подчеркивается возможность принятия решения по вопросам внутренней организации общины на основании ее обычаев и традиций. В рамках самоуправления могут решаться многие жизненно важные вопросы, связанные с самобытностью образа жизни коренных народов. Именно на опыте общин может быть начата работа по фиксации принципов обычного права.

Необходимо учитывать, что применение обычного права для защиты прав коренных малочисленных народов не может рассматриваться как архаизация. Ведь в суде должны учитываться только те обычаи и традиции, которые «живы» сегодня, в тот момент, когда их применяют. Например, при возникновении конфликта с недропользователями из-за территории можно апеллировать к обычаям только в том случае, если живущие на ней люди соблюдают эти обычаи и могут это доказать. Только тогда они будут оправданными в глазах судьи. Возникает обратная связь. Современное законодательство, учитывая обычаи и традиции народов, создает новые возможности для сохранения и развития их культуры, в первую очередь их знаний. А их знания как раз и могут определять их статус в государстве и международном сообществе.

Использование обычного права позволит существенно усовершенствовать современную правовую систему государства. В этом вопросе сошлюсь на авторитетное мнение С.С. Алексеева: «В противовес распространенным представлениям об обычном праве как о примитивном, архаичном и исторически преходящем явлении, есть достаточные основания рассматривать обычное

право в качестве рожденного самой жизнью *классического образца совместимости, казалось бы, несовместимых качеств* права: его свойства жесткого организма (институционности) и особенностей живого права. Ведь нормы обычного права являются нормативной основой правовых решений жизненных ситуаций…вот оно реальное соединение твердых основ поведения (обычаев в их основательном понимании) и "мгновения", "повседневности" (решение дела, опирающееся на особенности данной ситуации, ее правовую суть)»[62].

Определение «*принципов обычного права*» должно строиться на изучении, интерпретации и формулировании на юридическом языке правовых характеристик культуры аборигенов. Выполнение этого проекта станет возможным лишь при объединении усилий ученых (антропологов и юристов) и самих аборигенов. Нужно иметь в виду, что большинство отношений, возникающих внутри аборигенного сообщества, могут разрешаться по обычаям, не противоречащим другим правовым нормам. Тем не менее опубликованный свод принципов обычного права может существенно облегчить работу судов, рассматривающих дела аборигенов. Успешность данного проекта будет зависеть и определяться не только профессиональным уровнем его участников, но и развитием законодательства и политики государства.

Где могут быть применимы принципы обычного права? Учет обычаев коренных народов в первую очередь именно в суде не только свидетельствует об осознании законодателями важности этого вопроса, но в наибольшей степени соответствует логике права. «С опорой на закон суд, постигая "правовую суть" данной ситуации, может восполнить то, что оказалось не по силам закону или просто не сделано данным законодательным актом и не делается в настоящее время в законодательном порядке вообще»[63].

Какие обычаи должны учитываться при выработке таких принципов? При разработке принципов обычного права неминуемо возникает вопрос определения того, какие обычаи, с какими сущностными характеристиками могут в данном случае использоваться. Для ответа на этот вопрос необходимо опираться на этнографические данные, собранные у народов Севера в течение достаточно длительного периода, и выделить из них наиболее типичные, значимые, устоявшиеся, воспринимаемые как исторически сложившиеся правила поведения. Обычай является обяза-

---

[62] *Алексеев С.С.* Право на пороге нового тысячелетия: Некоторые тенденции мирового правового развития – надежда и драма современной эпохи. М., 2000. С. 107.

[63] Там же. С. 118.

тельным, так как, нарушая его, «человек рискует навлечь на себя гнев сверхъестественных и могущественных сил, а также гнев сообщества живых людей»[64]. Частью предлагаемого проекта должно быть изучение «юстициабельности» обычаев коренных народов. В научной литературе есть общие подходы к рассмотрению этого вопроса[65]. Ж. Карбонье выделил три признака «юстициабельности»: важность разрешаемого дела; возможность разрешения его третьей стороной; реализация нормы обеспечена процессуальными предписаниями[66]. Рассмотрение и доказательство правовой природы рассматриваемых в суде обычаев коренных народов могло бы существенно усилить позиции правового плюрализма, но в настоящее время это представляется делом будущего.

Речь не идет о том, чтобы кодифицировать конкретные нормы, что сегодня вряд ли целесообразно и возможно из-за большого разнообразия локальных вариантов и из-за изменчивости норм, вызванных необходимостью адаптации к изменяющимся условиям жизни. Как пишет Н. Рулан, «обычаи обладают гибкостью и сравнительно легкой приспособляемостью. И если многочисленные земельные реформы и кодификации давали часто неудовлетворительные результаты, то происходило это потому, что их предписания воспринимались населением как какое-то право, навязанное извне. Вместо того чтобы изменять традиционное право, лучше было бы создать такие условия, чтобы оно постепенно преобразовалось, а не поступать с ним авторитарно, вплоть до его упразднения»[67].

Традиционные знания коренных народов о природе рассматриваются как составная часть доктрины устойчивого развития (Конвенция ООН по окружающей среде и развитию 1992 г. и др.). В современных условиях Российского Севера, когда нарастает конфликт интересов в сфере природопользования и возможности не только традиционного природопользования, но и промышленного использования возобновляемых биологических ресурсов становятся все более ограниченными, требуется изменение отношения к правовым знаниям коренных народов. И очевидно, что последствия правовой политики могут быть более удовлетворительными, если «она планируется путем сознательного принятия решений»[68].

---

[64] *Рулан Н.* Юридическая антропология. М., 1999. С. 59.

[65] *Ковлер А.И.* Антропология права и правовой плюрализм // Олень всегда прав. Исследования по юридической антропологии. С. 36–37.

[66] *Карбонье Ж.* Юридическая социология. М., 1986. С. 164–175.

[67] *Рулан Н.* Юридическая антропология. М., 1999. С. 206.

[68] *Вудман Г.* Теория права, антропология и плановый правовой плюрализм // Обычное право и правовой плюрализм. М., 1999. С. 13.

Формулирование общих принципов обычного права коренных народов Севера может стать частью новой политики в отношении этих народов, когда провозглашение их особого правового статуса будет основываться на международном, национальном и обычном праве, что поможет найти верную интонацию в их отношениях с современным окружающим миром.

История юридической антропологии знает уже немало примеров учета обычаев правовыми системами национальных государств. В отношении коренных народов обычаи стали частью международного права. Несмотря на большой опыт различных стран в этом вопросе, никому еще не удалось выработать образцовую схему взаимодействия и сосуществования государственных и обычно-правовых нормативных систем.

На практике положение коренных малочисленных народов зависит не только от правовых установлений, но и от социально-экономического развития регионов, в которых они проживают. Некоторые субъекты федерации имеют большие возможности для обеспечения потребностей аборигенных народов за счет собственных программ, которые финансируются лучше федеральных. С другой стороны, органы власти в некоторых субъектах федерации не хотят терять контроль над территориями, богатыми минеральными природными ресурсами; наблюдается и определенное давление добывающих компаний, работающих в регионах и отчисляющих значительные суммы в их бюджеты. Эта ситуация является одной из причин предпочтительности решения правовых проблем народов Севера на федеральном уровне. В данном случае речь идет лишь о решении самых общих проблем, связанных с защитой прав человека, в том числе и на особый образ жизни. До ежедневных, насущных проблем стойбищ и чумов не может дойти ни федеральное, ни региональное законодательство. Именно в таких вопросах важен учет их локальных знаний и практик, т.е. правовых обычаев.

3. Восстановительное правосудие и альтернативные процедуры разрешения конфликтов

В России роль обычно-правовых норм и особенно традиционных методов разрешения конфликтов не стала еще предметом внимания практикующих юристов. Поэтому особый интерес представляет международный опыт инкорпорации обычного права в государственную систему. Эффективность таких практик строится на представлении о восстановительном правосудии. В современных условиях в различных странах мира все большее

значение приобретает практика правового плюрализма, которая рассматривает возможность сосуществования различных правовых режимов в одном социальном поле. Обращение к альтернативному правосудию на Севере Канады представляет особый интерес, так как является примером использования традиционных правовых систем в современном индустриальном обществе, причем в столь важной сфере, как ювенальная юстиция.

В литературе восстановительная юстиция рассматривается как модель, главная цель которой «исправление того вреда, который кто-либо нанес» (*to make good what one did wrong*). В большинстве стран такая модель предполагает создание особого законодательства, обеспечивающего право судьи выбрать наиболее приемлемое решение, и предполагает возможность применения альтернативных мер[69].

Восстановительное правосудие часто воспринимается как новая версия старой идеи. Оно приводит к тому, что правонарушения превращаются в восстановление нарушенного. Исследователи выделяют четыре версии восстановительной юстиции.

1. Достижение соглашения между жертвой и правонарушителем, такой процесс, когда правонарушитель и жертва стремятся к соглашению о соответствующих последствиям правонарушения санкциях.

2. Комитеты восстановительного правосудия – это гражданские трибуналы, которые определяют соответствующие санкции через диалог с правонарушителями и другими лицами, затронутыми преступлением.

3. «Семейная конференция» – собрание членов семьи, которое исходит из практики маори (Новая Зеландия). Члены семьи правонарушителя и жертвы собираются вместе и с помощью специального лица, выполняющего роль «третейского судьи», вырабатывают санкции, соответствующие преступлению.

4. «Вынесение приговора в круге» (Circle sentencing) – правосудие, основанное на традиционных практиках коренных народов Северной Америки. Старейшины, правонарушитель и жертва собираются вместе, садятся в круг и вырабатывают санкции, которые устроят все стороны, для восстановления нарушенного преступлением[70].

Комитеты правосудия в Канаде работают в первую очередь с малолетними правонарушителями в рамках ювенальной юстиции. Для рассматриваемой проблемы может быть использован

---

[69] *Уинтер Р.* Альтернативы // Правосудие по делам несовершеннолетних. Мировая мозаика и перспективы в России. Кн. 2. М., 2000. С. 149.

[70] Community Justice. Wadsworth, 2003. P. 64–65.

документ – «Руководящие принципы ООН для предупреждения преступности среди несовершеннолетних (Руководящие принципы, принятые в Эр-Рияде):

«IV. Процессы подготовки к жизни в обществе.

15. Особое внимание следует уделять детям из семей, испытывающих проблемы, связанные со стремительными и несбалансированными экономическими, социальными и культурными изменениями, особенно детям из семей коренного населения, мигрантов и беженцев. Поскольку такие изменения могут нарушить способность семьи обеспечивать воспитание и развитие детей в традиционных формах, что часто происходит в результате конфликта роли и культур, необходимо создавать новые и конструктивные в социальном отношении условия для подготовки детей к жизни в обществе.

32. Следует создавать и укреплять уже имеющиеся общинные службы и программы, учитывающие потребности, проблемы, интересы и заботы молодых людей и предоставлять им и их семьям надлежащие рекомендации и консультации.

33. Общины должны предоставлять молодежи широкую поддержку на местном уровне или укреплять ее, в том числе в рамках общинных центров, клубов отдыха, а также предоставлять услуги для решения особых проблем детей, находящихся в социально-опасном положении»[71].

Эти международные нормы и рекомендации носят самый общий характер, тем не менее в Канаде они нашли свое воплощение, как в национальном законодательстве, так и в практике. Деятельность Комитетов правосудия демонстрирует новый подход к практике правового плюрализма. Это особенно интересно, потому что в юридико-антропологической литературе чаще всего речь идет о правовой аккультурации, когда метрополия, устанавливая правовой режим на колониальных территориях, навязывает свое право порабощенным народам.

Комитет правосудия в г. Инувике демонстрирует одну из моделей альтернативного правосудия. Комитеты правосудия стали альтернативными органами, аналоги которым существуют в разных странах. Они обладают признаками правового института с соответствующей правовой природой и правовыми функциями. Их возникновение может рассматриваться как ответ на чрезмерную формализацию общего правосудия и его недостаточную оперативность[72]. В современных условиях Канады к процедурам

---

[71] Сборник международных стандартов и норм ООН в области правосудия в отношении несовершеннолетних. М., 1998.

[72] *Мельникова Э.Б.* Правосудие по делам несовершеннолетних: история и современность. М., 1990.

восстановительного правосудия и суда на основании аборигенных практик, в первую очередь использования «круга» при вынесении приговора, обратился судья территориального суда Юкона Б. Стюарт[73].

Юридическая антропология рассматривает обычное право не само по себе, она изучает правовое бытие людей, т.е. их поведение в условиях регуляции жизни законами и обычаями. Правовые обычаи при этом создают необходимые и допустимые рамки такой регламентации, причем люди получают правовые знания в процессе социализации, часто не задумываясь, а просто следуя образцам. В условиях конфликта, а правонарушение как раз и создает конфликт, эти знания могут быть востребованы обществом. Опыт Канадского Севера представляет особый интерес, так как здесь традиционные аборигенные практики получили развитие для всего населения северного города.

Альтернативное правосудие в Канаде

Взаимоотношения первых наций Канады с европейскими первооткрывателями и поселенцами в правовой сфере начались в XVII в. Первоначально они были уважительными и дружескими. Договор стал основой таких отношений. «По таким договорам, как, например, Двойной вампум, заключенный между ирокезской Конфедерацией и голландцами и позже перезаключенный с англичанами в середине семнадцатого века, европейцы сохранили свой “корабль” [образное выражение, обозначающее сообщество и территорию, внутри которой европейцы сохранили свои законы, системы управления, обычаи и религиозные верования]. Ирокезы сохранили свое “большое каноэ” [также фигуральное выражение, использовавшееся для обозначения сообщества или нации], в котором они придерживались Великого закона – своей конфедеративной системы участия в государственном управлении, характеризующейся полным равноправием полов…, собственными религиозными представлениями, законами и обычаями. Считалось, что каждый человек должен самостоятельно проплыть по реке жизни, располагая всем необходимым для будущего; но при этом, плывя по этой реке, он должен делить щедрые дары земли и воды с окружающими»[74]. Такая система со временем сменилась

---

[73] *Stuart B.* Circle Sentencing: Turning Swords into Ploughshares // Restorative Justice: International Perspectives/ Ed. by Burt Galaway and Joe Hudson. Amsterdam, 1996. P. 193–206.

[74] *Морс Б.* Демократия участия в Северной Канаде: представительство первых наций в государственных и аборигенных органах управления // Право в зеркале жизни. Исследования по юридической антропологии. М., 2006. С. 31–32.

захватом территорий, необходимых для переселенцев. По мере развития промышленного освоения полезных ископаемых на землях первых наций, развития международного права, роста самосознания коренных народов Канады сложилась система законодательства, регулирующая отношения коренных народов с государством, но значение договоров (уже других) осталось. Статус обычного права в общих судах Канады не определен окончательно. Тем не менее несколько решений Верховного суда Канады и других судов определяют возможности применения обычного права[75]. В Канаде Верховный суд постановил, что при юридической проверке прав аборигенов должно быть доказано, что «искомое право основывается на практике, обычае или традиции, являвшихся неотъемлемой частью особой культуры конкретной группы аборигенов до контакта с европейцами»[76].

Деятельность Комитетов правосудия представляет сравнительно новую правовую практику на Севере Канады и демонстрирует эффективность такого подхода в отношении малолетних правонарушителей. Она распространяется на все население, хотя в значительной степени строится на аборигенных практиках. В комитетах рассматриваются дела малолетних правонарушителей независимо от их этнической принадлежности. Правосудие осуществляется исходя из того, как воспринимается и оценивается норма в сообществе, что значит справедливость. Для участников процесса важны не столько нормы, сколько то, что в результате их применения будет достигнут *консенсус*. Толкование права осуществляется как исходя из коллективного правопонимания, так и с точки зрения здравого смысла. Благодаря этому Комитеты правосудия не только эффективно осуществляют защиту прав коренных народов, но и выполняют важную функцию профилактики ювенальной преступности внутри локального сообщества.

В прошлом обычное право регулировало отношения внутри территориально и этнически ограниченной группы, сейчас оно может выступать регулятором отношений с внешним миром как определяющее публичный (государственный) статус аборигенов. Деятельность Комитета правосудия демонстрирует, как аборигенные правовые практики спокойно и естественно воспринимаются окружающими. Возможно, определенную роль здесь играет то, что они используют круг, широко применяемый во всем мире

---

[75] *Фиске Дж.* Неотъемлемые права Первых наций Канады на природные ресурсы: традиционное природопользование и современная практика // Обычай и закон. Исследования по юридической антропологии. М., 2002. С. 147–153.

[76] *Крибл Р.* Нормативно-правовые основы положения аборигенов Канады //Обычай и закон. Исследования по юридической антропологии. С. 143.

во время психологических тренингов в проблемных группах. Что касается нормативной составляющей процесса, то ее объясняют и используют старейшины, но также исходя не только из буквы, но и духа «аборигенного права».

Старейшины, участвующие в работе Комитета правосудия, объясняют правовые нормы исходя из своего аборигенного знания. В их толковании сочетаются и нормы, и мораль, и общественное мнение, и их личный опыт. Я записала интервью с одним из старейшин, участвующих в работе Комитета правосудия в Инувике. Его жизненная история не была гладкой, в ней были и алкоголизм, и конфликты в семье. Но такой жизненный опыт является в данном случае особенно ценным. Он знает не понаслышке, о чем говорит. Старик летом берет на свое стойбище малолетних правонарушителей. У меня возник к нему вопрос – не становится ли в этом случае традиционный образ жизни для них наказанием. Однако старейшина рассматривает работу на стойбище как возможность для молодежи пожить в «спокойных, естественных» условиях. Он ничему особенному их там не учит, они просто выполняют ту же работу, что и владелец стойбища, и таким образом приобретают навыки традиционного природопользования. Интересно, что подобная практика была воспринята писателем и общественным деятелем ханты из России Е. Айпиным, побывавшим на Севере Канады несколько лет назад[77].

При рассмотрении дел в Комитете правосудия для правонарушителя важно мнение участников процесса, в первую очередь его родителей, а также старейшин. Состав суда оказывает на него психологическое воздействие. Правонарушитель переживает стыд, но в результате процесса ему важно снять напряжение и услышать какие-то добрые слова от участников процесса именно потому, что он уважает мнение этих людей. Такой суд соответствует осуществлению правосудия в аборигенном сообществе. Причем такая модель является общей для аборигенных народов в различных странах и соответствует идеям восстановительного правосудия.

Акт о молодых правонарушителях (Young Offenders Act) вступил в силу в 1984 г. В соответствии с ним (ст. 69) создаются Комитеты правосудия в отношении молодежи: «Генеральный прокурор провинции или любой иной министр, назначенный вице-губернатором, или их представитель может создавать комитеты граждан, называемые комитетами правосудия в отношении молодежи,

---

[77] *Айпин Е.Д.* Материалы по вопросам защиты прав и интересов коренных малочисленных народов: Во льдах Нунавута. Ханты-Мансийск, 2006. С. 8–9.

и определять их функции и способ назначения их членов. Эти комитеты призваны на добровольной основе способствовать исполнению настоящего закона, а также оказывать поддержку любой службе или программе, предназначенным молодым правонарушителям». В законе провозглашены принципы политики Канады, направленной на защиту общества и искоренение причин подростковой преступности (ст. 3), а также прописаны процедуры применения альтернативных мер (ст. 4). Из последних отметим следующее условие: «д) подросток признает свою ответственность за совершенное деяние или за неосмотрительность, лежащую в основе правонарушения, которое ему инкриминируется»[78].

В Канаде ювенальное правосудие регулируется данным Федеральным законом, а также нормативными актами провинций, детализирующими его положения. В частности, в Квебеке действует специальное постановление Правительства Квебека от 1987 г. о программе так называемых «мер по замене» уголовно-правовых санкций. Суть их в том, что после проведения дознания полиция передает материалы дела соответствующему прокурору. Последний вправе либо отказаться от уголовного преследования несовершеннолетнего без каких-либо условий, либо выдвинуть официальное обвинение и направить дело в суд, либо передать материалы руководителю службы защиты молодежи провинции Квебек. Это лицо, в свою очередь, изучает дело, принимая решение о его дальнейшем движении. В среднем по двум делам из десяти, оказавшихся в его рассмотрении, он прекращает производство, по четырем – возвращает материалы прокурору для уголовного преследования несовершеннолетнего, по четырем остальным – применяет «меры по замене», что в квебекской юридической фразеологии означает не что иное, как альтернативу уголовному преследованию.

Канадские юристы полагают, что «меры по замене» представляют собой официальный социальный контроль над уголовным преследованием несовершеннолетних. К «квебекским мерам по замене, применяемым службой защиты молодежи относятся в частности общественные работы (самая популярная мера), возмещение вреда потерпевшему, извинение перед потерпевшим, работа в интересах потерпевшего, уплата денежной суммы третьим лицам и т.д. Если несовершеннолетний добросовестно выполняет возложенные на него меры по замене, он освобождается от уголовного преследования. В литературе отмечается, что случаи неудачной замены, когда впоследствии происходит рецидив или

---

[78] Канадский закон «О молодых правонарушителях» от 1982 года // Правосудие по делам несовершеннолетних. Мировая мозаика и перспективы в России. Кн. 2. М., 2000. С. 8–105.

альтернативы уголовному преследованию по иным причинам не достигают своей цели, чрезвычайно редки в Квебеке (примерно 3% дел от общего числа)»[79].

В Инувике Комитеты правосудия – это часть правоохранительной системы и вместе с тем социальной работы, которой уделяется большое внимание. Мне удалось побывать на ежемесячной встрече представителей всех социальных служб, на которой присутствовал и мэр города. Участники встречи обсуждали актуальные вопросы, связанные с состоянием занятости, безработицей, положением бездомных, программами «здорового образа жизни», а также содействия правоохранительным органам через создание общественного патрулирования на улицах. Эти вопросы были проблематизированы на Севере Канады еще до принятия закона. Так, уже в 1989 г. группа советских этнографов посетила Инувик и отметила: «Заслуживает внимания также практика социального обслуживания по линии исправительных учреждений. Они находятся на Северо-Западных территориях в ведении бюро социального развития территориального правительства, а не в ведении прокурора, как на остальной территории Канады. В исправительных учреждениях разного типа содержатся лица разных возрастных категорий: 12–17 и 18 лет и старше. Форм наказания две – тюрьма (в тюрьме содержится 375 человек) и надзор общины (650 человек условно осужденных или находящихся после тюремного заключения). Чаще всего аборигенное население совершает преступления против собственности (тогда как некоренное – связанные с бизнесом). За последние 5 лет убийств стало совершаться больше. Во время заключения рабочие выполняют различную работу: рубят лес, рыбачат, охотятся с оружием; считается, что на северо-западных территориях им некуда бежать. Добытую ими рыбу, а также мясо диких животных отдают старейшинам в селениях… Бюро социального развития занято решением сложных проблем в связи с исправительными учреждениями: 1) большинство преступников (98%) на территориях аборигены; 2) имеются трудности в общении с ними из-за языкового барьера; 3) приходится учитывать особенности их культуры (например, структуру традиционного питания); 4) тюрьмы находятся на большом расстоянии от поселков»[80].

В Инувике, по данным 2006 г., проживают 3300 человек, из них 58% составляют аборигены (37% инувиалуиты, 14% гвитчин, 7% метисы, все эти группы по Конституции Канады относятся

---

[79] *Головко Л.В.* Альтернативы уголовному преследованию в современном праве. СПб., 2002. С. 163–164.

[80] *Соколова З.П., Тишков В.А.* Аборигены Канадского Севера (отчет о научной командировке в Канаду) // Расы и народы. Вып. 21. М., 1991. С. 242.

к аборигенному населению). Комитет правосудия открылся там в 1992 г., его нынешний руководитель Х. Янг работает в нем с 1994 г., он координирует правоохранительную деятельность полиции и общества, используя в своей работе традиции восстановительной юстиции аборигенных народов. Предметом рассмотрения становятся небольшие правонарушения, исключающие убийство и семейное насилие. В современной Канаде эти преступления считаются слишком серьезными и становятся предметом судебного разбирательства. В Инувике существует не только правовая основа для деятельности альтернативных органов правосудия, но и возможность использовать самоорганизацию местного сообщества и общественное мнение. Успешной работе в этой сфере способствует и тесное взаимодействие преподавателя колледжа А. Меро, Королевской канадской конной полиции, старейшин гвитчин и инувиалуитов. Правосудие, строящееся на законодательстве и аборигенных правовых системах, стало здесь альтернативой уголовному преследованию и важным принципом социальной работы с подростками.

Деятельность Комитетов правосудия строится на двух основаниях:

• восстановительной юстиции, которая фокусируется на восстановлении нарушенных отношений, а также гармонии в семье и обществе;

• традиционных правовых практиках аборигенных народов, ставящих во главу угла оздоровление, уважение, сотрудничество и меру.

Их деятельность является программой альтернативных мер в отношении подростков 12–17 лет, которые нарушили закон, без передачи их дел в суд. В этом случае полицейский протокол аннулируется, что особенно важно для малолетних правонарушителей. Все меры, применяемые в рамках программы альтернативных мер, являются конфиденциальными.

Определение возможностей рассмотрения дела в Комитете правосудия включает несколько этапов. Полиция путем консультации с Королевским прокурором (обвинителем) решает, является ли данное дело возможным предметом рассмотрения в альтернативном суду органе. Затем Комитет правосудия решает, рассматривать ли данное дело. Наконец, и правонарушитель также должен быть согласен с тем, что его дело будет рассматриваться в Комитете правосудия. Если такое соглашение достигнуто, правонарушителя приглашают на слушания. Слушания представляют собой встречу трех или более добровольных членов Комитета с правонарушителем для того, чтобы вместе обсудить подробности

преступления и то, как ущерб может быть восстановлен. Жертва и другие потерпевшие лица также приглашаются на слушания и участвуют в обсуждении, высказывают, что они думают о преступлении, нанесенном ущербе и о том, как можно восстановить нарушенный правопорядок. Результатом таких обсуждений становится соглашение, по которому правонарушитель возмещает причиненный им ущерб.

На заседании Комитета правосудия выносится решение о наказании, часто в форме общественных работ в городе или на стойбище, т.е. в форме, устраивающей все стороны процесса. Успешность Комитетов правосудия обусловлена широкой поддержкой принимаемых им решений со стороны всего местного сообщества.

Пример одного дела

Опишу одно из дел, в рассмотрении которого я участвовала во время полевых исследований в октябре 2006 г. в Инувике. Правонарушение состояло в том, что подросток сел в машину, угнанную старшими парнями. Их арестовала полиция, был составлен протокол. Затем в соответствии с принятой процедурой дело было передано в Комитет правосудия. Подросток совершил преступление первый раз, сумма ущерба не превышала 5 тыс. канадских долларов. Он вместе с родителями был приглашен в офис Комитета.

В обсуждении участвовали правонарушитель, его родители, старейшины, еще один подросток из его школы. Цель разбирательства состояла в том, что мальчик должен был осознать свой поступок как противоправный и почувствовать отношение к этому своих родителей и всех окружающих. С этой целью ему задавали вопросы: Что чувствовали твои родители, когда узнали, что ты совершил? Как это может сказаться на твоем будущем? Кем ты хочешь стать? В начале «процесса» мальчик и его родители были очень испуганными.

В качестве наказания мальчику присудили общественные работы – бесплатно работать в авторемонтной мастерской. Когда этот вопрос обсуждался с ним и его родителями, учитывалось, что он занимается баскетболом. Общественные работы не должны были мешать ни учебе, ни занятиям спортом. Кроме того, мальчику сказали, что он никому не должен рассказывать о случившемся. Такое же молчание должны были хранить и все остальные участники процесса. Через некоторое время, когда, как сказал руководитель Комитета Х. Янг, мальчик будет «готов, он должен приходить к нему на психологический тренинг, который

должен помочь ему противостоять подобным противоправным предложениям от товарищей».

После разбирательства полицейский протокол разорвали, этот акт был символичен для мальчика и подтверждал тот факт, что он не будет подвергаться судебному преследованию и у него в будущем не будет проблем, связанных с судимостью. При этом и сам правонарушитель, и его родители поняли, что для этого подросток должен выполнить все условия и не совершать в будущем правонарушений.

Для руководителя Комитета этничность клиентов не имеет значения, хотя подавляющее большинство их аборигены. Влияние аборигенного образа жизни используется для профилактики правонарушений и среди неаборигенного населения, ведь в работе с ними используется и круг, и выполнение работ на стойбище летом.

Изучение альтернативного правосудия не только позволяет исследователю изучать это явление со стороны, но и требует включенного наблюдения. Основной формой деятельности комитетов правосудия является «лечебный круг», который нельзя наблюдать со стороны. В комнате нет посторонних. И мне, как антропологу, пришлось не только сидеть за овальным столом, но и участвовать в обсуждении дела и давать свои рекомендации правонарушителю.

Подобные комитеты существуют и в других регионах Канады, например в Альберте. Проводившая там исследования М. Ниельсен сравнивает молодежные комитеты правосудия и миротворцев навахо как две формы аборигенных институтов, созданных в рамках государственных правовых систем Канады и США. Эта работа показывает перспективность сравнительных исследований подобных институтов для развития теории и практики правового плюрализма[81].

Медиаторские практики в России

Ювенальная преступность является большой проблемой и на Севере России. Уже сейчас можно выделить два аспекта, важных для нашей страны. В первую очередь, это организация социальной работы, в том числе в сфере предотвращения правонарушений и осуществления альтернативного правосудия. Большое значение для этого может иметь широкое использование потенциала аборигенной правовой системы. Сегодня такие возможности есть

---

[81] *Ниельсен М.* Сравнение канадских коренных молодежных Комитетов правосудия и Миротворцев навахо: краткое описание результатов исследования // Обычное право и правовой плюрализм. М., 1999. С. 224–229.

только у государственных органов правосудия: согласно ст. 14 закона «О гарантиях прав», допускается учет обычаев и традиций этих народов при рассмотрении дел в суде с их участием. Условиями для развития аборигенного правосудия в России могут стать как дальнейшее развитие законодательства и судебная реформа в стране, так и процессы самоорганизации и самоуправления коренных народов.

Уже сегодня существуют различные виды досудебного разрешения конфликтов, в первую очередь переговоры между коренными народами и промышленными компаниями. В России не используется круг для их организации, но в гл. 4 рассматриваются практики включения современной политической культуры в аборигенную, что также может способствовать большей эффективности переговорного процесса. Процедуры переговоров могут включать в себя общественные слушания, проведение экологической, в том числе общественной экологической, и этнологической экспертиз. Важно подчеркнуть, что переговоры должны строиться на свободном информированном участии коренных народов. А наиболее полную информацию о планах промышленного освоения они могут получить как раз в результате экспертизы. Большую эффективность процессу переговоров может придать участие медиатора, тем более что медиаторы получили государственно правовой статус после принятия в 2010 г. Федерального закона «Об альтернативной процедуре урегулирования споров с участием посредника (процедуре медиации)». Этот закон регулирует в том числе и отношения, связанные с процедурой медиации в спорах, возникающих в связи с осуществлением предпринимательской и иной экономической деятельности[82].

Таким же целям служат круглые столы, конференции, на которых обсуждаются вопросы взаимодействия коренных народов с промышленными компаниями. Существенным недостатком таких обсуждений в России является то, что в них обычно принимают участие антропологи и юристы, которые занимаются изучением аборигенов, и очень редко – представители компаний. Хотя иногда организовать такой прямой диалог удается. В частности, в 2010 г. в Москве состоялся Саммит лидеров коренных народов, посвященный этой тематике. Правда, на нем было мало обсуждений, в основном это были доклады об успешных практиках, например о Плане содействия развитию коренных малочисленных народов Севера Сахалина, который осуществляется с участием компании «Сахалин энерджи».

---

[82] *Якель Ю.Я.* Возможности восстановления нарушенных прав коренных малочисленных народов // Мир коренных народов. Живая Арктика. 2011. № 26. С. 50.

Вопросы разрешения конфликтов являются непростыми. В современной практике органы власти и местного самоуправления стремятся разрешить проблемы до суда, создавая согласительные комиссии. Важно подчеркнуть при этом необходимость широкого вовлечения аборигенов и их организаций в деятельность таких комиссий.

В работе В.А. Кряжкова анализируются внесудебные процедуры разрешения конфликтов и отмечаются международные и национальные правовые основания их деятельности[83]. Для применения на практике этих норм необходимы специальные институты, возможно, похожие на канадские Комитеты правосудия по своей организации. К сожалению, те механизмы, которые применяли коренные народы для разрешения конфликтов, в частности «медвежья присяга», не смогут работать в отношениях с нефтяниками и другими промышленными предприятиями.

При правовом обучении аборигенов используется ролевая игра «Переговоры». Во время проведения Второй международной летней школы по юридической антропологии (2001 г.) мы использовали этот метод обучения, так как переговоры – безусловно, один из важнейших методов предотвращения и разрешения конфликтов. Для аборигенов эта форма является предпочтительной при разрешении конфликтов с промышленными компаниями. При благоприятном стечении обстоятельств переговоры могут занимать несколько часов и решение может быть принято в этот же день. Процедура или является бесплатной, или потребует небольших затрат (в особо сложных случаях может потребоваться приглашение специалистов – юристов, этнографов и др.). Психологически переговоры являются также предпочтительными, так как в большей степени соответствуют традициям коренных народов Севера.

Преимущества этого метода заключаются в том, что слушатели «проживают» во время игры реальную ситуацию под руководством и с помощью тренеров, а проведя успешно переговоры в экспериментальной ситуации, более уверенно будут чувствовать себя в реальной жизни. Студенты аборигены, которые составляли большинство слушателей школы, проявили к этому методу обучения большой интерес и при оценке эффективности школы высоко его оценили.

На основании изучения всех форм внесудебного разрешения конфликтов сегодня должны быть выработаны новые стандарты, которые могут строиться на принципах обычного права коренных народов и корпоративного права нефтегазовых компаний.

---

[83] *Кряжков В.А.* Коренные малочисленные народы Севера в российском праве. М., 2010. С. 506–521.

4. Обычное право как индикатор особого статуса коренных народов в государстве

В прошлом обычное право регулировало отношения внутри территориально и этнически ограниченной группы, сейчас оно может выступать регулятором отношений с внешним миром как определяющее публичный (государственный) статус аборигенов. В этом процессе основную роль могут играть сами аборигены, объясняя «другим», как нужно вести себя в соответствии с их нормами. Конечно, самым действенным способом включения этих норм в правовую систему и современную жизнь будет использование обычаев в судебной защите прав аборигенов. Но это не единственный путь, очень важно также познакомить живущих и работающих на Севере людей с нормами жизни аборигенного населения. Приведу один пример.

В марте 2003 г. в г. Надыме праздновали День оленевода. В это же время в городе проходила конференция работников газовой промышленности, участники которой также были гостями праздника. Им была предложена «Памятка для гостей при посещении стойбища оленеводов (этика поведения гостей в стойбище)», подготовленная Н.И. Вождаевой. В ней, в частности, отмечается: «Необходимо знать, что в стойбище оленеводов существует свод неписаных правил поведения, которых следует придерживаться и гостям. В чуме не принято ходить по постели. Не следует без надобности трогать вещи и одежду, особенно семейные реликвии – “божки” у изголовья постели. Особое внимание на эти правила при посещении стойбища должны обращать женщины в составе группы гостей. Так, не принято переступать через домашнюю утварь, вещи мужчин-тундровиков (аркан, хорей-шест и др.), обходить вокруг чума, подходить к священным нартам. При трапезе в чуме женщинам не рекомендуется забираться ногами на постель. Следует добавить, что эти и другие древние обычаи и запреты оленеводов никто из ненецких женщин не пытался демонстративно нарушать, и любая попытка нарушения осуждается всем стойбищем и родом. Даже семьи ненцев, проживающих в городах по нормам и правилам другой цивилизации, посещая родные места, всегда строго соблюдают обряды, обычаи и верования своих сородичей, хотя из-за частичной утраты традиционного мировоззрения они не всегда могут объяснить те суеверия, обычаи и запреты, которых они продолжают придерживаться. Жители тундры в настоящее время строго следуют этим правилам и ожидают того же от гостей. Поэтому гостям необходимо учитывать все эти

правила во время пребывания в стойбище оленеводов, чтобы не обидеть и не "осквернить" их быт и культуру»[84].

На знаниях о традициях и обычаях коренных народов может выстраиваться и позиция при ведении переговоров с промышленными компаниями при проведении этнологической экспертизы. Конечно, необходимо опираться на знание законов, знание и следование обычаям дает моральное право аборигенам отстаивать свои законные права. Именно эта позиция может встретить и встречает понимание со стороны людей, которые работают на Севере в промышленности.

При анализе возможностей обычно-правовой системы в отношении городских аборигенов интерес представляет то, какую роль обычаи и традиции коренных народов могут играть в защите их права на природные ресурсы. Согласно закону «О животном мире», коренные народы и их объединения имеют право на приоритетное пользование животным миром, если их «самобытная культура и образ жизни включают традиционные методы охраны и использования объектов животного мира» (ст. 49). Хотя в этом законе не упоминается обычное право, но очевидно, что одним из показателей традиционного природопользования является его регулирование именно правовыми обычаями. Следование в природопользовании этим обычаям может быть использовано и реально используется для доказательства того, что именно эти люди и именно эти общины или родовые хозяйства имеют право приоритетного пользования ресурсами. Для городских аборигенов эти обстоятельства могут рассматриваться как свидетельство их права на особый статус. Неслучайно определение правовых обычаев дается именно в законе "О ТТП"», согласно которому использование природных ресурсов осуществляется «в соответствии с законодательством и обычаями малочисленных народов» (ст. 13). Так, мы видим, что само традиционное природопользование неотделимо от следования правовым обычаям.

Обычаи выступают важнейшим компонентом статуса коренных народов в современном мире. Посмотрим, как может повлиять «жизнь по обычаям» при защите прав коренных народов, на примере одного конфликта. «21 апреля 2003 г. член Правления Ассоциации КМНС г. Петропавловска-Камчатского Алексей Бобряков в эфире местной телекомпании «10 канал», вызвал на дуэль губернатора Камчатской области Михаила Машковцева. Он предложил губернатору стреляться на карабинах в любое удобное время. Несколькими днями ранее Михаил Машковцев в прямом

[84] Архив автора.

телеэфире на вопрос Бобрякова о выделении рыбных лимитов на личное потребление для представителей коренных народов, проживающих в Петропавловске, высказался о том, что он не признает «асфальтных коряков» (выражение губернатора), так как они полностью ассимилированы и не занимаются традиционным природопользованием. В ответ на предложение о дуэли губернатор заявил, что ему часто приходится сталкиваться с оппонентами, но не всегда это заканчивается враждой»[85].

Этот конфликт при всей своей экстравагантности является следствием правовой неурегулированности многих вопросов, касающихся коренных народов Севера в современной России. Нигде не определено, на каком основании на гражданина, принадлежащего к этим народам, распространяются права, гарантированные в законодательстве. Из текстов новых законов следует, что речь идет об особых правах в сферах, отличающих коренные малочисленные народы от остального населения страны. Вопросы о традиционном образе жизни и о том, кого считать аборигенами в современном мире, остаются спорными. Причем новое законодательство, кажется, добавило проблем, распространив действие специального законодательства только на тех представителей коренных народов Севера, которые занимаются традиционным природопользованием, и на представителей других народов, постоянно проживающих в районах Севера и ведущих такой же образ жизни. У некоторых активистов движения коренных народов появился большой соблазн уровнять в правах всех аборигенов, назвавших себя таковыми.

При ограниченности природных ресурсов это создаст дополнительные препятствия в осуществлении прав коренных народов, и в каждом конкретном случае должен решаться вопрос о правах на ресурсы, но при отсутствии четкого правового механизма не в одностороннем порядке органами власти. Аборигенам и их организациям должна быть предоставлена возможность доказать свои права. В других странах, в частности в Канаде, такие решения принимаются в суде. А так как правовая система этой страны строится на прецедентном праве, то подобные судебные решения становятся ключевыми в решении вопросов о природопользовании. Коренные народы Канады должны доказать в суде свои права как основанные на традициях. Их традиционные практики должны входить в ядро ценностей их культуры, восприниматься

---

[85] Информационная рассылка «Лач» № 15 (78), 22 апреля 2003 года Этно-Экологический Информационный центр «Лач» Ассоциации КМНСС и ДВ РФ г. Петропавловск-Камчатский.

как исконные, что ограничивает коренные народы, ставит их в положение людей, связанных застывшими традициями[86].

В какой-то степени такой подход строится на представлении о соответствии традиционного природопользования стратегии устойчивого развития, основанной на идее о том, что следующие поколения должны получить ресурсов не меньше, чем современные. В документах Конференции ООН по окружающей среде и развитию (Рио-де-Жанейро, 1992 г.) говорится: «Коренное население и его общины, а также другие местные общины призваны играть жизненно важную роль в рациональном использовании и улучшении окружающей среды с учетом их знаний и традиционной практики. Государства должны признавать и должным образом поддерживать их самобытность, культуру и интересы и обеспечивать их эффективное участие в достижении устойчивого развития» (Декларация Рио-де-Жанейро по окружающей среде и развитию, Принцип 22).

В Нуукской декларации об охране окружающей среды в Арктике, подписанной в 1993 г. министрами по защите окружающей среды ряда стран, в том числе и Российской Федерации, особо отмечается, что для «достижения устойчивого развития охрана окружающей среды должна составлять неотъемлемую часть процесса развития и не может рассматриваться независимо от него».

В современных условиях вопросы развития являются для аборигенов не менее важными, чем вопросы охраны окружающей среды, и они сами предлагают различные стратегии культурного и социально-экономического развития. Международное право дает лишь общие ориентиры для государств и национальных правовых систем, перед которыми стоит задача максимального учета многообразия аборигенного мира.

Продолжающееся активное промышленное освоение северных территорий, повсеместное сокращение ресурсов требуют скорейшего определения правового статуса «лица, относящегося к коренным малочисленным народам Севера». Полевые исследования показывают, что уже сейчас к этому вопросу необходимо подходить дифференцированно, в зависимости от образа жизни или иных обстоятельств. Федеральное законодательство создает общие правила, в условиях такой страны, как Россия, они должны быть дополнены и конкретизированы региональными и местными нормативно-правовыми актами, а в отдельных случаях «обычаями и традициями» коренных народов. Для действительного их включения в правовую систему могут быть разработаны «принципы обычного права коренных малочисленных народов».

---

[86] *Фиске Дж.* Неотъемлемые права первых наций Канады на природные ресурсы: «традиционное природопользование» и современная практика // Обычай и закон. Исследования по юридической антропологии, М., 2002. С. 149–153.

Выводы

Подводя итог сказанному, необходимо отметить, что в данной главе анализируется определенный период правового бытия коренных народов, обусловленный принятием новых законов и началом процессов правового регулирования жизни коренных народов и их взаимодействия с промышленными компаниями на основании не только государственного российского законодательства, но международного и обычного права. Особенность работы антропологов нашего поколения заключается в том, что мы живем в период трансформаций, причем правовые изменения, связанные с коренными народами, происходят практически на наших глазах. И их успех или неуспех после недавнего принятия специальных федеральных законов будет зависеть от деятельности ныне работающих этнографов и правоведов, политиков и самих аборигенов. В каком направлении и насколько успешно будут развиваться эти процессы, судить трудно. В значительной степени это будет зависеть от того, как сами аборигены захотят и будут использовать новые законы, насколько в этой работе будут принимать участие этнографы и юристы. Но, учитывая сложность современных проблем природопользования и остроту конфликта между традиционным и промышленным освоением северных территорий, можно сказать, что от успеха этой работы зависит само существование коренных народов в современном мире.

При исследовании взаимодействия коренных народов и промышленных компаний особенно важно учитывать обычное право, которое рассматривается в нескольких плоскостях:

- как важное средство дополнительной правовой защиты в суде;
- как средство установления диалога и разрешения конфликтов во взаимодействии с промышленными компаниями;
- как средство альтернативного правосудия в рамках самоуправления;
- как фактор установления статуса лица, обладающего специальными правами в государстве.

Особую важность на современном этапе развития коренных малочисленных народов имеет выработка принципов обычного права, для того чтобы провозглашенная в законе «О гарантиях прав» возможность учета их обычаев и традиций в судебной защите стала действенной. Кроме того, вопросы изучения обычного права коренных народов, описанные в данной главе, и корпоративного права нефтяных компаний, анализируемые в гл. 3, создают возможность поиска оснований для переговорного процесса.

Глава 2

ЗЕМЛЯ И ДРУГИЕ ПРИРОДНЫЕ РЕСУРСЫ В ПРЕДСТАВЛЕНИЯХ И ПРАКТИКАХ АБОРИГЕНОВ, ПОЛИТИКОВ И ПРОМЫШЛЕННЫХ КОМПАНИЙ

Земля найдет себе хозяина.

Из разговора на стойбище

Некоторые народы, особенно те, которые называются автохтонами или аборигенами, всегда находились в зависимости от своей земли, что связано с чувством их самосознания, с их племенными, культурными и религиозными традициями. Когда аборигенов лишают их земель, они теряют жизненно важный элемент своего существования и перед ними встает опасность исчезновения как отдельного народа.

Из Послания Его Святейшества Папы Римского Иоанна Павла II по случаю XXII Всемирного Дня мира «Уважение к меньшинствам – условие сохранения мира» 1 января 1989 г.

Острота конфликта между нефтяниками и аборигенами в сфере землепользования требует обращения к ценностным ориентациям коренных народов. В данной главе рассматривается, как и насколько их представления о земле нашли отражение в международном, национальном и обычном праве, на основании каких норм коренные народы конструируют свое знание о земле – ядро их культуры.

В Конвенции Кари-Ока подчеркивается: «Мы, аборигенные народы, идем в будущее по стопам своих предков. От самого маленького до самого большого живого существа, со всех четырех сторон света, из воздуха, земли и гор. Создатель поместил нас, аборигенные народы, на нашу Мать-Землю. Следы наших предков навсегда отпечатались на земле наших народов. …Мы отстаиваем наше неотъемлемое право на наши земли и территории, на все наши ресурсы – те, что над нами и под нами, – и на наши воды. Мы отстаиваем свое право на их передачу будущим поколениям. Нас нельзя выселять с наших земель. Мы, аборигенные народы, связаны циклом жизни с нашей землей и окружающей

средой. Мы, аборигенные народы, идем в будущее по стопам своих предков» (Подписано в Кари-Ока, Бразилия, 30 мая 1992 г.)[1].

Именно знания об окружающем мире и земле определяют и правовые идеалы аборигенных народов, и их правовые практики в отношении природных ресурсов. Принятый в 2001 г. закон «О ТТП» во многом соответствует этим представлениям. Неслучайно этот закон также допускает регулирование вопросов природопользования обычаями этих народов.

Вопросы прав коренных малочисленных народов на природные ресурсы нашли отражение во многих научных работах по юриспруденции. Достаточно назвать лишь самые важные публикации П.Н. Павлова[2], Л.В. Андриченко[3], многочисленные статьи и монографию В.А. Кряжкова[4]. В качестве справочного источника используется информационный обзор «Территории традиционного природопользования Ханты-Мансийского автономного округа – Югры в период 1992–2004 гг.»[5]. Наличие этих работ позволяет сконцентрировать внимание данного исследования на антрополого-юридических аспектах природопользования преимущественно на основании полевых материалов. Предметом исследования стали те представления и обычаи коренных малочисленных народов, которые помогают интерпретировать их отношения с промышленными компаниями.

В данной главе рассматриваются идеальный правовой порядок, находящий отражение в мифологических представлениях об окружающем мире; обычаи природопользования как пережитой правовой порядок; нормы права, которые регламентируют отношения в этой сфере между нефтяниками и аборигенами, и те конфликты, которые показывают, что этих норм недостаточно

---

[1] Проблемы традиционного природопользования. Север, Сибирь и Дальний Восток Российской Федерации. М., 2000. С. 154.

[2] *Павлов П.Н.* Комментарий к Федеральному закону «О территориях традиционного природопользования коренных малочисленных народов Севера, Сибири и Дальнего Востока Российской Федерации». М., 2001; *Он же*. Конституционно-правовые основы регулирования и защиты прав коренных малочисленных народов на природные ресурсы //Олень всегда прав. М., 2003. С. 189–208; *Он же*. Использование и охрана земель коренными малочисленными народами Севера Российской Федерации: проблемы правового регулирования // Там же. С. 208–222.

[3] *Андриченко Л.В.* Регулирование и защита прав национальных меньшинств и коренных малочисленных народов в Российской Федерации. М., 2005.

[4] *Кряжков В.А.* Коренные малочисленные народы Севера в российском праве. М., 2010.

[5] Территории традиционного природопользования Ханты-Мансийского автономного округа – Югры в период 1992–2004 гг. Екатеринбург, 2005.

или они не работают. Используемые в работе понятия идеального и пережитого правового порядка были введены Н. Руланом в исследовании традиционных обществ[6].

1. Мифологические представления о связи с землей и обычаи землепользования

Мифология дает фундаментальные объяснения создания вселенной, определяет основные правила, регулирующие жизнь. Н. Рулан пишет: «Идеальный юридический порядок, который он [миф] устанавливает, основывается, следовательно, на непрерывности и сбалансированности, утверждая одновременно волю традиционного общества господствовать и над временем, и над людьми, и над вещами. Таким образом, основное отличие мифического закона от закона современного состоит в том, что мифический закон принадлежит не человеку или какому-либо органу, а всему обществу, что происходит благодаря разнообразию групп, составляющих это общество»[7]. Именно общественный характер и норм традиционного права, и санкций за их нарушение придает ему большой вес и определяет его справедливость в глазах аборигенов. Столь большое значение мифологических представлений проявляется в том, что они определяют и некоторые современные обычно-правовые нормы.

Распространенным у народов Сибири и Северной Америки является представление о возникновении земли из вод Мирового океана. В мифологиях многих народов земля – не только супруга неба, участвующая в создании космоса, но и плодородная земля, почва, а также недра, часто соотносимые с преисподней. Олицетворение земли как стихии плодородия возникает у земледельческих народов. У охотничьих народов можно встретить представления о земле как о неприкосновенном природном существе, которое запрещается ранить острыми предметами[8]. Такие представления характерны и для коренных народов Севера. Так, сотворение земли нашло отражение в космогонических мифах хантов и манси, по которым воду достала гагара или кулик. Отметим некоторые характерные представления о земле: способность земли разрастаться, возникновение первой женщины из земли, связанность первой земли с определенной территорией (в одном из мифов она

---

[6] *Рулан Н.* Юридическая антропология, М., 1999. С. 52–69.
[7] Там же. С. 56–58.
[8] *Рабинович Е.Г.* Земля // Мифы народов мира. Т. 1. М., 1980. С. 467.

даже называется Сибирь)[9]. В одном из мифов поднятая из водной стихии земля – семь холмов, место, которое сегодня соотносится с городом Ханты-Мансийском[10]. Однако интересно отметить, что в томах «Энциклопедии уральских мифологий», посвященных хантам и манси, вообще нет словарных статей о земле[11]. И это не случайно. Земля не рассматривается этими народами как отдельный образ, они не выделяют ее из окружающего мира: «культура и с землей, и с небом связана – это особый мир, который нужно воспринимать в комплексе»[12]. Если земля выступает как часть вселенной, то ей не дается оценки, ее нужно беречь. Если же земля рассматривается как определенное место, то к ней относятся с известной долей прагматизма, что будет рассмотрено ниже.

Интерес представляет и понятие «своя земля», связанное с понятием «родина». Север, в представлении аборигенов, – это родина их и их предков, они знают и сохраняют свидетельства своего длительного проживания на этой территории – топонимика, многочисленные постройки, связанные с промысловым бытом, священные места и кладбища. В контексте рассматриваемой темы важно отметить, что сами аборигены подчеркивают свою особую связь с местами своего рождения: «*Особая связь проявляется и в том, что ханты очень редко уезжают из своих родных мест. Могли переезжать только в силу промысловой необходимости*». Большую часть своего прошлого эти народы «вели относительно изолированное существование, чем объясняется обычная для них практика называть словом “народ” самих себя, а словом “земля” обозначать территорию собственного обитания»[13].

В разговорах с информантами часто встречаются воспоминания о том, как они уезжали, но не смогли жить на новом месте и вернулись. В этом аборигены видят свое отличие от нефтяников, про которых говорят, что те все здесь загрязнят, а потом все равно уедут. Характерно такое высказывание пимской ханты: «*Русские ничего не берегут, ломают, бросают. У нас веточку дерева нельзя ломать, родители так говорили: “Эта веточка – дитя дерева”. А сейчас дети ничего не берегут. Они же приезжие. Думают, тут поживут, да уедут. А мы в этой грязи останемся. Конечно, они уедут, рано или поздно. Они здесь лет 15–20 живут. Они же просто за деньгами приехали. Где человек родился, где его деды-прадеды жили, для него это самое важное ме-*

---

[9] Мифы, предания и сказки хантов и манси. М., 1990.

[10] *Кулемзин В.М., Лукина Н.В.* Ханты: чужие на своей земле // Народы Сибири: права и возможности. Новосибирск, 1997. С. 104.

[11] Мифология хантов. Томск, 2000; Мифология манси. Новосибирск, 2001.

[12] ПМА, Немысова Е.А., г. Ханты-Мансийск, 1997 г.

[13] Доклад о развитии человека в Арктике. Екатеринбург; Салехард, 2007. С. 23.

сто. Для меня самое важное место здесь»[14]. Аналогичные представления были распространены у различных групп хантов. Характерны такие высказывания: *«Земля у нас считалась тут, где родился, особая, все ее вспоминаешь, как дом. Но мы всю вселенную тогда выделяем: реки, озера, всю природу». «Наши предки очень придерживались того, чтобы жить на своей родине, на земле предков. А мы сегодня не так»*. В то же время эта традиция является скорее северной, сибирской, чем этнической. Так, информанты отмечают: «*Если человек с большой земли приехал, то он не пойдет в лес жить. А если русский сибиряк женится на ханты, то он может жить в лесу и даже оленей держать. Есть такие случаи*»[15].

На первый взгляд, кажется, что такие высказывания вступают в противоречие с мобильностью этих групп, зафиксированной по историческим свидетельствам. Они отмечают наличие мистической связи человека с определенной территорией[16]. По опросам информантов представляется, что они и их предки действительно часто меняли места своего обитания, но эта мобильность была ограничена определенной территорией. Например, движение на север ограничивалось границами кормящего ландшафта, за которыми затруднено или невозможно ведение привычного смешанного хантыйско-ненецкого землепользования[17].

Очень важно и для ненцев их отношение к земле, оно является основой их правового статуса, определяет их мировоззрение, психологию, дает им внутренний стержень: «*Ненцы считают себя как частица земли, есть два мира – это верхний, нас-то не хоронят в землю, но мы верим, что внутри земли есть еще одна жизнь и поэтому нас хоронят над землей. Вот два этих мира… это общая земля, по-ненецки – "наша земля", это общая земля. Вот вы пришли, мы не скажем "уйди", будете тоже частицей этой земли. Так скажем. Если вы ничего такого грешного не делаете*»[18].

У хантов и лесных ненцев в Ханты-Мансийском округе в настоящее время сложились представления о том, что передвижения возможны, можно и селиться на других реках, если есть такая необходимость. Важно при этом сохранять память о месте своего

---

[14] ПМА, г. Лянтор, 2001 г.
[15] г. Ханты-Мансийск, 2001 г.
[16] *Адаев В.Н.* Традиционная экологическая культура хантов и ненцев. Тюмень, 2007. С. 140.
[17] *Вигет Э.* Экономика и традиционное землепользование восточных хантов// Очерки истории традиционного землепользования хантов (материалы к атласу). Екатеринбург, 1999. С. 178.
[18] ПМА, п. Яр-Сале, 2009 г.

происхождения, которая фиксируется в названии этнографической группы. Общая территория существует в границах округа. Нефтяники теснят, аборигенам приходится менять несколько мест проживания. Один оленевод мне даже сказал: «*Что же мне за границу уходить*», имея в виду, что его угодья в ходе этого движения достигли границы округа. Хотя и на территории округа осложняются отношения в сфере природопользования, когда семьи хантов и лесных ненцев вынуждены переходить на земли, у которых уже есть «хозяева». При этом люди по возможности получают свидетельства на использование этих земель, например, для охоты, пусть даже в качестве штатных охотников государственных учреждений, т.е. при занятии какой-то территории существуют правила обоснования своего права на нее, права «следить» за землей и использовать ее ресурсы для содержания своих семей.

У ненцев понятие своей земли кажется более размытым, современные оленеводы в большей степени говорят о необходимости закрепления за ними маршрутов, т.е. территории в форме, адаптированной к кочеванию. Тем не менее в фольклоре зафиксированы представления о том, что у каждого героя есть своя земля, на которую заходят только с ведома хозяина[19]. В мифологических представлениях коренных народов Западной Сибири земля представляется живым существом, шерстистой, волосатой, пушистой и т.п. Этот сюжет анализируется во многих этнографических работах[20]. Для темы данной работы интересно высказывание, которое я слышала в Норвегии при обсуждении проблем кольских саами: «у вас с земли содрали кожу, поэтому вы так плохо живете».

В большей степени связь с землей сохраняют как раз аборигены, ведущие традиционный образ жизни. Сам принцип нефтедобычи вступил в противоречие с традиционными представлениями о земле, которую нельзя «поранить» острыми предметами. Коренные народы Севера считают «свою территорию, землю священными. Это живое существо. Земля является хранительницей духовного начала, источником, из которого происходят наши культуры и язык. Ненцы, ханты, селькупы считают, что местность вокруг них населена душами, поэтому, когда буровые установки вгрызаются в плоть земли, то причиняют ей физическую боль. Земля и природные ресурсы являются дарами, которые вверены нам для сохранения и последующей передачи целыми и невредимыми поколениям. А что передадим мы?»[21].

---

[19] *Пушкарева Е.Т.* Картина мира в фольклоре ненцев: системно-феноменологический анализ. Екатеринбург, 2007. С. 18.

[20] *Головнев А.В.* Говорящие культуры. Екатеринбург, 1995. С. 260.

[21] *Харючи Г.П.* Ассоциация «Ямал-потомкам» как общественное движение // Народы Северо-Западной Сибири. Томск, 1995. Вып. 2. С. 206.

Существовавшее традиционно представление о земле строится на признании ее безусловной ценности, неистребимости, самосохранности. Представление о «коже земли» поддерживает эту целостность. Природопользование, основанное на бурении, использовании «внутреннего содержания» не только нанесло ущерб природе, но и изменило привычную картину мира, нарушило порядок. Это находит отражение в мифологии и ее современном осмыслении. В.И. Сподина опубликовала интересную легенду ненцев, согласно которой злой дух Нга протыкает землю посохом, завладевает подземным царством и насылает порчу на людей. Автор приводит свидетельство одной старой женщины из п. Варьеган, которая при гадании увидела надвигающуюся беду, причину которой она объясняла как расплату людей за то, что они «то, что было внизу – положили наверх, а то, что находилось сверху – стало внизу»[22]. То есть добыча полезных ископаемых нарушает идеальный правовой порядок, отраженный в мифологии.

Священные места

Важнейшим элементом картины мира коренных народов являются священные места. Освоенность территорий носит для аборигенов особый характер и не предполагает постоянного пребывания людей или занятия хозяйственной деятельностью на всей площади. Современные родовые угодья или территории традиционного природопользования имеют довольно большие размеры, и на них есть участки, на которых не только не охотятся и не рыбачат, но на которые даже не ходят. Такие земли выступают естественными природными резерватами. Можно сказать, что они были первыми «особо охраняемыми природными территориями», режим использования которых строится на свято соблюдаемой традиции.

На священных местах по нормам обычного права запрещена хозяйственная деятельность, есть запреты что-то делать там, а в некоторых случаях нельзя даже ходить, а если наступаешь на эту землю, нужно приносить жертвы. Существуют женские и мужские священные места. На некоторых священных местах нужно обязательно делать жертвоприношения, а на некоторые даже смотреть нельзя. Понятно, что охранительный режим создавал в таких местах наиболее благоприятные условия для существования животных, рыб, птиц, растений. Вместе с тем у аборигенов обычное право гибкое, модельное, поэтому, если очень нужно что-то взять в таком месте, то можно.

---

[22] *Сподина В.И.* Представление о пространстве в традиционном мировоззрении лесных ненцев. Нижневаровск, 2001. С. 54–55.

Существует длительная традиция описания и изучения священных мест в Западной Сибири[23]. О.Э. Балалаева провела исследования священных мест в бассейне р. Оби, идентифицировав 150 таких мест, и представила их классификацию. Она отмечает, что «значение этих мест определяется их положением в более широком, "сконструированном" местной культурой природно-социальном ландшафте. Таким образом, уничтожение ландшафта влечет за собой неизбежную гибель священных мест, разрушение которых, в свою очередь, ведет к исчезновению автохтонной культуры хантов»[24].

На Севере уже есть опыт изучения и защиты священных мест самими аборигенами, в частности Ассоциация коренных малочисленных народов Севера, Сибири и Дальнего Востока РФ инициировала и осуществила проект «Значение охраны священных мест коренных народов Арктики» (на территориях ЯНАО и Корякского автономного округа)[25].

Священные места выполняют различные функции. Они могут быть естественными резерватами, местами совершения обрядов и общения с богами и духами. Но особенно важны такие священные места, которые, по представлениям коренных народов Севера, являются «точками», связывающими части их жизненного пространства. Возможно, поэтому в объяснениях самих аборигенов звучит представление о полифункциональности таких мест. Напомним, что символическое и утилитарное в картине мира аборигенов тесно связаны, часто могут перетекать одно в другое. Непростым стал вопрос о статусе священных мест и во взаимоотношениях с нефтяниками и другими промышленниками. О разнообразии мнений эвенков и других местных жителей по этому поводу во время экспертной работы по проекту «Восточная Сибирь – Тихий океан» пишет А.А. Сирина. Многие респонденты затруднились ответить конкретно, так как по их представлениям это широкое понятие[26]. Как раз приведенное в данной работе

---

[23] Например, *Балалаева О., Уигет Э.* Биосферный резерват как форма сохранения этнической культуры (на примере юганских хантов). М., 1998. С. 13–14; *Балалаева О.Э.* Священные места хантов Средней и Нижней Оби//Очерки истории традиционного землепользования хантов (материалы к атласу). Екатеринбург, 1999. С. 139–156; Значение охраны священных мест Арктики: Исследование коренных народов Севера России. М., 2004; *Соколова З.П.* Ханты и манси. Взгляд из XXI в. М., 2009. С. 594–607; и др.

[24] *Балалаева О.Э.* Священные места... С. 151.

[25] Значение охраны священных мест Арктики: исследование коренных народов Севера России. М., 2007.

[26] *Сирина А.А.* Чувствующие землю: экологическая этика эвенков и эвенов // ЭО. 2008. № 2. С. 126–127.

мнение о связующей роли таких мест может послужить интерпретации такого явления. Тем не менее аборигенами предпринимаются попытки расширить «охраняемые территории», в том числе за счет священных мест. Например, в конфликте Ю. Вэллы с ЛУКОЙЛом участок родовых угодий – священное место – сохранялся в тайне до последнего и Вэлла был готов объявить о нем на суде только в крайнем случае.

Священные места могут выполнять функцию площадки определения правовых норм и вынесения решений. Так, в современных условиях одним из наиболее значительных священных мест является озеро Нумто. На острове в центре этого озера собираются ханты и ненцы на большие жертвоприношения. Там они молятся, делают жертвоприношения и обсуждают важные вопросы, в том числе о значении той или иной нормы и ее применении. Вспоминают на таких местах и о нефтяниках. Хантам удалось несколько лет сдерживать нефтяников на Тром-Агане, так как верховья этой реки являются священными.

Подобные ситуации возникали и в других местах. Так, Н.Л. Жуковская описала ситуацию проектирования нефтепровода через Тункинский национальный парк в Бурятии. Шаманы провели моления в нескольких священных местах Тункинской долины, поскольку считали, что строительство может причинить вред их духам-хозяевам. В сознании многих местных людей эти события привели к негативным последствиям для компании ЮКОС, которая должна была выполнять этот проект[27]. Значение священных мест для коренных народов очень велико, они относятся к определяющим элементам их культуры. Кроме того, по справедливому утверждению О. Балалаевой и Э. Уигета, «священные места и устные предания о них не только являются значимыми культурными символами, но и конструируют этничность хантыйского народа»[28].

Священные места имеют статус части территории традиционного природопользования, и в этом качестве их правовой статус должен быть определен и защищен на федеральном уровне. Согласно статьям 10 и 16 Закона «О территориях традиционного природопользования коренных малочисленных народов Севера, Сибири и Дальнего Востока Российской Федерации», объекты историко-культурного наследия, в том числе культовые сооружения, места древних поселений, места захоронений предков и иные объекты, имеющие культурную, историческую, религиоз-

---

[27] *Жуковская Н.Л.* Тункинский национальный парк против ЮКОСа: история одного противостояния //ЭО. 2008. № 3. С. 77–78.

[28] *Балалаева О., Уигет Э.* Биосферный резерват как форма сохранения этнической культуры. С. 14.

ную ценность, подлежат охране. Однако в указанном законе священные места не названы.

Согласно обычному праву народов Севера, такие места являются священными именно потому, что люди постоянно (иногда мысленно) совершают определенные действия в отношении этих мест для обеспечения благополучия своих семей и неразрывности культурного пространства. Специалистам известно, что священные места могут быть выявлены только этнографическими методами, к тому же люди часто не хотят привлекать к ним внимание посторонних, справедливо опасаясь негативных последствий. Однако сегодня такие места и другие элементы нематериального культурного наследия нуждаются в правовой защите.

Статус священных мест не определен в федеральном законодательстве, а требуемая историко-культурная экспертиза ограничивается археологическими исследованиями. Эту ситуацию необходимо изменить, так как их разрушение ведет, по представлениям аборигенов, к серьезным нарушениям картины мира, сложившихся связей с духами. При проведении этнологических экспертиз на Сахалине и в Ямало-Ненецком автономном округе мы сталкивались с ситуациями, когда заявлений аборигенов бывает недостаточно для защиты их прав на свою культуру, почитание священных мест[29]. В таких случаях необходима работа антропологов, включающая проведение исследования, написание экспертного заключения и привлечение общественного мнения к подобным вопросам.

При проведении экспертизы в описываемых ситуациях возникает правовая коллизия. Процесс экспертизы регулируется двумя федеральными законами: «Об объектах культурного наследия (памятниках истории и культуры) народов Российской Федерации», определяющим процедуру государственной историко-культурной экспертизы, и «О гарантиях прав коренных малочисленных народов Российской Федерации», дающим определение этнологической экспертизы. Тем не менее процесс проведения этнологической экспертизы еще недостаточно законодательно урегулирован, поэтому антропологи для ее проведения привлекают общественное мнение в расчете на добровольное изменение позиции компаний, либо опираются на протестные акции аборигенов. Скла-

---

[29] Обзор документации проекта «Сахалин – 2», касающейся коренных малочисленных народов Севера острова Сахалин // Люди Севера: права на ресурсы и экспертиза. С. 288–312; *Василькова Т.Н., Евай А.В., Мартынова Е.П., Новикова Н.И.* Коренные малочисленные народы и промышленное освоение Арктики: этнологический мониторинг в Ямало-Ненецком автономном округе. Москва; Шадринск, 2011.

дывается ситуация, при которой «вместо иерархического проекта ученых, изучающих Другого, возникает совместный проект, в рамках которого ученые оказываются более жестко встроенными в те сообщества, которые они исследуют». Для целей прикладной антропологии используются средства воздействия на более широкую аудиторию, выступления в СМИ или участие в общественных акциях[30]. Аналогичная ситуация характерна не только для России, но и в частности для США.

Еще одним средством проведения антропологических исследований является популяризация международных документов. Речь идет о важнейшем в доктринальном плане документе, хотя и не ратифицированном Российской Федерацией, – Конвенции ЮНЕСКО об охране нематериального наследия (2003 г.). В ст. 2 Конвенции нематериальное культурное наследие определяется как «обычаи, формы представления и выражения, знания и навыки, а также связанные с ними инструменты, предметы, артефакты и культурные пространства, признанные сообществами, группами и в некоторых случаях отдельными лицами в качестве части их культурного наследия». Такое нематериальное культурное наследие, передаваемое из поколения в поколение, постоянно воссоздается сообществами и группами в зависимости от окружающей их среды, их взаимодействия с природой и их истории, формирует у них чувство самобытности и преемственности, содействуя тем самым уважению культурного разнообразия и творчеству человека. Как видим, этот документ исходит из признания права определять значение культурного наследия исходя из традиций. Такой подход в России нашел подтверждение в законодательстве некоторых субъектов федерации, но мало известен экспертному и политическому сообществу.

В законодательстве отдельных субъектов федерации сделаны попытки юридически решить проблему культурного наследия. В частности, в 2006 г. в ЯНАО принят закон «Об объектах культурного наследия Ямало-Ненецкого автономного округа». В нем выделены особенности и важнейшие черты традиционного образа жизни коренных малочисленных народов Севера. Закон «Об объектах культурного наследия» должен будет сыграть решающую роль в сохранении культуры ненцев, в частности при проведении гарантированной законодательством историко-культурной экспертизы. Ряд статей закона специально посвящены коренным малочисленным народам Севера. Статья 8 закона определяет

---

[30] *Калдвелл М.* Прикладная антропология в Соединенных Штатах: ангажированность, обязательства, этика //Антропологический форум. 2010. № 13. С. 51–52.

объекты культурного наследия коренных малочисленных народов Севера:

«1) семейные, родовые и национальные священные, культовые места коренных малочисленных народов Севера в автономном округе (далее – священные места коренных малочисленных народов Севера);

2) семейные и родовые места захоронений коренных малочисленных народов Севера в автономном округе (далее – места захоронений коренных малочисленных народов Севера);

3) семейные, родовые и национальные памятные места;

4) места бытования народных промыслов;

5) иные объекты, представляющие исключительную ценность для коренных малочисленных народов Севера».

Закон также определяет права этих народов на охрану священных мест, в том числе и в соответствии со своими обычаями.

Специального внимания заслуживает Закон ХМАО «О святилищах коренных малочисленных народов в Ханты-Мансийском автономном округе – Югре» (от 2005 г.). Согласно ст. 3 «под святилищем коренных малочисленных народов в целях настоящего закона понимается элемент природного ландшафта, считающегося священным местом в силу его значимости для религии и отправления религиозных обрядов данных народов. При этом святилище коренных народов должно быть признано выявленным объектом культурного наследия автономного округа или включенным в единый государственный реестр объектов культурного наследия (памятников истории и культуры) народов Российской Федерации в качестве объекта культурного наследия автономного округа».

Отличием этого закона от закона ЯНАО является то, что, несмотря на его безусловное важнейшее нововведение – определение святилищ, закон не оговаривает регулирование вопросов использования и защиты таких мест на основании обычаев коренных народов. Затруднения могут возникнуть и из-за необходимости признания святилища объектом культурного наследия либо включения его в единый государственный реестр. Трудно сказать определенно, как будет складываться процесс выявления святилищ и их регистрации, но для некоторых такая процедура может стать препятствием. Тем не менее закон может сыграть большую роль в защите священных мест при промышленном освоении. Для обеспечения прав коренных малочисленных народов предусматривается «получение в соответствии с законодательством информации о разработке проектов и планов развития территории, на которой расположены святилища коренных малочисленных

народов» (ст. 5). Очевидно, что применение этой статьи потребует активных действий самих аборигенов. Положительным явлением также стало отнесение к полномочиям Правительства ХМАО «создание правовых, организационных, материально-финансовых и иных условий для сохранения, использования и охраны святилищ коренных малочисленных народов» (ст. 6). Существующее законодательное регулирование вопросов защиты святилищ демонстрирует скорее сложности этого процесса. Более перспективным представляется включение в него правовых обычаев коренных народов, что может быть более адекватным их жизненным практикам.

В Ханты-Мансийском автономном округе существует еще одна особая категория земель – «места традиционного бытования фольклора – территории, в пределах которых исторически сложилось и развивается в соответствии с самобытными традициями нематериальное культурное наследие коренных малочисленных народов». Это понятие введено законом ХМАО «О фольклоре коренных малочисленных народов Севера, проживающих на территории Ханты-Мансийского автономного округа» (2003 г.). Эта новелла обеспечивает важное право коренных малочисленных народов на сохранение и защиту мест традиционного бытования фольклора и природных ресурсов, необходимых для продолжения и развития фольклорных традиций (ст. 5). Таким образом, законодатель связал воедино право на ресурсы и сохранение фольклора как неотъемлемой части культурного наследия коренных малочисленных народов. Этот закон юридически закрепил высказываемые многими аборигенами мысли. Например, Т.А. Молданов отмечает необходимость «места компактного проживания носителей фольклора (они как раз совпадают с территориями приоритетного природопользования) отнести к особо охраняемым территориям, так как они являются местом воспроизводства духовной культуры»[31]. Приведенные свидетельства подтверждают представление о земле как ядре культуры аборигенов, без сохранения которой они утратят свои ценности. Аборигены не используют землю как источник своего материального благосостояния, она скорее источник их культуры, языка, фольклора. Именно поэтому они настаивают на особой охране их территорий и именно поэтому отношения с нефтяниками столь часто становятся конфликтными.

Аборигены особенно болезненно воспринимают осквернение священных мест нефтяниками, хотя иногда выступают против их

---

[31] *Молданов Т.А.* Современное состояние культуры ханты и манси // Встреча родов ханты. Сургут, 2004. С. 70.

обозначения, а тем более картографирования: «*У нас многие реки считаются священными, и эти места священными, и озера священные есть. Если изгадят, например, нефтяники, у коренных жителей сердце ноет и душа плачет. Это страшно. Природа практически уничтожается. Все наши плакали. Лес вырубят, потом он валяется. Как вам сказать попроще. Как свою мать обижают, которая тебя кормит. Лес это все*»[32]. Священные места выступают как часть «своей земли».

Понятие «своей земли» многозначно, но именно мифологические представления, население ее духами, совершение на ней обрядов, жертвоприношений позволяют интерпретировать ее как определенное поле, сферу, защищающую живущих среди священных мест людей. Аналогично освоенная территория эвенков рассматривается А.А. Сириной, которая отмечает, что «у людей, живущих на ней, формируется психологически особое, эмоционально окрашенное отношение к этой земле, которое можно выразить словами “своя земля”. Представления о “своей земле” составляют те запреты, обычаи, обряды, которые связаны как с эвенкийской архитектурой, материально организованной средой, так и с определенными природными объектами». А.А. Сирина обосновывает своим исследованием представление эвенков о территории обитания (тайге) как доме[33]. Представления аборигенов в этом случае могут быть интерпретированы в контексте неразрывности пространства, в котором священные места играют важную роль соединительных элементов.

Конфликты, связанные со священными местами, случаются, но аборигены не любят о них говорить. Так, острая ситуация возникла в 1998 г. в связи со священным местом хантов и лесных ненцев в Сургутском районе. Защитником этого места выступил оленевод Н.Н. Вылла. Через весеннее пастбище его начали прокладывать дорогу, а новые вышки собирались ставить как раз на священном месте. Никита Напасевич написал заявление нефтяникам, но те ссылались на подписи владельцев родовых угодий. Когда на стойбищах заходил разговор о подписях, люди рассказывали, что им ничего толком не объясняли. Например, хантам говорили: «Распишитесь за получение компенсаций, или распишитесь, а то ничего вам давать не будем, а землю заберем, потому что соседи уже подписали». И люди были вынуждены подписывать, тем более что многие из них неграмотны, некоторые не знали русского языка. Земля, о которой идет речь, является

---

[32] ПМА, Песиков В.Я., Лянтор, 2001 г.

[33] *Сирина А.А.* Катангские эвенки в XX веке: расселение, организация среды жизнедеятельности. М., 2002. С. 223, 258.

общинно-родовым угодьем, и нефтяники должны были собрать всех хантов и объяснить, о чем они заключают соглашение. В международных документах отмечается, что должно быть информированное участие аборигенов в проектах, затрагивающих их интересы. Наши законы не настаивают на этом, поэтому аборигены часто не знают, что подписывают.

Статус священных земель в округе тогда был не определен, хотя любому местному жителю и антропологу понятно, что эти земли в первую очередь осознавались людьми как таковые. Однако это неизвестно нефтяникам, а государство не требует от них такого знания. Поэтому, когда началось строительство дороги и Н.Н. Вылла написал в заявлении, что эти земли священные, директор нефтяного предприятия ответил, что по его карте археологических памятников эти земли священными не являются. В этом противостоянии победителем оказался директор.

В отношении священных земель проблема правового плюрализма стоит наиболее остро. Многие представители коренных народов не хотят придавать таким землям статус «памятника истории и культуры», с одной стороны, потому что не хотят раскрывать «другим», где находятся их святилища, с другой стороны, по их идеологии, такие земли могут потерять свой традиционный статус, если будут названы и жестко определены. Представители же государства и промышленников даже не задумываются над тем, что им следовало бы воспользоваться консультациями специалистов. Почему-то такая процедура существует в отношении компаний, финансируемых Всемирным Банком, но не распространяется на деятельность российских компаний.

Полевые исследования показывают, что существует необходимость правового регулирования вопросов охраны священных мест и других значимых для аборигенов территорий как важнейшей части историко-культурного наследия и современных культовых практик коренных малочисленных народов в регионах их проживания. В современных условиях до принятия специального федерального закона важно учитывать, что в культурах разных народов есть свои методы использования и сохранения историко-культурного наследия. Невнимание к ним, нарушение норм обычного права, соответствующего традициям этих народов, приводят к негативным последствиям и могут вызвать рост социальной напряженности и конфликты в этнокультурной и этноконфессиональной сфере. Междисциплинарный подход, привлечение для экспертизы не только археологов и историков, но и социальных и юридических антропологов позволят составить более полную и адекватную картину и исторического прошлого, и современных

представлений различных народов о таких памятниках как средствах презентации их культуры в глобальном мире.

Земля воспринимается коренными народами как часть окружающего их мира, за ней они должны надзирать «*как следят за стариками и детьми*». У аборигенов более актуальным, чем представление о земле-матери, является представление о том, что люди должны *давать земле, следить за ней, устанавливать с ней связь*. На отношения к земле переносятся социальные связи. Интересно отметить, как из поколения в поколение передаются традиции, устанавливаются социальные взаимоотношения в этническом сообществе. Так, в ненецких семьях существует обычай отдавать одного ребенка бабушке с дедушкой. Таким образом, этот ребенок растет в их семье, они имеют возможность передать ему больше традиционных знаний, умений, он в большей степени знакомится с традиционной культурой. Мальчики ходят за оленями, рыбачат, охотятся. Девочки учатся у бабушек выделывать шкуры, шить одежду и обувь. Бабушка и дедушка стареют, и им будет обеспечен уход и помощь. Я наблюдала ситуацию, в которой девочка называла бабушку мамой и даже ревновала свою родную мать к бабушке, старалась переключить все внимание на себя. Значение этого обычая велико и для работы этнографа, так как из таких детей вырастают прекрасные информанты. Такой обычай распространен как у тундровых, так и у лесных ненцев. Аналогичные представления регламентируют и отношения землепользования, благодаря которым и земля будет всегда присмотрена.

Этот принцип тесно связан с соблюдением запрета и меры в пользовании ресурсами. Одно из правил хантов гласит: «Нельзя хвалить (брать пример с него) охотника, который много добывает, но нарушает правила охоты; хорош не тот охотник, который много добывает, а который не нарушает правила»[34]. Правовой модели аборигенов свойственны гибкость и высокая степень адаптивности, что создает в их сообществе высокий уровень правовой культуры и уважения к норме. Основной принцип природопользования коренных народов – *не наследить*. Такие представления определяют и роль земли не только как жизненного ресурса, но и как защиты и основы идентичности. По нормам права хантов, манси, ненцев человек не должен наносить земле никакого урона, не только не нарушать ее поверхность, но даже не оставлять следов. К этому приучают с детства. Если дети, играя, бросаются на снег, оставляя след, то старшие учат их этого не делать, ведь зверь оставляет след, и его по следу находит охотник. Ханты,

[34] Мифология хантов. Томск, 2000. С. 114.

ненцы, манси ходят как бы над землей, и это не метафора, возможно, этому их научили бесконечные передвижения по болотам. А есть такие участки земли (это обычно священные земли), на которые нельзя наступать даже их легкой походкой. И если надо там пройти, к подошвам ног привязывают бересту, чтобы еще больше защитить землю.

У аборигенов существует представление об освоенных территориях, на которых они проживают в течение длительного времени, о чем свидетельствуют их постройки, обустроенные места лова и, как уже указывалось, священные или иные связанные с мифологическими и религиозными представлениями места. В современных условиях ханты называют *своей землей* те территории, на которых охотятся и рыбачат, и которые также осваивались их предками[35].

Говоря об обычаях природопользования, необходимо сказать о существующих у аборигенов представлениях о «праве на землю». В традиции хантов, манси и ненцев – скорее «право земли». «*Земля не может принадлежать человеку»* – эту мысль в явной или завуалированной форме я слышала много раз в ходе моих полевых исследований. Право в этом случае освящено верой в духов-хозяев, поэтому люди в большей степени связывают свою жизнь не с землей вообще, а с конкретной территорией, часто с местом своего рождения. Земля составляет основу мира коренных народов. Например, по-ненецки, «северяне» – «нгэм ‘тер», дословно – «содержимое Севера». Причем «север» в данном случае воспринимается как весь природный окружающий человека мир. Так себя воспринимают и ненцы, и ханты, и многие другие народы. Они ощущают себя живущими внутри земли, природы. Эта связь часто объясняется через оленей, которые выступают мерой жизни человека. По словам одного оленевода: «У нас стадо большое. Летом пастбища выходят на буровые. Загородь я практически не смогу ставить, ведь стадо большое. На такое стадо надо огораживать очень большое пастбище, а если маленькое огородить, то быстро стопчут. Сейчас уже моим оленям не хватает этих угодий, мои олени выходят за эти границы, итак сейчас земля истощится, а значит, начнут олени исчезать, стало быть, и сами люди начнут исчезать».

Ханты, манси и ненцы подчеркивают свою принадлежность к определенной территории. На этих представлениях основывается не только четко фиксируемое и сегодня их деление на территори-

---

[35] *Кулемзин В.М., Лукина Н.В.* Ханты: чужие на своей земле // Народы Сибири: права и возможности. Новосибирск, 1997. С. 104.

альные группы, чаще всего по рекам, но и чувство принадлежности как знание, которое следует с ними, когда они переезжают на новые территории. Ареал этой территории определяется исторической или современной освоенностью. Из-за развития нефтяных работ на территории округа многие аборигенные, в первую очередь оленеводческие, семьи были вынуждены переселиться. Этот процесс всегда происходит очень болезненно, но интересно, что существует представление о границах этих передвижений. Сегодня эти границы уже достигнуты и оленеводы подчеркивают, что дальше им двигаться уже невозможно.

Сходные представления о земле приводятся в книге Д. Андерсона, посвященной таймырским эвенкам и долганам. Раздел его книги называется «Принадлежность к территории». Этот автор пишет: «Для тундровика земля – это активная сущность, которая может открыть свои секреты охотнику, а может и лишить его своей благосклонности; сущность, которую трудно познать и которой невозможно владеть»[36].

Д. Андерсон, вслед за Т. Ингольдом, рассматривает конфликт между государственным правом собственности и экстенсивной «территориальностью» с «размазанными и нечеткими» границами. Д. Андерсон считает понимание «земли как собственности» на Таймырском Севере вымышленным, сконструированным, он пишет: «Однако националистические чувства в отношении земли, видимо, базируются на опасении, что в будущем непрочное право отдельных людей и коллективов на определенную территорию может не укрепиться, а еще более ослабнуть»[37].

Необходимо отметить, что это исследование проводилось до принятия современного законодательства о коренных народах и территориях традиционного природопользования. Возможно, с этим связано это противопоставление. В ХМАО созданы предпосылки для закрепления территориальной принадлежности в ее экологическом осмыслении, но лишь как правовая модель. Мне также не раз приходилось слышать в последнее время от аборигенов, что они хотят сегодня «*частную собственность на землю*», правда, когда начинаешь выяснять, в чем она будет заключаться, или задаешь вопрос – а можно ли будет продать эту землю, оказывается, это право воспринимается специфически. Вопрос о возможности продажи земли задавался всем информантам при подготовке данной работы. Причем интересно отметить,

---

[36] *Андерсон Д.Дж.* Тундровики. Экология и самосознание таймырских эвенков и долган. Новосибирск, 1998. С. 62.

[37] Там же. С. 68.

что одинаковые ответы давали аборигены и в России, и в Канаде. Большинство информантов, даже если считают частную собственность благом, не понимают и не принимают того, что земля может быть предметом купли/продажи.

Вообще деление земли, определение границ воспринимаются аборигенами как вынужденная мера. Некоторые старики говорили мне во время работы над законопроектами: «*Так и скажи, что потом нефтяники уйдут, и мы будем жить как прежде*». По нормам обычного права землю не распределяли жестко между людьми, владения могли накладываться одно на другое. Представители коренных народов даже говорят, что если бы нефтяники правильно относились к земле, то и им можно было дать землю, но они не понимают, не чувствуют аборигенов как своих соседей. Вообще жесткое определение земельных границ обычно возникает при претензиях на эти территории государства или пришлого населения. Интересное свидетельство из материалов исторического архива приводится в книге Е.В. Карих: «Проживание с октября в Обдорске штурмана 12-го класса Иванова, прибывшего для описания острова Белый на Обской губе, было воспринято ненцами как тот факт, что белый царь хочет обмерить и забрать их землю»[38].

Понятие границы появилось в представлениях аборигенов после прихода на Север русских, именно с ними нужно было разделить пространство. К нашему времени распределение угодий стало уже привычным, но тем не менее и сегодня аборигены говорят о том, что границы нарушают нормы их права: «Земля богом данная, поэтому на одной земле могут жить разные роды. Раньше земля была абсолютно вольная. А сейчас землю поделили. А это нарушение традиционных законов. Люди стали абсолютно бесправны. Получается, что у каждого участка земли должен быть хозяин с бумагой, границами. Здесь столько неразумного, возникают конфликты. Раньше просто были законы справедливости и знание того, что нельзя трогать чужое»[39]. Однажды на мой вопрос: «Есть ли у вас какой-нибудь документ на эту землю?» – я услышала: «А у зайца есть документ?». Именно представление о своем единстве, принадлежности к земле как миру часто затрудняет закрепление определенных ограниченных территорий за людьми, особенно кочевниками.

Рассмотрим следующую норму – *«земля найдет себе хозяина»*. Современные аборигены Западной Сибири объясняют ее

---

[38] *Карих Е.В.* Межэтнические отношения в Западной Сибири в процессе ее хозяйственного освоения XIX – начало XX в. Томск, 2004. С. 121.

[39] ПМА, М.К. Волдина, Ханты-Мансийск, 1997 г.

так. Люди не выбирают, где им жить и вести хозяйство, их связь с определенной территорией – это доля, судьба. Здесь проявляется одна из черт их мировоззрения – установление обратной связи, партнерства с окружающим миром. Причем необходимо отметить, что чаще всего нет отдельных представлений о земле. Земля воспринимается как часть природы, ограниченная на каком-то пространстве. В этом смысле их представления в значительной степени нашли воплощение в федеральном законе «О территориях».

Слушая подобные разговоры или читая подобные высказывания в литературе, я думаю, многим приходило в голову, что они звучат несколько романтично в наше прагматичное время. Я услышала такое объяснение: «земля как бы более самостоятельна, чем человек. И в случае, если в этой земле находят нефть, это также считается ее выбором. Есть такие участки земли, например, на Ватьегане, эта земля такая, что ее должны были пробурить»[40]. Сегодня аборигены определяют свои хозяйственные практики в зависимости от повседневных интересов. Это приводит к тому, что часть из них выступают за промышленное освоение традиционных территорий. Можно считать, что в XX в. завершился период романтики «традиционного природопользования».

В интервью мне Е.Д. Айпин, писатель, депутат и председатель Ассамблеи коренных малочисленных народов Севера ХМАО сказал: «*Земля – основа основ для жизни коренных жителей, потому что без связи с землей не может нормально развиваться народ, связанный с традиционным образом жизни. Это главнейшая проблема сейчас у людей. Это, с одной стороны, духовная связь, с другой – физическая. Человек тесно связан своими корнями с землей. Земля – это богиня, которая держит людей, опекает их. С другой стороны, все, что есть у человека – охота, рыбалка, олени, все это держит земля. Если человек долго жил на своей земле, а потом отрывается, то он просто погибает без своих корней. Есть много людей, у которых на их такой земле построены города или железные дороги, трубопроводы. Им некуда приткнуться, в отличие от тех хантов, которые сохранили свои угодья. Многие не могут вернуться на свои угодья, так как они попали под промышленное освоение, под города.*

Прежде всего, я бы отрегулировал вопросы землепользования, необходимо закрепить за коренными народами землю. Затем важно обеспечить их экономически. Привязать их экономику к богатствам той территории, на которой они живут. Если мы

---

[40] ПМА, Айваседа Ю.К., 2003г., стойбище на Тюйтяхе.

эти вопросы решили, нужно решать вопросы сохранения материальной и духовной культуры. Но они бы тогда сами решались проще, если бы была экономическая база»[41].

В нормах обычного права, регламентирующих отношение представителей коренных народов к земле, проявляется одна из основополагающих черт их мировоззрения – большая ответственность по отношению к земле, родовым угодьям, когда люди рассматривают свое право на родовые угодья в первую очередь как свою обязанность по отношению к этой земле. Например, в Ханты-Мансийском автономном округе существует успешная община «Карым» в Кондинском районе. Когда я беседовала с ее членами, они говорили мне, что «*те, кто работают за зарплату в городе или поселке, ничего родовым угодьям дать не могут*»[42].

Земля не может принадлежать человеку, он может только следить за ней, сохранять знания о ней, поэтому концепция «отторжения земель под промышленное освоение» вообще не воспринимается аборигенами. Возможно, в этом кроется одна из причин того, что они так легко пустили на свои земли приехавших геологов, а затем нефтяников. Старики теперь говорят, что думали, что те поработают, если им так нужно, и уйдут. Причем они считают, что хантам да и другим коренным народам досталось нести этот груз, сохранить эти земли, в первую очередь священные, но это не особенность их, а *доля*.

Земля для аборигенов имеет в первую очередь не коммерческую ценность, а социальную. Характерно подобное высказывание: «*Нужен такой закон, чтобы его нельзя было обойти, в первую очередь нам нужна земля. Чтобы она была в частной собственности. Раньше у нас не было частной собственности, но теперь нужно ввести. Внутри общины мы живем по нормам обычного права, все делится поровну между членами общины, наиболее важные вопросы решаются коллективно*»[43]. Трудно не увидеть, что здесь предлагается довольно своеобразное толкование частной собственности на землю, тем более что при вопросе о возможности продажи земли я обычно получала отрицательный ответ.

Важным для традиционной системы является передача земли, своей территории следующим поколениям. При этом «традиционная система не игнорирует экономическую ценность земли, но эта ценность не носит определяющий характер, как это имеет место в гражданско-правовой системе, основанной на капиталистическом способе производства, при котором меновая (обмен-

---

[41] ПМА, Айпин Е.Д., г. Ханты-Мансийск, 2001 г.
[42] ПМА, Вахрушев Е.А., община «Карым», 1997.
[43] Там же.

ная) стоимость земли высчитывается и вводится в общий рынок, на котором доминирует индивидуалистическая организация обменов. Напротив, утверждая принцип непередаваемости земли, традиционная система ставит на первое место ее внекоммерческий характер: права на землю могут передаваться лишь между членами одной и той же группы. Таким образом, традиционная система абстрагируется от экономической ценности земли, тогда как гражданско-правовая система ставит ее на первое место. Традиционная система ставит во главу угла общественно-политический статус субъектов права, тогда как гражданско-правовая не обращает на них большого внимания»[44].

В юридической литературе рассматривается проблема соотношения публичных и имущественных прав на землю[45]. Федеральное законодательство большее внимание уделяет именно публичным правам, устанавливая особый правовой режим этих территорий как особо охраняемых. Вопросы имущественных прав, наследования земель представителями коренных малочисленных народов остаются нерешенными.

Из-за начавшегося в 1960-е годы промышленного освоения существование аборигенов, ведущих традиционный образ жизни, оказалось под угрозой. Нарушены природная среда проживания и весь уклад их жизни. Современное законодательство направлено на защиту их прав, традиционного образа жизни. Но в реальности практически нет «чистого» традиционного образа жизни. Многие группы коренных народов подверглись принудительному переселению с их исконных земель и в результате этого – ассимиляции. Территории для ведения промыслового хозяйства и оленеводства постоянно сокращаются, культура, язык и сам образ жизни подверглись значительной деформации. Многие исконные земли стали территориями городов.

Например, многие пимские ханты проживают сейчас в г. Лянтор, где для них построен так называемый национальный поселок. О.И. Колыванова (Рынкова) относится именно к этой группе, она рассказала: «*Мое родовое угодье – где город построили. Там и кладбище, и избушки, и детей я там в лесу родила. У нас родовые угодья общиной взяты, потому что между нами промежутки совсем маленькие, расселить нельзя. У нас 9 семей. Мы главу не выбирали, просто земля общая, поэтому общиной живем. Рыбы сейчас совсем чуть-чуть ловим, охоты тоже нет. Сейчас ничего нет. В городе пимские ханты все как ханты живут.*

---

[44] *Рулан Н.* Юридическая антропология. М., 1999. С. 120.

[45] См., напр., *Павлов П.Н.* Использование и охрана земель коренными малочисленными народами Севера: проблемы правового регулирования // Обычай и закон. Исследования по юридической антропологии. М., 2003.

Некоторые живут в лесу, а в поселке у них квартиры, они сюда приезжают, когда надо, например, рыбу на рынке продать»[46]. Если в отношении земель, занятых нефтяными месторождениями, можно предположить, что когда-то они будут освобождены и рекультивированы, то города уже не станут родовыми угодьями. Ханты помнят о местах своих угодий и рассказывают о том, что они жили, например, на территориях современного Когалыма и других городов, и о том, что теперь они приезжают туда и чувствуют себя чужими.

Особую уникальность проблеме прав коренных народов на землю придает то обстоятельство, что они не используют землю как ресурс напрямую, она нужна им как пастбище или охотничья территория. Их занятия сравнительно мало влияют на состояние земельных ресурсов. Для них более важными являются вопросы «*доступа к территориям*», хотя, конечно, система их жизнеобеспечения связана с состоянием окружающей среды. В рассматриваемый период традиционное хозяйство коренных народов ХМАО носит экстенсивный характер, что позволяет говорить о том, что они не нанесли биологическим ресурсам существенного урона.

Аборигенам нужна скорее не сама земля, а возобновляемые биологические ресурсы территорий их проживания. Казалось бы, и законодательство этому соответствует. Согласно закону «О животном мире», коренные народы и их объединения имеют право на приоритетное пользование животным миром, если их «самобытная культура и образ жизни включают традиционные методы охраны и использования объектов животного мира» (ст. 49). В реальности ситуация часто иная. «*Так получилось с родовыми угодьми – хантам не понятно. Земля наша, но без зверей, без деревьев. Один сказал: "Русские поставили стол, мы постелили скатерть, сверху русские поставили всякие яства. Они стол убрали, яства убрали, а что с ней делать. Эту скатерть ведь не съешь, ею детей не накормишь"*»[47].

Таким образом, для обычно-правового регулирования отношений землепользования характерны общественный характер норм землепользования, включающий коллективные и индивидуальные права, разделение общественного статуса освоенных территорий и имущественных интересов, признанная необходимость следить за землей, оберегать ее и соблюдать меру в использовании природных ресурсов, проницаемость границ, неотчуждаемый характер землепользования, проявляющийся в том, что земля может

---

[46] ПМА, О.И. Колыванова (Рынкова), Лянтор, 1997 г.
[47] ПМА, Сопочина А.С., Лянтор, 2001 г.

передаваться по наследству или передаваться внутри группы, но не продаваться. Отчуждение земли для целей, отличных от традиционного природопользования, воспринимается отрицательно.

В современном суде именно особенности правопонимания коренных народов становятся камнем преткновения для судей. Вероятно, требуется дальнейшая совместная междисциплинарная работа в этом направлении. Главную трудность создает именно невозможность восприятия судьями трансформаций традиционного природопользования и норм обычного права, которые регулируют эти процессы.

Особенности восприятия «собственности на землю», которая в их обычном праве носит общественный характер, наиболее полно и, как мне представляется, адекватно воплощены в законе «О территориях». Именно территория как категория публичного права, а не земельный участок, как имущественная категория в большей степени соответствует аборигенной нормативной культуре. В определении особенностей аборигенного землепользования мы сталкиваемся с ситуацией, аналогичной другим традиционным правовым системам. Вслед за Н. Руланом в данной работе прилагательному «коллективный» предпочитается определение «общественный», которое не исключает индивидуальные права: эти права существуют, но они обусловлены положением индивидуума внутри соответствующей группы[48]. Непонимание или непризнание этих особенностей нашли наиболее яркое отражение в Земельном кодексе (что будет рассмотрено ниже), что создает трудности в судебной защите прав аборигенов при столкновении их интересов с государством или нефтяниками.

2. Правовое регулирование землепользования в прошлом и настоящем

В начале XX в. в значительной степени на Севере сохранялись нормы обычного права в регулировании земельных отношений – это были нормы, определяющие право доступа к территории, освоенной какой-либо группой. Для большинства коренных народов Западной Сибири было характерно комплексное хозяйство, тем не менее в этот период можно говорить о различиях в представлениях о земле оленеводов и охотников. Наиболее полно права землепользования описаны В.П. Евладовым на Ямале, территория которого была поделена на вотчины (личное наследственное землевладение). Во время его экспедиции в 1928–1929 гг.

---

[48] *Рулан Н.* Юридическая антропология. М., 1999. С. 118.

он записал от стариков: «Раньше каждый знал свое место, и каждый год олени стояли на одних и тех же местах, а теперь всякий идет куда хочет, промышляет, где думает. Поэтому много народу скопилось у Карского берега». Ненцы признавали право перехода оленей через чужие территории, но лишь при условии бережного отношения к ягельникам. Более жестко закреплялось право промысла песца самоловными ловушками – слопцами, так как песец имел товарный характер[49]. Общественная собственность на земли существовала в этот период во всех отдаленных районах Севера. Необходимость более четкой фиксации возникает там, где ощущается земельная «теснота», в первую очередь под влиянием русской колонизации[50].

Более четко были распределены охотничьи территории у хантов. Угодья у них считались неприкосновенными, эксплуатация их посторонним лицом считалась правонарушением – по обычному праву в качестве наказания за это правонарушение у виновного лица отнималось все, чем он воспользовался на чужом угодье, и налагался штраф. Границами угодий обычно служили речки или мысы. Рыболовные угодья сдавались в аренду русским промышленникам[51]. В некоторых районах промысловой деятельности, в которые могли попасть и безоленные охотники, не было постоянных закрепленных угодий, более четкая регламентация существовала в более отдаленных районах, где угодья могли фактически закрепляться за группой на время пользования ею[52].

Конфликты в сфере землепользования и недропользования возникали и раньше. Еще в 1807 г. в Правительствующем Сенате рассматривался вопрос «о правах иноверцев, жительствующих в Сибири на земли им отведенные» и отмечалась его сложность. В принятом решении записано, что добыча из недр земли производится только с дозволения правительства, но «разработка руд и других ископаемых на землях иноверческих без их собственного дозволения не может быть производима»[53]. Политика государства в XIX в. строилась на признании «древнего закона», по которому эти земли были закреплены за «иноверцами» с запрещением их продавать и менять. Реформа М.М. Сперанского должна была закрепить принятую практику, признав нормы обычного права этих народов и, хотя были созданы специальные комитеты для записи

---

[49] *Евладов В.П.* По тундрам Ямала к Белому острову. Тюмень, 1992. С. 153–155.
[50] *Зибарев В.А.* Юстиция у малых народов Севера (XVII–XIX вв.). Томск, 1990. С. 171–172.
[51] *Дунин-Горкавич А.А.* Тобольский Север. Т. III. М., 1996. С. 66–67.
[52] *Шатилов М.Б.* Ваховские остяки. Тюмень, 2000. С. 222–223.
[53] Российский исторический архив. Ф. 1281. Оп. 1. 1815–1816. Д. 3.

этих норм, работа не принесла ожидаемых результатов. Одной из причин было, на мой взгляд, непонимание мировоззрения и правопонимания народов, нормы права которых пытались фиксировать. Особенно показательна в этом смысле длительная тяжба тундровых ненцев по поводу пастбищ и промысловых угодий, когда основной довод властей был связан с тем, что они считали русских и коми-зырян более способными оленеводами, которые ведут хозяйство так, что получают прибыль[54]. При этом не учитывались нормы природопользования ненцев, которые в течение длительного времени использовали тундры, не нанося им урона. Но несмотря на трудности и подчас неудачи проведения реформы управления Сибирью, тем не менее общий подход строился на признании прав коренных народов Севера на эти земли.

Как система такое законодательство существовало и в период с 1926 до середины 1930-х годов. В дальнейшем мы можем говорить, вероятно, не о системе прав, а лишь об отдельных льготах. С начала 1990-х годов наступает новый этап, когда предпринимаются попытки создания законодательства, чувствительного к образу жизни коренных народов. В процессе законотворчества начинают активно участвовать этнографы (как и в 1920–1930-е годы), имеющие большой опыт полевой работы и знающие особенности культуры этих народов, в первую очередь в сфере правового регулирования их жизни.

В международном праве особое внимание уделяется праву аборигенов на землю как основу их существования. «Право названных народов на землю в значительной степени выступает как системообразующее начало их государственно-правового статуса. С данным правом связывается реализация прав на самоуправление, на участие в пользовании недрами, создаются предпосылки для консолидации народа, лучшего развития языка, культуры и решения социальных вопросов. И, напротив, замечено, что ущемление коренных народов зачастую обусловливается отсутствием у них прав на землю и другие природные ресурсы»[55].

В Международном пакте об экономических, социальных и культурных правах (ст. 1) отмечается: «Все народы для достижения своих целей могут свободно распоряжаться своими естественными богатствами и ресурсами… Ни один народ ни в коем случае не может быть лишен принадлежащих ему средств существования».

---

[54] Российский исторический архив. Ф. 1291. Оп. 82. 1879. Д. 6.

[55] *Кряжков В.А.* Право коренных малочисленных народов России на земли и иные природные ресурсы //Обычай и закон. Исследования по юридической антропологии. М., 2003. С. 159.

В Конвенции 169 МОТ вопросам, связанным с землей, посвящен целый раздел; ст. 14 констатирует:

«1. За соответствующими народами признаются права собственности и владения на земли, которые они традиционно занимают. Кроме того, в случае необходимости, применяются меры для гарантирования этим народам прав пользования землями, которые заняты не только ими, но к которым у них есть традиционный доступ для осуществления их жизненно необходимой и традиционной деятельности. Особое внимание обращается на положение кочевых народов и народов, практикующих переложное земледелие.

2. В случае необходимости, правительства принимают меры для определения границ земель, которые традиционно занимают соответствующие народы, и для гарантирования эффективной охраны их прав собственности и владения.

3. В рамках национальной правовой системы устанавливаются необходимые процедуры разрешения споров по поводу земли со стороны соответствующих народов».

Таким образом, определяются гибкие отношения собственности, владения, доступа, что соответствует разнообразным практикам хозяйствования. В Декларации прав коренных народов отмечается: «Коренные народы имеют право на возвращение их земель, территорий и ресурсов, которыми они традиционно владели или которые они иным образом занимали или использовали и которые были конфискованы, заняты, использованы или которым был нанесен ущерб без свободного и осознанного согласия. В тех случаях, когда это не представляется возможным, они имеют право на получение справедливой компенсации. Если с соответствующими народами не имеется добровольно достигнутой договоренности об ином, такая компенсация предоставляется в форме земель и территорий, которые по меньшей мере равноценны утраченным по своему качеству, размеру и правовому статусу» (ст. 27). Заявленное здесь право наиболее сложно для применения в России, хотя вопрос о компенсации является актуальным. Правда, те компенсации, которые получают аборигены от нефтяных компаний, трудно назвать адекватными их реальным потерям.

Российское государство, руководствуясь принципиальными положениями международного права, в 1993 г. определило в Конституции, что особой компетенцией органов государственной власти являются «защита исконной среды обитания и традиционного образа жизни малочисленных этнических общностей» (ст. 72). В связи с тем что существование этих народов в качестве аборигенных в первую очередь связано с землей, следует также

учитывать конституционные нормы о том, что земля и другие природные ресурсы используются и охраняются в Российской Федерации как основа жизни и деятельности народов, проживающих на соответствующей территории (ст. 9). И наконец, важно иметь в виду, что по Закону «О гарантиях прав» исконная среда обитания малочисленных народов рассматривается как «исторически сложившийся ареал, в пределах которого малочисленные народы осуществляют культурную и бытовую жизнедеятельность и который влияет на их самоидентификацию, образ жизни». Таким образом, законодатели впервые подчеркнули особую связь этих народов с занимаемой ими территорией.

Современный взгляд официального права на традиционное природопользование в наибольшей степени выражен в законе «О ТТП». В нем впервые дается определение обычаев. В законе указывается, что правовое регулирование отношений в области образования, охраны и использования территорий традиционного природопользования осуществляется в том числе и обычаями этих народов, если они не противоречат законодательству Российской Федерации и субъектов РФ (ст. 2). Также обычаи, наряду с законодательством, регулируют использование природных ресурсов, находящихся на территориях традиционного природопользования (ст. 13). И именно в этом вопросе коренные народы могут применить свои обычаи неистощительного природопользования, продемонстрировать умение использовать ресурсы в соответствии с «мерой». Таким образом, новое законодательство, выделяя территории традиционного природопользования как особо охраняемые природные территории, исходит из принципов международного права, которое во многих документах подчеркивает роль знаний и практик этих народов в сохранении окружающей среды[56]. Более подробно этот закон анализируется в разделе о судебной защите прав коренных малочисленных народов.

Российские государство и общество оказались не готовыми к тому, чтобы действительно предоставить аборигенам гарантированные конституцией права. Несмотря на то что этот закон принят десять лет назад, в России нет ни одной территории традиционного природопользования федерального значения. На этом фоне важным явилось решение Правительства ХМАО придать родовым угодьям в округе статус ТТП регионального значения. Безусловно, придание специального «охранного» статуса таким территориям должно защитить их в конкуренции за ресурсы

---

[56] *Павлов П.Н.* Комментарий к Федеральному закону «О территориях традиционного природопользования коренных малочисленных народов Севера, Сибири и Дальнего Востока Российской Федерации». М., 2001. С. 109–110.

в округе, хотя, как показывает опыт, для полной защиты права коренных народов на ресурсы этого недостаточно.

На Севере широко известны случаи гибели домашних оленей, причем не только на нефтяных месторождениях, но и на железных дорогах. В восточных районах округа, где проживает большинство оленеводов и ведутся наиболее интенсивные разработки нефти, ханты и ненцы предлагают огораживать не свою землю, а промышленные объекты и дороги. Они мотивируют это тем, что олень должен ходить свободно по своей земле, а если здесь временно (а они убеждены, что временно) работают нефтяники и нарушают правила землепользования, то их нужно огородить. Весной 2006 г. в районе г. Когалым на железной дороге погибли 26 домашних оленей, которые вышли на дорогу. Необходимо отметить, что город Когалым построен на территориях восточных хантов и лесных ненцев, олени которых сохранили маршруты своего кочевания. Милиция железной дороги обвиняла в случившемся оленеводов, не учитывая того факта, что по традициям аборигенов животные пасутся самостоятельно[57].

Значение федерального закона «О ТТП» существенно усилено тем, что его основные положения нашли подтверждение в Земельном кодексе. На федеральном уровне права коренных малочисленных народов Севера были закреплены и в Земельном кодексе РФ, действовавшем до 2001 г. Землевладение для них являлось бесплатным (ст. 51), кроме того, гарантировалась особая позиция органов власти при предоставлении земельных участков для целей, не связанных с хозяйственной деятельностью малочисленных народов, когда решался вопрос о проведении референдума и принятии соответствующих решений (ст. 28). Представители коренных малочисленных народов Севера, наряду с другими гражданами, их общественные организации, объединения и органы территориального общественного самоуправления имели право участвовать в рассмотрении вопросов, связанных с изъятием и предоставлением земельных участков, затрагивающих интересы населения (ст. 28).

Особо были оговорены права представителей этих народов при использовании земель природоохранного назначения для выпаса оленей (ст. 89), а на землях природно-заповедного назначения в местах проживания и хозяйственной деятельности малочисленных народов допускалось традиционное экстенсивное природопользование, не вызывающее антропогенной трансформации охраняемых природных комплексов (ст. 90).

---

[57] www.uralpolit.ru

В настоящее время в России действует новый Земельный кодекс, вступивший в силу после опубликования в октябре 2001 г. В нем специально оговорены права коренных малочисленных народов Севера и их отношения в сфере землепользования. Согласно новому кодексу, может быть установлен особый правовой режим использования земель в местах их традиционного проживания и хозяйственной деятельности (ст. 7, п. 3).

Статья 95 Кодекса определяет правовой статус «земель особо охраняемых природных территорий», к которым относятся территории традиционного природопользования. Земельный кодекс подтвердил права на образование территорий традиционного природопользования как особо охраняемых причем указывается, что «порядок природопользования на указанных территориях устанавливается федеральными законами, их границы определяются Правительством Российской Федерации» (ст. 97). Неясным, однако, остается вопрос о правах пользования этими землями и возмещении ущерба при их нецелевом использовании.

До рассмотрения отношений, складывающихся в современных условиях в сфере природопользования на практике, необходимо сказать об актуальных для аборигенов, но оставшихся не решенными в законодательстве проблемах. Новый Земельный кодекс закрепил нормы Федерального закона «О ТТП», по которому эти территории были выделены как особо охраняемые, был определен их правовой режим и права на владение ресурсами.

Процесс образования таких территорий может быть инициирован на основании обращения лиц, относящихся к малочисленным народам, общин малочисленных народов или их уполномоченных представителей (ст. 6, 7, 8). «Использование же природных ресурсов, находящихся на данной территории, осуществляется лицами, относящимися к малочисленных народам, и их общинами. Лица, не относящихся к малочисленным народам, но постоянно проживающие на территориях традиционного природопользования, пользуются ресурсами для личных нужд, если это не нарушает правового режима территорий» (ст. 13).

В Земельном кодексе РФ подтверждено, что регулирование правового режима таких территорий осуществляется федеральными законами, но произошло одно существенное изменение – из него вообще исчезли лица, относящиеся к коренным малочисленным народам, но фигурируют общины, которые могут использовать земли или которым предоставляются земли (ст. 78, 82). Таким образом, законодатель выбирает и вынуждает исполнительные органы власти также выбрать в качестве субъекта прав только общины. Однако далеко не все аборигены живут и хотят

жить общинами. Более того, для многих из них общины представляются современными колхозами, а люди, почувствовав некоторую свободу за последние десять лет, не хотят обобществления. На практике при создании общин часто нарушаются принципы добровольности, самоорганизации аборигенов. Процесс создания общин затруднен также тем, что сообщество аборигенов очень разнородно, отдельные его представители имеют различные жизненные стратегии, в то время как общины должны объединять людей с общими жизненными целями. По Федеральному закону «Об общих принципах» общины – формы самоорганизации лиц, относящихся к малочисленным народам и объединяемых по кровнородственному (семья, род) и (или) территориально-соседскому признакам, создаваемые в целях защиты их исконной среды обитания, сохранения и развития традиционных образа жизни, хозяйствования, промыслов и культуры. В настоящее время лишь незначительная часть аборигенов может быть объединена в общины.

Процесс создания общин, вероятно, наиболее приемлем для государственных органов власти, он также представляется необходимым в некоторых случаях для защиты прав аборигенов на землю, но скорее всего в этом законодательстве нашли отражение идеи об общинах как этнических сообществах. В этом вопросе Земельный кодекс серьезно уступает Федеральному закону «О ТТП», не учитывая разнообразия традиций природопользования коренных малочисленных народов Севера России. В современных условиях наблюдается рост количества общин. На парламентских слушаниях в Совете Федерации в апреле 2011 г. прозвучала цифра – тысяча общин коренных малочисленных народов Севера. В реальности лишь незначительное число общин закрепили за собой земельные участки или территории традиционного природопользования.

Остается также не решенным вопрос о наследуемом владении землей. Автор комментариев к Федеральному закону «О ТТП» П.Н. Павлов делает вывод о том, что единственной формой предоставления земельных участков для ведения традиционного образа жизни может быть только безвозмездное пользование[58]. Мне приходилось слышать высказывания, что наследовать земли в границах территорий традиционного природопользования нельзя, так как нет гарантий, что наследники будут вести традиционный образ жизни. Таким образом, государство облегчает себе работу, а

---

[58] *Павлов П.Н.* Комментарий к Федеральному закону «О территориях традиционного природопользования коренных малочисленных народов Севера, Сибири и Дальнего Востока РФ // Все о Севере. СПб., 2002. Т. 2. С. 204.

точнее не выполняет свои обязанности, ведь правовой режим этих территорий как особо охраняемых определен, следовательно, в каждом случае может решаться вопрос о возможности или невозможности предоставления данных земель определенным лицам. Вопрос о наследовании является очень важным, и он вытекает из идеологии традиционного природопользования многих народов Севера. Наследование в данном случае не предполагает передачу какому-то лицу, а воспринимается аборигенами как сохранение земли в рамках особого правового режима. Необходимо отметить, что идея наследования земель сравнительно новая. У некоторых народов Севера она появилась уже в XIX в., для большинства из них главное наследство составляли олени, транспортные средства, жилища, другое личное имущество[59].

Иная ситуация сложилась во второй половине XX в. В процессе становления этой идеологии соединились различные потоки – международное право о коренных народах и правах человека, экологическое право и международные документы об охране окружающей среды и идеи общественного движения в защиту прав коренных малочисленных народов Севера в России. Международное право исходит из того, что права коренных народов связаны с обеспечением им доступа к определенным территориям, которые как сами по себе, так и находящиеся на них другие ресурсы составляют основу жизнеобеспечения, «ни один народ ни в коем случае не может быть лишен принадлежащих ему средств существования» (Международный пакт об экономических, социальных и культурных правах, ст. 1). Экологическое право связывает ведение традиционного природопользования с сохранением среды. Стремление коренных народов, в первую очередь в ХМАО, в начале 1990-х годов получить так называемые родовые угодья в наследуемое владение можно считать рождением новых норм ведения традиционного образа жизни. В условиях жесточайшей конкуренции за ресурсы с промышленными компаниями только таким образом коренные народы могли сохранять и развивать свою культуру.

Почему же для коренных народов так важно сохранить контроль за территориями их проживания и хозяйственной деятельности, причем именно контроль, а не собственность. В настоящее время можно выделить две причины.

Земля составляет основу их идентичности. Эту идеологию в одной фразе выразил Ю. Вэлла: «*Земля – ягель – олень – оле-*

---

[59] *Зибарев В.А.* Юстиция у малых народов Севера (XVII–XIX вв.). Томск, 1990. С. 153–171.

невод – внук оленевода – хрупкая, но единая цепочка». Именно хрупкость этой связи в условиях тотального наступления нефтегазовой промышленности на территории их проживания требует скорейшего урегулирования всех вопросов землепользования. Основу идентичности сегодня составляют не только язык или самосознание, для осознания себя аборигенами современным хантам, манси, ненцам и другим народам Севера важно обладать ресурсами, которые позволят им вести традиционный образ жизни и развивать свою культуру. Неслучайно с начала 1990-х годов в Ханты-Мансийском автономном округе именно с родовыми угодьями связывают аборигены возможность развития своей культуры и сохранения языка, сохранения своей идентичности. Причем сегодня для аборигенов важно не только фактическое использование природных ресурсов в своей деятельности, но и *представление* о своей связи с землей, характерное, например, для ученых, художников, литераторов, многих других аборигенов-горожан.

Нельзя также не учитывать и тот факт, что именно контроль за территориями, получение аборигенами родовых угодий или территорий традиционного природопользования создали для некоторых из них возможность получения нового ресурса – денежной компенсации, получения техники и других жизненных благ взамен заключения экономических соглашений с нефтяниками.

Правовое регулирование землепользования в ХМАО

Современное правовое регулирование вопросов землепользования может быть рассмотрено на примере ХМАО, где фокусируются достоинства и ограничения федерального и регионального законодательства. На Севере накоплен довольно большой опыт в этом отношении. Здесь можно обратиться и к истории – деятельности Комитетов Севера и туземных советов. В 1920-е годы была начата работа по землеустройству и закреплению угодий за родовыми советами. Обозначенные границы территорий должны были в течение определенного времени проверяться с учетом хозяйственной необходимости и целесообразности. После необходимых уточнений исполкомами границы должны были утверждаться через административную комиссию при ВЦИК Президиумом ВЦИК. Затем планировалась работа по изучению и рационализации промыслов, по выработке особого «Промыслового кодекса малых народов Севера». Он должен был запретить самовольное поселение и использование промысловых ресурсов и защитить права аборигенов на промысловые угодья. В результате были выявлены границы территорий туземных райисполкомов. При-

надлежность их к территории какой-либо административной единицы определялась местонахождением зимников для тундры (кочевое оленеводство) и летников для тайги (охота, рыболовство)[60].

В 1931 г. было принято постановление ВЦИК, по которому в 1932–1934 гг. надлежало провести сплошное первоначальное землеустройство северных национальных районов и округов. Вселение пришлого населения и отвод территорий хозяйственным организациям разрешались только при условии наделения местного населения землями, обеспечивающими развитие их хозяйства. Государственные органы должны были следить за соблюдением прав местного населения на уже выделенные угодья. Промышленные организации и переселенческие управления должны были согласовывать свои действия с центральным и местным комитетами Севера[61].

Для современного развития коренных народов ХМАО, защиты их прав и взаимоотношений с нефтяниками большую роль играет выделение родовых угодий/территорий традиционного природопользования. «Положение о статусе родовых угодий в Ханты-Мансийском автономном округе» было утверждено на сессии Совета народных депутатов автономного округа 7 февраля и введено в действие 5 апреля 1992 г.[62] Основными авторами этого документа были аборигены – активисты и работники администрации. В истории установления правового положения коренных народов значение этого документа настолько велико, что хотя он уже не действует, необходимо о нем подробно сказать. Мне приходилось слышать мнения о том, что он был принят потому, что в нем были заинтересованы нефтяники. Они стремились как-то упорядочить отношения с коренными народами. Органы государственной власти также должны были быть заинтересованы в ограничении всевластия ведомств, хотя Т.С. Гоголева описывает активное противодействие, с которым столкнулись депутаты-аборигены. В Окружном совете народных депутатов было 130 человек, из них семь представителей коренных народов и около 20 их сторонников. Убедить такой орган власти в необходимости прислушаться к меньшинству было очень трудно. И действительно, документ

---

[60] *Лотова Т.* Из истории малых народностей северных окраин // Новости Югры. 13.05.93.

[61] Национальная политика в России. Кн. 2. Законодательные акты 1917–1922 гг. (социально-экономическое и культурное развитие народов Севера). М., 1992. С. 80–81, 100, 108.

[62] Положение о статусе родовых угодий в Ханты-мансийском автономном округе // Статус малочисленных народов. Правовые акты и документы. М., 1994. С. 310–320.

был принят, когда был утвержден малый Совет из 15 человек при активной поддержке председателя В.А. Чурилова[63].

Под родовыми угодьями понимается «Естественно-природный комплекс территорий (леса, реки, их берега, озера, болота, луга, пастбища и др.), на которых исторически сложились образ жизни и формы традиционного хозяйствования коренных жителей Ханты-Мансийского автономного округа». Угодья могли быть индивидуальными, семейными, общинными. По положению «община представляет собой добровольное объединение граждан, семей, ведущих традиционный образ жизни и связанных между собой необходимостью сохранения условий традиционного проживания».

Особого внимания заслуживают три идеи этого документа. Во-первых, право на владение угодьями предоставляется не только представителям коренных народов, занимающихся традиционными видами хозяйствования, но и лицам коренных национальностей и их потомкам от смешанных браков, желающим заниматься традиционным хозяйством на местах традиционного обитания, старожилам (независимо от национальности), предки которых занимались традиционным хозяйством, а также новопоселенцам (независимо от национальности), в случае принятия их в состав общины.

Во-вторых, родовые угодья предоставляются в бесплатное пожизненное наследуемое владение. Продажа не допускается. Сдача в аренду осуществляется решением администрации, предоставившей угодья, с учетом мнения органа управления общины.

В-третьих, право владения родовым угодьем является целевым – для ведения традиционного хозяйства, и исключительным – принадлежит только владельцам.

Таким образом, в Положении закреплен очень важный принцип: родовые угодья предоставляются для ведения традиционного хозяйства и их распорядителем является община. Вместе с тем ряд статей закрепляют и договорную форму использования угодий под изыскательские работы и под промышленные нужды. В Положении предусматриваются различные меры, в том числе и государственная экологическая экспертиза, для защиты прав аборигенов.

В 1990-е годы в ХМАО действовало Положение о статусе родовых угодий. Этот документ был основой не только для защиты

---

[63] *Гоголева Т.С.* О живой связи обских угров с родной землей (Из истории договорных отношений в Ханты-Мансийском автономном округе – Югре) // Вопросы взаимоотношений коренных малочисленных народов с промышленными компаниями. М., 2009. С. 67–69.

прав коренных народов на землю, но и для установления взаимоотношений с промышленными компаниями. В настоящее время Положение прекратило свое действие на территории округа, не использовав весь свой потенциал, уступив место новым законам, по мнению депутатов ХМАО, в большей степени соответствующим федеральному законодательству. Губернатор подписал распоряжение, по которому родовые угодья стали территориями традиционного природопользования регионального значения. Позднее был принят и региональный закон о территориях традиционного природопользования. Но что характерно, термин «родовые угодья» продолжает существовать и используется не только в округе, но и в стране.

Когда я начинала работу над этой темой, мне приходилось слышать предостережения от аборигенов, чтобы я не путала родовые угодья с *территориями приоритетного природопользования*, тем более что провозглашаемые цели указанных документов были общие. Существовали карты и тех и других территорий, причем вторая явно не устраивала коренные народы. Документ о территориях приоритетного природопользования был принят в 1990 г. Он демонстрирует иной подход к правам аборигенов и представляет сегодня не только исторический интерес. Да, в таком виде он не существует в современных условиях, но его идеи остаются популярными для органов власти, в том числе и судебной. За границы территорий приоритетного природопользования выводились земли, уже освоенные нефтяниками. В качестве компромисса было предложено увеличить их площадь, чтобы в будущем отдать часть территорий для индустриального развития. Проживание коренных народов, ведущих традиционный образ жизни и традиционное хозяйство, не принималось во внимание, не предлагалось никаких управленческих подходов к обеспечению их прав. «Под приоритетными целями понималась жизнь таежников, веками живших на этой земле, а подход был прежним – реверанс в сторону нефтяной экспансии», – так характеризует этот документ Т.С. Гоголева[64].

В 2011 г. Министерство регионального развития подготовило новый законопроект о территориях традиционного природопользования. На его обсуждении прозвучали идеи о необходимости исключить территории, занятые промышленными объектами, из потенциальной территории традиционного природопользования. Недопустимость такого подхода связана хотя бы с тем, что земли, где традиционно проживали и продолжают жить аборигены, зани-

[64] *Гоголева Т.С.* О живой связи... С. 69.

мающиеся традиционным хозяйством, были заняты промышленниками в советское время без учета интересов коренных народов. Кроме того, в условиях тотального промышленного освоения Севера в таком случае аборигены лишатся возможности выделить территории, где будет ограниченное промышленное освоение, и получить компенсации.

Большой интерес представляют проекты, выполненные в ХМАО для обоснования выделения статусных территорий на рр. Казым и Северная Сосьва[65]. Один из этих проектов – обоснование создания этнической статусной территории Касум-Ех. По мнению разработчиков, экономической целью должно было стать обеспечение неотрадиционного развития – сочетание традиционных особенностей хозяйства и современных технологий. При этом здесь должно было быть уравнено в правах коренное (ханты, манси, ненцы) и старожильческое (русские, коми и др.) население, чтобы не возникало конфликтов[66]. Касум-Ех должна была стать практическим воплощением идей неотрадиционализма. Похожие проекты выдвигались во многих регионах, опыт показывает, что они воплощаются на практике в большей или меньшей степени не как научные, а как аборигенные, как осознанное и последовательное воплощение в жизнь устремлений коренных народов. Важнейшую роль в их осуществлении играет наличие лидеров. В казымском регионе таких не нашлось.

Подобные проекты есть на Севере, хотя коренные народы испытывают большие сложности в организации традиционного природопользования с использованием не только современных технических средств, но и новых «социальных» технологий. К таким образцам можно отнести общины Карым в Ханты-Мансийском автономном округе и Бикин в Приморском крае. Есть и другие примеры: родовые хозяйства в Поронайском районе Сахалинской области. В последнем случае хозяйства не имеют закрепленной за ними территории, так как занимаются переработкой морских и речных ресурсов, но важнее то, что все эти организации коренных народов соединили в своей деятельности традиционное природопользование и необходимую в современных условиях модернизацию хозяйства. Рассмотренные примеры показывают, что противоречие не в этом соединении, а в том, что слишком мало аборигенов, которые могут взять на себя ответственность за развитие традиционного природопользования, и нет адекват-

---

[65] Северная Сосьва (исторические и современные проблемы развития коренного населения). Шадринск, 1992; Касум-Ех. Материалы для обоснования проекта этнической статусной территории. Шадринск, 1993.

[66] Касум- Ех. С. 82–84.

ной подобным стремлениям правовой и этнокультурной политики. Роль нефтяного освоения в развитии аборигенных хозяйств противоречива. В Западной Сибири материальные и финансовые ресурсы, получаемые аборигенами в качестве компенсации, в действительности не восполняют те потери, которые они несут, лишаясь своих земель. Иная ситуация складывается на Сахалине, где средства, получаемые аборигенными хозяйствами по Плану содействия развитию коренных малочисленных народов Севера Сахалина, используются складывающимися хозяйствами для создания материальной базы. Сегодня этот процесс сложно оценить однозначно, так как он только начался.

В округе был также предложен проект биосферного резервата как части программы ЮНЕСКО, цель создания которого – обеспечение и развитие сбалансированных взаимоотношений между коренным населением и окружающей средой. Этот проект был инициирован научным коллективом заповедника и поддержан общиной хантов «Яун-Ях». На фоне развития нефтедобычи в этом регионе вокруг п. Угут создание такой охраняемой территории было бы эффективной формой не только сохранения природы и традиционного природопользования, но и взаимодействия коренных народов и нефтяных компаний. К сожалению, пока этот проект не воплощен в жизнь[67].

Современным механизмом регулирования земельных отношений стал закон округа «О территориях традиционного природопользования коренных малочисленных народов Севера регионального значения в Ханты-Мансийском автономном округе – Югре» (2006 г.). Этот акт вносит множество уточнений по сравнению с федеральным законом. По нему создается специальная Комиссия по вопросам ТТП и вводится Реестр ТТП. Закон не только регламентирует порядок образования ТТП и их зонирование, но и оговаривает осуществление деятельности иными лицами и организациями, кроме субъектов права традиционного природопользования.

Согласно ст. 12, «Осуществление деятельности, не связанной с традиционным природопользованием и традиционным образом жизни малочисленных народов, в границах территорий традиционного природопользования лицами, не являющимися субъектами права традиционного природопользования (хозяйственной деятельности), допускается при выполнении требований законодательства и соблюдении положений о правовом режиме соответствующих территорий традиционного природопользования, в том числе:

---

[67] *Балалаева О., Уигет Э.* Биосферный резерват как форма сохранения этнической культуры (на примере юганских хантов). М., 1998. С. 14–17.

1) при разработке проектной документации хозяйственной деятельности схема размещения промышленных объектов, в том числе буровых скважин и иных сооружений временного и постоянного характера, подлежит согласованию с субъектами права традиционного природопользования;

2) задание на проектирование подлежит согласованию с уполномоченными Правительством автономного округа органами исполнительной власти автономного округа;

3) размещение транспортных путей, обслуживающих перевозки, должно предусматривать минимальное количество переправ через реки (ручьи) с учетом требований природоохранного законодательства;

4) при использовании авиации для доставки пассажиров и грузов на место непосредственной хозяйственной деятельности маршрут и график авиаперевозок должны исключать полеты над местами отела и выпаса оленей;

5) вокруг промышленных и иных сопутствующих объектов, определенных совместно с субъектами права традиционного природопользования (их уполномоченными представителями), осуществляется установка ограждений (коралей);

6) по требованию субъектов права традиционного природопользования им представляются планы природоохранных мероприятий и информация об их исполнении».

По этой же статье предусмотрены компенсации ущерба. Закон о ТТП принят сравнительно недавно и, как показывает опыт, он не смог решить всех возникающих в природопользовании проблем. Конфликты, связанные с недропользованием на ТТП, не были до конца разрешены, и эта неурегулированность сохраняется до сегодняшнего дня.

3. Конфликты в сфере землепользования

Конфликты в сфере землепользования между коренными народами и промышленными компаниями возникали и возникают на Севере постоянно. Основой для них служат и пробелы в законодательстве, и лоббирование нефтегазовых проектов на всех уровнях власти, и недостатки судебной системы, а часто эмоционально-психологическое неприятие друг друга. За последние 20 лет накопился определенный опыт установления диалога, хотя до партнерских отношений еще очень далеко, во всяком случае в Западной Сибири. В данной работе анализируются лишь наиболее острые конфликты, связанные с деятельностью крупнейших ком-

паний – «ЛУКОЙЛ» и «Сургутнефтегаз», а также, как ни странно это звучит, с природоохранной деятельностью государства.

Когда я обсуждала различие между позитивным законодательством и нормами обычного права, один из идеологов движения коренных народов Л. Тарагупта сказал мне: «*Я имею в виду нравственные нормы и законы. У государственных законов иное свойство: все они отражают сегодняшний день. Ни один из них никогда не будет идти впереди жизни. Любой столкнется с интересами многих людей. Как подводить под закон то, о чем я сейчас говорю? Так, мол, не поклонишься, за это тебе штраф. Ты должен серебряную монету бросить, а ты кинешь медную, за это будешь наказан... Я один закон признаю – взаимной ответственности*»[68]. Именно отсутствие ответственности по отношению к земле представляется аборигенам наибольшим недостатком промышленного освоения.

Один из самых острых и непримиримых конфликтов связан с Тянским месторождением[69]. Ханты оказали непривычное для представителей органов власти и нефтяных предприятий противодействие. Они пытались разными способами отстоять свою землю: писали Б.Н. Ельцину, его советнику по экологии А.В. Яблокову, депутату Верховного Совета Е.Д. Айпину, тогдашнему председателю Верховного Совета РСФСР Р.И. Хасбулатову.

Вот что они писали Президенту: «Господин Борис Ельцин! Мы, ханты с верховьев реки Тром-Аган, обращаемся к Тебе заступиться за нас, не отдавать наши последние земли на работы нефтяникам. К скольким Твоим работникам мы обращались – все без толку. Приезжал к нам недавно даже Руслан Хасбулатов, посмотрел на нас как на дикарей, уехал и забыл, что живут где-то люди, которые хотят жить.

Нас выгоняли, выгоняют нефтяники с нашей земли, грабят наши чумы, лабазы, убивают на мясо наших оленей, вылавливают нашу рыбу, отстреливают наших зверей, обманывают, спаивают нас. И представители советской власти берут сторону нефтяников. Это Юрий Васильевич Неелов, Валерий Андреевич Чурилов.

Господин Ельцин! Мы тоже люди! Мы хотим жить на своей земле, растить своих детей по своим обычаям. А без своей земли мы не народ. Зачем позволяешь доводить нас до отчаяния? Зачем нас толкаешь, нас коренных жителей, ненавидеть отнимателей наших земель? Так может родиться война с ружьями, в которой, мы знаем, погибнем.

---

[68] ПМА, Тарагупта Л. 1999, Москва

[69] ПМА, Государственный архив Ханты-Мансийского автономного округа, фонд личного происхождения А.С. Сопочиной (Песиковой).

У нефтяников есть нефть, только не хотят добывать по-хозяйски. Они вполне могут обойтись без нашей последней земли, дать стране нефти столько, сколько требуется.

Мы требуем не разрабатывать группу Тянского месторождения нефти. Нам идти некуда!» (Март 1992 г. Восемьдесят пять подписей). Решением органов власти Ханты-Мансийского автономного округа месторождение было законсервировано.

Верховья р. Тром-Аган и бассейн р. Ай-Тром-Аган почитаются хантами, манси и ненцами как священные места верховного бога Нуми-Торума. Уже само название реки Тром-Аган означает «*небесная, божья река*». Священные места пользуются особым почитанием коренных народов Севера не только потому, что от совершенных на них обрядов зависят здоровье, благополучие, жизнь, но и потому, что они создают гармонию, священные места как бы соединяют всю землю и всех людей в единый мир. Ханты, манси, ненцы занимаются охотой, рыболовством и оленеводством, вся их жизнь прямо связана с окружающей природой. А она на севере особенно хрупкая, ранимая, ягельные пастбища восстанавливаются очень медленно, при продолжающемся промышленном освоении эти земли могут быть погублены навсегда. У земли и у воды на Севере снижена способность к самоочищению (из-за замедленности этих процессов при низких температурах).

Тысячелетиями люди создавали здесь свою цивилизацию, которая не наносила бы вреда природе. Наверное, поэтому именно аборигены хотят спасти Север и это делают они не только для себя, но и для всего человечества. Если исчезнут сибирские леса, произойдут глобальные изменения в мире. Именно в экологической сфере взаимоотношения между коренными народами и нефтяниками превратились в острый конфликт между двумя моделями природопользования, в котором первые отстаивают не только право на культурную идентичность, но и на сохранение всемирного природного и культурного наследия, хотя и не имеющего официального статуса.

Эти земли занимают ханты, вынужденные переселяться сюда в связи с освоением на их территориях нефтяных месторождений. Они на своем опыте испытали последствия нефтяного освоения, вызванные им нарушения в бассейне р. Пим. Все эти обстоятельства были перечислены в обращении в Сургутский районный совет от Ассоциации «Спасение Югры» в 1990 г. В нем также указывалось, что освоение Тянского месторождения вызовет ответную реакцию местных жителей, вплоть до вооруженного сопротивления. Ханты Русскинского сельского совета в марте 1991 г. провели референдум и высказались против разработки

нефти. Согласно протоколу в референдуме приняли участие 362 человека из 391 имевших право. Все они единогласно проголосовали против разработки месторождения. Проект получил отрицательное заключение экологической экспертизы. Несмотря на это Советом министров было принято решение, разрешающее работы «в порядке исключения сроком на пять лет». Эти события вызвали настолько сильное возмущение, что органами власти Ханты-Мансийского автономного округа было принято решение (в том числе) «Обязать подразделения Миннефтегазстроя, Минэнерго и объединения "Сургутнефтегаз" прекратить работы, начатые на Тяновской группе месторождений. Возведенные объекты законсервировать и обеспечить их охрану». В этом документе были сформулированы задачи установления договорных отношений, обеспечивающих охрану окружающей среды и социальную защиту коренных малочисленных народов. Также в этом документе содержится призыв к общественным организациям воздержаться от пикетирования дорог и действующих объектов нефтедобычи.

Можно сказать, что были заложены основы современной политики взаимодействия коренных народов и промышленных компаний. Уникальность этих событий связана с несколькими обстоятельствами: большой сакральной нагрузкой на эту территорию, ее социально-экономическим значением для хантов, в том числе переселившихся сюда с других рек, уровнем самоорганизации аборигенов. По принятым документам работы должны были быть прекращены до 1996 г., но аборигены чаще проигрывают в своей борьбе, в отстаивании своего права на жизнь. В 1994 г. вновь начались работы на этом месторождении акционерного общества «Сургутнефтегаз» (Генеральный директор В.Л. Богданов).

Во время полевых исследований в конце 1990-х годов на месторождении записывались мнения различных людей. Нефтяники рассказывали, как много они делают для хантов, правда, в речах некоторых из них проскальзывало: «все равно нефть добывать будем, и земли занимать новые будем, а ханты пусть приспосабливаются, все равно от них толку нет, ничего они родной стране не дают». В общественном мнении складывается представление о том, что нефтяники «*кормят всю страну*», а значит, являются носителями доктрины прав человека, т.е. всего населения, а представители коренных народов Севера, добиваясь своего права на землю, хотят получить особые коллективные права, что не соответствует европейской модели демократического государства. Кроме того, нефтяники иногда со злостью вспоминали о приостановке работ на месторождении, подчеркивали, что компания по-

теряла много денег из-за этого. Характерно, что и сегодня многие из них воспринимают аборигенов как досадную преграду на своем пути, причем они уверены, что ее удастся преодолеть.

Из-за острого конфликта, который в полной мере никогда не утихал, была найдена новая форма взаимодействия между нефтяной компанией и коренными народами – принятие специального нормативного документа – Постановления главы администрации Ханты-Мансийского автономного округа № 34 от 15.02.94 «Об особом порядке освоения Тянского месторождения акционерным обществом открытого типа “Сургутнефтегаз”». В отношении живущих здесь хантов приняты особые меры, контроль за выполнением которых был возложен на заместителя главы администрации по недропользованию В.И. Карасева. Компания заключала экономические соглашения с владельцами родовых угодий и несла полную ответственность за их соблюдение. Этот документ, как многое в ХМАО, был по-своему уникальным. Им устанавливался особый порядок проведения работ на месторождении: соблюдение пропускного режима, право досмотра транспорта, ручной клади и багажа персонала при въезде и выезде с территории месторождения, запрет провоза оружия, собак, орудий лова дичи и рыбы, запрет сбора дикоросов, рыбной ловли, охоты, запрет на въезд посторонних на территорию. Компании вменялось в обязанность разработать правила для всех своих сотрудников в связи с этим документом. Обязательным условием лицензионного соглашения предусматривались ежегодное заключение экономических соглашений с владельцами родовых угодий, создание рабочих мест и профобучение для владельцев родовых угодий и их семей.

После возобновления работ на Тянском месторождении нефтяники приняли меры для предотвращения конфликтов в будущем. На дороге был поставлен шлагбаум, ограничен проход и проезд посторонних. Но когда я была на стойбищах, попавших в территорию месторождения, ханты говорили о резком сокращении численности рыбы и зверя, о невозможности заниматься оленеводством, так как слишком близко располагаются промышленные объекты. Ханты здесь, как во многих похожих местах, не видят будущего, поэтому и наращивать стадо не стремятся. Компания старается соблюдать экологические нормы, об этом мне много говорил начальник НГДУ З.М. Хусаинов, но во время моей работы в этом регионе произошла большая авария. В коридоре офиса нефтяников я встретила женщину со стойбища, которая была очень встревожена, рассказала про разлив нефти. Эти две встречи состоялись в один день, так что различия в отношении к земле и природе нефтяников и хантов были очевидными.

Первоначально предпринимались попытки организации населения – совет старейшин должен был заниматься разрешением конфликтных ситуаций, но фактически самоуправления не сложилось, а решения своих жизненных проблем ханты ждут от компании и органов местного самоуправления. Но главная проблема заключается в том, что занятие аборигенных земель приводит не только к росту зависимости от компаний, но и к фактической невозможности обеспечить свои семьи. Основным регулятором отношений являются экономические соглашения, причем, по словам местных хантов, их заключали и с теми, у кого не было никаких документов на родовые угодья. Так, в интервью Д. Нимперов сказал: «*У меня с ними экономическое соглашение – деньги они мизер платят, еще буран, электростанцию дают. Бензин тоже они дают. То, что здесь нефтяники, для хантов – кому хорошо, кому плохо. Я думаю, конечно, плохо. Сейчас оленей почти не осталось. Стрелять их стали. Мяса-то нет на зиму, поэтому держим. Рыбалкой для себя занимаемся, рыбу не принимают. Речку перегораживаем и морду ставим. А сейчас нефть пошла, совсем, наверное, не будет. Сейчас авария, в Пим вылилось и до Оби ушло. Аварии бывают по кустам. У всех хантов здесь нет документов на родовые угодья, но экономические соглашения подписывают, иначе мы будем препятствовать. Я не знаю, это в районе так придумали. Соглашение на год. Но в течение этого года они еще хотят, мы всегда подписываем. У нас уже все разработано. Подписали мы с ними уже все договора*» (1997 г.).

Экономические соглашения постоянно нарушались, не выполнялись в полном объеме, но при этом заключались все новые, а значит, сокращаются территории для традиционного природопользования. Я посмотрела экономические соглашения семи семей за четыре года. Ни одно из них не было выполнено. Из всех условий выполнены лишь частичное предоставление бензина и денежная компенсация 850 тыс. старых рублей на три месяца на каждого члена семьи. А вместе с тем в постановлении главы администрации А.В. Филипенко записано: «Невыполнение или нарушение настоящего постановления является решающим условием, исключающим дальнейшее осуществление предоставленного права на пользование недрами». Это постановление так и не было выполнено. В разговорах со мной ответственные работники правительства округа говорили, что они не могут уследить за всеми, что Сургутнефтегаз так много дает населению округа и т.п.

В этом регионе постоянно происходят конфликты, и самое печальное то, что практически все аборигенные территории со временем будут отданы нефтяникам, потому что по законам,

в том числе и округа, последнее слово остается не за аборигенами, а за комиссиями, созданными органами власти. В интервью местному журналисту А. Глухих начальник НГДУ сказал: «А что вы хотите, это естественный процесс». Она пишет: «Море нефти разлито под болотами, и не в силах богиня Тромагана защитить своих подопечных. Насколько адекватны затраты нефтяников на социальную поддержку аборигенов и доходы от нефти – это я, сколько ни пыталась, выяснить не смогла»[70]. В п. Нижний Сортым, где располагается офис НГДУ, построен интернат. В конце 1990-х годов он производил удручающее впечатление. Оленеводческие семьи, бабушки и дедушки в которых сами прошли в свое время через интернаты, часто забирают оттуда своих детей, так как там и учат плохо, и обижают маленьких хантов. Пока у местных хантов есть олени, они могут жить в лесу, но полевые исследования показывают, что у людей нет никакой перспективы, и они это хорошо осознают.

Другой острый конфликт возник между главой родового угодья Ю.К. Айваседа (Вэлла) и ЛУКОЙЛом в связи с освоением Южно-Выинтойского месторождения. Он отражает непростые отношения между лесными ненцами и восточными хантами, с одной стороны, и промышленными нефтяными компаниями – с другой. Здесь также был принят документ об особом порядке освоения месторождения, а земли в границах родового угодья должны были быть специально согласованы после 2005 г. В документе также оговаривается необходимость контроля над выполнением экономических соглашений, однако они не только не выполнялись, но даже были расторгнуты.

Экономические соглашения в 1990-е годы заключались только в ХМАО, и для своего времени они были прогрессивным явлением, хотя и в тот период они имели много недостатков. Соглашения заключались на один год, хотя месторождения разрабатываются в течение длительного времени. По истечении года, если владелец родовых угодий требует его выполнения (а надо сказать, что нефтяники постоянно нарушают это соглашение и в течение года), то нефтяники соглашаются его продлить, только когда владелец угодий подпишет им разрешение на отвод дополнительных участков земли. Таким образом, нефтяники диктуют свои условия, а аборигенам приходится выпрашивать свои права, так как органы власти своими постановлениями отдали приоритетные права нефтяным корпорациям.

---

[70] *Глухих А.* Люди на болотах//Северные просторы. 1996. № 3–4. С. 10.

Кроме того, соглашение, которое заключают недропользователи с хозяином родового угодья, является вторичным. Основное соглашение заключается между недропользователем и органами власти района, затем идет соглашение с сельской администрацией, и лишь в последнюю очередь – с владельцем родового угодья. Так, «за счет промышленного освоения родового угодья решаются финансово-материальные проблемы техногенного населения, т.е. в Западной Сибири самих нефтяников, а коренному жителю достаются крохи»[71]. Заключение экономических соглашений часто является вынужденной мерой со стороны аборигенов. Люди понимают, что землю отберут все равно, и выбор между тем, чтобы ничего не получить или что-то получить от разработок нефти, не является свободным.

При всех возможных оценках таких соглашений необходимо отметить, что хозяин родового угодья считал его действительным договором, и когда условия были нарушены, он остановил работы. Впоследствии Ю. Вэллу пытались обвинить в том, что он угрожал рабочим оружием, составили даже заявление от нескольких рабочих. Положение спасло то, что он все, что с ним происходит, записывал на видеокассету. Когда об этом узнали представители администрации, обвинение было снято.

Вот пример заключенного с ним экономического соглашения (АООТ «ЛУКОЙЛ-Когалымнефтегаз» с главой семьи Ю.К. Айваседой на 10 лет с 1996 г.):

«Семья Айваседы Ю.К. дает согласие на отвод земельного участка для кустов бурения (указываются промышленные объекты) при выполнении следующих обязательств:

1. АООТ согласовывает размещение строительства объектов обустройства месторождения, обеспечивает охрану и защиту родовых угодий от проникновения посторонних людей и собак со стороны нефтяных промыслов. Обеспечивает контроль за запрещением охоты, рыбной ловли и сбора дикоросов на родовом угодье и прилегающей к нему территории.

2. При перемещении коренного жителя, связанном с оставлением жилища, АООТ оплачивает строительство стойбища на новом месте, указанном коренным жителем, и оказывает помощь стройматериалами.

3. В случае нанесения ущерба оленьему стаду по вине нефтяников АООТ «ЛУКОЙЛ-Когалымнефтегаз» возмещает нанесенный ущерб.

---

[71] *Песикова А.С.* Колонизация земель аборигенов Севера и Сибири в современных условиях // Научные труды. Ханты–Мансийск, 1995. С. 19–20.

4. В качестве частичной компенсации за использование предоставленных земельных участков в течение всего периода действия договора, ежегодно в первом квартале выплачивает пособие из расчета половины среднемесячной зарплаты работника нефтепромысла на каждого члена семьи коренного жителя с предоставлением справки из сельского совета.

5. Ежегодно (в первом полугодии) на семью выделяется и завозится 3 тонны бензина и 150 кг автола.

6. Закупает для семьи сроком на 3 года снегоход «Буран».

7. По желанию членов семьи производит их обучение и трудоустройство в своих подразделениях.

8. В случае, если коренной житель пожелает нанять для своих детей и внуков домашнего учителя, АООТ оплачивает заработную плату в размере среднего заработка сельского учителя через отдел народного образования за фактически отработанное время.

9. По просьбе главы семьи предоставляет транспорт и обеспечивает завоз продуктов питания, охотснаряжения и вывоз заготовительной продукции с мест промысла.

10. В случае нарушения пунктов договора или применения технологии, наносящей вред окружающей среде, глава семьи оставляет за собой право приостановления на родовом угодье работ до устранения недостатков и выполнения договорных обязательств».

Надо сказать, что такие соглашения есть далеко не у всех владельцев родовых угодий. Чаще они заключаются на один год. Обычно условия договора зависят от активности аборигенов и их умения отстаивать свои права. Пункт 10 данного соглашения обычно дает им право только обратиться к представителям местных органов власти. Насколько мне известно, только Ю. Айваседа сумел поставить такое жесткое условие. Но и в его случае положения 1, 3, 5, 6 соглашения не выполнены, а 2, 4 выполнены частично.

Механизм выполнения таких соглашений несовершенен, но он позволяет установить хоть какое-то равновесие в обществе. И хотя нефтяники никогда не выполняют подписанные ими же договора полностью, аборигены относятся к этому снисходительно, считая, что раз не выполняют – значит, не могут, когда-нибудь выполнят. У лесных людей такая этика – считается неприличным не сдержать слово.

Итак, в 1995 г. лицензионная комиссия в Ханты-Мансийском автономном округе приняла решение, согласно которому «Земельные отводы под строительство промышленных объектов в северо-восточной части лицензионного участка за р. Ватьеган

(в границах родового угодья Ю.К. Айваседы) будут оформляться после достижения АООТ «ЛУКОЙЛ-Когалымнефтегаз» и владельцем родового угодья совместного соглашения об условиях землепользования, после 2005 г.». Кстати, благодаря этому нефтяники получили возможность снижения платы за пользование недрами. В целом на Южно-Выинтойском участке устанавливался особый режим, предусматривавший особые природоохранные меры и условия защиты традиционного образа жизни аборигенов (для нефтяников установлен специальный пропускной режим, запрещен провоз оружия, собак, орудий лова зверей, дичи, рыбы, запрещено собирать дикоросы, охотиться и рыбачить).

Отношения Ю. Вэллы с нефтяниками всегда носили конфликтный характер. В 1998 г. конфликт принял особенно острый характер, и компания решила в одностороннем порядке расторгнуть соглашения с пятью семьями хантов и лесных ненцев в этом районе. Поводом для этого послужили новые притязания нефтяной компании на земли родовых угодий. На международной конференции в Ханты-Мансийске «Коренные народы, нефть, закон» в 1998 г. Ю. Вэлла заявил, что если ситуация с защитой их оленьих пастбищ не улучшится, он подаст в суд. Документы, подготовленные им к этому процессу, содержали несколько фактов о самовольном захвате земель нефтяниками и заявление на имя губернатора округа А.В. Филипенко с просьбой запретить нефтяникам охотиться и рыбачить на землях, полученных ими только для нефтедобычи. Аборигены просто просили не нарушать закон. Заявление подписано десятью оленеводами. Приведу некоторые выдержки из него.

«За время нефтегазовых работ охотобщества Когалымнефтегаза на Повховском месторождении полностью уничтожают зверя, боровую дичь, угрожающе снизилось количество рыбы и перелетных птиц. Рыбаки на речках ставят запоры из вольерной сетки на металлических опорах и не разбирают их никогда. Рыба через эти заграждения не может пройти на нерест.

Два года назад мы – жители стойбищ встречались с нефтяниками и с председателем охотобщества, и в присутствии заместителя главы администрации Сургутского района Черкашина С.А. договорились о границах (имеется видеозапись). Но после этого члены охотобщества, использовав ксерокопии наших подписей, нарисовали новые границы и успешно преодолев цепочку чиновников: Черкашин С.А. – Сургутская администрация, Калашников В.И. – окружная администрация, заключили Договор с окружной охотинспекцией на аренду охотугодий.

Теперь территория охотобщества в нескольких местах накладывается на наши земли. На этих территориях теперь они "вполне законно" ломают наши корали и рыболовные снасти. Разговор с председателем охотобщества Когалымнефтегаза господином Тарасовым никаких результатов не дал. Он обещал, что все наши постройки, попавшие в зону охотугодий, будут уничтожаться и в дальнейшем.

Сегодня нефтяники на земли наших дедов имеют документы.

Сегодня охотобщество Когалымнефтегаза на земли наших отцов имеет документы.

Большинство из нас на наши оленьи пастбища документов не имеем, ибо сегодняшняя власть приостановила выдачу документов на родовые угодья.

Просим издать ваше постановление об особых условиях разработки недр на Повховском месторождении.

Просим запретить здесь охоту и рыбалку вообще и таким образом дать возможность зеленым клочкам земли между нефтяных объектов залечить раны, нанесенные человеком.

Просим создать условия для контроля охраны природы и наших земель не самими нефтяниками, а государственными органами. Сами нефтяники порядок здесь никогда не наведут.

И последнее. Даже там, где мы своими подписями разрешили, или точнее были вынуждены разрешить, работать нефтяникам, это не значит, что мы отказываемся от своей земли, от родины наших предков. После окончания всех работ по нефтедобыче земля должна быть рекультивирована и возвращена нашим потомкам».

Конфликт между Ю. Вэллой и нефтяниками носил в первую очередь экологический характер. Именно в качестве защитника природы он стал заниматься общественной деятельностью. Его сотрудничество с неправительственными организациями также было связано с охраной природы, хотя и в аборигенном представлении. В последнее время потребность в охотничьей и рыболовной продукции в этом регионе ограничена, аборигены активно занимаются здесь оленеводством. Многие из них переселились из поселка и живут на стойбищах, их волнует состояние пастбищ, так как от оленей зависит их жизнь. Экологические проблемы усиливаются год от года вместе с сокращением площади пастбищ, все это вызывает обеспокоенность у живущих здесь хантов и лесных ненцев.

Следующий конфликт был связан также с самоуправством нефтяников, которые разрушили дорогу между стойбищем и п. Варьеган. Этот конфликт произошел в 2000 г. Семья Ю. Вэллы вместе с гостившими там иностранными учеными и двумя

учителями, работавшими в стойбищной школе, отправилась на праздник в школу. При подъезде к р. Хаплеуте ехавшие увидели два КРАЗа и рабочих, разрушавших дорогу. У тех не было никаких документов, но в воздухе кружил вертолет, где, как сказали рабочие, был начальник службы безопасности ЛУКОЙЛа. Юрий Вэлла, чтобы остановить этот беспредел, разрубил колеса одной из машин. Обстановка была такова, что он должен был защитить права своей семьи и предотвратить эти противоправные действия. В Гражданском кодексе такие действия определены как самозащита прав. Когда об этой ситуации стало известно в Москве, в поддержку Айваседы выступила Ассоциация коренных малочисленных народов Севера, Сибири и Дальнего Востока РФ.

В телеграмме Президенту РФ В.В. Путину Айваседа написал:

«Несколько лет ЛУКОЙЛ терроризирует нас, коренных жителей – оленеводов. Когда-то руководители ЛУКОЙЛа попросили наши подписи для работы на наших пастбищах. Взамен они обещали оказывать нам всяческую помощь, в том числе горючим для снегоходов и электростанций. Неоднократные обращения к губернатору Ханты-Мансийского автономного округа Филипенко и президенту компании ЛУКОЙЛ Алекперову никаких результатов не дали. Губернатор считает, что такой крупный налогоплательщик, как ЛУКОЙЛ, должен иметь право уничтожать наши озера, реки и оленьи пастбища, должен иметь право нарушать наши гражданские права, данные нам конституцией России.

Я сумел задержать только одну машину. В данный момент на разрушенном мосту стоит автоэкскаватор с прорубленными мной колесами. Но в результате мы не имеем возможности попасть к себе домой на стойбище. А ведь на нашем стойбище пасется и Ваш, господин Президент, олень. От Вашего вмешательства сегодня зависит благополучие моих родственников и Вашего оленя».

Что же предприняли остальные участники этой драмы? ЛУКОЙЛ подал заявление в УВД по факту хулиганства. По когалымскому телевидению показывали фотографию Юрия Айваседы как разыскиваемого преступника. Кстати, в этой ориентировке его отчество было написано с двумя ошибками.

Для защиты прав Ю. Айваседы на стойбище сразу вылетела адвокат Московской областной коллегии адвокатов, член правления Правового центра «Родник» Екатерина Гречушкина. Она дала правовую оценку этих действий: «Со стороны органов власти г. Когалыма были предприняты меры по обнаружению преступника, с этой целью была отпечатана ориентировка для рассылки в органы УВД, таким образом, все уже были ориентированы на

то, что Юрий Айваседа совершил какое-то преступление. Цель – дискредитация личности именно этого гражданина как общественного деятеля, как коренного жителя среди населения округа и района и правоохранительных органов. Его местонахождение было известно, так как Айваседа никогда этого не скрывал. И когда была необходимость, Айваседу, конечно, нашли сразу же и предъявили повестку как свидетелю. Прокуратура удовлетворилась объяснением, которое дал по этому поводу следователь»[72].

Юрий Айваседа объясняет свои действия необходимостью самозащиты и предотвращения правонарушения, поэтому он вместе со своими родственниками и учителями, работающими на стойбище, подал в Прокуратуру коллективное заявление о нарушении прав живущих на стойбище людей. В нем подчеркиваются два обстоятельства. По Когалымскому телевидению работники ЛУКОЙЛа сами заявили, что они разрушали мост и подъездные дороги. Причем работники нефтяной компании мотивировали это тем, что эту дорогу строили они, поэтому могут и разрушать. Но, по документам, которые Айваседа передал в прокуратуру, эта дорога не входит в территорию лицензионного участка. Кроме того, и это особенно важно, дорога является единственной, связывающей стойбище с внешним миром. Ее разрушение фактически означает нарушение права на жизнь, так как жителям стойбища необходима связь с поселком.

В рассказах аборигенов об отношениях с ЛУКОЙЛом часто фигурирует служба безопасности, вот и эту акцию рабочие проводили, по их же словам, по указанию этой службы. Получается, что именно эта служба и устанавливает порядок на территории Сургутского района. Здесь на дорогах стоят посты службы безопасности, они останавливают людей, проверяют документы, выясняют маршрут следования. Об этом же пишут и жители в своем заявлении. Я сама однажды была остановлена на таком посту, где у меня подробно выспрашивали, куда и почему я еду, звонили по разным телефонам, решая, пустить меня на стойбище или нет.

В ответ на телеграмму Президенту Юрий Айваседа получил письмо из аппарата полномочного представителя Президента РФ в Уральском федеральном округе о том, что это дело взято под особый контроль. Адвокату «Родника» Е. Гречушкиной удалось добиться снятия с Ю. Вэллы уголовного дела, но тогда ЛУКОЙЛ возбудил против него гражданское дело о возмещении материального ущерба. В Нижневартовском суде не удалось доказать, что его действия были самозащитой гражданских прав. Суд вынес

---

[72] ПМА, *Гречушкина Е.* Москва, 2000 г.

решение в пользу нефтяной компании, Ю. Вэлла должен был возместить ей материальный ущерб – около тысячи долларов. Еще до начала этого судебного процесса было очевидно, что Ю. Вэлла и некоторые его соседи противостоят нефтяному освоению в тех формах, в которых оно осуществляется в округе. Нефтяная компания «ЛУКОЙЛ–Западная Сибирь» неоднократно нарушала заключенные с семьями аборигенов нефтяные соглашения, и Ю. Вэлла принял решение не заключать новое.

Напряжение в отношениях с нефтяниками в то время было связано с тем, что в Сургутском районе была прекращена выдача документов на родовые угодья. Аборигены выступали за то, чтобы были выданы государственные акты на земли, где фактически живут и занимаются промысловым хозяйством и оленеводством семьи хантов и ненцев. В администрацию Сургутского района поступили заявления от аборигенов на 147 родовых угодий, по 96 были приняты постановления главы администрации, но только 30 главам семей выданы временные акты. Представители администрации ссылались на отсутствие правовой базы для решения этой проблемы. В результате на земли, которые уже предоставлены под промышленное освоение, претендуют аборигены. Это случилось потому, что земли под родовые угодья предоставляются по остаточному принципу, часто затягивается оформление бумаг на участки, где планируется добыча нефти, т.е. фактически в Сургутском районе аборигены могут быть выселены со своих земель, если эти земли понадобятся нефтяникам. В постановлении главы администрации округа, а вслед за ним и Сургутского района родовые угодья названы землями «побочного пользования (оленеводства, охотничьего и рыболовного промыслов, сбора дикоросов)», и их границы должны быть согласованы после проведения аукционов с предприятиями-победителями. Как видно из документов, администрация отдает приоритетные права на распоряжение землей нефтяникам, а не аборигенам.

Еще один конфликт, который стоит здесь описать, произошел в 1998 г. на р. Юган. Я уже отмечала, что земля для аборигенов имеет в первую очередь не коммерческую, а социальную ценность. Конфликт возник из-за того, что родовые угодья П.С. Когончина были почти полностью переданы заповеднику и предприятию для добычи нефти. Когончин является председателем общины «Когончино», насчитывающей около 20 человек, занимающихся охотой и рыболовством. Противоречия обострились, когда в верховьях реки началась добыча нефти. Чтобы как-то защитить свои земли, П.С. Когончин голодал 28 дней. Конфликт не был разрешен, но соседям и родственникам удалось уговорить его выйти

из голодовки, чтобы не оставить сиротой сына. Когда я с ним беседовала вскоре после этих событий, он говорил, что нефтяники предлагают деньги за землю, но он не может отдать землю, потому что он охотник и его сын тоже должен быть охотником, но если он отдаст землю – «*что будет наследовать сын?*».

В этом случае имеется в виду земля не как имущество, и не как территория, земля здесь выступает источником жизни для охотника. На Севере происходит много конфликтов из-за земли и других ресурсов, но я впервые именно на Югане от П.С. Когончина услышала столь четко сформулированную цель – оставить в наследство детям землю для охоты и рыболовства, и увидела готовность отдать за это жизнь. До этого я наблюдала столь острый конфликт только между оленеводами и нефтяниками. Современное законодательство еще не решило вопроса о передаче земель, используемых аборигенами, по наследству. В этом заключается один из его серьезных недостатков, так как нерешение этой проблемы подрывает одну из фундаментальных основ традиционного природопользования как стратегии устойчивого развития. Аборигены доказывают провозглашенный в международных документах, в первую очередь в Конвенции 169 МОТ, принцип их особой связи с землей. Этот пример является характерным для традиционного образа жизни и показывает различия между позитивным и обычным правом. В настоящее время неуспех государственной политики в отношении коренных народов Севера в значительной степени связан с тем, что государство не хочет допустить различные модели природопользования и различное, в том числе государственно-правовое и обычно-правовое, его регулирование. В последнее время сделана попытка изменить это положение.

4. Антропология судебного процесса

В России процесс включения обычаев в правовую систему государства начался именно с регулирования судебной защиты прав коренных малочисленных народов. Однако именно особенности правопонимания коренных народов становятся камнем преткновения для государственных институтов правосудия. Коренные народы обладают как коллективными, так и индивидуальными правами. А территории традиционного природопользования являются одновременно и особо охраняемыми государственными территориями и служат для занятия традиционным природопользованием и сохранения традиционного образа жизни. Но главную трудность создают для суда процессы трансформации традици-

онного природопользования и норм обычного права, которые регулируют эти процессы. Сложность, неординарность традиционных правовых систем требуют дальнейшей совместной работы социально-культурных антропологов и юристов в этом направлении. Существующая судебная практика показывает, что эти вопросы сегодня далеки от разрешения, причем не только в нашей стране. В данной работе анализируется судебный процесс, в котором оспаривался отказ Правительства Российской Федерации в образовании территорий традиционного природопользования эвенкийских общин. В Ханты-Мансийском автономном округе таких ситуаций не было, но этот процесс анализируется в данной работе, так как он высвечивает наиболее типичные черты государственной политики в сфере природопользования.

26–27 июня 2006 г. в Пресненском районном суде г. Москвы состоялся процесс, в котором оспаривался отказ Правительства Российской Федерации в образовании трех особо охраняемых территорий традиционного природопользования (ТТП) коренных малочисленных народов федерального значения: «Катанга» в Катангском районе Иркутской области, «Кунноир» и «Бергима» в Байкитском районе Эвенкийского автономного округа Красноярского края. Общинам коренных малочисленных народов Севера было отказано в удовлетворении исковых требований. Ответчиком являлось Правительство Российской Федерации, представителем которого выступало Министерство природных ресурсов (МПР). В выступлении юриста МПР прозвучало одно очень характерное высказывание: нельзя предоставлять эти территории эвенкам, так как этим могут быть нарушены права других природопользователей, из которых в первую очередь были названы нефтяники. Вместе с тем сегодня на эти территории как особо охраняемые территории традиционного природопользования претендуют только коренные народы. В суде была еще раз продемонстрирована позиция Правительства Российской Федерации по вопросу об образовании ТТП федерального значения и его полное бездействие в выработке механизма создания и функционирования таких территорий. Адвокатом аборигенов на этом процессе выступала Ю.Я. Якель, которая сделала юридический анализ этого процесса.

В ходе процесса подчеркивалось, что Правительством Российской Федерации было нарушено право коренных малочисленных народов (эвенков) на образование особо охраняемых ТТП и что из-за отсутствия особого охранного режима указанных территорий они лишены своего права на защиту исконной среды обитания и традиционного образа жизни, сохранение и развитие

самобытной культуры, сохранение на территориях традиционного природопользования биологического разнообразия. Отсутствие статуса ТТП делает невозможной защиту законных интересов коренных малочисленных народов от вторжения хозяйствующих субъектов, деятельность которых несовместима с теми принципами отношения к природе, которые составляют основу традиционного природопользования[73].

Анализируя антрополого-правовые аспекты этого процесса, хотелось бы указать на те затруднения, которые возникли в процессе из-за непонимания судом сравнительно нового законодательства о коренных народах. Необходимость этнологической экспертизы и этнологического толкования законодательства становится очевидной из анализа деятельности суда. Этнологическая экспертиза в современном законодательстве и существующей практике воспринимается в первую очередь как оценка влияния хозяйственных проектов на жизнь коренных народов. При ее выполнении возможно больше внимания уделить традиционным знаниям и ценностям этих народов и создать действенный механизм учета их мнения. Здесь она рассматривается как элемент судебной защиты их прав.

Проведение экспертизы предусмотрено Гражданским процессуальным кодексом Российской Федерации (ст. 79–87), но в этом случае заключение эксперта является для суда необязательным и оценивается по общим правилам оценки доказательств (ст. 67). В зарубежной судебной практике есть интересные аналоги подобных процессов при рассмотрении дел об эмигрантских семьях[74]. В российском законодательстве предполагается возможность участия в суде представителей коренных малочисленных народов (закон «О гарантиях прав», ст. 14). Таким представителем может выступить и этнограф, способный прояснить сущность дела на основании обычаев и традиций этих народов. Но решение о привлечении соответствующих специалистов может принять именно суд. При оценке судебного процесса можно также опираться на Указ Президента «Об утверждении общих принципов служебного поведения государственных служащих», где констатируется, что государственные служащие призваны «проявлять терпимость и уважение к обычаям и традициям народов России, учитывать культурные и иные особенности различных этнических, социальных групп и конфессий, способствовать межнациональному и межконфессиональному согласию»[75]. Естественно поэтому ожи-

---

[73] Люди Севера: Права на ресурсы и экспертиза. М., 2008. С. 231–249.
[74] *Карбонье Ж.* Юридическая социология. М., 1986. С. 307–310.
[75] Статус коренных малочисленных народов. Кн. 3. М., 2005. С. 100.

дать от участников судебного процесса поведения, соответствующего этому указу.

Коренные народы Севера используют все доступные им способы защиты конституционных прав, в том числе и суд. Социологические исследования судейского корпуса, проведенные в 2003–2004 гг., показали, что среди различных факторов, влияющих на эффективность правосудия, судьи отмечают качество применяемого ими законодательства. Один из участников этого проекта В.В. Лапаева, анализируя полученные ответы в контексте требований ст. 6 ГК РФ, регламентирующей применение гражданского законодательства по аналогии, отмечает возможность использования юридической теории как одного из способов восполнения пробелов в законодательстве. По данным опросов, судьи, принимая решения на основании своего усмотрения, строят его на принципе справедливости (в 30% случаев)[76]. ГПК РФ (ст. 1) также предусматривает применение аналогии закона и аналогии права. Эти юридические нормы повышают требования к квалификации судей, к знанию ими всех особенностей отношений, ставших предметом судебного рассмотрения.

В современных условиях судье трудно знать все особенности правового положения отдельных групп населения, обычаи и традиции народов и этнических групп. А в силу небольшого количества обращений малочисленных народов в суд за защитой нарушенных прав у суда слишком незначительна практика применения законодательства об особых правах этих народов. В этом случае этнологическая экспертиза как составная часть судебного процесса может служить более качественному осуществлению правосудия.

В рассматриваемом судебном процессе особое удивление вызывали некоторые обстоятельства: выступление адвоката истцов несколько раз прерывалось судьей, который настаивал на необходимости сократить время рассмотрения дела; у судьи не возникло вопросов об особенностях правового положения истцов; в решении суд полностью поддержал позицию ответчика и отказал в удовлетворении иска. Наблюдение за ходом процесса и изучение документов показывают, что все не так просто.

Сначала несколько замечаний общего характера, касающихся особенностей правового статуса коренных народов. Уже первый специальный федеральный закон предоставил этим народам как индивидуальные, так и коллективные права. Возможны различные трактовки этого феномена. При рассмотрении вопросов, связанных с правами человека и правами коренных народов,

---

[76] *Лапаева В.В.* Российская социология права. М., 2005. С. 207–208.

бывают ситуации, когда «защита индивида оказывается невозможной без обеспечения прав группы». Исполнителем и гарантом этих прав служит государство, и «всеобщие права человека устанавливают положительные права всех управляемых». Иными словами, в них формулируются универсальные принципы, связанные с проблемой фундаментального неравенства в сфере власти между индивидом и государством, а также между определенными коллективами и государством[77]. Несмотря на то что коллективные права являются частью юридического дискурса, в рассматриваемом процессе проявилось непонимание этих прав со стороны ответчика.

Следующая проблема, на которой необходимо остановиться, это правовой статус ТТП как особо охраняемых территорий, которые создаются для специальной хозяйственной деятельности. Отношения, возникающие в связи с традиционным природопользованием на таких территориях, регулируются законодательством и обычаями коренных народов. Особую уникальность проблеме прав коренных народов на землю придает то обстоятельство, что их занятия (охота, оленеводство, рыболовство и собирательство) сравнительно мало влияют на состояние земельных ресурсов. Право на традиционный образ жизни – это скорее проблема «*доступа к территориям*», хотя, конечно, система жизнеобеспечения коренных народов связана с состоянием окружающей среды. Традиционное природопользование рассматривается законодательством как «исторически сложившиеся и обеспечивающие неистощительное природопользование способы использования объектов животного и растительного мира, других природных ресурсов» (закон «О территориях», ст. 1). В анализируемом процессе представитель ответчика не только показал незнание этого законодательства, но и продемонстрировал непонимание экологичности такого природопользования, рассматривая его наряду с промышленным освоением территорий, исходя из «презумпции экологической опасности планируемой хозяйственной и иной деятельности» (Федеральный закон «Об охране окружающей среды», ст. 3). Таким образом, в суде не было учтено отношение аборигенов к земле и другим ресурсам, которое существует на практике.

Особенности нормативной культуры коренных народов Севера нашли наиболее адекватное воплощение в законе «О ТТП». Именно территория как категория публичного права, как комплекс

---

[77] *Нагенгаст К.* Права человека и защита меньшинств: этничность, гражданство, национализм и государство // Этничность и власть в полиэтничных государствах. М., 1994. С. 183–185.

природных ресурсов и традиционных способов их использования, находящихся в определенных рамках, а не земельный участок как имущественная категория в большей степени соответствует аборигенной нормативной культуре, признающей коллективистский характер прав на землю, проницаемость границ, требование строгого соблюдения меры в использовании природных ресурсов, гибкой системы запретов и т.д.

В законе ТТП определяются как «особо охраняемые природные территории, образованные для ведения традиционного природопользования и традиционного образа жизни коренными малочисленными народами Севера, Сибири и Дальнего Востока» (ст. 1). В период подготовки этого закона дискуссионным являлся вопрос о названии закона. Звучали предложения использовать в названии термин «земля». Принятое название подчеркивает необходимость комплексного использования ресурсов при осуществлении традиционного природопользования. Эта концепция соответствует и принципам международного права. Так, в Конвенции 169 МОТ отмечается, что термин «земля» включает понятие территорий, охватывающих всю окружающую среду районов, которую занимают или используют эти народы[78]. По этому закону ТТП выделяются как особо охраняемые, причем специально оговаривается, что цели их создания и возможности использования шире, так как включают не только защиту природы и среды обитания коренных малочисленных народов Севера, но и, в первую очередь, традиционный образ жизни, а следовательно, их культуру.

П.Н. Павлов подчеркивает: «Главная особенность территорий традиционного природопользования состоит в том, что это очень специфические особо охраняемые природные территории, где экологические задачи решаются во взаимосвязи с религиозными, культурными и иными потребностями коренных малочисленных народов Севера. Части территорий традиционного природопользования обладают разным предназначением, которое, с одной стороны, связано с указанными задачами и потребностями, а с другой – направлено на сохранение памятников истории и культуры, обеспечение прав всех граждан, проживающих на указанных территориях, и так далее»[79].

Территории традиционного природопользования по этому закону делятся на три вида: федерального, регионального и мест-

---

[78] *Андриченко Л.В.* Регулирование и защита прав национальных меньшинств и коренных малочисленных народов в Российской Федерации. М., 2005. С. 349.

[79] *Павлов П.Н.* Комментарий к Федеральному закону «О территориях традиционного природопользования коренных малочисленных народов Севера, Сибири и Дальнего Востока Российской Федерации». М., 2001. С. 74.

ного значения (ст. 5). Так как основная часть природных ресурсов на этих территориях является федеральной собственностью, большинство из них должны создаваться как территории федерального значения[80].

Особый статус ТТП придает тот факт, что они могут быть образованы на основании обращений самих представителей коренных народов (ст. 6). Этим подчеркивается роль таких территорий в со-управлении ресурсами со стороны народов Севера, но также налагает на эти народы и особую ответственность. ТТП выделяются как особо охраняемые. Неизменность правого режима этих территорий является основой использования природных ресурсов на них. Целесообразно напомнить ст. 13 Федерального закона:

«Использование природных ресурсов, находящихся на территориях традиционного природопользования, для обеспечения ведения традиционного образа жизни осуществляется лицами, относящимися к малочисленным народам, и общинами малочисленных народов в соответствии с законодательством Российской Федерации, а также обычаями малочисленных народов.

Лица, не относящиеся к малочисленным народам, но постоянно проживающие на территориях традиционного природопользования, пользуются природными ресурсами для личных нужд, если это не нарушает правовой режим территорий традиционного природопользования.

Пользование природными ресурсами, находящимися на территориях традиционного природопользования, гражданами и юридическими лицами для осуществления предпринимательской деятельности допускается, если указанная деятельность не нарушает правовой режим территорий традиционного природопользования.

На земельных участках, находящихся в пределах границ территорий традиционного природопользования, для обеспечения кочевки оленей, водопоя животных, проходов, проездов, водоснабжения, прокладки и эксплуатации линий электропередачи, связи и трубопроводов, а также других нужд могут устанавливаться сервитуты в соответствии с законодательством Российской Федерации, если это не нарушает правовой режим территорий традиционного природопользования».

Эта статья придает закону особую ценность, но это оказалось слишком серьезным препятствием на пути применения ее на практике. Наше государство и общество оказались не готовыми к тому, чтобы действительно предоставить аборигенам гарантиро-

[80] Там же. С. 45.

ванные Конституцией права. Именно поэтому стало возможным высказывание представителя ответчика об опасности для будущего хозяйственного развития предоставления таких территорий эвенкам.

В комментарии к Федеральному закону подчеркивается: «Любая деятельность на территориях традиционного природопользования должна осуществляться в соответствии с законодательством об особо охраняемых природных территориях и положениями о конкретных территориях традиционного природопользования. В частности, на территориях традиционного природопользования может быть запрещено осуществление определенных видов деятельности, установлены объемы допустимого изъятия тех или иных объектов из природной среды и предусмотрены иные ограничения. Выполнение этих требований является обязательным. Игнорирование их при использовании природных ресурсов является правонарушением, которое в соответствии с законодательством должно пресекаться. Лиц, совершивших указанное правонарушение, надлежит привлекать к уголовной, административной и иной ответственности». Выполнение этого Федерального закона может существенно изменить практику природопользования на Севере, причем необходимо подчеркнуть, что принятие закона вовсе не означает полного предоставления таких территорий аборигенам.

Образование территорий традиционного природопользования не исключает защиты прав государства или органов местного самоуправления на земельные участки или обособленные природные объекты в пределах этих территорий. Но в случае изъятия таких участков для государственных и муниципальных нужд лицам, принадлежащим к коренным народам, и общинам коренных народов предоставляются равноценные земельные участки или другие природные объекты, а также возмещаются связанные с этим убытки (ст. 12). В комментарии к закону отмечается, что и в этом случае сохраняется правовой режим данной территории[81]. Значение этого Федерального закона существенно усилено тем, что его основные положения нашли подтверждение в Земельном кодексе 2001 г.

Судебный процесс высвечивает проблемы информационного обеспечения законотворчества и правоприменения: как и какое антропологическое знание становится юридической нормой и насколько правовые процессы могут учесть трансформации жизненных практик. Интерес представляет еще один судебный процесс, получивший большой резонанс в аборигенном сооб-

[81] Там же. С. 93.

ществе. В марте 2009 г. в Приморском краевом суде слушалось дело о нарушении прав удэгейцев, было рассмотрено и частично удовлетворено заявление Ассоциации коренных малочисленных народов Севера, Сибири и Дальнего Востока Российской Федерации. Организация коренных народов обратилась в суд, так как посчитала, что права ее членов нарушены. В новом положении о государственном природном ландшафтном заказнике краевого значения указывалось, что удэгейцы не имеют права использовать лодки с моторами и снегоходы для передвижения по своим охотничьим угодьям, которые оказались в границах заказника. На суде было заявлено, что они должны передвигаться на оленях, лошадях или ходить пешком или на лыжах, переселиться из поселка в лес и жить в чумах и т.п. Возмущение аборигенов вызвал тот факт, что в суде не были учтены особенности их традиционного образа жизни, то, что они никогда не занимались и не занимаются оленеводством и коневодством. Не учитывался и тот факт, что законодательство не ограничивает права на использование личного транспорта для ведения традиционного природопользования: охоты, рыболовства, собирательства. Таким образом, суд совершенно произвольно решил, как жить аборигенам и что им делать.

Кроме того, аборигенам было отказано даже в осознании себя как отдельной этнической общности. На заявление представителя Ассоциации о том, что удэгейцы являются коренным малочисленным народом (в законодательстве встречается также определение для таких народов «малочисленные этнические общности»), представитель администрации сказала, что «в материалах дела не представлено доказательств, что удэгейцы осознали себя самостоятельной этнической общностью, а, следовательно, на них не может распространяться действие п. 4. ст. 24 закона “Об особо охраняемых природных территориях”, где говорится о таких этнических общностях». По заявлению адвоката Ю.Я. Якель, это проявление не только некомпетентности властей, но и цинизма и неуважения к коренным малочисленным народам Севера, нарушения прав человека, а также права каждого человека определять свою этническую принадлежность[82].

Отдельную проблему представляет соотношение прикладной и академической науки, того как сами антропологи интерпретируют традиционные и современные практики традиционного природопользования и как эти интерпретации влияют на правовое положение коренных народов и судебные процессы по защите их прав. Выше было рассмотрено, как научные представления об

[82] Рассылка raiponlaw от 27 марта 2009 г.

общинах или коллективном характере аборигенных прав приводят к формированию юридических норм, не соответствующих жизненным потребностям и интересам коренных народов, на примере Земельного кодекса.

Похожие проблемы возникают и в других странах, например, при рассмотрении земельных исков аборигенов Австралии. На примере описания таких процессов очевидны различия российской и австралийской судебных систем, которые связаны не только с тем, что в Австралии действует прецедентное право, но и, что более важно для данной работы, с существенно большей ролью антрополога в процессе. Вместе с тем есть и сходство.

В Австралии антропологи играют очень большую роль в подготовке и проведении судебного процесса, причем их знания и оценки используют представители аборигенов, сначала собирают информацию, необходимую для судебного решения или переговоров, и составляют «доклад об обоснованности иска». Этот доклад должен в том числе показать культурную преемственность, выявляя природу связей между генеалогией и территориями, т.е. демонстрирует, что отношение истцов к земле не прерывалось и не менялось с доколониальных времен. Государство обращается к антропологам, чтобы опровергнуть эти доказательства. К антропологам обращаются и горнодобывающие предприятия. Антропологи выступают также в суде в качестве независимых и объективных экспертов[83].

Сам принцип доказательства непрерывной преемственности важен для прецедентного права и применяется не только в Австралии, но и в Канаде. В России очевидна невозможность таких доказательств, так как, например, в советский период культура, обычаи, нормы аборигенов подверглись существенной трансформации и деформации. Ханты, манси, ненцы, как и многие другие российские коренные народы, оказались вытесненными с мест своего традиционного проживания, поэтому в обосновании их территориальных исков невозможно выстроить преемственность со времени до прихода на эту территорию российского государства. Тем не менее память о генеалогической связи с определенными территориями у современных семей аборигенов есть, именно благодаря этому в Ханты-Мансийском автономном округе так быстро и достаточно бесконфликтно была составлена карта родовых угодий (конфликты были, но не массовые). Для органов государственной власти и промышленных компаний такое распределение

---

[83] *Дусе Л., Гласкин К.* Антропология, прецедентное право и австралийские «общества» // Социальная антропология во Франции. XXI век. М., 2009. С. 159–161.

угодий также является сегодня правовым. Можно сказать, что для государств, в которых проживают аборигены, важно установить какую-то временную веху, точку отсчета, с которой начинается система действующего распределения ресурсов.

В Австралии судебные процессы вызвали дискуссию о правомочности применения «классических» схем ко всем территориям страны. Исследователи предлагают для обоснования судебных притязаний опираться на этнографическую реальность, понимаемую как то, что антропологи действительно наблюдали и анализировали и что не противоречит представлениям аборигенов о самих себе[84]. История показывает, что часто и судьи, и антропологи строят свои доводы на ставших или считающихся классическими моделях, не учитывая, соответствуют ли они локальным практикам. В России, когда основным источником права является закон, особенно важно, чтобы принятие судебного решения строилось на актуальной этнологической экспертизе. Это также может помочь разрубить гордиев узел представлений об истинных этнографических данных по хозяйственным и обычно-правовым практикам как старинных (существовавших до начала модернизационных процессов, которые в России связываются с коллективизацией), основанных на натуральном характере хозяйства, чистых от политики. Очевидно, что такие свидетельства не могут быть использованы в современном суде, хотя, как показывает судебный процесс по Бикину, используются.

Выводы

Таким образом, в представлениях аборигенов о земле (территории, ресурсах) нашли отражение их правовые идеалы. Их важнейшие черты: необходимость не наносить большого ущерба, соблюдение меры в использовании ресурсов, необходимость следить за землей и осознание «права земли» как действенного нормативного регулятора в отношениях между людьми. Для природопользования аборигенов характерно также представление о проницаемости границ, мобильности людей и вместе с тем ограниченности освоенного пространства. Такими границами ареала, получившего в законодательстве название «исконной среды обитания», являются природные и хозяйственно-культурные черты культурного ландшафта.

В современных условиях у аборигенов сочетаются представления о себе как о содержимом Севера и о необходимости сосу-

[84] Там же. С. 168.

ществования их с приезжими. Современные действующие нормы обычного права представляют динамику традиционных представлений и традиционного природопользования. Законодательство регулирует уже устоявшиеся отношения, поэтому для создания действенной и адекватной культурным ценностям аборигенов системы защиты их конституционных прав необходимо включение в эту систему правовых обычаев и более активное использование в суде этнологической экспертизы. Государство сегодня в лице Министерства регионального развития предлагает все новые требования к территориям традиционного природопользования, все дальше уходя от первоначальной идеологии закона.

На основании проведенных полевых исследований и анализа литературы и нормативных документов представляется, что для создания справедливой системы взаимодействия коренных народов и промышленных компаний необходимо большее доверие к коренным народам. Для сохранения и развития их культуры необходимо создать материальную ресурсную базу. Только тогда будет возможно установить действительное партнерство с промышленными компаниями. Анализ существующей судебной практики показывает необходимость дальнейшей работы по совершенствованию законодательства и подтверждает выдвигаемый в данной монографии тезис о необходимости создания правил применения в суде правовых обычаев этих народов.

Глава 3

«ОЙЛИЗМ». НЕФТЯНОЕ ОСВОЕНИЕ КАК СОЦИАЛЬНОЕ ПОЛЕ СУЩЕСТВОВАНИЯ КОРЕННЫХ МАЛОЧИСЛЕННЫХ НАРОДОВ СЕВЕРА

В современных условиях перспективы сохранения и развития культуры коренных малочисленных народов Севера в значительной степени определяются их взаимодействием с окружающим их населением. Уже более 50 лет в Ханты-Мансийском автономном округе ближайшими соседями аборигенов являются нефтяники. Добыча нефти, политика государства в сфере недропользования и само присутствие нефтяников на Севере формируют у аборигенов новые представления о мире. В данном исследовании коренные малочисленные народы Севера, нефтяные компании и органы власти в Ханты-Мансийском автономном округе рассматриваются как участники системы отношений, каждый из которых определяет перспективы сохранения и развития коренных народов. Нефтяники исследуются как профессиональное сообщество методами интервью и наблюдения, а также через те характеристики, которые дают им аборигены. Такое исследование является новым для социальной антропологии, тем не менее в работе используется историческая, социологическая и публицистическая информация о развитии нефтегазового комплекса и особенно опубликованные интервью с некоторыми нефтяниками.

Необходимо сказать несколько слов об особенностях этнографического изучения этой группы. У нефтяников нет привычки работать с изучающими их исследователями, поэтому они проявляют большую настороженность. Многие из них, независимо от того, инженер ли это на месторождении или чиновник в министерстве в Москве, подчиняются корпоративным правилам предоставления ограниченной информации, многие вопросы просто не обсуждаются, их объявляют коммерческой тайной. Вместе с тем нефтяники на месторождениях, особенно руководители, говорят много и охотно об экологических мероприятиях или благотворительных акциях, создавая образы идеальной компании или нефтяной отрасли как кормилицы страны. У меня не было возможности наблюдать нефтяников за работой, я сравнительно мало видела

их в неформальной повседневной обстановке. Однако для моей работы очень много дали поездки на месторождения, беседы и наблюдения там, а также присутствие на многих собраниях, во время которых заключались экономические соглашения с владельцами родовых угодий.

Представленные выводы строятся на полевых исследованиях в двух компаниях, работающих в Ханты-Мансийском автономном округе – ОАО «ЛУКОЙЛ» и «Сургутнефтегаз», с использованием сравнительных материалов по некоторым другим компаниям. Сравнительный материал по механизмам взаимодействия промышленных компаний и коренных малочисленных народов приводится в главе 5.

В общественном мнении и в научной литературе сложился определенный образ нефтяников как социально-профессиональной группы. Коротко он определяется дихотомией: чудовище и сокровище, триумф и трагедия, богатство страны и экологическое бедствие и т.п.[1] Еще чаще им дают негативную характеристику, связанную, в первую очередь, с экологическими проблемами, вызываемыми добычей и транспортировкой нефти. В последние годы с нефтью связывают и вопросы отрицательного воздействия на коренные народы, и лоббирование антиэкологического законодательства и выполнения потенциально опасных проектов. Нефтяные компании рассматриваются также в контексте социальной ответственности бизнеса. Они оцениваются с точки зрения международных и корпоративных стандартов, действующих в нефтегазовом секторе экономики. И наконец, образ группы связан с благотворительной деятельностью крупных компаний. Субкультура нефтяников формируется под влиянием различных факторов, в данной работе основное внимание уделяется анализу нормативной корпоративной культуры.

При рассмотрении нефтяников как социально-профессиональной группы интерес представляют мотивы и механизмы рекрутирования в группу, трансформации представлений о ней, причем как внутри нее, так и со стороны. Внимания заслуживает триада представлений, сложившаяся в начале нефтяного освоения Сибири и в том или ином виде существующая сегодня: романтики, маргиналы, элита. Основной фокус исследования направлен на определение этой группы как контекста жизни и развития аборигенного сообщества в последние годы.

---

[1] См., напр., *Славкина М.В.* Триумф и трагедия: Развитие нефтегазового комплекса СССР в 1960–1980-е годы. М., 2002; *Остальский А.* Нефть: Чудовище и Сокровище. СПб., 2009.

1. «Ойлизм» в жизни аборигенов

«Ойлизм» рассматривается как слияние нефтяного бизнеса и власти. Эта система стала определяющей для многих северных регионов, а для живущих там аборигенов определяющей их статус, материальное положение, трансформации мировоззрения. Исследователи отмечают влияние нефтяного освоения даже на демографические процессы. Так, по анализу переписей отмечается: «Особо выделяются ханты и манси, суммарный недемографический рост которых больше, чем по всем народам Севера в целом. Поскольку у этих народов в предыдущем тридцатилетии (от переписи 1959 до переписи 1989) была недемографическая убыль, можно предположить наличие больших групп метисного населения. В условиях, когда в Ханты-Мансийском округе на фоне нефтяного бума многое делается для материальной поддержки коренных народов, возможен рост национального самосознания и увеличение престижности коренной национальности. Возможна и простая экономическая заинтересованность»[2].

Нефтяники определяют и роль, и назначение коренных народов Севера в современном мире. В Ханты-Мансийском автономном округе мне приходилось не раз слышать от людей, работающих в нефтяной отрасли, что «надо коренным жителям жить для города, чтобы поставлять продукты, сувениры. Коренные жители могут заниматься обеспечением нефтяников продуктами питания, мясом. Не нужно будет нанимать штатных егерей». Возможно, частично проблему обеспечения продуктами питания смогут решить создаваемые общины и Корпорация общин малочисленных народов Севера в Ханты-Мансийском округе, государственное предприятие, деятельность которого направлена на реализацию продукции традиционных промыслов в первую очередь внутри округа[3].

Такая деятельность представляется экономически выгодной как для нефтяников, так и для аборигенов. Исследователи экономики нефтегазового комплекса отмечают, что одной из основ перехода к партнерским отношениям является участие коренных народов в проектах освоения недр, включая предоставление услуг потребительского и/или производственного характера для нефтегазового сектора, что «будет способствовать снижению (при

---

[2] *Богоявленский Д.* Вымирают ли народы Севера? // Население и общество. Информационный бюллетень Центра демографии и экологии человека Института народнохозяйственного прогнозирования РАН № 83, август 2004.

[3] ПМА, Из интервью, собранных во время Выставки-ярмарки «Северная цивилизация. Регион Экспо» в апреле 2006 г. в Москве.

прочих равных условиях) общих затрат на реализацию проектов освоения недр. Таким образом, участие КМН в предоставлении услуг (в том числе по экологическому мониторингу и контролю) будет вести к росту общественного благосостояния (выгод)»[4].

В Ханты-Мансийском округе сложилась такая ситуация, что именно благодаря нефтяникам был закреплен юридически особый статус аборигенов. Необходимость законов, регламентирующих отношения в сфере недро- и природопользования, была продиктована необходимостью защитить интересы недропользователей, а уже потом – коренных народов. В конце 1990-х годов, когда в Сургутском районе была приостановлена выдача документов на родовые угодья (государственно-правовое закрепление прав аборигенов), единственными юридическими документами, подтверждающими существование аборигенов на их землях, были экономические соглашения с нефтяниками. Аборигены говорили: «раз они заключили с нами соглашение, значит, они нас признают». А для их жизни «признание» со стороны нефтяников воспринимается как более важное, чем государственно-правовое.

Еще большее влияние нефтяного освоения наблюдается на уровне повседневности. Здесь оно проявляется буквально во всем: характере расселения, современных маршрутах кочевания[5], и что особенно важно, в формировании новых представлений о мире и своем месте в нем. Из-за начавшегося массированного наступления нефтяных компаний на традиционные территории аборигенов ханты стали предпочитать временные жилища постоянным, чтобы была возможность быстрее менять место жительства. От лица одного из активистов и исследователей жизни коренных народов в условиях нефтяного освоения, научного сотрудника Обско-угорского института прикладных исследований и разработок (современное название) А.С. Сопочиной была высказана идея о необходимости создания экспериментального стада оленей и лаборатории по его изучению в условиях, когда родовые угодья в значительной степени заняты промышленными объектами. Администрация округа вместе с общественными организациями «Спасение Югры» и Союзом оленеводов-частников несколько раз производила закупку оленей и передавала их новым хозяевам. Многие оленеводы в восточных районах округа обеспокоены

---

[4] *Крюков В.А., Токарев А.Н.* Учет интересов коренных малочисленных народов при принятии решений в сфере недропользования. Серия: Библиотека коренных народов Севера. Вып. 10. М., 2005. С. 170.

[5] *Вигет Э.* Экономика и традиционное землепользование восточных хантов // Очерки истории традиционного землепользования хантов (Материалы к атласу). Екатеринбург, 1999. С. 178.

сложившимся положением, когда они содержат свои стада между дорогами, объектами нефтедобычи и вахтовыми поселками[6]. В округе такая ситуация сложилась уже давно, но кроме этнологов и социологов она никого не интересует. Властных решений, кроме покупки оленей, не принимается.

Нефтяники конструируют новое знание, часто навязывая его аборигенам. Мне приходилось слышать о том, что именно они определяют, или пытаются определять, какие территории могут быть отведены под традиционное природопользование. И в округе, и на федеральном уровне постоянно обсуждается вопрос о необходимости сокращения территорий традиционного природопользования за счет придания особого статуса только тем территориям, на которых нет промышленных объектов.

Сложившаяся в рассматриваемой сфере политика приводит к тому, что нефтяные компании считают себя на Севере носителями не только правового знания, но и сакрального, они подчас определяют, какие земли и территории являются священными.

Нефтяники стали частой темой для разговора на стойбищах, помнят о них и во время жертвоприношений. При этом, когда я однажды сказала на стойбище, что поеду к нефтяникам, потому что я их изучаю, мальчик-школьник спросил: «*Зачем, разве они любопытны*?».

Нефтяники и нефть глазами аборигенов

В фольклоре современных хантов сложился образ большого мужика «с железной шапкой, с железным животом», который пожирает все на своем пути. Он появился во времена нефтяного освоения и постепенно начинает подменять собой всех негативных традиционных героев. В традиционной хантыйской культуре происходит переоценка качественной характеристики железа, за ним закрепляется свойство разрушительной силы[7]. Нефть нашла отражение в творчестве поэтов и писателей – представителей коренных народов Севера, для некоторых из них нефтяное освоение стало наиболее драматичным сюжетом.

В округе нефтяники оказали большое влияние на положение элиты, многие представители которой заняли высокое общественное положение именно в борьбе с нефтяным освоением, но впоследствии смирились с нефтяниками и часто пытаются лишь получить выгоду, причем не только для себя, но и для всех аборигенов округа. Именно элита (в духовном смысле) дает наиболее

---

[6] *Песикова (Сопочина) А.С.* Олени и нефть // Вестник, №44, 2 ноября 2001 г.

[7] *Лучко М.А.* Понимание метафорических выражений детьми разных этнических групп // Народы Северо-Западной Сибири. Вып. 6. Томск, 1998. С. 59.

осмысленную оценку происходящих процессов, хотя у меня часто во время разговоров с такими людьми складывалось впечатление, что положительная оценка нефтяного освоения – это скорее вынужденная позиция. На вопрос об экономическом эффекте от нефти Г.С. Райшев – известный художник сказал:

«*Надо считать, что имел человек. Если ему дали снегоход и в то же время загадили стойбище, я думаю что это не в пользу. Подачки такого рода выставляются как помощь. Это неравные деловые отношения с этим народом. Их надо восстанавливать. Пока это все на уровне больших, меньших подачек. До сих пор эти отношения ненормальные. Они, конечно, думают, вот дали это, это, это. А человек хотел бы жить, не имея этого, но более спокойно и правильно в своей среде. Они (ханты) вынуждены идти на это, когда нет ничего другого. Я не против того, что дается. Можно сказать, что что-то бесспорно получают, молодежь стала лучше жить. Сейчас появились люди очень обеспеченные, стали более свободно относиться к деньгам. В этом смысле здесь тоже стала большая земля. В центре России живут хуже, чем здесь. И среди коренных есть люди более предприимчивые, они находят выгоду в современных условиях*»[8].

Некоторые лидеры общественного движения коренных малочисленных народов Севера высказывались за создание национальных (имея в виду участие в них аборигенов) нефтяных компаний. Они считают, что в этом случае аборигены, заинтересованные в охране окружающей среды, будут более внимательно относиться к экологическим правилам при добыче нефти. Но в итоге, нужно признать, они будут заинтересованы и в росте доходов компании, хотя планируют их использование для роста благосостояния коренных народов. Такая позиция складывается и под влиянием знакомства с зарубежным опытом.

Показательной является ситуация, сложившаяся на Аляске (США), где для обеспечения прав коренного населения были созданы корпорации развития, в управление которым передали закрепленные за аборигенами природные ресурсы. Одна из таких корпораций, «Дойон Лимитед» (Doyon Ltd), настойчиво продвигает проект, поддержать который, как отмечают эксперты, не решились бы даже самые упорные официальные сторонники добычи нефти на заповедных территориях Аляски. По данному проекту предлагается сократить территорию Юконского равнинного заповедника путем обмена части земель заповедника на земли индейцев с тем, чтобы вести там добычу нефти.

---

[8] ПМА, 2001 г., г. Ханты-Мансийск.

«Сторонники проекта утверждают, что помимо необходимости обеспечения энергетической безопасности США за счет увеличения собственной добычи нефти и газа, реализация этого проекта увеличит доходы местных индейцев из племени атабасков, а также создаст условия для лучшей охраны остатков территории заповедника. Противники проекта говорят, что будет создан прецедент, очень опасный для других особо охраняемых природных территорий. Что касается проживающих на этой территории немногочисленных индейцев, то еще неизвестно, принесет ли им разведка и добыча нефти и газа больше пользы или вреда»[9]. Более долгосрочный проект участия коренных народов в промышленном освоении представляет строительство трубопровода в бассейне р. Макензи на севере Канады (подробнее в гл. 5).

В России, в первую очередь в Ханты-Мансийском автономном округе, есть некоторый, правда чаще отрицательный опыт обеспечения долгосрочных интересов коренных народов при освоении нефтяных ресурсов. В.А. Крюков и А.И. Токарев выделяют следующие формы:

• «передачу КМН части пакетов акций приватизируемых нефтегазовых компаний, расположенных на территории их проживания (для этих целей в период приватизации в России предназначалось 5% акций предприятий нефтегазового комплекса);

• создание нефтяных компаний в статусе компаний регионального развития в интересах малочисленных народов (ханты и манси в ХМАО);

• формирование инвестиционных и паевых фондов, отвечающих интересам КМН, например таких, как "Инвестиционная компания социальной защиты и развития малочисленных народов Севера "Титул"».

Эти авторы проследили судьбу компании «Эвихон», созданной в 1992 г. для работ на Верхне- и Западно-Салымских месторождениях в интересах хантов и манси, превратившейся к 2005 г. в компанию, владельцами которой стали «Шелл» и «Сибнефть».

История деятельности этой компании такова:

«В 1995 г. АО "Эвихон" ввезло из-за рубежа беспошлинно сигарет на сумму 112 262 тыс. долл., или 31% доли рынка импортных сигарет в России на тот период. В 1993 г. был проведен конкурс на право пользования недрами по Салымским месторождениям. Победителем стала компания "Шелл", а точнее ее дочерняя структура "Шелл Салым Девелопмент"» (ШСД). В 1996 г. «Эвихон» и

---

[9] Reuters 29.06.2005 // Нефтяное обозрение, № 26 (91), 27 июня – 3 июля 2005 г. Еженедельные обзоры публикаций средств массовой информации по социально-экологическим проблемам нефтяного сектора.

ШСД создали на условиях равного долевого участия совместное предприятие «Салым Петролеум Девелопмент» (СПД), которое должно было заняться разработкой Салымских месторождений.

В 1998 г. лицензия на Салымские месторождения была передана от «Эвихона» к СПД. В конце 1978 г. английская компания «Сибирь энерджи» приобрела 20% доли «Эвихона» в СПД (сделка была проведена от имени частных инвесторов, ее сумма составила 30 млн долл.), в конце 1999 г. – еще 55%; в результате доля «СЭ» уже в конце 1999 г. составила в «Эвихоне» около 82%, а в «Югранефти» – 78%. По состоянию на 2005 г. основными владельцами СПД были компании «Шелл» и «Сибнефть».

В этой ситуации основной акцент был сделан на реализацию текущих экономических интересов. Все анализируемые формы участия коренных народов оказались неспособными защитить долгосрочные экономические интересы[10].

И все это произошло с компанией, которая специальным Постановлением Правительства Российской Федерации в 1992 г. создавалась «для геологического изучения, разработки и добычи нефти на Верхне- и Западно-Салымских месторождениях в интересах малочисленных народов ханты и манси, проживающих на территории этих месторождений», для этих целей ей и была выдана лицензия[11].

Историю с этой компанией не нужно абсолютизировать, возможно, и такой путь решения проблем коренных народов реален. Мне приходилось слышать от некоторых аборигенов, что если они будут иметь возможность участвовать в отборе претендентов на разработку месторождений, то смогут выбрать лучшую компанию и внимательно и строго следить за ее деятельностью. Сейчас таких примеров нет.

Надо отметить, что за развитие нефтедобычи в округе высказываются многие аборигены, но чаще те, кто сейчас живет вдали от месторождений. В большей степени подобные взгляды характерны для городской интеллигенции, особенно для людей, занимающих государственные должности.

Принципиально созвучной этим взглядам является и позиция В.С. Сондыкова (до 2011 г. председателя Думы округа):

«*Мы самыми первыми стали отводить коренным народам родовые угодья. Наша территория была первой в этом, так как*

---

[10] *Крюков В.А., Токарев А.Н.* Учет интересов коренных малочисленных народов при принятии решений в сфере недропользования. М., 2005. С. 117–118.

[11] О создании нефтяных компаний регионального развития на территории Ханты-Мансийского автономного округа. Постановление Правительства РФ от 21 июля 1992 г. № 503 // Статус малочисленных народов России. Правовые акты и документы. М., 1994. С. 209–210.

ситуация в Нижневартовском районе была очень сложной, в то время (в 1986 г.) там добывалось 216 млн тонн нефти в год, сегодня округ добывает 180 млн тонн в год. Мы были в экстремальных условиях и искали пути защиты коренного национала, живущего в Нижневартовском районе. Хотя нам от нефти ничего не оставляли. Что-то удавалось делать только за счет шефов-нефтяников и строителей. Сегодня иначе. Ханты-Мансийский АО сам решает все вопросы.

В округе колоссальные богатства. Нефть, газ, началась добыча золота на Урале, активно развивается промышленность, вся таблица Менделеева у нас есть. Это оказывает большое влияние на жизнь коренного населения. Раньше обучалось только 60 человек в Ленинграде в педагогическом институте, сейчас – 1100 человек во всех вузах, в Тюмени в нефтяном около 100 детей учится. Дети коренных народов учатся на разных факультетах и все – за счет бюджета ХМАО, до 30 млн рублей тратится на обучение коренного населения. Это люди, которые придут во все производства. Все, кто хочет учиться и работать в нефтяной промышленности, имеют возможность. Но мы такой задачи не ставим. Мы считаем, что они должны работать в традиционном хозяйстве. Мы не можем человека принуждать работать в нефтяной промышленности, и там работают единицы, потому что они в большинстве тянутся к своему – к нефтяному труду относятся настороженно. Сейчас стали уделять большое внимание оленеводству, уже 400 оленеводов-частников стало. По рыбодобыче и переработке мы тоже преуспеваем. Вложили средства в рыбокомбинаты. Коренные жители стали сдавать туда рыбу. В Октябрьском районе стали принимать больше тысячи тонн, а было триста.

Хорошее развитие пошло последние несколько лет, особенно после 1994 года, когда округ стал самостоятельным, смогли финансировать все программы. Жизненный уровень в ХМАО выше, чем по всей стране. Это изменило и положение коренных. Если Правительство РФ выделяет ежегодно на поддержку коренных малочисленных народов севера 84 млн руб. всего, то в 1999 г. получили 158 млн руб. из бюджета ХМАО, а в 2000 году 331 млн рублей. 431 дом сдали для коренных в 2000 году, строим около 1000 квартир и домов. Наше коренное население ушло от российского, как Япония ушла от России и надолго. Это я Вам точно говорю. У нас все для этого есть»[12].

В 2001 г. в округе завершился процесс закрепления за коренными народами родовых угодий. К этому времени было выделе-

[12] ПМА, 2001 г., г. Ханты-Мансийск.

но 477 территорий, на которых проживают 3610 человек. Общая площадь родовых угодий составляет около 24% всей территории автономного округа. Наибольшее число их приходится на Нижневартовский (142) и Сургутский (107) районы. При этом необходимо учитывать, что 56% площади родовых угодий уже сейчас изъяты для целей недропользования[13]. И этот процесс продолжается. В настоящее время постановлением Правительства автономного округа родовые угодья получили статус территорий традиционного природопользования регионального значения[14]. В округе продолжается работа по правовой регламентации отношений недропользователей и аборигенов.

На родовых угодьях живет часть аборигенов, ведущих традиционный «стойбищный» образ жизни, основанный на оленеводстве, охоте, рыболовстве и собирательстве. Именно традиционный образ жизни оказался в опасности с начала развития здесь нефтяной промышленности в 1960-е годы. Значительные территории были выведены из сферы традиционного природопользования, что привело к изменениям в культуре коренных народов Севера.

Эта группа, конечно, также неоднородна, но ее представителей объединяет стремление *остановить экспансию нефтедобычи на границах своих угодий*. Сегодня их отношения с нефтяниками носят наиболее конфликтный характер. Люди, живущие на стойбищах, в наибольшей степени зависят от последствий нефтяного освоения. Положение некоторых из них является сегодня наиболее драматичным, их морально победили нефтяники. Такие или спиваются, или полностью уходят в «традиционный образ жизни». Особенно это проявляется на реке Пим. Приведу некоторые высказывания, записанные в 2001 г.:

– Чтобы хантам хорошо жилось, не знаю, что нужно, наверное, чтобы нефтяников поменьше было. И если не будет экономического соглашения, мы сможем жить, ведь у родителей не было, а они жили.

– Каждый год новое экономическое соглашение, и они новые объекты ставят. Подписываем после Нового года. С одной стороны, нефтяники нам мешают, с другой стороны, без них трудно. Хотя деньги небольшие. Самое важное, они снегоход дают. У нас машин нет.

– На нашу жизнь они, конечно, плохо повлияли. Рыбаки, охотники у нас лазят. Мешок хлеба оставили на озере – утащили. Из города приезжают. А мы что им сделаем. Они иногда толпой

---

[13] Официальный сайт администрации ХМАО www.admhmao.ru.

[14] О территориях традиционного природопользования. Постановление Правительства Ханты-Мансийского автономного округа от 10.04.2002 г. // Статус коренных малочисленных народов России. Кн. 3. М., 2005. С. 720–721.

приезжают. В администрацию сообщаем, а толку нет. От дороги табличка висит – Родовое угодье, а они все равно ходят.

*– Как положение семьи изменилось – лучше стало. Раньше дороги не было, машин не было. Теперь есть. Раньше олени были. Бензина, конечно, не хватает. Мы не смогли бы без соглашения жить, потому что угодья у нас полностью оккупированы этими нефтяниками. Зверя нету, рыбы нету. Если бы тут не было ни кустов (*месторождений. *– Н.Н.), ни дороги, это бы было другое дело.*

– Нефтяники, конечно, плохо повлияли на нашу жизнь. Они же сами к нам пришли. Я тут родился, вырос. Мы здесь жили спокойно. Тогда здесь ничего этого не было. Никто их не звал. Они все здесь поломали, изрыли землю. Наши ханты у нефтяников не работают.

– Мы должны были подписать соглашение, потому что они нефтепровод провели, когда еще соглашений не было. У нас с ними было соглашение, чтобы они пять лет не работали. Это совместно с комитетом севера договорились. А с этого года работу начали. Соглашение какое было раньше, такое и осталось.

– О депутатах хантах знаю. Но я думаю, что ничего от этого не изменится. Это все искусственно. А мы как живем, так и останемся. Ничего у нас не изменится. Богаче мы не станем. Что мы потеряли, то уже не вернешь. Землю потеряли. И условия жизни и обычай свой. Сами мы это, конечно, сохраняем, все это, и язык, и род в целом. Но богаче не станем жить.

Среди аборигенов много творческих людей, и отношение к нефтяникам они часто выражают в поэтической форме. Их поэзия стала частью современной политической культуры, в данной книге я хочу сказать лишь о поэтическом творческом восприятии нефтяного освоения.

С. Денисламова на мой вопрос о том, как повлияла нефть на их жизнь, сказала:

«*То, о чем мы говорим, нашло отражение во многих моих стихах. 10 лет назад я об этом писала, а потом поняла, что я ничего изменить не могу, дальше у меня стали стихи философские, более внутренние. Сейчас мне уже смешно, но тогда я пыталась что-то сделать, чтобы люди хорошо жили.*

Вот, например, у меня было стихотворение, где есть такие слова:

«Где вы теперь, покорители севера,
Где ваши песни в тайге у огня,
Больше не скажет вам манси – рома
Вы нахватали себе сполна
В недрах пустоты, в тайге – разоренье
Люд мой молчальный с печалью в глазах».

А сейчас я совсем другая стала, я теперь смотрю на это, как на неизбежность».

Создание резкой границы между нефтяниками и коренными народами произошло по многим причинам. Показательной в этом смысле является структура занятости экономически активного коренного населения – лишь около 2% из них заняты в добыче полезных ископаемых[15]. Судя по полевым материалам, количество таких людей уменьшается, так как они чаще всего подпадают под сокращение. На месторождениях работают ханты, но обычно это те, у кого нет оленей и чьи угодья заняты нефтяниками. Они работают сторожами, преимущественно в летнее время, или обходчиками труб. Фактически они работают на своих угодьях и даже стараются заниматься традиционными видами деятельности. Эти люди не имеют специальной подготовки, и их положение в компаниях очень неустойчиво.

Сами аборигены считают работу обходчиков очень важной и говорят, что после сокращений учащаются аварии. Мне приходилось встречать хантов, которые приезжали к руководству НГДУ и сообщали о разливах нефти, не всегда встречая поддержку. На некоторых предприятиях аборигены работают в отделах по коренным народам. В этом случае, получая заработную плату в компании, они оказываются заложниками в аборигенном сообществе. Такая же ситуация складывается, когда у нефтяников работают члены их семей. По словам А.С. Сопочиной:

«*На нефтяных предприятиях ханты, конечно, работают, но их очень мало и обычно те, кто полуобрусел. Обычно они оленей не держат. У них происходит вытеснение традиционных представлений о мире, о себе, о природе. Они начинают себя тоже считать нефтяниками. Очень редко бывает, чтобы человек работал у нефтяников и оставался на своих позициях. Они даже если возвращаются, то не могут жить на родовом угодье. Хотя они на словах якобы защищают права аборигенов. От нефтяной промышленности эффект только наоборот. Как повышается нефтедобыча, хантам только еще хуже. Нефтяники тогда занимают новые площади, но новых экономических соглашений не заключают. Жизнь хантов от этого только хуже становится*».

Я встречалась с хантами, которые, поработав на нефтяном месторождении, переехали в лес и завели оленей. В последние

---

[15] Рассчитано по: Население частных домохозяйств коренных малочисленных народов Севера в возрасте 15–64 лет по видам экономической деятельности по территориям преимущественного проживания КМНС // Коренные малочисленные народы Российской Федерации. Итоги всероссийской переписи населения 2002 года. М., 2005. С. 397–445.

годы в округе развивается частное оленеводство и условия для такой деятельности есть. Но так как сейчас нельзя получить новое родовое угодье и сами территории традиционного природопользования сокращаются, таких людей единицы. Беседы как с нефтяниками, так и с аборигенами в ХМАО свидетельствуют о том, что не стоит ожидать большого увеличения числа коренных жителей, работающих в нефтяных компаниях.

Особенно тяжелое положение нужно отметить у тех хантов, которые ведут хозяйство, максимально приближенное к традиционному. Такие семьи выглядят как картинки из старых книг – традиционное жилище, традиционная одежда, в семье говорят на хантыйском и/или ненецком языке, дети до 9–10 лет, а иногда и позже не знают русского языка. Они считают, что в экономических соглашениях много лишнего, потому что нефтяники все равно никогда их полностью не выполняют. Зачем писать, что ханты поедут лечиться или будут учить своих детей? Этого никогда не будет. Такие разговоры показались мне страшнее пьянства. Ведь это говорил мне ханты, имеющий родовые угодья, хорошую семью и даже умудряющийся ее прокормить. Но у такого человека нет будущего, и он осознает, что у его детей – тоже.

Для аборигенов в современной ситуации важным является вопрос о времени – своем существовании во времени. Они задумываются над тем, кто будет жить на Севере. Многие из них считают, что нефтяники все равно уедут, хотя сейчас и заявляют обратное. Когда я только начинала работать на Севере в конце 1970-х годов, я много беседовала с П.Е. Шешкиным – манси, знатоком аборигенной культуры. Он сказал мне: «*Слово “манси” означает маленький народ, конченный народ*».

Нефтяное освоение привело к тому, что сегодня многие аборигены воспринимают с особой болью именно то обстоятельство, что они вообще исчезнут, причем не только как люди, а как носители определенного знания, в первую очередь о природе. Ханты и ненцы считают, что это их доля на земле – нести эти знания, они – часть их духовной связи с землей и именно эта связь разрывается нефтяниками. В этом они не одиноки, подобные представления характерны и для коренных народов Аляски. В отчете Исследовательского совета Национальной академии, являющейся независимым консультативным научным органом, отмечается: «Дороги, фундаменты, трубопроводы, вездеходные колеи и линии передачи; воздушный, наземный и водный транспорт; работы по бурению; свалки, жилища, перерабатывающие сооружения и другие промышленные инфраструктуры резко снизили возможности для уединения в этом регионе живого существа и сократили эстети-

ческие и рекреационные ресурсы на обширных территориях. Сооружения, установки, а также работы по нефтедобыче нарушают духовное содержание земли – ценность, которая считается некоторыми коренными аляскинцами центральной для их культуры»[16]. Аналогичные мысли высказывают и аборигены в Ханты-Мансийском автономном округе. Именно с землей, природой они связывают сохранение языков и развитие их культуры, именно поэтому те из них, кто задумывается о судьбе своей культуры, так болезненно воспринимают нефтяное освоение на Севере. Характерно, что когда я беседовала в г. Инувике (СЗТ Канады) с директором языкового центра и спросила ее «Что будет с языком, когда заработает проект?», она сказала только: «*Он умрет*».

2. Нефтяники как социально-профессиональная группа

Для антропологического исследования особый интерес представляет вопрос о том, что представляла и представляет собой сейчас группа населения, называемая в данной работе «нефтяники», как профессиональное сообщество и социальная группа. Для рассматриваемой в данной работе проблемы важно учитывать, что для аборигенов существуют нефтяники в узком и широком смысле слова. С одной стороны, это профессионалы, которые работают на одной территории с ними, с другой – это все работающие в отрасли и на отрасль люди, воспринимаемые как «*приехавшее на Север техногенное население*».

Нефтяная разведка в Западной Сибири ведет отсчет с начала XX в. Тогда были обнаружены и зафиксированы в архивах Томского горного управления первые естественные выходы нефти, относящиеся к 1903 и 1911 гг. У истоков промышленной добычи нефти в Западной Сибири столкнулись два направления в геологии: академика И.М. Губкина и профессора К.П. Калицкого. Но до начала 1930-х годов среди геологов не было единого мнения о перспективности работ на Западно-Сибирской низменности. Первые экспедиции были отправлены после 1932 г., когда академик И.М. Губкин выступил на Урало-Кузбасской сессии Академии наук с аргументированным докладом о целесообразности проведения работ в Западной Сибири. Однако борьба геологов и нефтяников, представлявших разные взгляды, продолжалась и позже[17]. Пер-

---

[16] *Ревкин Э.* Эксперты пришли к выводу о том, что нефтедобыча нанесла урон Аляскинскому Северному склону // Новости о природопользовании в тихоокеанском регионе, спецвыпуск № 06-2003.

[17] Западная Сибирь: История поиска. М., 2007. С. 10.

вое нефтяное месторождение было открыто в 1960 г. в Шаиме[18]. С этого времени началось широкомасштабное освоение сибирской нефти. О необходимости установления хоть каких-то отношений с коренными народами Севера заговорили гораздо позже, спустя сорок лет. Хотя еще в 1920-е годы некоторые исследователи писали, что «без ездовых оленей и собак, без опытного проводника-туземца должно остановиться наше исследование Севера и открытие в нем новых горных богатств»[19]. До открытия нефти нельзя было даже предположить, как могут складываться отношения с местным населением.

Необходимо отметить, на каком фоне складывалось и развивалось нефтяное освоение в СССР. В Ханты-Мансийском округе был осуществлен совместный проект газеты «Новости Югры», Музея геологии, нефти и газа и окружного архива «Западная Сибирь: история поиска». В рамках его выполнения опубликованы некоторые материалы Российского государственного архива экономики. В архиве хранится множество писем граждан из различных регионов, которые сообщали о своих находках «выходов нефти». В 1930–1940-е годы в стране сложилось целое патриотическое движение по поиску нефти. В наркомате нефтяной промышленности была составлена даже специальная памятка-инструкция для исследования нефтяных пленок. Приведенные в публикации отрывки из писем показывают, что население видело в нефти гарантию развития, что усилилось после окончания войны[20]. Местные краеведческие общества на Урале брали на себя обязательства организовать сбор сведений обо всех проявлениях нефти и газа.

В подготовленной ими информации для населения указывалось: «всякое открытие нефти даст не только высокое моральное удовлетворение открывателю, но и повлечет за собой вознаграждение того края, где будет найдено нефтяное месторождение. Помимо этого, постановлениями правительства предусмотрена выдача вознаграждения за подобные открытия в сумме до 10 000 рублей»[21]. Эти материалы являются еще одним свидетельством отношения к нефти в стране, причем с открытием месторождений в Западной Сибири подобные настроения получили новый импульс.

С приходом нефтяников в Ханты-Мансийском округе резко изменилась демографическая ситуация. В Сибири в то время не

---

[18] Нефть Сибири. М., 1973. С. 33–42, 46.

[19] *Крылов А.* Проблема развития горного дела на Советском Севере // Северная Азия. 1925. Кн. 5–6. С. 20.

[20] *Патранова В.* Нефтемания в СССР // Новости Югры, 22.11.2005.

[21] ГА ХМАО. Ф. 1, оп.1, д. 78, лл. 33–35, цит. по: Западная Сибирь: история поиска. 1900–1940. Ханты-Мансийск; Екатеринбург, 2005. С. 75–76.

было своих специалистов, они приезжали из других районов, в первую очередь из Азербайджана и Поволжья. Первый набор студентов в Тюменский индустриальный институт (ныне Тюменский государственный нефтегазовый университет) состоялся в 1964 г.

«Алгоритм попадания на работу в Западную Сибирь был примерно один и тот же. Сначала в Тюменскую область поехали так называемые тюменские фанатики… Мотивация была примерно следующая: желание открыть за Уралом несметные богатства углеводородов, с тем чтобы принести ощутимую пользу стране и сказать новое веское слово в своем деле… Дальнейшее привлечение кадров в Тюмень целиком ложилось на плечи первопроходцев – писали письма или звонили своим товарищам, с которыми учились или вместе работали». Существенным обстоятельством были и северные надбавки, которые привели к тому, что зарплаты тюменских нефтяников были существенно выше, чем в среднем по стране, здесь также было больше возможностей для карьерного роста[22].

Причины их приезда на Север были различными, некоторые авторы, ссылаясь на воспоминания нефтяников, пишут, что многие из них были романтиками. Вот, например, как вспоминает этот период своей жизни один из них, работавший на Ямале (подобные настроения были и в Ханты-Мансийском округе): «Моя мотивация – это все вместе взятое – неосознанное влечение к открытиям, красотам, которые расписывались знакомыми, патриотические чувства. Очень хотелось принести пользу и очень хотелось, чтобы страна тебя узнала. Причем это было не какое-то тщеславие. Нет. Хотя, на самом деле, я в тщеславии ничего плохого не вижу. Меня больше, чем прибавка или денежная премия, волновали грамоты, значки какие-нибудь. Я им очень радовался»[23]. Конечно, нужно учитывать, что это воспоминания человека о своей молодости. Он же приводит и интересные сведения о рабочих геофизической партии, в которой он работал: «Костяк составляли механизаторы (трактористы, водители). Этот костяк держался. Иногда работали и семьями. Довольно постоянными были бригады буровзрывных рабочих. Из строителей было много украинцев и молдаван. Текучка была, но маленькая и, как правило, на тяжелой работе. Да и климат был суровый. В сейсмобригадах было 2–3 человека постоянных. А остальных набирали из числа бичей, которые формировали массовку таких городов, как Тюмень, Сургут, Томск…

---

[22] *Славкина М.В.* Триумф и трагедия: Развитие нефтегазового комплекса СССР в 1960–1980-е годы. М., 2002. С. 89–90, 99; Нефть Сибири. М. 1973. С. 233.

[23] Из интервью с В.Е. Зиньковским, цит. по: *Славкина М.В.* Указ. соч. С. 204–205, см. также с. 42–50.

Бич расшифровывался как бывший интеллигентный человек. Это были люди, зарабатывавшие деньги, а затем принципиально их проматывающие и пропивающие в свободное время. Среди них было очень много интересных людей. У меня, например, пару сезонов бичевали несколько поэтов. Это была некая русская разновидность хиппи. У нас в России-то особенно не похиппуешь, прохладно, а бич – другое дело»[24]. Интересно, что и аборигены вспоминают о первых геологах, нефтяниках, которых они часто не разделяют, как о романтиках с гитарами. Нефтяники, с которыми я беседовала в 1990-е годы, уже не так романтичны, но и для них характерна героизация, т.е. презентация своей профессиональной группы как не только людей, работающих за зарплату, но и выполняющих особую миссию на Севере. Некоторые исследователи отмечают, что для первых геологов был характерен авантюризм, когда решения принимались в соответствии с личными амбициями и благодаря недостаточному контролю, в частности так описывает некоторые шаги одного из знаменитых сургутских нефтяников Ф.К. Салманова[25].

В литературе по истории нефтяного освоения часто описывается героический подвиг нефтяников, в тяжелых климатических условиях осваивающих нефтяные месторождения. Некоторые факты долгое время оставались малоизвестными, так как показывают чудовищные недостатки общей системы работы нефтяной отрасли. Одним из таких фактов является пожар на Самотлорском месторождении недалеко от г. Нижневартовска в 1973 г., где добыча шла с опережением планов и нарушением технологии и техники безопасности. Руководители предприятия были осуждены судом, но трагедия в результате которой погибли люди, замалчивалась, насколько это было возможно, даже в городе. Действительные причины случившегося ни государственная комиссия, ни суд не стали разбирать, как пишет В. Патранова: «иначе пришлось бы посадить на скамью подсудимых саму Систему, которая не оставляла руководителям выбора: или добывать нефть, или соблюдать технику безопасности»[26].

Самотлорское месторождение часто становилось темой моих бесед в округе, многие инженеры отмечали, что в 1970-е годы не было технологий для работы на этом богатейшем месторождении, говорят также о том, что оно было погублено неправильным освоением. При этом сегодня все подчеркивают, что это не повторится. Хотя мы знаем, что даже если нефтяные работы не

---

[24] Там же. С. 207.
[25] Западная Сибирь: история поиска. 1940–1975 годы. С. 108–112.
[26] Там же. С. 162–168.

приводят к таким человеческим жертвам, то экологический и экономический ущерб сопровождают развитие нефтяной промышленности. Оценка же героизма нефтяников в связи с этим носит амбивалентный характер.

Природные условия этого края с обилием рыбы и зверя были также привлекательными для многих мужчин, приехавших сюда работать. Все эти обстоятельства привели к тому, что за период 1965–1989 гг. население Тюменской области увеличилось в 2,5 раза, в ХМАО – в 10 раз. При этом различные категории населения формировались в различных условиях социокультурной среды и преследовали определенные и не во всем совпадающие текущие и долгосрочные цели[27]. Оказавшиеся в новых, климатически тяжелых условиях жизни приезжие столкнулись также со многими бытовыми проблемами. Развитие инфраструктуры и строительство жилья не успевали за ростом населения. Очень скоро стал сказываться разрыв между заработками и условиями жизни, когда люди не могли за свои деньги обеспечить достойное жилье, обучение, отдых для своих семей.

В начале 1990-х годов происходили открытые конфликты между нефтяниками и органами власти, причем высказывались претензии именно в адрес правительства. Одна из таких конфликтных ситуаций возникла в феврале–марте 1990 г. в п. Пойковский. Поводом послужило убийство шестилетней девочки пьяным вахтовиком. Причины же складывались в течение длительного времени: проживание части населения в непригодных для жилья помещениях, школа в аварийном состоянии, отсутствие нормального продовольственного снабжения, безработица среди женщин трудоспособного возраста. Конфликт развивался так: прошли конференции трудового коллектива ПО «Ноябрьскнефтегаз», представителей коллективов ПО «Нижневартовскнефтегаз» с требованиями в адрес правительства; в марте – совещание у Председателя Совета министров, многочисленные заседания в области по различным профсоюзам, связанным с нефтегазодобывающими предприятиями.

Стихийные выступления специалистов среднего звена прошли и на предприятиях Нижневартовского объединения нефтедобычи. Причиной послужило возбуждение персональных уголовных дел, связанных с загрязнением окружающей среды из-за аварий. Недовольство нефтяников вызывали их низкие, по сравнению с доходами в кооперативах, заработки. Они выдвинули требования: немедленно закрыть уже ведущиеся уголовные

---

[27] *Чудновский Г.Л.* Концепция гуманитарно-экономического развития крупного нефтегазодобывающего региона. М., 1992. С. 38–39.

дела, повысить зарплату. Угрожали перекрыть все аварийные трубопроводы, оставить промыслы без специалистов, в полном составе подав в отставку. Местное руководство попыталось нейтрализовать конфликт. Оценивая борьбу нефтяников, можно согласиться с мнением Г.Л. Чудновского, что в ней проявились «мигрантская структура населения северных регионов, многолетние слабые связи нефтяников с коллективами других отраслевых предприятий, созданные правительством стереотипы у нефтяников о их единственной, центральной роли в регионе. Требования нефтяников нельзя считать квалифицированными и гуманитарно направленными, так как значительную часть интересов других, не входящих в нефтегазовые коллективы людей они не охватывали»[28]. В этот период было еще слишком слабое регламентирование экологических последствий промышленной деятельности, а нефтяники ставили себя выше органов власти, настаивая на своей безнаказанности. Впоследствии ситуация изменилась, но отголоски таких настроений наблюдаются в нефтяных компаниях и поныне.

Аборигенные пикеты на дорогах были выставлены в октябре 1990 г. (в районе Радужного). Причинами их явились варварское уничтожение оленей, захват земель обманным путем, обворовывание стойбищ работниками промышленных предприятий, помощь предприятий, не доходящая до конкретного охотника, оленевода, рыболова[29] .

Таким образом, в начале 1990-х годов в Ханты-Мансийском округе сложилась конфликтогенная ситуация, когда уже всех участников отношений коренные народы–нефтяники–власть не устраивало существующее положение, оно должно было измениться. Вместе с тем именно в эти годы нефтяники приобрели огромный общественный вес и у них сложилось устойчивое представление о своей исключительной роли в развитии страны, а заодно и коренных народов Севера, которое в последующие годы лишь укреплялось.

Политика государства в отношении нефтяного освоения была направлена на получение сиюминутной выгоды, а не на длительную перспективу. В конце 1970-х – начале 1980-х годов у руководства страны сложилась негативная практика добычи нефти, превышающей разумные масштабы. В.И. Грайфер – бывший заместитель министра нефтяной промышленности – начальник Главтюменьнефтегаза (1985–1989 гг.) так характеризует этот

---

[28] Там же. С. 222–231.

[29] Там же; *Айпин Е.Д.* Чум на дороге раздора // Обреченные на гибель. М., 1994. С. 40–46.

период: «*Именно тогда с легкой руки некоторых наиболее видных первооткрывателей тюменской нефти партийные органы и руководство страны стали делить нефтяников и экономистов на "пессимистов" и "оптимистов". "Оптимисты" должны были соглашаться с любыми плановыми заданиями по добыче нефти. Главным аргументом стал колоссальный потенциал Западно-сибирского нефтегазоносного бассейна. "Пессимисты" указывали, что для реализации этого потенциала нужны огромные финансовые, трудовые и материальные ресурсы. А все это было в большом дефиците. Прослыть "пессимистом" было очень опасно. Не "враг народа", но заведомый конец карьеры*»[30].

Многие нефтяники уже тогда правильно оценивали недальновидную политику государства, но чаще всего мало что могли в ней изменить, а это пагубно сказывалось на их судьбах и их мировоззрении. Судя по литературе, описывающей ситуацию тех лет, нефтяникам-инженерам приходилось подчас работать не так, как диктовал им их профессиональный долг. Вместе с тем профессионализм, умение внедрять нестандартные разработки ценились очень высоко[31]. Сами нефтяники считали и считают сейчас, что нефтяное освоение стало возможным благодаря их самоотверженному труду в экстремальных природных условиях Севера.

Профессиональные знания как фактор выделения группы

Первоначально профессионализм высоко ценился только внутри нефтяного инженерного сообщества, но впоследствии, когда стали постепенно выстраиваться отношения с коренными народами, аборигены также положительно относились к тем нефтяникам, в которых они видели профессионалов. При анализе групп людей их профессиональные знания являются важной частью дискурса. Т.Б. Щепанская рассматривает профессиональные знания как основу власти группы. Она отмечает, что «логика профессиональных субкультур – это логика власти: ее достижения, удержания и осуществления. Отсюда характерные для многих профессиональных традиций элитизм, культивирование ощущения избранности, мотивы мистического откровения и эзотерического знания. Субкультура профессионалов фиксирует в своей символике, мифологии и обычном праве механизмы осуществления власти, а также ее фиксации, легитимации, сакрализации, монополизации, трансляции в рамках конкретного социального института»[32].

---

[30] Цит. по кн.: *Славкина М.В*. Триумф и трагедия. С. 192–193.

[31] *Буксина О.В*. Владимир Филановский-Зенков. М., 2003. С. 109.

[32] *Щепанская Т.Б.* Антропология профессий // Журнал социологии и социальной антропологии, 2003. Т. VI, № 1. С. 145.

В моих беседах с работниками нефтяной отрасли они обычно подчеркивают необходимость специального нефтяного образования для всех, работающих на месторождениях и имеющих дело с техникой. Причем в последнее время в нефтяных журналах стали появляться статьи о необходимости усиления экологического образования нефтяников и газовиков. Экологическому образованию в отрасли в настоящее время приходится решать и задачи прошлого, когда охране природы и рациональному природопользованию придавалось очень мало значения. Это в значительной степени было связано с убежденностью в том, что «наша страна обладает несметными природными богатствами и они избавляют нас от заботы об их экологическом использовании»[33].

Первоначальный портрет сургутского нефтяника в конце 1950-х годов по архивным данным представляется так: русский мужчина в возрасте 28 лет, беспартийный, имеющий начальное или общее среднее образование. В целом 45% работников были моложе 30 лет. В составе Сургутской нефтеразведки трудились представители 21 национальности, но 86% составляли русские[34]. В настоящее время в нефтяных компаниях делается ставка на специальную подготовку сотрудников для работы в нефтяной отрасли, большинство из которых имеют высшее или среднее специальное образование. Так, в компании «Сургутнефтегаз» 41,7% сотрудников компании имеют высшее и среднее профессиональное образование, 116 человек – ученую степень[35]. Сами нефтяники, особенно руководители – начальники цехов, инженеры подчеркивают значение профессиональной подготовки работников и отмечают, что культура труда и экологическое сознание выше у тех, кто постоянно живет и работает на Севере, по сравнению с вахтовиками. Большинство нефтяников, у которых я брала интервью, подчеркивают высокий профессиональный уровень своих компаний. Интервью с одним из инженеров на Тянском месторождении (Сургутский район ХМАО) является в этом смысле типичным:

«*Мы каждый день ездим из поселка на работу, работаем без выходных. Нужно, значит нужно. Проблем на работе всегда много. Мы курируем работу всех объектов, которые здесь находятся. У нас состав небольшой, уже определился. Мы принимаем все работы, очень большое внимание уделяем качеству работ. Очень высокие требования к качеству строительно-монтажных*

---

[33] *Сергеев Ю.В., Каримов А.Б., Еремина И.Ю.* Концепция формирования экологического сознания работников // Газовая промышленность. 2005. № 8. С. 37–38.

[34] Западная Сибирь: история поиска. 1940–1975 годы. С. 113.

[35] Данные 2010 г.: www.surgutneftegas.ru

работ. Мы не только сегодня должны добывать нефть, но и все работы строительные здесь курировать, и транспорт, и всех смежников, мы должны успевать везде, а кроме всего прочего, работать еще и с хантами.

Я работаю уже в нефтяной промышленности 30 лет, за плечами определенный опыт. Мы предъявляем свои требования к рабочим, которых берем на работу, многие из них имеют высшее образование, большой опыт работы. Все, что есть сегодня в нефтяной промышленности, есть у нас. Техника в основном импортная. Если на гости посмотрите, скажете, это действительно так. Это полигон. Все виды эксплуатации. По Тяну заложен определенный процент запаса надежности. Проложена труба с внутренним полимерным покрытием, она не поддается коррозии».

И какой же ужас и гнев читался на лице этого инженера, когда он увидел, капающую из трубы нефть на месторождении. Его высказывания о профессионализме нефтяников были искренними, но не всегда соответствующими действительности. Но в ходе полевых исследований я неоднократно сталкивалась с ситуацией нескрываемого пренебрежения экологическими нормами со стороны нефтяников, что часто является следствием их представления об избранности, а значит и безнаказанности. Знания об экологических последствиях их деятельности при этом часто не рассматриваются работниками компаний как часть «профессионального багажа».

Исследователи отмечают определенную узость рынка рабочей силы в нефтяной отрасли, особенно в высшем управленческом звене, большую роль личных связей. В этой отрасли очень сильно развиты корпоративные настроения. Так, один из экспертов отмечает: «У нефтяников (как я знаю из своего опыта) считается, что лучше я отдам хорошего специалиста даже в конкурирующую компанию. Иначе, еще не известно, кого они возьмут, а взяв не того человека, могут испортить весь наш общий, так тесно связанный между собой бизнес»[36]. Важно отметить, что в Кодексе профессионального инженера, принятом Российской общественной организацией инженеров нефти и газа, среди обязанностей ее членов отмечается требование «не принимать участия в работах, которые могут вызвать столкновения интересов заказчиков, не предупредив их об этом»[37]. Конечно, необходимо учитывать, что все декларируемые выше нормы «обычного права нефтяников» носят модельный и декларативный характер, но они свидетель-

---

[36] *Барноходжаев Р.* Кадры, как всегда, решают многое, если не все // Нефтегазопромысловый инжиниринг. 2005. № 3. С. 36.

[37] Сайт РОСИНГ www.rosing.ru

ствуют о постепенной эволюции взглядов нефтяников, когда в конструируемом ими знании большее внимание стало уделяться этическим вопросам.

В нефтяных компаниях много делается для поддержания высокого уровня оплаты труда, обеспечения социальной защищенности работников. Те инженеры, с которыми мне приходилось беседовать, подчеркивали, что они именно поэтому дорожат своей работой. Благодаря этому стало возможным использовать угрозу увольнения как регулятор отношений с аборигенами, хотя из-за недостаточного контроля со стороны руководства компании и «мягкой» позиции аборигенов она не всегда оказывается достаточно эффективной.

Нефтяники, как и всякое производственное сообщество, создают не только физические реальности, но и социальные, которые оказываются очень важными не только для них, но и для всего окружающего населения на Севере. Как отмечает П. Романов, «Концепт “трудовой коллектив” за советский период успел превратиться в нормирующую идеологему, став особым символом советских производственных отношений. Это понятие скрывало в себе уникальное, сложное и во многом еще не до конца раскрытое содержание, характеризующее определенный тип организационной культуры. Роль предприятия в жизни советского человека была огромной. Кроме источника социальных благ и заработной платы, трудовая деятельность в организации являлась мощным инструментом социального контроля и источником самоидентификации, маркером политической лояльности»[38]. Еще в большей степени это применимо к нефтяной компании в Западной Сибири, которая является действительно единственным местом работы, причем работы, дающей возможность поддерживать высокий уровень жизни. Приведу отрывок из интервью В.Л. Богданова – генерального директора ОАО «Сургутнефтегаз» газете «Коммерсант»:

– После 24 лет руководства компанией не задумываетесь о том, чтобы отойти от оперативного управления? Ведь сейчас руководителям крупных компаний приходится заниматься еще и политикой, например, покупать медийные активы...

– Политикой мы никогда не занимались и не занимаемся. А покупки – это бизнес: что-то покупаем, что-то продаем. На отдых я пока не собираюсь: есть силы, есть желание работать, есть азарт, если хотите. «Сургутнефтегаз» для меня, как и для многих моих коллег, это не просто место работы, это образ жизни[39].

---

[38] *Романов П.В.* Социальная антропология организаций. Саратов, 1999. С. 75.
[39] *Ребров Д.* «Коммерсантъ – DAILY», 29.04.2008.

На Круглом столе в Совете Федерации Федерального Собрания Российской Федерации «Проблемы законодательного обеспечения развития традиционных отраслей хозяйствования коренных малочисленных народов Севера, Сибири и Дальнего Востока Российской Федерации» (27. 11. 2003 г.) руководитель комитета по делам Севера и малочисленных народов Г.Д. Олейник пошутил, сказав: «Неужели наша страна и наша промышленность со всей своей мощью не смогут решить проблему, если на пути промышленного освоения окажется стойбище, да договорятся нефтяники с аборигенами».

Особенность нефтяной отрасли заключается в том, что она придает устойчивость не только тем, кто непосредственно занимается ее добычей, переработкой и реализацией, но и самой власти. Стремление к сохранению «нефтяного соло» в бюджете и привело в значительной степени страну и живущие в ней коренные народы Севера к ее нынешнему положению.

На что же тратились нефтяные деньги и как цены на нефть и ее продажа повлияли на ситуацию в Ханты-Мансийском автономном округе? Все исследователи, публикации которых мне известны, отмечают непрозрачность этой информации не только для общества, но и для специалистов[40]. В интервью, данном мне одним из крупнейших российских экологов, в то время занимавшим пост председателя Межведомственной комиссии по экологической безопасности Совета Безопасности РФ, А.В. Яблоковым, он сказал: «Думаю, что, так же как в алмазном бизнесе, в нефтяном бизнесе очень велик теневой элемент. Большая часть экологических безобразий может быть связана с этим. Говорят, в 1992 году было выдано лицензий на экспорт нефтепродуктов больше, чем было их официально произведено. Говорили: “Смотрите, какой беспорядок с выдачей лицензий!” А может быть, беспорядок в контроле за добычей нефти? Может быть, добыли в два раза больше, чем в статистике отразили?»[41].

Эта ситуация в значительной степени сохраняется и поныне. Так, Р. Храмов (в рассматриваемый период председатель подкомитета по углеводородному сырью Комитета по природным ресурсам и природопользованию Государственной думы) отмечал «своеобразные традиции советской геологической школы, суще-

---

[40] *Славкина М.В.* Триумф и трагедия. С. 113–131; *Кулешов В.В., Крюков В.А*. Экономическое развитие Западной Сибири в XX веке. Новосибирск, 2000. С. 36 и др.

[41] Нам бы лет на 20 заглянуть вперед. Интервью с А.В. Яблоковым // Северные просторы. 1995, № 4–5. С. 21–22.

ствующие и по сей день. Взять хотя бы классификацию запасов нефти. В США считают только разведанные и доказанные запасы, т.е. те, которые можно рентабельно изъять при существующих технологиях. В России, как и в советские времена, учитывают неоткрытые запасы, предварительно оцененные, и все это без каких-либо оговорок суммируется. В результате возникает иллюзия сказочных углеводородных богатств России. Использование данных методик породило целую плеяду ученых и специалистов, получивших многочисленные премии и ордена»[42]. В литературе отмечается, что значительная часть нефти продавалась по ценам ниже мировых по политическим соображениям. Но самое главное – на что тратились эти деньги. Сибирская экономика в форме экономической ренты выполняла роль «генератора» чистого дохода в стране. Она может быть получена только в случае благоприятного сочетания ценовой конъюнктуры условий освоения и разработки ресурсов, что означает не только ее временный характер, но и хрупкость и неустойчивость структуры региональной экономики, основанной на преимущественном извлечении из недр эффективных полезных ископаемых[43].

Вопрос о том, на что шли и идут нефтяные деньги, является важным для рассматриваемой темы. Исследователи по-разному оценивают вклад нефтяников в сохранение режима в годы застоя и развитие страны в период перестройки. Добыча нефти в арктических и субарктических районах России не только оказала существенное влияние на образ жизни коренных народов Севера, но и существенно повлияла на власть, ее приемы и методы.

В литературе и политике сложилось мнение о существенном влиянии нефтяных компаний на политику страны из-за того, что благодаря им на 60% наполняется бюджет страны. Нефтяные и газовые компании в последние годы все активнее делегировали своих представителей в органы законодательной власти на уровне РФ и северных регионов. В выборах в Государственную думу 1999 г. приняли участие более 90 представителей предприятий этой отрасли, в том числе 43 от нефтяных компаний и 14 газовиков. По итогам выборов в Думу прошли представители ЮКОСа (3 человека), ЛУКОЙЛа и ТНК (по 2 человека), «Роснефти», «Транснефти», Сургутнефтегаза и др.[44].

---

[42] Нефть и жизнь. № 5(11), сент.-окт. 2004.

[43] *Кулешов В.В., Крюков В.А.* Экономическое развитие Западной Сибири в XX веке (дискуссионные материалы). Новосибирск, 2000. С. 37–38.

[44] Независимая газета. 1999, 20 ноября, цит. по: *Чумалов М.Ю.* Каспийская нефть и межнациональные отношения. М., 2000. С. 176.

Некоторые авторы, в частности А.Б. Василенко, обосновывают место и роль нефтяных компаний вертикально-интегрированного типа в российской политике ходом политических и экономических реформ в России. Он пишет: «С самого начала перехода к рыночным отношениям нефтепромышленность объективно оказалась втянута в большую политику. От эффективности ее работы во многом зависела судьба демократических и рыночных преобразований. Отрасль оказалась своеобразным "донором" реформ, во-первых, обеспечив бюджет и страну в целом валютными поступлениями от продажи нефти за рубеж, и, во-вторых, снабдив экономику относительно дешевыми и доступными энергоресурсами». Этот автор отмечает, что «присутствуя в политической жизни, нефтяные компании выполняют функции, работающие на демократию. Они способствуют сохранению некоторого баланса между государственными и негосударственными структурами, развитию начал политического плюрализма[45].

Необходимо иметь в виду, что точка зрения, сформулированная данным автором, является выражением распространенного, хотя и не единственного взгляда на рассматриваемую проблему. С этим высказыванием трудно согласиться, так как известно, что нефть стали добывать еще с 1960-х годов, и существует мнение о том, что именно нефтедоллары и обеспечивали застойный характер развития страны. Кроме того, неоднозначной является и роль нефтяной промышленности в вопросе развития страны только за счет продажи ресурсов. В определенном смысле можно говорить о нескольких кризисных моментах в развитии страны, в частности северных регионов, под влиянием нефтяного освоения.

В первые десятилетия нефтяного освоения именно за счет полученной от продажи нефти валюты (в 1975 г. 90,4%) покупалось продовольствие, что позволяло не только избежать социального взрыва, но и сохранять пагубное для страны положение сельского хозяйства. Само существование такой «поддержки» со стороны нефтегазового комплекса создавало возможности для руководства страны не осуществлять экономические реформы[46].

В 1970-е годы Советский Союз становится мировым лидером в добыче углеводородного сырья, но тогда же укрепился порочный стратегический курс разработки нефтяных месторождений без учета длительной временной перспективы. «Суть его состояла в том, что основная ставка продолжала делаться лишь на круп-

---

[45] *Василенко А.Б.* Российские нефтяные компании в политических процессах переходного периода. Автореф. дисс. на соискание ученой степени доктора политических наук. М., 1997. С. 11–12, 32–34.

[46] *Славкина М.В.* Триумф и трагедия. С. 142–153.

нейшие уникальные месторождения, которые разрабатывались сверхинтенсивными, порой варварскими методами с превышением всех разумных темпов отбора нефти». Для того чтобы предотвратить сокращение добычи нефти в последующие годы, потребовалось ежегодное введение в строй большого количества новых, уже не столь богатых месторождений[47]. Политика, основанная на нефтяном освоении и питающаяся этим освоением, в значительной степени поддерживала «развитой социализм», что отмечали многие авторы со времен начала перестройки[48]. Общераспространенным является мнение о том, что влияние нефтяников на политику страны основано на их экономическом, а в последние годы и финансовом могуществе. Пишут даже об «олигархической модели экономики», а в списках самых богатых людей страны часто фигурируют генеральные директора компаний.

Во время полевых исследований в округе я часто сталкивалась с тем, что система организации власти в маленьком поселке, районе, городе строится так, что принятие решений зависит не от официально выбираемого руководства, подчас даже не от главы администрации или муниципального образования, а от представителей нефтяной компании, которые обладают реальными рычагами власти – деньгами. Для населения такая система означает, что со всеми своими проблемами они чаще обращаются к нефтяникам или непосредственно, или через соответствующие отделы администрации.

Это вызывает разные реакции, иногда главе муниципалитета приходится подшучивать над такой ситуацией, говоря в неформальной обстановке о власти мафии, чаще ее пытаются замалчивать. И в этом смысле Ханты-Мансийский округ не является чем-то особенным. Мы видим процессы, сходные с тем, что происходит в центре. Там, по обоснованному мнению О.В. Крыштановской, сложилась «“стратегическая элита”, группы, допущенные к принятию ключевых решений, которые оставались не институционализированными, недоступными общественному контролю и не имели официального статуса»[49]. Мое исследование строилось на изучении различных аспектов деятельности компаний на основании личных встреч с их работниками преимущественно среднего звена, мне удалось лично встречаться и беседовать лишь с некоторыми директорами НГДУ, поэтому интересно использовать данные о вершине этого айсберга, приведенные в книге О.В. Крыштановской «Анатомия российской элиты», тем более что в этом

---

[47] Там же. С. 77–79.
[48] *Казаков Ю.* Хождения в Югру. Тюмень, 1993. С. 88.
[49] *Крыштановская О.В.* Анатомия российской элиты. М., 2005. С. 261.

исследовании часто применялись этнографические методы. Она пишет о формировании в стране олигархии, когда «государство и капитал сотрудничают настолько тесно, что подчас трудно отличить чиновника, курирующего бизнес, от предпринимателя, вхожего в кремлевские коридоры. Чиновники состоят на службе у крупных бизнесменов, получая регулярное вознаграждение из их рук, а бизнесмены зависят от чиновников, так как их финансовое благополучие строится на привилегиях. Эти две группы имеют общие интересы, общее понимание стратегии развития страны, часто – общее номенклатурное происхождение. Бизнес-элита была зависима от государства, так как существовала во многом благодаря льготам и привилегиям»[50].

На уровне округа «ойлизм» как слияние государственной власти и промышленных компаний особенно ярко проявился в политике регионального правительства и составе Думы автономного округа. Особенно показательным является состав Думы третьего созыва (работавшей до 2006 г.), депутаты которой, работающие в нефтегазовой промышленности, составляли 64% (16 человек из 25) и в которой не было ни одного депутата, представляющего сферы образования, здравоохранения, культуры и т.д. Дисбаланс социального представительства был бы, вероятно, еще большим, если бы не квотное представительство аборигенов. Их в этом составе Думы – 4 человека. Дума IV созыва состояла из 28 человек, из которых 14 (50%) работали в нефтегазовой отрасли, 3 депутата – аборигены[51]. В исполнительной власти Ханты-Мансийского автономного округа пока остается старая элита, в отличие от многих других субъектов федерации[52]. При этом для некоторых чиновников законопослушность кончается там, где начинается нефтяной интерес. В беседе с одним из высокопоставленных работников администрации округа я услышала: «*Вы что же считаете, что если заповедник, то и нефть добывать нельзя*?».

Кроме того, важным является разграничение государственного, общественного и частного интереса в политике и жизни с точки зрения отдельного человека, защиты его прав и удовлетворения его потребностей. При этом представляется очевидным, что если государственные предприятия в лучшем случае заботились о своих работниках, а не обо всем населении, то тем более это характерно для частных и акционерных компаний. В отношении же коренных народов особую опасность представляет передача всех

---

[50] Там же. С. 329–330, 332.
[51] Подсчеты произведены по данным сайта www.admkhmao.ru
[52] *Крыштановская О.В.* Анатомия российской элиты. С. 357.

полномочий в решении социальных вопросов от органов власти нефтяным компаниям. Неслучайно родилась шутка о названии округа – «Ханты-Мансийский акционерный округ». В данном случае для нас представляет интерес даже не то, как реально нефтяники влияют на власть, а то, как они и аборигены представляют это влияние и как на основании этого они обосновывают свои притязания на ресурсы. ХМАО в этом смысле демонстрирует возможную модель развития и других нефтяных регионов страны.

3. Зарубежные и отечественные компании, работающие в Ханты-Мансийском автономном округе

В середине 1990-х годов я имела возможность беседовать с работниками транснациональной компании АМАКО, которая планировала работать на Приобском месторождении. Они устраивали встречи с аборигенами, и в один из моих приездов активисты пригласили меня пойти вместе с ними. Нефтяники довольно напряженно восприняли мое участие в их встрече, вероятно, по своему предыдущему опыту не ожидая ничего хорошего от антрополога. Вместе с тем у западных компаний существует большой опыт работы в регионах, где проживают коренные народы, тем более что на этот счет существуют инструкции финансовых организаций. Работники АМАКО вели себя нарочито любезно, они организовали большую рекламную компанию в округе для привлечения общественного мнения, в том числе и аборигенов, в союзники. Приступая к деятельности в округе, американская фирма АМАКО заявила о своем большом опыте в установлении партнерства с коренными народами[53].

Однако реальное воплощение в жизнь принципов деятельности компании можно видеть на примере соглашения с семьей Вэнго, родовое угодье которых попадало на территорию Приобского месторождения. С ними было заключено соглашение «На участок 33 436 га, расположенный на родовом угодье, сданный в бессрочное пользование» на следующих условиях:

«1. Временно срочно установить в узел связи радиостанцию “Карат”.

2. Срочно предоставить электростанцию.

3. Завезти муку – 8 мешков, сахар, чай.

4. Батарейки круглые – 8 штук.

---

[53] Компания АМАКО // «Стерх». 1993, 1(3). С. 33–36.

С условиями согласен Вэнго».

Договор в таком виде был подписан без участия администрации, в нем нарушались статьи «Положения о статусе родовых угодий в Ханты-Мансийском автономном округе», которое действовало в тот период. Это соглашение показывает, насколько несовершенен механизм выполнения решений окружных органов власти и как нефтяные компании пользуются этим, а также тем, что аборигены не обладают достаточными юридическими знаниями и легко верят на слово. В результате 8 круглых батареек оказываются эквивалентными нынешнему и будущему благосостоянию семьи. Приобское месторождение должно было разрабатываться фирмой АМАКО совместно с Юганнефтегазом, представители последнего и подписали данный договор. Этот договор был перезаключен благодаря вмешательству Комитета Севера Ханты-Мансийского района, но он достаточно ярко показывает отношение компаний к аборигенам.

В начале 1990-х годов отсутствие законов и судебной практики приводило к достаточно циничным, на мой взгляд, заявлениям нефтяников, что жизнь аборигенов не их дело, так как в стране нет правовых механизмов регулирования этой проблемы. Более того, на мой прямой вопрос, в чем же заключается программа их работы с коренными народами, представитель компании сказал, что, так как в России нет закона, по которому западные компании должны что-то делать для аборигенов, все претензии мы можем предъявлять своему правительству. Свою задачу он видит в том, чтобы «объяснять коренным народам, что компания будет делать в округе, то есть добывать нефть».

Такая позиция являлась определяющей для фирмы АМАКО. И ее представители считали, что это достаточно обоснованно. Так, Пэгги Крэндон, которая занималась координацией отношений компании с местными жителями, считала вопрос «А что нам дадут нефтяные компании?», который периодически возникал у аборигенов в связи с Приобским месторождением, потребительским. Ее ответ на этот вопрос весной 1996 г. точно воспроизводит то, что я услышала на встрече с руководителями компании в конце 1994 г. – «Компании вкладывают деньги и силы, работают для того, чтобы получать прибыль. А вот заботиться о местном населении должна местная администрация. Ведь она будет получать свою долю налогов – пусть эти деньги и распределяются наиболее рациональным образом. Самый главный наш принцип – не обещать больше того, что реально можно сделать, не заигрывать с людьми. Этого принципа мы всегда придерживаемся»[54].

---

[54] ЮКОС информ. 1996. 3 (19), март. С. 7.

Работники компании встречались с представителями коренных народов, но такие встречи были скорее данью созданию образа «доброго бизнесмена». И надо отметить, что на некоторых аборигенов это производило благоприятное впечатление. Этому способствовало и то, что многие из них не знали действительных обязанностей западных фирм (в том числе АМАКО), работающих в нашей стране при финансовой поддержке Всемирного Банка, у которого существует специальная политика в отношении коренных народов.

Таким образом, рассмотрение позиции западных компаний на примере фирмы АМАКО показывает ее небезупречность в политико-правовой и нравственной сферах. Что касается экономической выгоды от разработки этого месторождения для страны, то интерес представляет схема распределения доходов от разработки Приобского месторождения. Стоимость добытой нефти должна была составить 170 млрд долл., из которых в федеральный бюджет и бюджет автономного округа поступали всего 36 млрд долл., а остальное должно было достаться инвестору на покрытие его затрат и в качестве прибыли, т.е. раздел продукции предполагается провести в отношении 80:20 в пользу инвестора[55]. Когда работы на Приобском месторождении только начинались, уже были отмечены «загрязнение рельефа местности и близлежащих водоемов», что представляло большую опасность, так как расположение месторождения в пойме р. Оби повышало требования к выполнению на нем природоохранных мероприятий[56].

Деятельность компании АМАКО вызывала много критики, но для некоторых аборигенов, особенно тех, кто меньше о ней знал, любая иностранная фирма казалась привлекательнее отечественной, так как существует представление об их более совершенных и экологически безопасных технологиях. Кроме того, поддержку в обществе встречала более высокая культура труда и быта в западных фирмах, по сравнению с отечественными вахтовыми поселками[57].

По многим причинам, в том числе и потому, что была целенаправленная борьба экологических организаций с предполагаемой работой АМАКО на Приобском месторождении, компания ушла

---

[55] *Курский А.Н.* Два ключа от подземных кладовых // Северные просторы, 1995, 4–5. С. 23–24.

[56] Из материалов, направленных Комитетом по охране окружающей среды и природных ресурсов Ханты-Мансийского автономного округа 51–0 от 19.09.1995 Председателю Межведомственной комиссии по экологической безопасности при Совете Безопасности РФ.

[57] *Поклад Ю.* Живем начерно // Северные просторы, 1994, № 4. С. 21–22.

из округа. Но они откровенно продемонстрировали свою позицию, когда на юбилей города Ханты-Мансийска подарили чучело хищной птицы.

Отечественные компании,
работающие в Ханты-Мансийском автономном округе

В рассматриваемый период в Ханты-Мансийском автономном округе работали десять крупных нефтедобывающих компаний, определяющими из которых являются пять[58]. Полевые исследования я проводила в двух из крупнейших – ЛУКОЙЛ-Западная Сибирь и Сургутнефтегаз. Наличие разных компаний создает возможность, хотя бы теоретически, для органов государственной власти выдать лицензию лучшей из них. Директор Департамента по нефти, газу и минеральным ресурсам ХМАО В. Панов отмечает, что крупные компании, за исключением компании «Сургутнефтегаз», не заинтересованы в рациональном недропользовании, и необходимо принять законодательные акты, которые поддерживали бы средние и мелкие нефтяные компании, чтобы исключить возможность концентрации собственности в высокодоходном бизнесе[59]. Анализ политики компаний, работающих в ХМАО, в отношении коренных народов Севера показывает, что отличия существуют, но они незначительны. Все крупные компании, работающие в округе, являются вертикально интегрированными, т.е. осуществляющими полный цикл нефтегазодобычи, имеющими иерархическую структуру в виде головной компании, стоящей над дочерними компаниями, которые, в свою очередь, стоят над нефтедобывающими управлениями (НГДУ) и предприятиями переработки сырья. НГДУ находятся непосредственно в местах добычи. При этом существенное значение для региона имеет место дислокации основной компании[60].

Сургутнефтегаз считается «своей» компанией, а ЛУКОЙЛ – «московской». Критика в отношении первой из них очень плохо воспринимается в округе, в том числе и многими аборигенами. Тем не менее именно с деятельностью компании «Сургутнефтегаз» связано несколько скандалов. В 2000 г. компания в одностороннем порядке прекратила действие экономических соглашений с владельцами родовых угодий. Компания при этом руководство-

---

[58] *Мархинин В.В., Удалова И.В.* Традиционное хозяйство народов Севера и нефтегазовый комплекс. Социологическое исследование в Ханты-Мансийском автономном округе. Новосибирск, 2002. С. 8.

[59] *Панов В.* Отраслевое безвластие // Нефтегазовая вертикаль. 2005, № 12. С. 34–36.

[60] *Мархинин В.В., Удалова И.В.* Указ. соч. С. 12–13.

валась не законодательством, а документом, принятым самой компанией, – Рекомендациями к заключению «Соглашений о содействии коренному населению в социально-экономическом развитии». В этом документе устанавливались критерии выделения владельцев родовых угодий, с которыми могут заключаться экономические соглашения, в частности должны были быть исключены семьи, в которых кто-то получает бюджетную заработную плату, пересматривались другие условия соглашений. Действия компании «Сургутнефтегаз» вызвали негативную реакцию не только у коренного населения, но и у администрации округа. Была создана комиссия, которая обязала компанию действовать в соответствии с законодательством[61]. Сами работники компаний, связанные по роду деятельности с коренными народами, отмечают, что различие в политике компаний есть. Если ЛУКОЙЛ часто выполняет мелкие просьбы аборигенов сверх заключенных официальных соглашений, то руководство компании «Сургутнефтегаз» настаивает на том, чтобы «*ни копейки не давать сверх экономических соглашений».*

Об оценке и определении своего места не только в экономической сфере, но и в целом в настоящем и будущем страны высшие фигуры в нефтяном бизнесе высказываются достаточно откровенно: «Сырьевой сектор – это движитель развития нашей страны, это благо России, данное Богом! Сегодня создана уникальная инфраструктура, за эти десять лет возникли крупнейшие нефтяные компании, которые имеют возможность работать в конкурентной среде, в том числе и на международном рынке. И надо гордиться тем, что сделано, и лоббировать их интересы, не стесняясь этого! В том числе и за пределами Российской Федерации. Все равно деньги мы принесем сюда, мы – российская компания, мы гордимся своей родиной и работаем на ее благополучие»[62].

На уровне повседневного общения нефтяники часто говорят о том, что им скучно жить в округе. При этом нужно учитывать, что большинство из них живут в городах со своими семьями, их жены имеют работу, а дети учатся в вузах округа. Такое отношение к своей жизни является лишним свидетельством того, что большинство нефтяников хотят уехать из округа после выхода на пенсию. То, что они являются приезжими, определяет наиболее четко границу между нефтяниками и коренными народами. Из-за этого аборигены так болезненно воспринимают то, что нефтяники делают на их родине, не берегут природу, загрязняют реки

---

[61] Там же. С. 153–155; ПМА.

[62] Из интервью В. Алекперова Итогам в 2002 г. – BKG Profit Technology. Новости | Экономические новости 25.09.2002.

и озера. Ханты и ненцы часто говорят: «*они уедут, а нам тут жить*».

Позиция отечественных компаний за годы промышленного освоения изменилась очень существенно. И что характерно для нашей страны, не за счет появления правовых механизмов, а за счет правозащитного движения в самой аборигенной среде и в прогрессивной публицистике. Сегодня они чаще всего заявляют о своей готовности к диалогу с аборигенами, но стремятся решить проблему путем заключения экономических соглашений, т.е. путем предоставления частичной материальной компенсации, при этом расширяя промышленное освоение и занимая все новые и новые угодья и пастбища. Для руководителей нефтяных компаний, работающих в округе, и представителей местных органов власти характерно стремление разделить итоги работы нефтяников в округе на положительные и отрицательные и доказать, что первые более значительны[63]. При этом существуют, вероятно, разные системы отсчета.

Нефтяники не очень стремятся к действительному партнерству, диалогу с аборигенами. Для многих нефтяников и членов их семей, живущих в городах в Ханты-Мансийском автономном округе, характерно пренебрежительное отношение к коренным народам, представление о «диких аборигенах, живущих на земле нашего месторождения».

Наемные рабочие в нефтедобывающей отрасли чаще всего сохраняют связи с «большой землей», рассматривают свою жизнь в округе как временную. Они могут поддерживать выступления аборигенов, но при этом ссылаются на то, что как простые исполнители не могут изменить существующей системы. Но они представители другой культуры и ведут себя соответственно: пройдут или проедут по ягелю, если захотят собрать грибы, убьют домашнего оленя, если он попадется случайно на глаза, когда охотятся на зайца.

Некоторые аборигены считают, что пропаганда специально настраивает простых нефтяников против аборигенов. Так как большинство нефтяных компаний акционированы, и рабочие тоже имеют акции, они могут считать, что те деньги, которые получают аборигены, забираются у них.

Нефтяников объединяет то, что они ссылаются на свои экономические трудности и относят решение проблем аборигенов на будущее. Вряд ли можно прямо соотносить доктрину промышленного освоения Севера с советской культурой, но ее можно, на

---

[63] Право на позицию. Сургут. 1995. С. 23–41.

мой взгляд, рассматривать как часть официальной государственной доктрины. К началу 2000-х годов она не изменилась принципиально, а принимаемые в последнее время законы, в частности «О недрах» и «О соглашениях о разделе продукции», лишь направлены на совершенствование экономических механизмов, а не на социальную сферу и жизнь людей, которые живут на той земле, в которой добывают нефть. Лишь в последние годы складывается новая политика компаний, связанная с ростом корпоративной ответственности бизнеса, разработкой различных стандартов, но практически они не касаются положения коренных народов.

Стратегия, которую разрабатывают российские и западные нефтяные компании, получила свою долю критики, особенно от экологов, но экономические и политические обозреватели обычно поддерживают установление более тесных связей между бывшими врагами. Защитники охраны природы предупреждают, что российская нефтяная промышленность является экологически катастрофической, а западные компании стараются извлечь прибыль из существующих в России более свободных стандартов и норм. «Новый саммит по энергетике создает порочный альянс между наихудшими российскими олигархами и загрязнителями и мультинациональными нефтяными компаниями, которые рыщут по миру в поисках стран с низкими экологическими стандартами», – сказал Дэвид Гордон, директор негосударственной экологической организации «Pacific Environment»[64].

Анализ политики компаний, работающих в Ханты-Мансийском округе, в отношении коренных народов Севера показывает, что различия существуют, но они незначительны. Долгое время в северных регионах складывалась политика «двоевластия», когда реально финансы и материальные возможности были у нефтяных предприятий, а не у администраций и других органов власти. В отношении коренных народов особую опасность представляет передача всех полномочий в решении вопросов от органов власти нефтяным компаниям. Эти процессы могут приводить к политической апатии и правовому нигилизму аборигенов, что затрудняет строительство гражданского общества.

Участие или неучастие в политической жизни страны, способность влиять на политику, в том числе законодательную, особенно ярко проявляются в Ханты-Мансийском автономном округе, который в этом смысле демонстрирует возможную модель развития всей страны и других нефтяных регионов. Именно

---

[64] Новости о природопользовании в тихоокеанском регионе, 17 октября 2002 г., спецвыпуск № 44.

поэтому так важно изучение этого опыта для выяснения перспектив развития коренных малочисленных народов Севера России. Представляется очевидным, что устойчивое развитие коренных народов в значительной степени зависит от экономического развития регионов их проживания, хотя и не определяется им.

В округе положения Конституции о том, что «Земля и другие природные ресурсы используются и охраняются в Российской Федерации как основа жизни и деятельности народов, проживающих на соответствующей территории» (ст. 9) и что «вопросы владения, пользования и распоряжения землей, недрами, водными и другими природными ресурсами» находятся в совместном ведении РФ и субъектов РФ (ст. 72, в), воспринимаются представителями органов власти как возможность создания собственного «эльдорадо», самого богатого региона страны. В одном из выступлений губернатор округа А.В. Филипенко сказал, что в округе главное слово – «*самизм*», в смысле самый лучший. Богатство здесь строится в первую очередь на нефти и на стремлении максимально сохранить доходы от нее в субъекте федерации. С другой стороны, сама же нефть ведет к развитию процессов глобализации, в том числе в восприятии проблемы взаимоотношений нефтяных компаний и аборигенов, и к стремлению центра контролировать финансовые потоки из нефтяных труб. В 2000-е годы начались процессы централизации в управлении ресурсами.

Централизация вызвала резкую критику со стороны региональных властей. Так, президент Республики Саха, которому делегировали свои полномочия региональные лидеры, заявил, что у Министерства природных ресурсов (МПР) нет ни сил, ни возможностей, ни специалистов даже для реализации задуманного, а вот загубить систему недропользования РФ оно вполне может. Администрация Приморья определила доводы МПР как «основанные скорее на эмоциях» и также выступила категорически против коварных законопроектов. Региональные представители назвали данный процесс возвратом к социалистическому прошлому[65]. Свою точку зрения по этому вопросу неоднократно высказывал губернатор ХМАО А.В. Филипенко, например, на Круглом столе «Нефть и газ Западной Сибири: вчера, сегодня, завтра» (г. Ханты-Мансийск, январь 2001 г.): «Сегодня витают в воздухе и беспокоят меня такие идеи: забрать все средства, поступающие от роялти, и передать их в федеральный бюджет. Я отвечаю: если вас не устраивают нынешние пропорции, то давайте за столом

---

[65] *Косенкова М.* Нефть и золото – Москве, регионам – щебень. (Рассылка Raipon 15 августа 2002 г.).

переговоров обсуждать этот вопрос. Если мы сломаем механизм отчислений роялти в пользу жителей округа, то они вправе сказать: зачем мы страдаем от суровых природных условий, от вредных воздействий техногенного характера? Отнять и поделить – это не современная, мягко выражаясь, постановка вопроса»[66]. Очевидно, что распределение доходов от добычи и переработки нефти является основным конфликтогенным фактором в отношениях РФ и субъектов. В этом торге интересы коренных народов чаще всего используются субъектом федерации для обоснования своих притязаний, но далеко не всегда в полной мере после достижения договоренностей с центром для обеспечения нужд этих народов.

Многие видят причину проблем коренных народов, вызванных нефтяным освоением, в несовершенстве законодательства. Этот вопрос имеет несколько аспектов. Так, в отчете Счетной палаты «Влияние нефтяного комплекса на формирование федерального бюджета РФ» по итогам 1990-х годов (утвержден коллегией палаты в декабре 2002 г.) указывается: «Нефтегазовый комплекс является главным источником налоговых (около 42% доходов федерального бюджета) и валютных (около 46%) поступлений государства, при том что на его долю приходится около 12% всего промышленного производства России. Бюджетное финансирование нефтяной промышленности практически равно нулю. 90% инвестиций в развитие отрасли – собственные средства компаний. Но, несмотря на хорошую ситуацию с налоговой дисциплиной и повышение инвестиционной активности компаний, недостатки действующего законодательства не только наносят ущерб отрасли, но и снижают поступления в бюджет»[67]. Налоговая политика не устраивает многих нефтяников, об этом можно судить и по высказываниям «первых лиц» в печати, и по мнениям простых работников на месторождениях.

К рассматриваемой проблеме вопрос о налогах имеет отношение в первую очередь при рассмотрении снижения налогов при освоении новых месторождений. В ХМАО действовал закон о снижении местных налогов при освоении новых месторождений, но он вступил в противоречие с федеральным Налоговым кодексом при стремлении компаний расширить территории добычи нефти за границы лицензионного участка[68]. Эти факторы представляют интерес в связи с отношением к земле и с представ-

---

[66] *Трифонов А.* Северу нужен хозяин, а не олигарх// Нефть России. 2001, № 4. С. 16–19.

[67] Нефтяное соло в бюджете // Нефть и капитал. 2002, № 3. С. 12–15.

[68] *Гайсин Р.* Первые 7 миллиардов // Нефть России. 2001. № 4.

лением о рациональном ее использовании с точки зрения нефтяников и аборигенов. Когда я впервые попала в восточные районы округа, где в основном и работают нефтяные компании, аборигены обратили мое внимание на то, что только часть «качалок» работает. Потом нефтяники мне объяснили, что это вызвано технологическими процессами. Мне трудно об этом судить, но очевидно, что увеличение добычи нефти идет, в том числе и за счет занятия нефтяниками новых земель. Высказывания нефтяников на этот счет довольно откровенны: «Нефтяные компании сегодня имеют право вести добычу нефти только в пределах лицензионных участков, в то время как прилегающие территории остаются невыработанными. После окончания разработки месторождения они, как правило, оказываются заброшенными. Нужно закрепить законом возможность расширения границ лицензионных участков, что позволит более эффективно извлекать имеющиеся запасы нефти»[69]. Для коренных народов наиболее существенным является другой возможный механизм налоговой политики – получение определенных налоговых льгот при «особом режиме недропользования» в связи с проживанием на этой территории аборигенов (более подробно эта форма взаимодействия нефтяных компаний и коренных народов рассмотрена в гл. 5).

4. Корпоративное право как особая форма «обычного права»

Характеризуя значение внутреннего права компаний, президент ОАО «ЛУКОЙЛ» В. Алекперов высказался очень точно: «Кодекс деловой этики – один из инструментов создания такой компании, в которой все работники являются членами команды профессионалов». В нефтяной отрасли разрабатываются документы, регламентирующие отношения внутри отдельных компаний. Например, в компании в 2002 г. принят «Социальный кодекс ОАО “ЛУКОЙЛ”», по которому компания принимает на себя «социальные обязательства по ответственному поведению перед обществом, персоналом и корпоративными пенсионерами»[70]. Большое внимание здесь уделяется развитию корпоративной культуры, рассматриваемой как «сочетание норм, ценностей и убеждений, которые определяют способ решения организацией проблем внутренней интеграции и внешней адаптации, направ-

[69] Из выступления на круглом столе «Нефть и газ Западной Сибири: вчера, сегодня, завтра» // Нефть России, 2001, № 4.
[70] Сайт компании ЛУКОЙЛ www.lukoil.ru

ляют и стимулируют ежедневное поведение людей, а также сами преобразуются под его воздействием»[71].

Миссия компании формулируется так: «*Мы созданы, чтобы энергию природных ресурсов обратить на благо прогресса и человека*», а среди целей ее деятельности называются, в частности, «*быть Компанией, где сотрудники являются единой семьей*». В компании разработаны специальные документы, в которых сформулированы корпоративные ценности[72].

В 2004 г. компания ЛУКОЙЛ подписала Глобальное соглашение с международной профсоюзной федерацией (ICEM), которая объединяет в своих рядах профсоюзы, работающие в химической, горнодобывающей промышленности, энергетике и ряде других отраслей (штаб-квартира в Брюсселе). Глобальное соглашение представляет собой набор принципов, норм, стандартов, согласованных в ходе переговорного процесса, которые компания обязуется выполнять на всех своих предприятиях. В первую очередь, эти нормы охватывают такие области, как права человека, права трудящихся, профсоюзные права, защита окружающей среды и охрана труда. Компании берут на себя общие обязательства независимо от того, есть ли такие нормы в национальном законодательстве. В ICEM осуществляется контроль за деятельностью компаний, подписавших соглашения[73]. Можно говорить о формировании норм корпоративного права нефтяного сообщества, когда нормы международного права имеют приоритетное значение перед национальными. Но насколько они стали нормой поведения для всех работников компании?

Индикатором социально ответственной деятельности нефтяных компаний в мире часто становится их политика в отношении коренных народов. Руководящими в этом вопросе выступают как документы Всемирного банка и Европейского банка реконструкции и развития, так и более общие международные нормы.

В 2009 г. группой экспертов ООО «Этноконсалтинг» по заданию Министерства регионального развития РФ был подготовлен проект «Российский стандарт социальной и экологической политики промышленных компаний, осуществляющих деятельность в местах традиционного проживания и традиционной хозяйственной деятельности коренных малочисленных народов Севера, Сибири и Дальнего Востока»[74]. Хотя этот документ еще не получил

---

[71] Политика управления персоналом ОАО «ЛУКОЙЛ».

[72] www.lukoil.ru

[73] *Хигс Ф.* Принципы созидания обратить в реалии и факты жизни // Социальное партнерство. 2006, № 1. С. 12–13.

[74] www.ethnoconsulting.ru

официального статуса, мы собираемся его обсуждать и пропагандировать в кругу всех заинтересованных лиц. При составлении проекта стандарта использовались международные документы, принятые для регулирования деятельности бизнеса в сфере прав человека, прав коренных народов, трудовых отношений, охраны окружающей среды и борьбы с коррупцией. К ним, в первую очередь, относятся Глобальный договор, документы Международной Финансовой корпорации, Всемирного банка и Банка реконструкции и развития, Принципы Экватора, а также стандарты и руководящие принципы в отдельных отраслях – лесной, нефтегазовой и т.п. Большое значение для выработки стандарта имеют также Конвенция 169 МОТ и Добровольные руководящие принципы Агуэй-гу.

В Российской Федерации разработаны документы различной степени обязательности: Российский национальный стандарт добровольной лесной сертификации по схеме Лесного попечительского совета, Совместные экологические требования общественных и природоохранных организаций к нефтегазовым компаниям, Основные положения политики экологической и социальной ответственности горнодобывающих компаний, Социальная хартия российского бизнеса (РСПП), документы, принятые отдельными промышленными компаниями. Они также были учтены при подготовке «Российского стандарта…»

По разработанному стандарту предложены критерии оценки эффективности деятельности промышленных компаний. Разработчики этого документа исходили из того, что он станет основой определения рейтинга компаний, работающих в районах проживания коренных малочисленных народов Севера, имеющих особый правовой статус в государстве, хотя ничто не помешает компаниям расширить сферу действия документа на все местное население, что будет, безусловно, свидетельством социальной ответственности бизнеса. Приведу наиболее значимые положения данного документа, являющиеся

общими критериями оценки деятельности промышленных компаний:

– Наличие утвержденной политики/стратегии, в рамках которой реализуются конкретные программы, планы, соглашения и т.п.;

– Мотивы принятия решения об осуществлении таких программ, планов, соглашений;

– Партнерство с организациями народов Севера при планировании и осуществлении программ, планов, соглашений;

– Технологии исполнения программ, их приемлемость для народов Севера.

Содействие устойчивому развитию народов Севера, повышению качества их жизни

– Устойчивость программы или соглашения;

– Участие представителей народов Севера в принятии решений по условиям соглашения, содержанию программ;

– Суммы затрат компании на осуществление программ и соглашений;

– Предоставление рабочих мест представителям народов Севера.

Согласование проектов промышленной деятельности в местах проживания и хозяйственной деятельности коренных малочисленных народов Севера, Сибири и Дальнего Востока с организациями этих народов

– Предварительное согласование с организациями народов Севера всех существенных элементов плана осуществления проекта;

– Виды согласования: консультации, общественные слушания, сходы граждан;

– Консультации с руководителями организаций народов Севера;

– Консультации с уполномоченными представителями народов Севера;

– Возможность для представителей народов Севера выразить свое мнение и при необходимости внести изменения в планы осуществления проекта.

Информированность сторон

– Возможность для организаций народов Севера и предприятий, на которых работают их представители, получения информации о планах промышленной деятельности;

– Возможность получения проектной и эксплуатационной документации;

– Необходимость запроса со стороны организаций народов Севера для получения необходимой информации.

Минимизация негативного воздействия на народы Севера

Степень учета традиционного образа жизни, традиционного природопользования, культуры, материальных и духовных потребностей коренных малочисленных народов Севера.

Экспертиза планирования и осуществления промышленной деятельности

– Проведение государственной и, в случае необходимости, общественной экологической экспертизы;

– Проведение этнологической экспертизы как научного исследования по изучению влияния изменений исконной среды обитания малочисленных народов и социально-культурной ситуации на развитие этноса[75];

– Учет важности для народов Севера сохранения и развития их традиционного образа жизни.

---

[75] Определение в формулировке статьи 1 Федерального закона «О гарантиях прав коренных малочисленных народов Российской Федерации».

Транспарентность деятельности компаний по взаимодействию с народами Севера

– Открытость организационной и финансовой деятельности компании по взаимодействию с коренными малочисленными народами Севера

Организационные вопросы

– Наличие специального отдела или уполномоченных сотрудников компании по работе с народами Севера.

– Включение в ежегодный отчет компании раздела о взаимодействии с народами Севера в соответствии с принципами данного Стандарта.

Сегодня этот документ имеет форму выполненного проекта. Для придания ему большего значения необходимо, как минимум, начать процесс оценки деятельности компаний в соответствии с заявленными принципами или в рамках объединений их профессиональных или профсоюзных организаций, или со стороны организаций коренных малочисленных народов.

Для целей защиты окружающей среды, коренных народов, местных сообществ и продвижения социальной ответственности промышленных, в том числе нефтяных, компаний все эти стандарты и рекомендации имеют большое значение, но действительными регуляторами скорее выступят внутренние документы корпораций. Как отмечается в одном из учебников по корпоративному праву, «Внутренние документы, или локальные нормативные акты, в корпоративной сфере – это нормативные акты, принимаемые субъектами частного права и обязательные для всех участников (акционеров), членов органов корпорации не в силу публичного принуждения, а исходя из самой сущности корпоративной формы организации предпринимательской деятельности, заключающейся в том, что участники корпорации при вступлении в нее добровольно приняли на себя бремя подчинения воле большинства, которая, в частности, выражается в принятии внутренних документов»[76]. Именно задачу внедрения норм в отношении аборигенов в корпоративную культуру компаний и ставили перед собой разработчики «Российского стандарта». Мы исходили из того, что добровольно взятые на себя обязательства являются наиболее действенными. Но для претворения этого и других подобных стандартов в жизнь потребуется развитие иной, чем сложилась внутри нефтяного сообщества, культуры, компании в этом случае должны стать сопричастными с жизнью местного сообщества. Аборигены также считают, что для нормальных отношений с нефтяниками нужно, чтобы те чувствовали в них соседа. Многие нефтяники не приветствуют такую политику, так

[76] Корпоративное право / Отв. ред. И.С. Шиткина. М., 2008. С. 48.

как считают ее навязанной, они позиционируют себя инженерами и рабочими, которые получили специальные знания для добычи, транспортировки нефти, а не для того, чтобы заниматься политикой и социальной работой.

В некоторых компаниях приняты специальные кодексы, например Кодекс деловой этики компании Роснефть (2008), где прописаны не только принципы и нормы, но и санкции за их нарушения: «Нарушение норм Кодекса может привести к наложению административных санкций, снижению эффективности деятельности Компании и возникновению убытков, что прямо отразится на благополучии всех ее сотрудников. Каждый сотрудник несет ответственность за соблюдение этических норм. Строгое соблюдение данного кодекса обязательно для всех сотрудников, независимо от положения и занимаемой должности в Компании. Если нарушение Кодекса не затрагивает вопросы законодательства, к сотруднику могут быть применены следующие меры: лишение премии или других поощрений, отказ от повышения в должности, общественное порицание»[77].

В компании «ЛУКОЙЛ» принят аналогичный документ. В пресс-релизе на сайте компании указывается: «Кодекс является сводом наиболее важных правил делового поведения Компании и ее работников, этических норм внутрикорпоративных взаимоотношений, социальной ответственности, а также других наиболее приоритетных вопросов этики бизнеса». Пока трудно сказать, насколько эти нормы окажутся эффективными и повлияют на субкультуру нефтяников, внимания заслуживает тот факт, что в соответствии с положениями кодекса в Компании создана комиссия по деловой этике, которая регулирует корпоративные этические отношения. Таким образом, предусматривается процедура рассмотрения возможных конфликтов в этой сфере и создан орган, полномочный разбирать подобные ситуации. Вместе с тем есть и некоторая избыточность провозглашаемых норм. В частности, «Кодекс исключает дискриминацию работников по признакам пола, возраста, расы или национальности, религии и политических убеждений»[78]. Создается впечатление, что для работников компании нормы корпоративных документов более значимы, чем нормы государственного права, и для выполнения последних им нужны дополнительные инструменты.

---

[77] Кодекс деловой этики компании Роснефть, 2008. С. 16 // www.rosneft.ru
[78] www.lukoil.ru

Выводы

Западная Сибирь – не единственный регион, где нефтяное освоение становится основанием и генератором социальных и культурных конфликтов[79]. Являясь одним из образов прекрасной жизни «как в Кувейте», нефть одновременно создает основу благосостояния и разрушает привычный мир. По социологическим опросам 2001 г., в массовом сознании нефтяная отрасль – императив прогресса России. При этом «позитивные черты имиджа уходят корнями в советский период истории. За время рыночных преобразований положительные стереотипы не разрушились, но дополнились отрицательными… Вес, который имеют на международной арене страны – производители нефти, до известной степени скрашивает российским гражданам горечь ностальгии по былому имперскому могуществу СССР»[80]. Такое отношение населения безусловно способствует даже не столько укреплению реальных позиций нефтяных компаний в обществе, сколько сконструированному ими социальному знанию об их роли.

Исследование влияния документов, регламентирующих этические и «обычно-правовые» корпоративные нормы, на субкультуру нефтяников только начинается. Прошло слишком мало времени с момента их принятия. Сегодня могут быть сформулированы характерные черты нефтяников как субъектов субкультуры: организованность, высокий профессионализм, материальное благополучие и наряду с этим жесткая иерархичность, закрытость, культивирование статуса избранности, приоритет внутренних правил над всеми остальными, включая законы и международные нормы, что приводит к представлению о компании как об отдельном государстве.

Обобщая беседы с нефтяниками, проведенные в Ханты-Мансийском автономном округе и Москве, при всех их личных различиях, можно выделить несколько характерных черт «нефтяного сообщества». У них очень развито чувство гордости за развитие своих компаний и представление о том, что они «кормят всю Россию». Второй важной чертой их мировосприятия является уверенность в том, что «все можно получить за деньги». И наконец, у многих работающих в округе есть скрытая или явная мечта уехать с Севера после выхода на пенсию.

Об оценке и определении своего места не только в экономической сфере, но и в целом в настоящем и будущем страны высшие

---

[79] *Тишков В.А.* Общество в вооруженном конфликте (этнография чеченской войны). М., 2001. С. 219.

[80] *Лукьяненко Т.* Нефть глазами россиян // Нефть России. 2002, № 1. С. 70–71.

фигуры в нефтяном бизнесе высказываются достаточно амбициозно: «Мы созданы, чтобы энергию природных ресурсов обратить во благо человека»[81]. Разработанные компаниями стратегии взаимодействия с местным, в том числе коренным, населением, принятые ими на себя обязательства по осуществлению социальной и экологической политики, высокие этические нормы, провозглашенные в компаниях, создают поле для установления более конструктивных партнерских отношений с коренными народами, которые могут способствовать не только разрушению или консервации их культуры, как чаще всего происходит в настоящее время, но и ее развитию.

[81] www.lukoil.ru

Глава 4

СОЦИАЛЬНО-КУЛЬТУРНЫЕ ЦЕННОСТИ КОРЕННЫХ МАЛОЧИСЛЕННЫХ НАРОДОВ КАК ОСНОВАНИЯ ДЛЯ УСТАНОВЛЕНИЯ ДИАЛОГА

В этой главе рассматриваются политические лозунги коренных малочисленных народов и формы, в которые они облекаются в современном обществе. Основное внимание уделяется тем политическим процессам, которые актуализировались именно под влиянием промышленного освоения. Их интерпретация строится исходя из двух контекстов: традиционной культуры народов Севера и роста этнического и правового сознания, политической активности коренных малочисленных народов Севера и демократических преобразований в стране. Толерантность аборигенов проявляется и в том, что даже при конфликтной ситуации они часто стремятся достигнуть соглашения, используя для этого символы своей культуры, чтобы через них включить политическую культуру другого населения в свою и таким образом прийти к примирению.

1. Самоопределение, самоуправление, самовоспитание

Ханты любят слушать сказки, особенно вечером. Когда на стойбище ложатся спать, дедушка рассказывает до тех пор, пока хотя бы один человек не спит. Одна моя подруга вспоминала, как в детстве старалась не заснуть, чтобы дослушать до конца, и всегда засыпала раньше. Может быть, вообще невозможно дослушать, так как то, что обычно называют и переводят как «*сказка*», означает «*путь*» или «*путь как судьба*». Об этом мне рассказал ханты Леонтий Тарагупта, когда спросила, как он понимает самоопределение и самоуправление. Потом я работала над законом в Государственной думе, разговаривала на эту тему со многими аборигенами и поняла, что Тарагупта очень точно определил, что такое самоопределение: «*Все правовые и другие проблемы у нас из-за того, что не хотим развиваться, мы не хотим утончаться, мы думаем – все так, как мы видим. Если сосед меня формирует, то я за него в ответе. Вот это и есть путь. Так я представляю*

самоопределение. Самоопределение в системе связей. Термины не точные, их невозможно как рубашку надеть, они не соответствуют сути. В самом деле, в нашей ситуации нужен был бы термин самовоспитание»[1]. Выяснение содержания терминов «самоопределение» и «самоуправление» для всех участников современного процесса развития является очень важным. Как в органах государственной власти, так и среди представителей коренных народов существуют различные представления о том, что такое самоуправление и зачем оно необходимо. В 1990-е годы в среде политиков – представителей коренных народов и российских ученых появились идеи о необходимости предоставления общинного самоуправления. В государственном контексте это привело к решению о подготовке соответствующего закона, по которому органами самоуправления должны были стать общины. В действительности развитие пошло по другому пути, и общины чаще всего становятся хозяйственными организациями, да и вообще самоуправление в Западной Сибири сложилось лишь как возможность для коренных народов, часто потенциальная, участвовать в решении некоторых важных для них вопросов. В контексте рассматриваемой темы это, в первую очередь, отношения с промышленными компаниями.

Провозглашение перехода от политики патернализма к партнерству определяет суть Международных десятилетий коренных народов мира: предполагается, что эти народы смогут участвовать в решении политических, экономических и правовых вопросов, получат право определять свое настоящее и будущее. В документах ООН, в первую очередь в «Международном пакте об экономических, социальных и культурных правах» (принят в 1966 г.), за всеми народами мира признается право на самоопределение и право свободно распоряжаться своими естественными богатствами и ресурсами. В Декларации ООН о правах коренных народов (2007 г.) определено, что коренные народы имеют право на самоопределение (ст. 3), одной из форм реализации которого является право на автономию и самоуправление в вопросах, относящихся к их внутренним и местным делам, включая вопросы культуры, религии, образования, информатизации, средств массовой информации, вопросы здравоохранения, обеспечения жильем, занятости, социального обеспечения, экономической деятельности, использования земель и ресурсов, проблем окружающей среды, допуска посторонних, а также методы и средства финансирования перечисленных автономных функций (ст. 31).

---

[1] ПМА, Тарагупта Л., г. Москва, 1999 г.

Аборигены не навязывают остальному населению свой образ жизни, самоуправление нужно им лишь для собственного развития, для решения вопросов общинно-территориального значения, развития традиционного хозяйства и культуры, языка, социальной защиты своих членов. Использование механизмов самоорганизации, в большей или меньшей степени сохраненных многими народами, как и новых их форм, дает возможность оптимизации государственного управления их развитием и установления диалога коренных народов Севера, организованных в общины, с органами власти и промышленными предприятиями. Условия для развития самоуправления и самоорганизации аборигенов могут быть созданы только через предоставление им права участвовать в управлении ресурсами и законодательное закрепление прав на землю. Самоуправление в общераспространенном понимании – это политика государства и деятельность людей под свою ответственность. Если государство ставит задачу «защиты исконной среды обитания и традиционного образа жизни коренных этнических общностей», как записано в Конституции РФ, то поддержка и развитие самоуправления является его задачей. Общинное и территориальное самоуправление могут выступать элементом местного самоуправления, которое осуществляется в Российской Федерации с учетом исторических и иных местных традиций (Конституция РФ, ст. 131). Другой вопрос, как представляют самоуправление аборигены и насколько они готовы сегодня брать на себя ответственность.

«Один народ – одно государство»

Показателем того, что само по себе обретение «национальной государственности» не является конструктивным решением вопроса об управлении коренными народами Севера, является история создания Мансийской республики. Хотя сегодня она представляет лишь исторический интерес, как гротескная форма может проиллюстрировать малоконструктивность идеи национально-территориального самоопределения.

Создание Мансийского автономного округа было предложено в 1992 г. Он должен был объединить города Нягань, Урай и Березовский, Кондинский, Советский, Октябрьский районы Ханты-Мансийского автономного округа и перейти от Тюменской области к Свердловской. Созданная в это время организация Мансийский союз признавала ошибочным объединение хантов и манси в единое административное образование, выдвигала обоснования своей «исторически коренной территории» в границах Свердловской области. Пересмотр границ и объединение манси

Мансийский союз считал главной предпосылкой для возрождения нации[2].

25–28 декабря 1992 г. в г. Урае по инициативе Всероссийского фонда культуры и Российского центра экономических реформ на основании Постановления Правительства РФ № 944 от 7 декабря 1992 г. «О Конгрессе культуры народа манси» проводился Конгресс культуры народа манси, но из культурного мероприятия он превратился в политическое. На Конгрессе было провозглашено образование Мансийского АО, избрана Национальная Палата Верховного Совета создаваемого округа из 30 человек, в которую вошли высшие чины и промышленная верхушка территорий, которые он объединил, утверждены форма и цвета национального флага (белый, зеленый, черный). В газете «Быстрый курьер» были напечатаны «Обращение первого Свердловского съезда народа манси к Президенту, Верховному Совету и Правительству», резолюция «О необходимости реабилитации репрессированного народа манси», проект Закона о Мансийском автономном округе Свердловской области из 42 статей. Затем появился первый номер газеты «Манси маа» – орган Верховного Совета и Совета министров Мансийского автономного округа, тиражом 15 тыс. экз. – приложение к российской газете «Доверие»[3]. Публикации в газетах должны были обосновать необходимость отделения манси от хантов, причем использовались как обращения к истории типа «Под напором русского колонизационного потока, поддерживаемого исконными врагами мансийского народа – остяками (ханты), наш народ вынужден был покинуть свою родину, отступив в дикие, труднодоступные дебри Конды и Сосьвы», так и обвинения в адрес администрации Ханты-Мансийского автономного округа в нежелании решать проблемы коренных народов[4].

По Конституции и Тюменская область, и Ханты-Мансийский автономный округ являются субъектами федерации. Особенно в 1990–2000-е годы это приводило к различным конфликтам и правовым коллизиям. Округ, отстаивая свои особые права, часто использовал свой «этнический колорит». При этом с начала 1990-х годов многими лидерами движения «Спасение Югры» подчеркивалось значение именно своего национально-территориального образования. Так, во время Фольклорного фестиваля 1987 г. в Москве чуть не сорвалось выступление самодеятельных коллективов из округа, когда их стали объявлять как артистов такого-то района Тюменской области. На собраниях и съездах коренных

---

[2] Газета «Федерация», 1993, №2.
[3] *Глухих А.* Абсурдность очевидного // Новости Югры. 10.01.1993.
[4] Новости Югры, 13.05.93.

народов постоянно подчеркивалось, что в 1930 г. округ был создан для поддержки развития народов ханты и манси (в те годы остяков и вогулов). Эта риторика в начальный период способствовала объединению представителей коренных народов в округе.

Большинство манси не задумывались о политической подоплеке происходящего, их интересовали насущные жизненные проблемы. Вот что писал, например, В. Тынзянов из д. Новинская в окружную газету:

«Пишу по поводу создания Мансийского автономного округа. Лично мне и моим односельчанам все равно, где будет центр – Тюмень, Екатеринбург, Ханты-Мансийск или Урай. Что надо простому человеку? Чтобы был порядок и достаток, а у нас настоящий беспредел в районе, особенно в малых национальных поселках: нет света, связи, продуктов. Зато коммерсанты всех мастей торгуют только спиртным. Родовые угодья оформляют, но нет Российского закона о земле. Глава администрации собирает сход граждан, где решает, кому дать землю во временное пользование, кому отдельные угодья. Вот эти люди и подумают, где им лучше прожить: Урай наобещает рай или Ханты-Мансийск предпримет решительные меры, поправит свои пошатнувшиеся дела»[5].

Надо признать, что питательная почва для возникновения идеи Мансийского автономного округа, конечно, существовала. И, возможно, она не случайно была связана с Кондинским районом. Живущие здесь манси отличаются по языку и культуре от северной группы, языку этой группы вообще не уделялось внимания. Именно кондинские манси первыми столкнулись с промышленным освоением – вырубкой леса и нефтяными месторождениями. Не ограниченное никакими правовыми нормами, оно быстро привело к ассимиляции аборигенного населения.

В г. Ханты-Мансийске состоялось собрание национальной интеллигенции хантов и манси, где Конгресс был охарактеризован как «преднамеренная попытка внести раздор между аборигенными народами», цели которого очевидны – «поставить под контроль инициативной группы территории, богатые нефтью»[6]. Решением малого совета Ханты-Мансийского автономного округа Конгресс был признан незаконным и распущен. Материалы и решения Конгресса направлены в прокуратуру автономного округа. Прокурор округа заявил, что возбуждено уголовное дело по ст. 74 УК – разжигание национальной розни[7].

---

[5] Там же.
[6] *Глухих А.* Абсурдность очевидного.
[7] Новости Югры, 14.01.1993.

Но в чем же многие в округе видели в этот период выход из очевидно тяжелого положения коренных народов Севера? В этом смысле характерно «Обращение общего собрания представителей народа манси и коренных жителей Сосьвинского совета», где наряду с осуждением Конгресса высказывается следующее мнение:

«Мы испытываем тревогу за судьбу малочисленных народов, которые оказались в трагическом положении в период социально-экономических преобразований. Верховным Советом Федерации и Окружным Советом не принимаются своевременные законодательные акты по экономическому и духовному возрождению народов ханты и манси, брошенных на произвол судьбы в цепкие лапы различного рода коммерсантов, обирающих эти народы путем их спаивания до последней нитки. Будет ли положен конец этому беспределу? Общее собрание представителей народа манси и коренных жителей Сосьвинского Совета надеется, что окружной Совет народных депутатов предпримет все меры по укреплению статуса субъекта Федерации – Ханты-Мансийского автономного округа»[8].

Еще более определенно высказался координационный совет Сургутского отделения ассоциации «Спасение Югры». Они говорили о необходимости срочного созыва съезда коренных народов округа и принятия специальной программы социальной защиты коренных народов. Особенно важным представляется их заявление о том, что «окружными и районными органами власти неоправданно тормозится воплощение в жизнь положения о закреплении родовых угодий, принятого окружным Советом народных депутатов в марте 1992 года, что практически приводит к гонению с мест проживания, где идет интенсивная добыча нефти и газа и хищнические лесоразработки, которые можно назвать “тихим” геноцидом коренных народов»[9].

Рассмотрение положения коренных народов Севера в различных субъектах федерации показывает, что административно-территориальное деление страны является лишь одним, далеко не самым важным фактором устойчивого развития этих народов. В большинстве автономных округов и Республике Саха (Якутия) принимаются меры по определению правового положения этих народов, но и в этом вопросе многое зависит от различных, часто субъективных причин, в частности активности организаций коренных народов и/или доброй воли конкретных политиков и чиновников.

---

[8] Новости Югры, 11.02.1993.
[9] Новости Югры, 12.01.1993.

Коренные народы Севера в районах своего современного расселения всегда составляют незначительный процент населения, их традиционный образ жизни и система жизнеобеспечения отличают их от остального населения, поэтому принципы государственного строительства и административно-территориального деления мало влияют на их жизнь. Нельзя не учитывать тот факт, что аборигены составляют в местах своего проживания от 1 до 20% населения и их права не могут быть защищены в полной мере через органы представительной власти и существующие механизмы демократического государства. Кроме того, коренные народы Севера в современных условиях представляют собой далеко не единое сообщество, поэтому политика в отношении этих народов должна строиться с максимальным учетом локальных особенностей.

Самоуправление – для каких целей?

Основными требованиями аборигенов и их общественных организаций сегодня являются законодательное закрепление прав на землю и самоуправление. Только самоуправление может дать возможность выживания и развития традиционных культур, основанных на оленеводстве, охоте, рыболовстве, собирательстве, имеющих принципиально иные, чем у остального населения, подходы к природопользованию. Самоуправление необходимо и при желании представителей коренных малочисленных народов строить свою жизнь по-новому, включиться в рыночные отношения или создать собственные культурные и образовательные организации. Аборигенное самоуправление предполагает в первую очередь соуправление и контроль за решением вопросов их политического, экономического и культурного развития. Даже в рамках одного государства – России – могут существовать различные подходы к самоопределению для коренных народов, имеющих особый культурный облик и сохраняющих в значительной степени формы социальной организации и самоорганизации, отличающие их от доминирующего населения. При этом стремление к самоопределению и попытки его осуществления в нашей стране подчас приобретают драматический характер, а произвольно трактуемые «государственные» интересы выдвигаются на первый план. И это несмотря на то, что по Конституции Российской Федерации признается приоритет прав человека, в том числе право на жизнь, т.е. на ту жизнь, которую человек считает комфортной для себя, на тот образ жизни, который он хочет вести.

При этом важно понять, как аборигены представляют себе самоопределение, что значит для них выбор собственного пути раз-

вития, какие пути предлагают они сегодня для достижения самоопределения в рамках полиэтничного сообщества и государства. Важно также рассмотреть, насколько актуально и значительно для них это право, как соотносятся этничность и самоидентификация в аборигенных сообществах и чем является современное общинное самоуправление – архаизацией, возрождением или возможностью осуществлять право человека на определенный образ жизни.

При всем различии подходов в 1990-е годы на волне подъема общественного сознания, начавшихся демократических преобразований лидерами аборигенного движения были сформулированы основные программные лозунги. Самоопределение российскими аборигенами, как и многими коренными народами в мире, воспринимается в основном как самоуправление. Такой взгляд нашел отражение в Декларации прав коренных народов.

В Российском законодательстве, в первую очередь в Конституции РФ, местное самоуправление «обеспечивает самостоятельное решение населением вопросов местного значения, владение, пользование и распоряжение муниципальной собственностью» (ст. 130) и осуществляется «с учетом исторических и иных местных традиций» (ст. 131).

В специальном федеральном законе местное самоуправление определяется как «признаваемая и гарантируемая Конституцией Российской Федерации самостоятельная и под свою ответственность деятельность населения по решению непосредственно или через органы местного самоуправления вопросов местного значения, исходя из интересов населения, его исторических и иных местных традиций» (ФЗ «Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации», ст. 2).

Самоуправление рассматривается как деятельность и как решение вопросов местного значения. Если рассматривать самоуправление коренных народов как форму, пусть и очень специфическую, местного самоуправления, то его значение также проявляется в том, насколько аборигены могут решать вопросы своего развития и в какой степени они могут осуществлять это развитие. При этом необходимо учитывать, что местное самоуправление осуществляется всем населением территории. Аборигенное самоуправление может существовать только для локальных групп, составляющих часть населения. Между этими различными формами самоуправления должны быть установлены отношения, т.е. проведено разграничение полномочий.

Рассмотрим сначала, как этот вопрос решается в специальном федеральном законодательстве по коренным народам, а затем

какие формы самоуправления предлагаются самими аборигенами и как они развиваются в реальной жизни. В России в последние годы приняты три федеральных закона, определяющих правовое положение коренных малочисленных народов Севера. Вопросы самоуправления не получили в них должного развития.

В 1999 г. Президент Российской Федерации подписал Федеральный закон «О гарантиях прав». Вопрос о самоуправлении этим законом фактически не регулируется, в нем есть лишь ст. 11 о «Территориальном общественном самоуправлении малочисленных народов», которая в редакции 2004 г. звучит так: «В целях социально-экономического и культурного развития, защиты исконной среды обитания, традиционных образа жизни, хозяйствования и промыслов малочисленных народов, а также для самостоятельного и под свою ответственность осуществления собственных инициатив по вопросам местного значения лица, относящиеся к малочисленным народам, в местах их компактного проживания вправе в соответствии с федеральными законами осуществлять территориально-общественное самоуправление малочисленных народов с учетом национальных, исторических и иных традиций». В этом законе рассматривался и вопрос о квотном представительстве этих народов в органах власти (ст. 13), но лишь при наличии соответствующего законодательства в субъекте федерации. В 2004 г. ст. 13 была отменена.

Вопрос непростой, потому что интересы коренных народов чаще всего выражают их элиты, которые порой больше думают о собственных интересах или о выгодах администраций, которые часто финансово содержат так называемые этнические элиты. Вместе с тем при четкой разработке механизмов выборов, когда участие в них будет возможным для всех представителей данного народа или народов, во многих районах это может быть использовано. Сейчас такая практика существует в некоторых субъектах федерации, она закреплена в уставах и специальных нормативных актах.

В 2000 г. был принят Федеральный закон «Об общих принципах». В период работы над этим законопроектом была предпринята попытка воплотить идеи самоуправления через организацию общин. В законопроекте община рассматривалась как орган самоуправления, хозяйствования и владелец земли. Одна из статей законопроекта была специально посвящена обычному праву: «Общины коренных малочисленных народов Севера вправе применять при решении вопросов внутреннего самобытного (вариант местного) развития нормы обычного права, согласно традициям и обычаям данного народа, но не противоречащие действующему

законодательству Российской Федерации и не наносящие ущерба интересам других граждан и этносов».

В данном законопроекте отмечалось, что община не является единственной формой самоуправления и самоорганизации коренных народов Севера, поэтому документ касается небольшой части населения, которая добровольно объединяется в общины. Сегодняшние общины не являются архаизацией. Это форма социальных связей, община добровольно выбирается людьми, если она соответствует их современному положению, условиям жизни.

Работа над этим законопроектом продолжалась в течение нескольких лет. Законопроект претерпел столь существенные изменения, что к первоначальному варианту принятый закон уже почти не имеет отношения. Изменилась идеология закона – там уже нет ни определенного права на землю, ни самоуправления. В этом варианте законопроект прошел 6 июля 2000 г. первое чтение в Госдуме почти единогласно. Дальнейшее продвижение законопроекта было феноменальным. 7 июля он был одобрен Советом Федерации, а 20 июля уже подписан Президентом. При всех его недостатках закон оказался действенным. В настоящее время на Севере организовано уже около тысячи общин, которые строят свою деятельность в соответствии с этим законом[10].

Существуют различные определения значения самоуправления и возможностей его осуществления для коренных народов. В законодательстве субъектов федерации и в жизни аборигенов, причем не только России, но и других стран, самоуправление часто связывается с деятельностью общин. В первоначальной концепции федерального закона мы разграничивали полномочия органов местного самоуправления и общин. Попытки образования национальных районов с собственными органами власти не являются эффективными в защите прав коренных народов. В некоторых случаях определенные территории (очень ограниченные по площади относительно административных границ) могут получить особый статус, такие ситуации наблюдаются, например, на Дальнем Востоке. В рассматриваемом регионе – Ханты-Мансийском автономном округе – пока нет условий для создания самоуправляемых территорий, да и нет таких инициатив со стороны аборигенов. Хотя можно отметить, что такие мысли прежде высказывались, например, для территории Варьеганского сельского совета в Нижневартовском районе.

---

[10] Выступление А. Лимонзо на Парламентских слушаниях в Совете Федерации 28.04.2011.

Как элемент системы самоуправления может рассматриваться передача властных полномочий «этническим представителям». Создание таких органов власти предпринято в некоторых субъектах федерации – Ассамблея представителей коренных малочисленных народов Севера в ХМАО, представитель коренных народов при Сахалинской областной думе и т.п. В Ассоциации коренных народов одно время активно обсуждался вопрос о создании Парламента коренных народов, и лидеры аборигенного движения, особенно саами, работают в этом направлении.

В ХМАО Ассамблея состоит из трех депутатов, которые представляют коренные малочисленные народы в Думе, количество их гарантировано ст. 2 закона «О выборах депутатов Думы Ханты-Мансийского автономного округа – Югры»[11]. По ст. 17 закона «О Думе Ханты-Мансийского автономного округа – Югры» «Законопроекты, непосредственно затрагивающие права и интересы коренных малочисленных народов Севера, подлежат предварительному рассмотрению на заседании Ассамблеи». Депутаты Ассамблеи имеют также некоторые дополнительные права при рассмотрении вопросов на заседаниях Думы[12].

В реальной жизни перспективы самоопределения для аборигенов в некоторой степени детерминированы возможностями их представительства в органах власти, в первую очередь законодательных. В органах власти субъектов федерации лишь единицы являются представителями коренных малочисленных народов Севера, на федеральном уровне в Думах последних созывов не более 1–2 человек. Когда я задавала вопрос об этническом представительстве во время полевых исследований в Ханты-Мансийском округе, то приходилось слышать и такие мнения: «Я думаю одинаково, что ханты, что не ханты, депутаты. Некоторые думают, что лучше ханты. Но с какой стороны ханта выберешь, он хантам с той стороны и помогает. Наверное, если пимского выберешь, он пимским будет помогать. А надо, если начальством, депутатом стал, всем одинаково помогать».

Проблема эта сложная, и многие не уверены, что она может быть решена путем формального представительства. Возможно, более перспективно создание собственных организаций, отстаивающих интересы аборигенов на уровне законодательной власти. Российская Ассоциация коренных малочисленных народов предпринимает некоторые шаги по выполнению таких полномочий,

---

[11] Статус малочисленных народов. Кн. 4. М., 2007. С. 557.
[12] Там же. С. 547.

в рассматриваемый период такая деятельность была иногда успешной. Справедливости ради нужно отметить, что, как правило, в тех субъектах федерации, где депутатами являются аборигены, и принимаются законы, защищающие права коренных народов.

Общинное самоуправление

Необходимость со-управления ресурсами для общинного самоуправления представляется очевидной. При этом общины могут сначала не брать на себя властные полномочия и прийти к самоуправлению после успешного хозяйственного развития, как, возможно, произойдет в общине «Карым» в Кондинском районе Ханты-Мансийского автономного округа.

В общину объединились родственники – родные и двоюродные братья Вахрушевы с семьями. Они получили «родовые угодья» (по «Положению о статусе родовых угодий», принятому в 1992 г.) в округе, затем статус территории традиционного природопользования и занимаются охотой, рыболовством, сбором дикоросов. В рамках общины работает фактория, которая занимается реализацией не только своей продукции, но и собирает рыбу и дикоросы у жителей ближайшего поселка Шугур и организует их продажу. В конце 1990-х годов община при поддержке Госкомсевера построила небольшой завод по переработке мяса и рыбы.

Первоначально община «Карым» создавалась как община-предприятие. Ее председатель и другие члены общины говорили, что создали ее, чтобы выжить. Председатель общины считал, что у них нет возможностей установить самоуправление. В конце 1990-х годов община достигла значительного благосостояния и, по словам ее членов, могла уже более уверенно разговаривать с нефтяниками, которые обсуждали возможность работать на ее территории, и подумать о самоуправлении, так как их отношения с органами местного самоуправления поселка и района приобретали конфликтный характер. Вахрушевы в своей деятельности руководствуются иными принципами, чем многие ведущие традиционный образ жизни аборигены. Они хотят «*жить богато*», и община для них является возможностью такой жизни, если не для себя, то для следующих поколений. Не случайно, когда я несколько лет работала с этой общиной и наблюдала ее деятельность, могла видеть, что в ней все было направлено на устойчивое развитие, на привлечение к жизни и работе в ней молодежи. Вместе с тем для членов общины ее создание означало возможность выживания, причем не только материального, физического, но и культурного.

В ХМАО необходимость объединения в общины в настоящее время диктуется прежде всего наступлением нефтяников на або-

ригенные земли. В этом случае я говорю именно об общине как органе самоуправления, так как только в этом случае она может участвовать в управлении ресурсами и заключать полноценные договоры на их использование. На примере ХМАО можно видеть, как люди разными путями приходят к осознанию необходимости самоуправления.

Общины «Ханто» и «Яун-Ях» записали самоуправление в свои уставы с момента регистрации. Большинство же других общин создавались как хозяйственные организации. На примере деятельности общин можно рассмотреть, как самоорганизация усиливает позиции аборигенов в отношениях с промышленными компаниями. Я присутствовала на собрании общины «Ханто», когда решался вопрос о ведении геологоразведочных работ на их территории. Два члена общины подписали соглашения на отводы земли в границах их родовых угодий, но, так как по уставу общины этот вопрос находится в компетенции только всей общины, это решение опротестовали и было подписано новое соглашение. Конечно, этот механизм не является идеальным и существует реальная опасность того, что в общине будет большинство тех, кто захочет передать земли нефтяникам. В ситуации, когда в округе, особенно в восточных районах, осталось уже мало земли для традиционного природопользования, общинное землевладение/землепользование и самоорганизация могут помочь удовлетворить социально-экономические и культурные запросы аборигенов.

Вместе с тем для многих аборигенов негативный опыт коллективизации является непреодолимым препятствием к объединению. Аборигены, ведущие традиционный образ жизни и живущие в лесу и тундре, опасаются, что создание общин приведет к объединению с поселковыми жителями, часто лишенными возможности вести самостоятельное хозяйство и заинтересованными в получении компенсаций за промышленное освоение. В некоторых местах нет людей, имеющих достаточное образование и опыт, чтобы возглавить такие общины. Ведь даже для того чтобы зарегистрировать общину и оформить все документы, в первую очередь устав, необходимы навыки, которые люди не могли получить ни в школе, ни на стойбище. Решение же проблемы самоопределения на индивидуальном уровне для представителей народов, имеющих отличный от остального населения образ жизни и составляющих меньшинство в районах своего расселения, представляется очень сложным.

Федеральный закон «Об общих принципах организации местного самоуправления в РФ» (1995 г.) определяет местное самоуправление как «самостоятельную и под свою ответственность

деятельность населения по решению непосредственно или через органы местного самоуправления вопросов местного значения, исходя из интересов населения, его исторических и иных местных традиций» (ст. 2). Более того, ст. 27 данного закона предусматривает возможность участия населения в осуществлении местного самоуправления в иных, кроме предусмотренных настоящим законом, формах.

В Ханты-Мансийском автономном округе вскоре после принятия Федерального закона «О местном самоуправлении» был принят закон «Об общих принципах организации местного самоуправления в Ханты-Мансийском автономном округе» (1995 г.), в котором община названа формой организации местного самоуправления «на части территории муниципального образования» (ст. 43). В законе Ханты-Мансийского автономного округа подробно регламентируется деятельность общин по «сохранению и развитию самобытного образа жизни и традиционных отраслей хозяйствования коренных малочисленных народов Севера, культурному и социально-экономическому развитию этих народов». Особенностью общинного самоуправления является то, что оно касается жизни и деятельности ограниченного круга лиц и в реальной жизни может иметь принципиально иные устремления по сравнению с основным населением муниципального образования (района).

Однако такое новаторство существовало недолго, уже после принятия Федерального закона «Об общих принципах» в округе был принят свой аналогичный закон, который фактически в большей степени служит целям государственной власти, чем защите прав коренных народов.

В первоначальный период образования общин острой была проблема взаимоотношения общин и органов местного самоуправления и государственной власти. В округе немного общин – органов самоуправления, и администрации противодействовали процессу их регистрации. Так, в случае с общиной «Ханто», по словам А.С. Сопочиной, «Районной и окружной администрации очень не нравится, что появилась община – орган самоуправления аборигенов, ведущих традиционный образ жизни и претендующих на какой-то неведомый и пугающий их исторический путь. Самый главный аргумент наших оппонентов – куда девать тех аборигенов, которые не ведут традиционный образ жизни своих предков. Мы отвечаем, что вступление в общину – дело добровольное. Если вступил в общину, то подчиняйся ее уставу. Но если не хочешь вступить по каким-либо причинам, то живи по законам местного самоуправления техногенного населения.

Не наша вина, что произошло разделение нашего народа на тех, кто ведет деятельность на родовом угодье, и на тех, кто прозябает в городах и поселках».

Право на самоуправление, наряду с правами на землю и другие ресурсы – основные лозунги аборигенного движения, но есть очень большой разброс мнений при определении целей осуществления этих лозунгов. При этом коренные народы предлагают различные варианты решения своих проблем. Общим для них является, пожалуй, лишь стремление получить доступ к ресурсам и возможность участвовать в контроле над их использованием. Это может создать необходимую независимость общинам, но именно этот вопрос является наиболее сложным, так как современное законодательство не закрепило за общинами территории и очень часто аборигены, даже живущие по соседству, имеют различные жизненные позиции, многие из них не доверяют друг другу. В законе Ханты-Мансийского округа о самоуправлении записано, что одним из принципов ее образования является «духовное единение членов общины» (ст. 45), в реальной жизни такое встречается крайне редко.

Когда я работала над законопроектом об общинах в Государственной думе, я ездила в восточные районы Ханты-Мансийского округа и работала с О.П. Айваседой (сейчас уже, к сожалению, покойным). Его семья в тот период владела самым большим в округе стадом оленей. Он много помогал мне в работе и удивительно точно рассказывал именно о том, что я хотела спросить, без моих вопросов. Он знал о моей работе в Госдуме и однажды вечером грустно сказал: «*Ты напишешь свой закон, и они съедят моих оленей*».

Часто государство само как бы толкает людей к созданию общин, например, в тех районах, где земли, подходящей для пастбищ, в результате промышленного освоения уже не хватает, хантам выделяют так называемые «общинно-родовые угодья», на которых фактически живут несколько семей, никак не организованных. Например, такая ситуация сложилась на р. Тром-Аган в районе нынешнего Тянского месторождения. Люди здесь не могут создать общину, потому что нет лидера, нет людей, имеющих достаточное образование и опыт, чтобы ее возглавить.

В общественном мнении существует устойчивое представление о том, что промышленное освоение Севера является выражением государственных интересов, а аборигены со своими притязаниями на землю только мешают их осуществлению. При этом аборигены как бы не считаются гражданами государства, имеющими конституционные права. Да и вопрос о государственных

нефтяных интересах в последнее время становится все более проблематичным. Об этом свидетельствуют хотя бы акционирование нефтяных компаний, их постоянные долги по налогам, не говоря уже о том ущербе, который они наносят окружающей среде, нарушая государственное экологическое законодательство и отделываясь штрафами. Но антропология нефтяных компаний составляет отдельную тему и рассматривается в гл. 3. Здесь отмечу только то, что в округе нефтяники составляют большинство населения, и им близки по интересам многие другие категории населения, их устремления являются главенствующими в деятельности органов власти. Если придерживаться европейской модели демократии, основанной на мнении большинства, то у аборигенов на Севере в принципе не может быть действительного самоопределения, признанного государством и остальным населением.

В ХМАО эта проблема далека от разрешения, что вызвало необходимость принятия специального законодательства, а также потребует большой активности в этом направлении самих аборигенов. Пока кажется, что в округе общинное самоуправление является в большей степени идеей государства и некоторых лидеров движения коренных народов. Но даже небольшой опыт деятельности общин показывает, что многие вопросы взаимодействия с нефтяными компаниями могут быть решены только при наличии организаций коренных народов. Общины могут стать первым этапом их самоорганизации.

Самоуправление в заливе Терпения

Показателем того, что в современных условиях самоуправление представляет уже начавшийся процесс, может служить ситуация, сложившаяся в Поронайском районе Сахалинской области на побережье залива Терпения. Эта ситуации показывает, что в рамках общего государственного правового поля аборигены предлагают отличные друг от друга варианты самоорганизации. На Сахалине было создано несколько родовых хозяйств и община Тый. В 1992 г. они по согласованию с рыболовецким колхозом «Дружба» получили в свое пользование 26 км побережья. Первоначально эти земли были закреплены за Ассоциацией коренных малочисленных народов Поронайского района. Администрация предложила урегулировать вопросы землепользования, так как земля не может быть закреплена за общественной организацией. В то же время аборигены поступили так, чтобы, несмотря на отдельные трудности, разорение хозяйств, этот участок побережья не мог быть передан неаборигенному населению. В 2000 г. была создана артель, которая объединила все хозяйства и смогла создать

необходимую базу для занятий рыболовством в современных условиях. Потом аборигены планировали придать 26-километровой полосе побережья статус территории традиционного природопользования, создать общину, в которую объединить всех желающих аборигенов, занимающихся на этом побережье промыслом, а затем попытаться передать общине некоторые (необходимые им) функции местного самоуправления. Для осуществления этих планов существовала и материальная база, и правовое обеспечение, не хватило ответственной деятельности организации коренных народов и доброй воли администрации, а, может быть, еще в большей степени – желания аборигенов объединяться.

В современных условиях сообщество коренных народов все больше перестает быть объединением людей, имеющих общие цели – традиционное природопользование, развитие языка и культуры и т.п. Хотя нельзя сказать, что эти идеи и стремление к объединению чужды всем. Некоторые лидеры понимают необходимость участия в управлении ресурсами для поднятия жизненного уровня, создания условий для достойной жизни. Одним из немногих, насколько мне известно, примеров такой деятельности является Поронайский район Сахалинской области.

Здесь коренными народами, в первую очередь их общественными организациями, совместно с администрацией создана система органов самоуправления. Постановлением мэра Поронайского района с 2001 г. действует *Совет представителей коренных малочисленных народов Севера при администрации (9 человек).* В его компетенции находятся вопросы, связанные с выполнением областных и местных программ развития коренных народов, а цели создания определяются как «наиболее полный учет интересов» этих народов. Практическая деятельность совета состоит в распределении выделяемых органами государственной власти и местного самоуправления средств.

Совет ассоциации (Местной организации коренных малочисленных народов Севера Поронайского района) – избранные на общем собрании 12 человек, между которыми распределены обязанности. Так как все аборигены – члены ассоциации, то этот орган является номинально верховным. Он утверждает, например, положение о Совете родовых хозяйств. Фактически же все органы самоуправления скорее равнозначные. Роль ассоциации в наибольшей степени проявляется во время путины, когда она оказывает содействие в оформлении документов на путину, организовывает постоянное дежурство для контроля на берегу. Ассоциация и органы власти, в первую очередь правоохранительные, стремятся ограничить доступ посторонних на побережье

в период путины. Городские аборигены рыбачат в черте города, лицензионный лов для них там ограничен несколькими днями. Дежурные, конечно, не могут сами бороться с криминалом, но они могут вызвать рыбоохрану или милицию. Эта практика стала уже нормой на побережье, и мои вопросы о ее действенности вызывали даже недоумение.

Совет родовых хозяйств действует на основании Положения 2002 г., принятого на собрании Совета ассоциации. В него входят главы и председатели родовых хозяйств, общин и национальных предприятий. В Положении закреплены функции этого органа территориального самоуправления:

– содействовать трудоустройству коренных малочисленных народов Севера в родовых хозяйствах,

– оказывать содействие в получении материальной помощи,

– отстаивать и распределять лимиты.

Количество родовых хозяйств в районе колеблется, но не превышает 15–16. Родовые хозяйства имеют промысловый участок на побережье – 2 км, право на который закреплено договором с Сахрыбводом. Аборигены получают право на безвозмездное и бессрочное пользование этим участком для ведения промыслового лова и добычи водных ресурсов. Материальная база родовых хозяйств различна и зависит от материальных возможностей, деловых качеств, демографической ситуации и многих других, часто случайных причин. Большинство хозяйств имеют дома, машины, средства лова, а некоторые и цеха для переработки продукции. Родовые хозяйства обязаны представлять информацию о своей деятельности, уплате налогов в Совет родовых хозяйств и местную ассоциацию коренных народов. Между родовыми хозяйствами распределяются обязанности по участию в общих мероприятиях. Они также берут на себя обязательства по вылову рыбы для тех аборигенов, которые не могут сделать это сами (преимущественно пожилые люди, женщины, которые не входят в родовые хозяйства).

Членом хозяйства может быть абориген или человек, имеющий родственные «корни» с членами данного хозяйства (по учредительным документам). Высшим органом в хозяйстве является общее собрание. Существует родовой совет, главу хозяйства (председателя) выбирают на 5 лет. В реальности, насколько я могу судить по своим полевым наблюдениям, все вопросы решают один-два человека. Родовое хозяйство является самостоятельной и самоуправляющейся организацией, деятельность которой регламентируется нормами местного права. В случае возникновения конфликтов пострадавшая сторона может апеллировать только к общему собранию. В хозяйствах работают менеджеры, которые

могут, быть как аборигенами, так и людьми любой другой национальности, быть наемными работниками или членами семьи. Структура родовых хозяйств достаточно аморфна и строится в большей степени на личных, часто устных договоренностях.

Важнейшим инструментом осуществления властных полномочий со стороны Совета родовых хозяйств является распределение лимитов на вылов рыбы. Совет решает вопрос о сокращении или лишении лимитов на основании: непредоставления отчетности, нарушения правил рыболовства три и более раз, непривлечения на работу аборигенов, невнесения взноса, неосвоения выделенных ресурсов. Совет следит также за уплатой налогов. В этих правилах отмечается презумпция обязательности нарушений правил рыболовства, но здесь соблюдается мера – нарушения не должны быть злостными и их не должно быть слишком много.

Родовые хозяйства являются юридически оформленными предприятиями, но в повседневности они строят свою деятельность на личных контактах и связях. Хозяйственные отношения опираются на широкие культурные основания, образуемые традициями и обычаями, нормами и ценностями, определяющими специфическую для данного общества трудовую и деловую этику. Функционирование деловых сетей основано на том, что контрактные отношения подкрепляются достаточно развитой системой неформальных взаимных услуг, оказываемых в том числе не только на рыночных основаниях. Отношения между рыночными агентами складываются не просто между фирмами, но между представителями этих фирм. Деловые отношения, таким образом, принимают личностную окраску, которая серьезно влияет на процесс принятия ключевых решений[13].

Публичной презентацией деятельности совета и в целом родовых хозяйств является ежегодный праздник – Кормление моря. Эта акция является очень важной для укрепления престижа аборигенных организаций и средством развития толерантности в сфере межэтнических отношений в районе. Аборигены составляют лишь незначительную часть участников праздника. Они проводят обряды, устраивают соревнования по народным видам спорта, фестиваль этнической кухни, таким образом знакомят как свою молодежь, так и все остальное население со своими традициями. На праздник приезжают и гости из других районов Сахалина. Важным моментом праздника является вручение ценных подарков наиболее успешным хозяйствам. Особо отмечу, что весь

---

[13] Ср.: *Радаев В.* Неформальная экономика и внеконтрактные отношения в российском бизнесе. Подходы к исследованию неформальной экономики // Неформальная экономика. Россия и мир / Ред. Т. Шанин. М., 1999. С. 35–60.

праздник финансируется Советом родовых хозяйств, представители администрации участвуют в нем только как гости. Активисты из числа аборигенов полностью берут на себя и организацию праздничного застолья, в котором участвуют все желающие.

Кроме праздника Совет организует и финансирует помощь малоимущим, чествование юбиляров, организацию новогодних праздников и подарков детям, участвует в ремонте мостов. На территории района есть музей и Лицей технологии традиционных промыслов народов Севера. Этим государственным учреждениям родовые хозяйства также оказывают спонсорскую помощь. Финансирование всех этих проектов осуществляется за счет Фонда социально-экономического развития при местной организации коренных малочисленных народов Севера. Он учрежден в 2003 г. и состоит из взносов родовых хозяйств. Положение о фонде принято на общем собрании, на собраниях же публично освещается его деятельность. Средства от родовых хозяйств поступают через банк по мере реализации рыбы. Руководитель фонда в интервью сказала: «Родовые хозяйства вносят, сколько считают нужным, публично на собрании освещается, кто сколько внес. Значит, они нам доверяют».

Наблюдения за деятельностью системы общественного территориального самоуправления в Поронайском районе показывают, что она постепенно создает потенциал не только для роста благосостояния, но и для создания собственной материальной и финансовой базы для развития культуры. Особый интерес вызывает то, что именно этот район в наименьшей степени участвует в Плане содействия развитию коренных малочисленных народов севера Сахалина, который финансируется нефтяной компанией «Сахалин энерджи». Живущие в районе аборигены стремятся, и в какой-то степени у них это получается, найти возможности для развития экономики традиционного природопользования, а значит и своей культуры, помимо нефтяников.

С другой стороны, сложившаяся система стала для аборигенов хорошей школой. Сегодня на Сахалине существует еще один действенный механизм самоуправления в рамках Плана содействия развитию коренных малочисленных народов севера Сахалина – Совет уполномоченных. В нем успешно работают менеджеры из Поронайского района.

Культурное самоопределение

Наряду с общинным самоуправлением аборигены предлагают и другие пути самоопределения – культурного, через свои музеи и фольклорные центры, собственные учебные заведения, использование народной медицины. Важным элементом самоопределения

являются Медвежьи игрища и другие праздники, почитание священных мест и проведение ритуалов. Культурное самоопределение важно для людей во все времена, но особую значимость оно приобретает для аборигенов в период изменения государственной политики. С начала 1990-х годов рост этнического самосознания происходил параллельно изменению государственной культурной политики, манифестации аборигенных культурных ценностей в традиционных культурных формах. В эти годы наряду с развитием государственных музеев, представляющих аборигенные культуры в своих этнографических или краеведческих разделах, стали создаваться местные музеи, непосредственно вплетенные в жизнь аборигенного сообщества.

Местные музеи

Современная музейная деятельность сегодня воспринимается как важнейший элемент возрождения аборигенной культуры. Существует различие государственных музеев и местных аборигенных, последние создаются самими хантами, манси, ненцами. Они стремятся представить ту культуру, которой живут или жили их семьи, о которой они знают по личному опыту. Например, З.Н. Лозямова, которая работает в г. Ханты-Мансийске в Этнографическом музее под открытым небом «Торум Маа», отмечает: «У нас сейчас все мероприятия начинаются с ритуала. Если поглубже задумаешься, то понятно. А когда к нам в музей ходят на жертвоприношение, это уже более серьезно. А все равно место осквернённое. Там как проходной двор. Мы женщины там ходим (традиционно женщинам нельзя ходить на такие священные места. – *Н.Н.*). Взаимопроникновение культур и так бы было, само собой. Я живу в городе, в доме с водой, но я знаю свою культуру, потому что я жила и живу своей жизнью. А для моих детей это не знакомо. И наши сотрудники тоже, они рассказывают прочитанное. Есть разница. Как это выправить и как рядом провести эти цивилизации?» (записано в 2001 г., Ханты-Мансийск). Музеи, которые создают сами аборигены в местах их традиционного проживания, представляют свою культуру из «первых рук», сохраняют ее теплоту, жизненное дыхание, хотя чаще всего они выстраиваются без знания и учета научных и административных рамок.

В последние десятилетия можно говорить о расцвете музейной деятельности в Ханты-Мансийском автономном округе. Именно такое активное освоение мира и презентацию своей культуры демонстрируют многие аборигены и их организации в современном мире и именно это является наиболее ценным завоеванием движения за возрождение культуры. С другой стороны, музей является

достаточно чуждым для аборигенов учреждением. Этнографические музеи чаще всего создаются, чтобы показывать традиционную культуру тем, кто к ней не принадлежит, служат ее сохранению и пропаганде. Аборигенные музеи выполняют несколько функций, сохранение и пропаганда традиционной культуры важны, но не являются единственными, причем в рамках рассматриваемой темы особый интерес представляет именно то, как такие музеи развиваются в контексте промышленного освоения Севера.

В 1980-е годы во многих странах наступает переосмысление роли ученых – собирателей коллекций. Начинается отход от прежнего «колониального» взгляда на музей как хранилище экспонатов умерших культур. А. Кережи отмечает: «Выражаясь кратко, это тот тип поведения, согласно которому “сначала разрушаем, потом оплакиваем”. Основополагающий вопрос, насколько были этически корректны собранные в музеи под знаменем науки коллекции этнографических экспонатов, а также насколько было характерно ограбление анализируемых народов, культур. По-разному отвечают на этот вопрос общество, музеи, а также коренные народы, один за другим создающие свои музеи по всему миру»[14]. Ханты-Мансийский автономный округ демонстрирует эти изменения особенно ярко, так как все процессы здесь приобретают особую остроту в связи с промышленным освоением.

В 1990-е годы аборигены стали создавать маленькие школьные и поселковые музеи не только с целью сохранить свою культуру, но и для того, чтобы показать миру, что *собой представляет их культура*. Эти музеи не подчинялись никаким государственным нормам, а работающие в них люди были их создателями и добровольцами, они не получали зарплату и работали столько, сколько считали нужным, чтобы показывать то, что они считают прекрасным. Конечно, аборигены не используют такие слова. Они, например, ставят чумы на городской площади г. Надыма и приглашают туда всех желающих. Мне довелось наблюдать такой «мобильный музей». Он действовал два дня, пока продолжался праздник День оленевода. Чум, который устроен как обычное, традиционное для ненцев жилище, стал экспозиционным залом. Внутри сидели местные жители и рассказывали всем желающим, что значит тот или иной предмет, отвечали на вопросы посетителей. На площади были поставлены два таких чума, и к ним выстраивались постоянные очереди. Особое значение эти чумы

---

[14] *Кережи А.* Изменения в интерпретации этнографических собраний музеев//Congressus XI. Internationalis Fenno-Ugristarum Pars VII. Dissertationes sectionum et symposiorum ad ethnologiam, folklore et mythologiam. Piliscsaba, 2011. 291–297.

приобрели в связи с тем, что параллельно с Днем оленевода в городе проходила конференция газовиков, которые также могли стать посетителями этих музеев-чумов. Аналогичные чумы ставят уже несколько лет во время весенней выставки «Северная цивилизация» в Москве на ВДНХ.

В ХМАО появилось очень много музеев, практически в каждой деревне. Созданы музеи и в городах, причем для данной темы интерес представляет то, что они создавались не только городскими администрациями, но и промышленными, в первую очередь нефтяными, компаниями. Такие экспозиции могут быть проявлением искреннего интереса к культуре местного населения, но могут быть и элементом «плановой толерантности» или данью моде. Чаще в них показывают оленеводов, так как наиболее просто показать столь экзотическую для «европейского» взгляда картину.

Один из таких музеев есть в г. Лянтор. Его основой стала коллекция художника треста «Сургутэстдорстрой» А.М. Куликова, который в 1988 г. вернулся в Эстонию, а свою коллекцию из 22 предметов быта хантов передал г. Лянтор. Позднее был создан и парк-музей на месте стойбища пимских хантов Колывановых. Эти этнографические экспозиции являются типичными для «колониальных» музеев собраниями ушедшей культуры.

Город Лянтор был построен на месте исторической территории хантов, в городе они живут в специально выделенном районе, который официально называется Национальный поселок, это «хантытаун». Как и это поселение, музей демонстрирует сложившуюся политику взаимодействия между коренными народами и нефтяниками. Хантам здесь отведена роль «рождественской открытки».

В музейном буклете записано: «Хантыйский этнографический музей в г. Лянтор охотно посещают местные жители… иностранные делегации… Все увиденное вызывает у иностранцев неподдельный интерес и восхищение. Они воочию убеждаются в том, как жили люди на этой древней земле сотни лет тому назад». При этом на экспозиции представлены предметы быта, одежда, средства передвижения хантов, которыми они пользуются и сегодня. Из-за наступления нефтяников на стойбищах вокруг города ханты используют их, так как ведут самообеспечивающее хозяйство.

Аборигенные музеи стали попыткой культурного самоопределения. Они являются авторскими проектами, но цель их в большей степени была связана с тем, чтобы самим определить, что является культурной ценностью для коренных народов, как они видят свое культурное развитие в современных условиях. Кроме того, музей – не территория борьбы. Аборигены стремятся дать позитивное представление о своей культуре. Со стороны органов

власти и промышленных компаний возможна поддержка музеев. При интенсивном освоении Севера, сокращении территорий для традиционного природопользования, строительстве городов музеи представляются, возможно, оптимальной формой сохранения традиционной культуры аборигенов и для органов власти, и для промышленных компаний.

Правда, в последнее время бум несколько спал. Музеи в какой-то степени выполнили свою задачу: в начале 1990-х годов их создателям удалось привлечь внимание общества к ценности аборигенной культуры. Повлияли они и на формирование взглядов некоторых молодых представителей коренных народов. Но в целом, при всех достижениях, этнографические музеи не могут заменить живую жизнь. Я хочу рассмотреть историю двух музеев – в Половинке Кондинского района и в Варьегане Нижневартовского района.

Учинский музей в д. Половинка Кондинского района

Кондинские манси представляют в этом смысле большой интерес, так как именно на их территориях открыли первую нефть и начали ее добывать еще до того, как появились правовые рамки взаимодействия промышленных компаний и коренных народов. В современных условиях эта группа почти ассимилирована русскими, на кондинском диалекте мансийского языка говорили единицы уже в конце 1990-х годов.

Учинский музей под открытым небом в д. Половинка был создан Анатолием Николаевичем Хомяковым в начале 1990-х годов. Музей выглядит как старая мансийская деревня. Здесь несколько домов, хозяйственные постройки, есть и священная избушка. Все дышит живой жизнью, как будто хозяева ушли, но скоро вернутся. Идея музея у Анатолия Николаевича появилась, когда он служил в армии и на Дальнем Востоке в первый раз попал в музей, затем вообще стал интересоваться музеями и подумал, что культура манси также может представлять интерес для разных людей. Музей способствует возрождению традиционной культуры и религии. Несмотря на свой возраст (1930 г.р.), Хомяков создает новую экспозицию, где собирает типичные современные вещи, ведь и они когда-то станут стариной, мечтает создать парк-музей в лесу вокруг «священной горы» (это археологический памятник, выступавший местом поклонения манси в течение веков и сохраняющий свое значение и сегодня). Он считает, что так удалось бы сохранить и лес, и памятники истории, да и туристам было бы что показать, ведь уже сейчас приезжают посмотреть музей не только из ближайшего города Урая, но и из-за границы. А еще он хочет

поставить на территории музея «нефтяную качалку», потому что это часть культурного ландшафта манси в современных условиях.

Анатолий Николаевич, как и большинство манси, почти не отлучался со своей родины, и он уже сам как учебник по истории Кондинского края. Я попросила его рассказать, что изменилось в их жизни в последние сорок–пятьдесят лет:

«*Промышленное освоение в Кондинском районе связано в первую очередь с леспромхозами, там и сейчас работают некоторые манси. Часть работает в Урае у нефтяников. Но, когда предприятия стали акционерными обществами, начались сокращения и многих аборигенов, не имеющих специальной подготовки, уволили. Леспромхозы принесли огромный вред, хотя сначала люди были довольны. Они построили школу (до этого дети должны были уезжать в интернат), электростанцию, а потом мы увидели – вырубили все леса, начались пожары, браконьерство. Когда стали сселять манси в большие села, многие колхозы распались и люди оказались без работы и средств к существованию. Экономическое положение за последние годы ухудшилось, и зарплату не платят даже тем, у кого есть работа. Многие и манси, и русские получают пособия по безработице, которое платят более регулярно, и вообще не хотят работать. В последние годы появилась возможность получить родовые угодья, но их нужно обустраивать с нуля, и не многие к этому готовы. Да и хороших земель осталось мало*»[15].

В 1992 г., когда создавался этот музей, Анатолий Николаевич ставил несколько задач. Наиболее очевидным для посетителей представляется его стремление показать культуру манси детям, школьникам. Эта просветительская задача выполнялась не только благодаря экспозиции, где дети могли увидеть старые постройки, интересные, но уже вышедшие из употребления вещи, например печь – чувал и т.п. Наиболее привлекательными, особенно для мальчиков, были занятия в музее. Они учились управлять обласками – долблеными лодками. В музее сделана запруда, где дети могут познакомиться с запорным рыболовством. Есть здесь и курсы рукоделия для девочек, которые учатся плести из бисера.

В этом музее нет стеклянных витрин, и посетители могут взять предметы в руки, познакомиться с их конструкцией. Следующей целью создания музея была как раз попытка помочь современным манси жить на стойбищах, осваивать родовые угодья. Анатолий Николаевич видел, что некоторые молодые манси, которые хотят жить на стойбищах, испытывают потребность в таких знаниях, навыках традиционного природопользования. Им пригодятся тра-

[15] ПМА, 1997 г., д. Половинка.

диционные знания, которые можно получить в музее, посмотрев настоящие предметы и трудовые процессы. И наконец, Хомяков стремился сохранить современную ему культуру. Поэтому он говорил о том, что в музее должны быть представлены и культовые памятники, которыми являются кондинские «круглые горы», и нефтяные вышки. Все это и представляет, по его мнению, современную культуру манси.

Важной функцией музея является коммуникативная. Это место, где встречаются жители, разговаривают, местная поэтесса Алла Копьева читает стихи. Судьба этой женщины очень интересна и типична для округа конца 1990-х годов. Простая женщина, работающая кочегаром, стала писать стихи. И именно это помогло ей осмыслить то, что произошло с ними, кондинскими манси. Она прямо связывает изменения своего сознания и отношение к традиционной культуре с деятельностью А.Н. Хомякова и его жены О.А. Кошмановой, которая возглавляла региональное отделение ассоциации коренных малочисленных народов Севера. Другое мнение о музее высказывали некоторые старики, говоря о том, что им неинтересно ходить в музей, если они живут в лесу на своих угодьях. Действительно, музей – это конструкция, модель жизни, поэтому он представляет интерес для тех, кто следует в своей повседневной практике другим образцам.

Варьеганский музей

Другой пример организации музея связан с именем Юрия Вэллы. За создание этого музея он получил премию фонда Сороса «За подвижничество». На церемонии вручения члены жюри рассказали, как они боялись, что оленевод из Ханты-Мансийского автономного округа – это что-то ненастоящее. Возможно, чтобы прояснить эту и другие подобные ситуации, и создал свой музей в Варьегане Юрий Кылевич Айваседа (Вэлла) – оленевод, поэт, общественный деятель. Его музей показывал жизнь людей Севера – здесь стояли и настоящие дома, и амбары, и святилище. Первый дом, который привезли в музей, принадлежал раньше ханты А.А. Казымкину, в том месте, где он стоял раньше, появились нефтяники. Потом стали перевозить и другие постройки. Так сложился музей. В нем и документы есть, и фотографии, например, отражающие драматическую историю взаимоотношения с нефтяниками. Юрий Вэлла, когда проводил экскурсии, как будто принимал гостей на своем стойбище, да так рассказывал, чтобы людям захотелось здесь задержаться, а может и пожить. Побывавший в этом музее до меня М. Гнедовский при его описании приводит высказывание Ж.А. Ривьера о подобных музеях:

«Экомузей – это зеркало, в которое смотрится местное сообщество, пытаясь отыскать в нем свой образ, зеркало, в которое местные жители дают заглянуть пришельцам, чтобы те могли лучше понять место, в котором они очутились, и прониклись уважением к труду, обычаям и особенностям живущих здесь с давних времен людей»[16]. Юрий Вэлла так определял задачу своего музея и его отличие от других:

«Обычный музей просто хранит вещи. Они лежат под стеклом, люди приходят и смотрят на них. Такой музей позволяет показать нашу культуру для других – горожан или чужеземцев. Нам нужен был совсем другой музей. Мы строили его для себя, своих детей, внуков, чтобы они понимали душу каждой вещи, знали как с ней обращаться, умели сделать ее сами, если надо»[17].

Опыт музея от первого лица был высоко оценен, на его основе Ю. Вэлла создал экспозицию на Первой Международной музейной биеннале в декабре 1995 г. Благодаря своей уникальности музей «Летнее стойбище оленевода» получил первую премию. Эта экспозиция располагалась в подвальном техническом помещении Красноярского Музейного центра, где фоном для нее служили вентиляционные короба. Чум, в котором посетителей угощали чаем, фрагмент кораля, хозяйственные постройки, лодка-обласок оказались окруженными индустриальными предметами. Так, «лаконичными средствами был создан образ традиционной северной культуры, теснимой со всех сторон освоителями нефтяных и газовых месторождений»[18].

Варьеганский музей существует и сегодня, только стал он как бы обычным для этого края. Важнейшим для создателя этого музея было не только представить культуру живущих в районе хантов и лесных ненцев, но и заинтересовать ею. Экспонаты из музея мог взять любой человек, если такая вещь понадобилась в хозяйстве или для проведения обряда, но нужно было обязательно вернуть – ту же или сделанную по ее образцу. По замыслу Ю. Вэллы, таким образом люди научатся делать необходимые для сегодняшнего ведения традиционного хозяйства вещи.

Юрий Вэлла и из своего стойбища сделал музей. Только посетителей там сравнительно немного – это и журналисты, и ученые, и студенты, которые приезжают на летнюю практику, и школьники из интерната. Бывали там и представители администрации, и нефтяники. Это стойбище сегодня представляет традиционную

---

[16] *Гнедовский М.* Тайны под открытым небом// Мир музея. 1994, № 3. С. 8–20.
[17] *Ю. Вэлла* // Северные просторы. 1996, № 3–4. С. 21.
[18] *Гнедовский М.* Мой дом – мой космос // Северные просторы. 1996, № 3–4. С. 19.

культуру хантов и ненцев, то, как они живут, разводят оленей, воспитывают детей.

При вручении премии Сороса прозвучала фраза о том, что Юрий со своим стойбищем стоит на пути непродуманного промышленного освоения. Сам он так говорил о своей роли на земле:

«*Да, если бы моего стойбища не было, естественно, для нефтяников в том месте не было бы совершенно никакого тормоза. Конечно, нефтяники – крутые ребята, что для них какой-то Айваседа с семьей, если они очень захотят, меня там не будет, тем не менее, мое присутствие все же сегодня еще сохраняет тот кусочек земли, тот кусочек леса, который вырабатывает кислород, который дает небольшую отдушинку для нашей планеты. Но еще не менее важно, что здесь сохраняется духовность, потому что я часть духовной ценности моих родственников. Когда моя семья тут живет, и люди планеты знают, что есть такое стойбище и можно приехать посмотреть, пообщаться, воспринять, почувствовать, духовно обогатиться, или хотя бы полюбопытствовать, глянуть, это тоже ценность нашей планеты. И пока я там, это сохраняется. Если меня не будет, лишние граммы нефти появятся, но так как нефтяники очень скверно работают, может и лишнего грамма не появится, потому что больше нефти проливается в реки, озера, спешат нефтяники, технологии у них несовершенные.*

Что такое музей-стойбище? Допустим, мой сосед живет на стойбище, живет своей обыкновенной жизнью, и если к нему приезжает человек из города, общается с ним и, уехав, в своих воспоминаниях снова возвращается, мысленно продолжает общаться, может он ему приснился, может ему приснился пенек, на котором он сидел, я уже считаю, что это стойбище на него подействовало, сыграло уже ту роль, которую выполняет духовный центр. Такое место может называться музеем. И я стал думать, почему бы мое стойбище не могло выполнять роль такого музея, просто быть, просто жить в нем, принимать гостей, можно этих гостей называть посетителями, людьми, приехавшими на экскурсию, а можно просто назвать гостями, а хозяина можно назвать служителем музея, а можно назвать просто хозяином, но когда стойбище влияет на окружающих так или иначе, я считаю, что такое стойбище имеет право называться экомузеем. Я считаю, что многие экомузеи перестали быть такими оттого, что стали регистрироваться, служащие экомузеев стали получать зарплату».

На примере двух авторских музеев можно выделить некоторые характеристики, позволяющие рассматривать их как форму культурного самоопределения коренных малочисленных народов

в условиях нефтяного освоения. На первый взгляд, эти музеи объединяет простота. Культура представлена как повседневная, нет концепта уникальности, часто создатели отказываются от показа шаманов, в отличие от многих других региональных музеев. Эта незамысловатость экспозиций приобретает значение в ходе экскурсии. В музее обязательно должен быть экскурсовод, чаще всего это его создатель. И только благодаря его рассказам собрание вещей становится собранием муз. Замена Хомякова и Вэллы обычными экскурсоводами, даже знакомыми с этнографической литературой, невозможна. Это буквально авторские музеи. В этом смысле они похожи на деревенские музеи в канадских общинах. В 2008 г. я побывала в общине алконгинов Китиган зиби в Квебеке. Это довольно успешная община, одной из сфер деятельности которой является туризм. В их культурном центре сделана небольшая экспозиция, которая в ходе показа старейшины превращается в музей, где представлена вся богатая мифология и культура этого народа.

Общей чертой таких музеев является отказ от историзма. В музеях могут быть представлены несколько археологических артефактов, но их создатели сознательно уходят от представления культуры своего народа в прошлом. Для них и в России, и в других странах, в том числе в США и Канаде, важно показать, что их народы живут сейчас. Создатели этих музеев сознательно уходят от принципов краеведения. Они представляют культуру конкретных народов как современных[19].

Для таких музеев характерен прагматизм. В.А. Шнирельман назвал это явление хранилищем навыков. В качестве примера он приводит музей в г. Виктория на о-ве Ванкувер, в который посетители приходят для получения новых практических знаний и навыков. Музей отвечает запросам иммигрантов, они не делят навыки на «свои» и «чужие». Автор отмечает: «Они относятся к ним чисто инструментально и осваивают их либо для коммерческих целей, либо для того, чтобы украсить свой дом и разнообразить свою жизнь, либо из эстетических соображений»[20]. Анализируемые сибирские музеи также выступают школой традиционного природопользования и демонстрируют прагматичный подход к проблеме возрождения.

Местные авторские музеи в свое время сыграли существенную роль в культурном самоопределении коренных народов. Создатели музеев через презентацию культуры конструировали идентичность хантов, манси и ненцев как коренных народов.

---

[19] Ср.: *Шнирельман В.А.* Музей и конструирование социальной памяти: культурологический подход // ЭО. 2010, № 4. С. 22–23.

[20] Там же. С. 10.

Следующий проект самоуправления связан с организацией образования в округе. Здесь было несколько таких попыток. Это и культурно-антропологическая школа на Казыме, и летние лингвистические лагеря, и стойбищная школа Ю. Вэллы. В какой-то, но меньшей степени этим же целям служили и национальные школы с преподаванием языков и предметов, связанных с культурой коренных народов. Один из таких шагов предприняли в деревне Шугур Кондинского района ХМАО, создав национальную школу. Там есть музей (это уже почти обязательный атрибут в любом населенном пункте округа), рыболовецкий стан, где мальчиков учат делать традиционные средства лова и пользоваться ими, на уроках физкультуры дети знакомятся с национальными видами спорта, как отдельный предмет изучается культура народов Севера. Учителя в Шугурской школе в основном молодые, и они многому учатся вместе с детьми, стараются побольше узнать о культуре манси, коренных жителях Кондинского района. В школе преподается и мансийский язык. Я была на одном таком уроке во втором классе: дети читают и переводят, они не могут говорить на этом языке. Во-первых, это другой, северный диалект, на котором никогда не говорили здесь, а во-вторых, и это, наверное, главное – с ними никто не может говорить на мансийском языке. У детей хорошая память, они учат мансийские стихи и охотно их читают, но возродить мансийский язык на Конде, вероятно, уже невозможно. На востоке округа существуют интернаты. Некоторые активисты, например А.С. Сопочина, стараются помочь приезжим учителям, знакомят их с культурой хантов, основами этнопедагогики. Если таких заинтересованных знатоков культуры не оказывается, то об особенностях северного аборигенного воспитания учителям приходится знакомиться по литературе. Для всех учреждений образования важно сочетание опыта и знаний профессиональных педагогов и так называемых бабушек. В 1990-е годы такая практика широко использовалась, впоследствии образование приобретало все более формальный характер.

Во всех таких учебных заведениях в большей или меньшей степени проявилась деятельность под свою ответственность. Проект стойбищных школ является одним из вариантов такой деятельности. Дети в школе должны получить те же знания, что и поселковые школьники, но в отличие от последних они живут вместе с семьей, а не в интернате. Такая школа позволяет использовать традиционные способы воспитания, дети становятся более самостоятельными, приспособленными к жизни. Кроме того, и их родители, оставаясь на стойбище, оказываются в лучших,

более комфортных психологически, условиях, чем в поселке, где царят безработица и пьянство. Школа создала и дополнительные рабочие места для членов семьи. В конечном итоге дедушка и бабушка надеются, что у внуков будет возможность и получить образование, и жить на стойбище, занимаясь оленеводством. Эта школа испытывала большие трудности в обеспечении педагогическими кадрами, каждый год учителей нужно было искать. Но главной проблемой проекта стойбищной школы является его временность. Это был авторский проект, связанный с деятельностью одного человека – Юрия Вэллы, к сожалению, у него не нашлось последователей в ХМАО.

Похожий проект осуществляется в Ямало-Ненецком округе – этнопедагогическое стойбище, организованное писателем и общественным деятелем А.П. Неркаги. На нем учащиеся занимаются по трем программам: «Будущие оленеводы, или Жизнь в дороге предков», «Женщина – хранительница очага», «Выживание в тундре в экстремальных условиях (жизнь в лесу)». Все три программы созданы Неркаги. У школы есть небольшое стадо оленей. Обучение ведется в соответствии с традициями воспитания детей в традиционных ненецких семьях. Об этом эксперименте известно немного[21]. Очевидно, что эти проекты показывают неудовлетворенность существующими видами учебных заведений на Севере.

Подобное культурное самоопределение является попыткой влиять на политику через воспитание и образование подрастающего поколения. Если бы такие школы приобрели массовый характер, то они смогли бы, вероятно, воспитать новое поколение аборигенов. Пока же все подобные проекты являются экспериментальными и поэтому могут рассматриваться лишь как попытка «осуществления деятельности под свою ответственность». Но то, какое и в какой форме будут аборигены получать образование, может существенно повлиять на развитие самоуправления, поэтому я считаю нужным рассматривать проблему образования в контексте перспектив самоуправления коренных народов. Когда говорят об образовании коренных народов в районах промышленного освоения, чаще всего обращают внимание на то, что у них есть два пути – интернат и традиционное образование на стойбище, после которого они могут вести только традиционный образ жизни.

В начале 1990-х годов ученые и педагоги пытались предложить инновационные модели, которые позволили бы соединить

---

[21] Цит. по: *Мухачев А.Д., Харючи Г.П., Южаков А.А.* Кочующие через века: оленеводческая культура и этноэкология тундровых ненцев. Салехард; Екатеринбург, 2010. С. 72–73.

ценности традиционной системы и лучшие образцы современного образования, создать что-то наподобие Царскосельского лицея для аборигенов. Эта модель была разработана московскими и местными учеными и педагогами и получила название Культурно-антропологическая школа (КАШ). Ее директор О.А. Кравченко связывала цели ее создания и работы в подготовке детей-аборигенов к успешной жизни в современном обществе. Культурно-антропологическая школа, в которой наряду с обычными обязательными предметами преподавались три языка коренных народов и дети обучались традиционным занятиям и навыкам, ставила целью дать всем своим выпускникам высшее образование. По различным причинам проект не удался.

Стойбищная школа преследует те же цели, хотя они более приближены к традиционному природопользованию. Эксперт в этом вопросе Е.А. Немысова, первый директор Института возрождения обско-угорских народов в г. Ханты-Мансийске так объясняет значение образования для коренных народов: «*Мы занимались вопросом, стоит ли ребенка учить рыболовству, охоте, оленеводству, когда возможности для ведения традиционного хозяйства сокращаются, экология ухудшается. Сейчас в национальных школах это преподается. Однозначно ответить на этот вопрос трудно. В основном традиционный образ жизни сохранился в Сургутском районе, а там самые активные разработки нефти, поэтому вряд ли их дети смогут отстоять этот образ жизни. Дети, когда заканчивают 8-й класс, не могут жить ни на стойбище, ни в городе. До 10 класса мало кто доучивается. Кто раньше из школы уходит, тот лучше адаптируется к традиционной жизни. После школы многие попадают в поселки и вообще не могут приспособиться к жизни, создать семью. Если они получают высшее образование и возвращаются в лес, они могут тоже что-то принять из этой жизни, способствовать ее развитию, чтобы связь с большой землей была у стойбищ, чтобы потом дети там тоже могли получить образование. Лучше бы вообще стойбищные люди могли получать высшее образование, обустраивалась бы жизнь, становилась комфортной. Тогда сами ханты и манси смогли бы организовать сбыт своей продукции. Традиционный образ жизни вряд ли считается почетным, но это каждый для себя сам решает. Часто вопрос ставится так, является ли он целесообразным*».

Очевидно, что без создания адекватной целям развития коренных народов системы образования их существование в современном мире затруднено. Первоначально модель КАШ вписывалась в проект создания этнической статусной территории

Касум-Ёх. Она должна была быть связана с семейным воспитанием, включена в сеть производственных, гуманитарных, социально-культурных практикумов, взаимодействовать с хозяйственными и социальными структурами на уровне соучастия в реальных мероприятиях, а также взаимодействовать с вузами. В горизонтальном плане КАШ должна была со временем создать филиалы в сельских общинах[22].

Модель интерната, предложенная советской властью для организации всеобщего образования коренных народов, сохраняется и сегодня. В годы перестройки аборигенная интеллигенция подвергала ее жесткой критике. Впоследствии отношение к интернатам изменилось, и создается впечатление, что сегодня такая система стала универсальной.

Промышленное освоение диктует свои правила, в качестве примера гибкой системы образования может быть приведена программа, принятая в г. Инувике (Северо-Западные территории Канады). Здесь еще до принятия решения о прокладке газопровода в долине р. Макензи в местном колледже начала работать программа по подготовке необходимых для промышленных компаний работников, причем обучение ведется гибко, готовят разных специалистов. По программе обучаются люди любого возраста, преподаватели выезжают непосредственно в общины, обучение занимает период от нескольких недель до нескольких лет.

Консорциум компаний в качестве основной задачи своей политики в отношении коренных народов называет обеспечение занятости. Существует четкий план, определены необходимые трудовые вакансии и пути подготовки кадров. Конечно, эта стратегия не может быть единственной. Тем более, в Ханты-Мансийском автономном округе далеко не все молодые люди стремятся работать в нефтяной отрасли. Но из многих бесед с информантами становится очевидно, что основным мотивом обучения для них является перспектива получить работу. Не видя достойных перспектив, родители часто забирают детей из школы, считая, что там для них больше негативного, чем позитивного. Важно учитывать также разницу в подходах к воспитанию детей в традиционных семьях и школах-интернатах. Необходимо отметить, что традиция направлена на воспитание самостоятельной и ответственной личности, по мнению многих современных родителей, именно этого не хватает школам и интернатам.

---

[22] Касум-Ёх. Материалы для обоснования проекта этнической статусной территории. Шадринск, 1993. С. 102–106.

Воспитание детей через следование образцам без принуждения

К детям относятся очень осторожно, о них стараются мало говорить, а когда они подрастают, родители не навязывают им своей воли. Ханты говорят: «Глаза есть, смотри». Это относится в первую очередь к детям. Они просто видят, как живут их родители, что и как делают, и повторяют. К детям относятся ласково, их не дергают по пустякам, кажется, что им позволено все. Но на деле это приводит к очень раннему воспитанию у них ответственности за свои поступки. Если ребенок делает правильно, он почувствует одобрение и в следующий раз сделает так же.

Г.Н. Грачева писала о нганасанах: «Внутри семьи любая инициатива и любое поведение ребенка считалось таким, как если бы он был взрослым. Важен пример старших членов семьи и большое желание им подражать. Иногда детские проделки были связаны даже с некоторым ущербом для хозяйства, но и это не влекло за собой наказания. Так, например, при мне один из малышей пяти лет, очевидно, подражая действиям шамана, привязал себя за штаны к верхней лямке брезентовой палатки, где в это время жила семья. Начав прыгать, как обычно это делает шаман во время камлания, он разорвал палатку сверху донизу, выдрав из нее основательный клок. Семья спокойно отнеслась к неприятной необходимости починить палатку. Когда я попыталась вытащить того же сопротивляющегося малыша из прибрежной засасывающей глинистой грязи, где он мог буквально утонуть, поскольку она уже доходила ему до пояса, мои действия были остановлены дедом: “Не надо, пусть сам”. Со страхом я отошла, а дед посоветовал уйти совсем. Мы оба поднялись на высокий речной берег, и малыш уже за пределами нашей видимости остался один барахтающимся в глубокой грязи. Через некоторое время он, к моей величайшей радости, появился возле чума, в то время как ни дед, ни бабушка не выразили по этому поводу никаких суждений или эмоций. Их лица оставались вполне спокойными. Через некоторое время, когда нужно было собраться для еды, бабушка его переодела»[23].

Такая система воспитания сохраняется, конечно, в основном в тех семьях, где дети живут с бабушками и дедушками, так было всегда в северном сообществе, да и сегодня здесь традиция в основном передается от дедов к внукам. Дети в таких семьях вырастают добрыми и ласковыми и часто не подготовленными к столкновению с государственной системой обучения и массовой

---

[23] *Грачева Г.Н.* Социализация детей и подростков в традиционном обществе // Традиционное воспитание детей у народов Сибири. Л., 1988. С. 53.

культурой. Наша школа пугает северных детей, они не привыкли, чтобы на них кричали, чтобы им что-то приказывали. Когда я беседовала с девушками ханты и манси, которые вернулись работать в Ханты-Мансийский автономный округ после окончания Педагогического университета им. А.И. Герцена, многие из них говорили, что самым большим потрясением в школе был для них окрик учительницы, эмоциональное переживание об этом сохранялось у них в течение длительного времени. Очень часто такая реакция приводит к тому, что дети аборигенов замыкаются, не отвечают на вопросы учителей и попадают в категорию умственно отсталых. Действительная этнопедагогика подменяется тем, что, например, в задачах вместо яблок они считают уток.

Учитель О.А. Кравченко (в тот период директор КАШ) рассказывала мне об одной своей ученице, ставшей на время ее учителем. Сама Ольга Александровна прекрасно знает хантыйский язык, а Яна учила ее своему родному ненецкому. Девочка зашла к ней и сказала: «Я буду учить тебя ненецкому языку. Сначала смотри и слушай, не повторяй. Хорошо слушай». Яна показывала на рисунки в книге и называла их на своем языке. Назвав с десяток, она посчитала, что достаточно, и попросила учительницу: «Теперь я буду говорить, а ты тоже говори». О.А. Кравчено так описывает эту ситуацию: «Я послушно повторяю за ней ненецкие слова, понимая, насколько сложен этот язык и как неправильно произношу я звуки. “Молодец, – подбадривает меня Яна. – У тебя хорошо получается”. И терпеливо произносит еще и еще раз. Я удивилась, откуда у семилетней девочки столько такта, терпения, выдержки? Где она научилась, у кого видела? Или это природное чутье, дар?»[24].

Такая система воспитания приводит к тому, что дети смотрят на мир широко открытыми глазами, мир представляет для них интерес. Но так сложилось, что часто современный мир, который окружает детей за границами стойбища, не представляется им интересным, они не знают его и не очень стремятся узнать. Особенно это чувствуется в районах активного нефтяного освоения. Дети здесь часто не только не хотят узнать о жизни и работе нефтяников, но и боятся их. Причем этот неинтерес взаимный. Однажды учительница в школе г. Мегиона (одного из нефтяных городов) спросила меня: «*Почему наши дети играют в индейцев и не играют в хантов*?» Вероятно, воспитание толерантности – это не только воспитание без принуждения, но и взаимное расширение кругозора, и воспитание стремления узнать другой мир и другую культуру.

---

[24] *Кравченко О.* Кем станет внук Великого Охотника // Северные просторы. 1996, № 4. С. 47.

Подводя итог анализу различных форм самоуправления в Ханты-Мансийском автономном округе, можно отметить следующее. В традиционном мировоззрении аборигенов Западной Сибири проблемы самоуправления, как представляется по историческим свидетельствам и полевым материалам, не существует. Выбор пути развития был предопределен природными условиями и типом хозяйства. Различные народы (или общины) или вступали в отношения обмена, или жили отдельно, автономно, не вмешиваясь в жизнь соседей, имея возможность хозяйственно осваивать значительные территории. В течение длительного времени, когда эти народы осваивали Север, они выработали механизмы взаимоотношений с природой и людьми. Нормы их обычного права строились на договоренности между соседями, согласованности действий.

В настоящее время на законодательном уровне и в общественном сознании аборигенов получила развитие идея самоуправления как возможного варианта существования коренных народов в современном мире. Практически в этом направлении сделано еще очень мало. Тем не менее создание и работа общественных объединений коренных народов, в первую очередь Ассоциации коренных малочисленных народов Севера, Сибири и Дальнего Востока, в центре и в регионах проживания аборигенов, развитие общин, попытки культурного самоопределения, создание представительных органов власти, с одной стороны, и борьба коренных народов за конституционные права – с другой, в конечном итоге могут привести к установлению партнерских отношений в государстве и обществе и повышению качества жизни коренных малочисленных народов Севера. Воспитание и образование детей в рамках обычного права позволяют прививать им навыки самостоятельного ответственного существования, а без этого невозможно никакое самоуправление. Именно в рамках передачи традиций может быть достигнуто понимание того, что самоопределение – это самовоспитание. В этом смысле аборигены Российского Севера проходят путь, похожий на опыт других стран, ведь «нет единой всемирной формы самоопределения, и “право на самоопределение” должно рассматриваться как “процессуальное право”, а не как право на предопределенный результат»[25].

---

[25] *Henriksen J.* Implementation of the Right of Self-Determination of Indigenous Peoples. Indigenous Affairs 3. IWGIA. Kobennhavn, 2001. P. 14: Цит. по: *Даль Й.* Гренландский вариант самоуправления // Участие коренных народов в политической жизни стран циркумполярного региона: российская реальность и зарубежный опыт. М., 2003. С. 37.

2. Установление диалога в поликультурном обществе: дарообмен, договор, экономическое соглашение

Коренными народами Севера накоплен определенный опыт установления диалога в мире, в котором они живут. Он включает в себя отношения в природе и обществе, с естественным и сверхъестественным миром. Знания о правилах такого поведения люди получают в детстве, в семье и в дальнейшем используют их как «матрицу» в своей жизни. Все, что резко противоречит этим правилам, вызывает дискомфорт, стресс, приводит к конфликтам. Внимание к нормам «потенциальной толерантности» может способствовать предотвращению таких явлений. При этом роль этнографов заключается в изучении «народной толерантности», а затем в самом широком знакомстве с ней общества и государства, потому что одной из причин конфликтов является страх, а неизвестное страшит. Это взаимный процесс – люди боятся государства, государство боится их, представители одной культуры боятся представителей другой, поэтому установление партнерства требует определенных усилий, посредническую роль в которых как раз и могут играть этнографы. Интерес представляют обычаи, регламентирующие отношения коренных народов с природой, богами и людьми, а также те механизмы, которые позволяют им установить эти отношения.

В современном мире особенно острым стал вопрос о ресурсах, их использовании и управлении. Для аборигенов, ведущих традиционный образ жизни, т.е. занимающихся охотой, рыболовством, оленеводством и собирательством, доступ к ресурсам является жизненно важной, но не единственной проблемой. Успех промысловой деятельности зависит от многих обстоятельств, в том числе и сверхъестественных, поэтому столь важную роль в их жизни играют жертвоприношения. И чем сложнее и опаснее промысел, тем неукоснительнее выполняются правила взаимоотношений с духами и богами. В этнографической литературе широко распространены представления о жертвоприношении как дарообмене, во время него устанавливаются личные отношения всех участников. Духи выступают партнерами в труде, и на них переносятся представления об обязательности во время промысла.

Особый интерес представляет существование у некоторых народов Севера представлений об особых богах договора. Так, у хантов и манси такую роль играл *Мир сусне хум,* само название которого «*за миром наблюдающий человек*» и различные черты

позволяют сближать его с Митрой, древнеиранским мифологическим персонажем, связанным с идеей договора[26].

Именно он устанавливает многие обряды и выступает арбитром в отношениях людей с духами. К этому божеству обращаются шаманы и простые люди во время жертвоприношений и через него передают свои просьбы о благополучии. Широкое распространение культа *Мир сусне хум*'а – «всадника на белом коне» у таежных охотников и рыболовов, имеет древние истоки и соответствует одной из основных черт их мировоззрения – представлениям о договоре.

Пути, которые сами аборигены предлагают для установления диалога с нефтяниками и властями, отличны от государственного правового взгляда и подразумевают большую вариативность в решении проблем. Может показаться, что аборигены вообще против государственного регулирования земельных отношений, но это не совсем так. Они, на мой взгляд, против жесткого формального закрепления этих прав во всей стране раз и навсегда. Подобная практика не является особенностью нашей страны. Существует международный опыт заключения соглашений государства с общинами, например в Канаде, что не исключает, конечно, закрепления основных прав аборигенов на общефедеральном и конституционном уровнях.

В международной практике договорным отношениям уделяется большое внимание, часто даже такие договоры оказываются для определенной группы более важными, чем все остальные нормативные документы. Именно так говорил мне о значении Заключительного соглашения с инувиалуитами в Северо-Западных территориях Канады Р. Байндер[27]. Таких соглашений заключено к сегодняшнему дню уже множество.

В России иная историческая традиция, связанная с историей освоения северных территорий. Но в отношениях с промышленными компаниями договорные отношения стали актуальными. Почему именно эта форма отношений получила наибольшее распространение? Договор играет большую роль в сегодняшней жизни хантов, манси и лесных ненцев, а традиция договора-дарообмена имеет у них длинную историю. Я не собираюсь проводить прямые параллели между этими отношениями, но хочу показать, что они представляют одну из черт их менталитета и носят ценностный характер.

---

[26] Более подробно см.: *Топоров В.Н.* К иранскому влиянию в финно-угорской мифологии // Финно-угорские народы и Восток. Тарту, 1975; *Новикова Н.И.* Традиционные праздники манси. М., 1995.

[27] ПМА, 2006; Люди Севера. Права на ресурсы и экспертиза. М., 2008. С. 101–104.

Жертвоприношение занимает центральное место в обрядах обских угров и часто выступает минимумом обряда. Оно является основной формой взаимодействия с духами как попытка воздействовать на духов, принося им дар в надежде получить что-то взамен. Так как, по представлениям этих народов, все леса, реки, озера имеют своих духов-хозяев, охотники и рыболовы для успешного промысла заключали союз с духами. В таких отношениях может не быть посредника, каждый человек может совершить обряд. Жертвоприношения могли быть и коллективными, когда все участники или приносят жертву, если это возможно, или выполняют определенные действия по отношению к жертве, как бы закрепляя свое участие в ритуале.

Так, например, у манси особенно большой размах имели осенние жертвоприношения, после которых начинался пушной промысел. У кондинских манси такие обряды устраивались на горах (в качестве которых обычно выступали археологические памятники – городища, имеющие форму естественных холмов). В этом случае гора и растущее на ней дерево были покровителями данной территории и живущей на ней группы людей. Люди, совершив обряд, считали себя вправе ждать от духов покровительства в охоте, ответных даров. Во время таких праздников жертвоприношение должны были совершить представители каждой семьи или каждый участник. В этом случае они могли ждать от духов ответных действий, если же этого не происходило, то изображение духа могло быть избито, брошено, уничтожено. Представления и обряды манси, зафиксированные мною во время полевых исследований, не являются особенными, напротив, в этом проявляются общие черты культуры аборигенных народов: взаимность, принудительность, благодаря чему определенные действия, с одной стороны, предусматривают ответные действия, с другой – эквивалентность, договорность[28].

И сегодня сохраняют свое значение осенние жертвоприношения в восточных районах округа, они бывают массовыми. На такое жертвоприношение никто не приезжает по своей воле, нужно получить специальную палочку, которую молча передают из рук в руки. Иногда на таких жертвоприношениях люди молятся богам, чтобы те защитили их от нефтяников. Такие встречи сегодня служат укреплению социальных связей, благодаря им встречаются люди, живущие на стойбищах на огромных территориях. По словам информантов, на таких встречах могут обсуждаться

---

[28] *Лотман Ю.М.* «Договор» и «вручение себя» как архетипические модели культуры // Ученые записки Тартуского государственного университета. Вып. 513. Тарту, 1981. С. 3.

и вопросы обычного права, приниматься решения о правильности и действенности той или иной нормы.

Представления о дарообмене-договоре нашли отражение и в нормах обычного права. В этнографической литературе есть свидетельства существования у коренных народов договорных отношений как с соседями, внутри сообщества, так и с русскими. Причем, если первые обычно закреплялись в рамках традиционных установлений – рукобитием, угощением, в более серьезных случаях клятвой на медвежьей лапе, то вторые, с русскими, могли оформляться письменно[29]. На свои отношения с нефтяными компаниями коренные народы перенесли черты обязательности, характерные для их отношений с духами.

Наиболее важной сферой взаимоотношений на Севере стало противостояние промышленного освоения и традиционного природопользования. Основным регулятором отношений между представителями коренных народов и нефтедобывающими предприятиями в Ханты-Мансийском автономном округе являются экономические соглашения, в которых перечисляются обязательства сторон. Обычно они закрепляют согласие семьи, владеющей родовым угодьем, на отвод земли под промышленное освоение при выполнении определенных обязательств.

В современных условиях часто получается так, что обязательность, как правило, при заключении договоров выполняется только одной стороной – аборигенами, и это приводит к возникновению конфликтных ситуаций. Мне несколько раз доводилось присутствовать во время заключения таких договоров. В Ханты-Мансийском автономном округе существует устоявшаяся практика, которая часто строится не только на положении закона, но и на установившихся неформальных правилах, часто противоречащих законодательству и нарушающих права аборигенов. На одном из собраний по заключению экономических соглашений в г. Лянторе я была свидетелем такого «диалога».

Механизм заключения экономических соглашений строится на бесправии хантов, вызванном их незнанием законов и своих прав. И здесь мы имеем дело именно не с толерантностью, а с пассивностью. Лишь один из участников собрания высказывал обоснованные претензии к нефтяникам – охотятся и рыбачат, хотя не имеют на это права, держат собак, которые нападают на оленей, хотя это запрещено, ездят на снегоходах по пастбищам, бросают технику на речках, в течение нескольких лет не выполняют

---

[29] *Зибарев В.А.* Юстиция у малых народов Севера (XII–XIX вв.). Томск, 1990. С. 188.

свои обещания. Во время бесед с хантами и лесными ненцами, заключающими такие соглашения, и собраний, которые устраивают компании для их подписания, мне приходилось видеть, что аборигены соглашаются на условия, даже когда предыдущие не были выполнены. При этом, когда я спрашивала, зачем они подписывают новые соглашения, если не выполнены старые, в ответ слышала: «Они когда-нибудь выполнят, обещали. Мы посмотрели друг другу в глаза, после этого, как можно нарушить договор». «*Посмотреть друг другу в глаза*», по представлениям аборигенов, является гарантией выполнения договора, причем с обеих сторон.

И очень часто ханты или другие аборигены считают невозможным нарушить правила, к которым они привыкли с детства, но которые не соответствуют сегодняшней практике, а выход из этого психологического конфликта ищут в алкоголе и самоубийствах. В 1992 г. по инициативе транснациональной нефтегазовой компании АМАКО на Ямале была создана Рабочая группа общественного согласия для установления отношений с коренным населением Севера. Группу возглавила советник АМАКО по общественным делам П. Крэндон, а членами стали представители Газпрома, коренного населения, местной администрации. В литературе по рассматриваемой проблеме хрестоматийным стало описание встречи в апреле 1993 г. с оленеводами, летние пастбища которых расположены вблизи Бованенкова, британским журналистом Б. Александером. «Мудрый Худи Нюделит не мог не сознавать, что кое-кто из его гостей несет беду его семье и народу, грозит гибелью его жизненному укладу и культуре. Но он до конца оставался образцовым хозяином: пожимал руки, желал счастливого пути. Никто в отлетающем вертолете и не подозревал, какая трагедия произойдет вскоре на стойбище. Через несколько часов Худи Нюделит повесился»[30].

Изучение практики заключения экономических соглашений между аборигенами и нефтяниками показывает пагубность односторонней терпимости и еще раз доказывает, что толерантность может быть только взаимной. При этом мы видим, что нормы обычного права и традиционные представления о договоре в большей степени соответствуют правовым идеалам государства.

Заключение экономических соглашений, необходимость проживания и хозяйствования на одной территории приводят к необходимости проведения переговоров, в которых аборигены выступают одной из сторон и для успешности которых существенную роль могут играть именно особенности их культуры.

---

[30] Северные просторы. 1995, № 1.

В современных условиях основным регулятором отношений между аборигенами и нефтяными компаниями являются экономические соглашения. На них аборигены переносят свои представления о договоре с духами, определяя их обязательность и возможность расторжения при несоблюдении условий. О стремлении аборигенов сохранить свою систему ценностей свидетельствует тот факт, что в настоящее время особенно в восточной части округа все значительные общественные события сопровождаются жертвоприношениями. В объяснении о необходимости их проведения фигурировала мысль о том, что «*жертвоприношение* (в данном случае. – *Н.Н.*) *как печать*».

Несмотря на то что компании часто позволяют себе не выполнять некоторые пункты соглашений, такая форма считается в Ханты-Мансийском округе оптимальной и нашла отражение в региональном законодательстве. Недовольство соглашениями возникает также из-за того, что нет равенства заключающих их сторон. Ханты понимают: «Мы если нефтяников уже запустили, обратно никак невозможно. Ни дороги, ни буровые не уберем. Земля уже использованная, если соглашение не сделаешь, земля все равно уже буренная. Рыба и дичь уже ушла, только для себя добываем. Даже если рыба будет ловиться, но столько, как раньше, уже не добудешь. Если раньше за год по 20 тонн, то теперь, если две поймаешь, уже хорошо. Оленей уже не осталось, в основном машины, снегоходы – бензин надо».

Соглашения с главами родовых угодий заключаются на один год, хотя компания получает эти территории по лицензионному соглашению на весь период работы. Некоторые аборигены пытаются не соглашаться, изменять какие-то условия, но сделать это становится все труднее, так как земли для традиционного природопользования сокращаются, окружаются промышленными объектами и борьба становится бессмысленной. Все понимают, что это недобровольный договор. Не договор по обычному праву.

3. Стратификация аборигенного сообщества и формы проявления протеста

Мне часто приходилось слышать такие рассказы аборигенов о первых встречах с геологами и нефтяниками, и складывается впечатление, будто в глубине души они боятся русских и стремятся уйти от них. А все приезжие здесь воспринимаются как русские, т.е. как представители русского государства. Нынешнее поколение аборигенов Западной Сибири не сохранило воспоминаний о первых годах политики советского государства, которая

в какой-то степени учитывала местные особенности, но люди помнят предвоенные годы репрессий. Агрессивная политика советизации и коллективизации, строительство ГУЛАГа привели к образу «русского врага».

Сейчас в сознании многих аборигенов соединились историческая память и осознание современного положения, ухудшение которого тоже часто связывается с «русской властью». Интересное наблюдение содержится в публикации Л. Тарагупты: «В хантыйском языке бытует выражение рущ йие. В историческом плане это понимается как “русская эпоха”, а в социально-психологическом – “под русскими”, то есть под властью Русского государства. Это понятие особенно утвердилось после установления советской власти. Русскими обычно считают все пришлое население с европейскими чертами лица»[31]. Аборигены Ханты-Мансийского автономного округа сегодня не представляют единой массы в отношении к промышленному освоению. Самое грубое приближение позволяет выделить три группы.

Городские жители

Они или равнодушны, или, чаще всего представители интеллигенции, в самом общем плане поддерживают борьбу за права аборигенов. Хотя их представления об этом движении также дифференцированы в отношении нефти и меняются со временем. Так, Е.Д. Айпин – один из первых борцов с нефтяным освоением, автор многих публицистических и художественных произведений на эту тему, на пресс-конференции в апреле 1996 г. (в то время президент Ассоциации народов Севера, Сибири и Дальнего Востока) высказался за создание национальных (имея в виду участие в них аборигенов) нефтяных компаний, что предполагает развитие этой отрасли и участие в ее доходах, а следовательно, и заинтересованность в росте этих доходов.

Поселковые аборигены

В своем большинстве они хотят получить прибыль от развития нефтедобычи. Эта группа в наибольшей степени является воплощением советского наследия на Севере. Для них характерна иждивенческая позиция, при том что сегодня они хотят только получать, но получать больше, чем «при советах». Эта группа достаточно велика, чтобы влиять на общественное мнение в период выборов, особенно местной власти. Нефтяники обычно легко договариваются с такими людьми.

---

[31] *Тарагупта Л.А.* Современная социально-психологическая ситуация на севере Тюменской области // Народы Северо-Западной Сибири. Томск, 1995. Вып. 2. С. 208.

«Живущие в лесу»

Небольшую группу аборигенов составляют те, кто живет сейчас «в лесу», как они говорят. Эти люди занимаются охотой, рыболовством, оленеводством, ведут кочевой или полуоседлый образ жизни, т.е. сохраняют те социальные характеристики, которые были сформулированы в 1926 г. при выделении группы «малые народы Севера». Эти люди в наибольшей степени воплощают в жизнь представления о традиционном образе жизни.

Группа, конечно, также неоднородна, но ее представителей объединяет стремление *остановить экспансию нефтедобычи на границах своих угодий – территорий традиционного природопользования*. Сегодня их отношения с нефтяниками носят наиболее конфликтный характер. Выразителем их интересов в Ханты-Мансийском автономном округе являлся Юрий Вэлла – оленевод, поэт, общественный деятель (в рассматриваемый период – президент Союза оленеводов-частников Ханты-Мансийского автономного округа). Он был организатором многих акций против нефтяников в 1990-е годы, которые вылились в противостояние официальной идеологии. Ю. Вэлла считал, что на тех месторождениях, которые уже разрабатываются в округе, работы ведутся недостаточно интенсивно, не соблюдаются экологические требования, поэтому новые работы не нужно начинать. А по тем месторождениям, которые находятся на угодьях аборигенов, необходимо заключить экономические соглашения, которые соответствовали бы действительным потерям и прибылям сторон. У представителей этой группы аборигенов есть наиболее полное идеологическое обоснование своих действий. Ю. Вэлле даже удалось в первые годы вписать в экономическое соглашение специальные усиленные экологические требования. Правда, его борьба привела к разрыву отношений с нефтяниками.

Интересно, что представления о большой дифференциации аборигенного общества нашли отражение и в работе по казымским хантам этнографа Т.А. Молдановой (ханты, работающая в Югорском университете), которая имеет больше, чем я, возможностей изучать эту культуру изнутри. Она пишет: «Сегодня слово “ханты” без дополнительных прилагательных обычно применяется к тем людям, которые живут в лесу и ведут традиционный образ жизни. Следующей группой являются “вош хара павтум хантет” – “ханты, которых в деревни (города) свели”, т.е. поселковые ханты. Эта группа, в свою очередь, делится по роду деятельности на тех, кто “рую ропата верл” – “русскую работу выполняет”, и тех, кто “ханты ропатаен вол” – “хантыйской работой живет”. А по образу жизни и мировоззрению – на тех, кто “рущ пела таласл” –

“в сторону русских тянется”, и тех, кто “ханты пела таласл” – “в сторону хантов тянется”. В данной группе полно или частично сохраняется язык, культура, но уже происходит размежевание по ценностным установкам и ориентирам. И наконец, третья группа – это “руща ювум хантет” – “русскими ставшие ханты”, т.е. обрусевшие, те ханты, которые утратили язык, культуру и ведут современный (нивелированный) образ жизни»[32].

Среди стойбищных хантов в последние годы появилась еще одна категория. «В связи с техногенным наступлением на земли коренных народов Севера в хантыйской разговорной лексике появилось новое определение *хунтам ёх* “беженец”. Так, на “русский манер”, в верховьях рек Пима и Тромъегана стали называть тех, кто боялся строить стационарные жилища и предпочитали жить в чуме, чтобы в случае наступления нефтяных вышек вновь уйти вместе со своими оленями на другое место. Мултанов Афанасий Сергеевич таким образом менял место жительства шесть раз»[33].

Отношение коренных народов Севера к развитию промышленности на их земле носило двойственный характер. Это особенно хорошо выразили многие писатели и поэты ханты и манси, но особенно ярко, на мой взгляд, это отражено в стихотворении простой женщины манси Аллы Копьевой, которая работает кочегаром в деревне Половинка Кондинского района.

Может это быль

Может это быль, а может небыль.
Может это ветер мне шепнул.
Там, где сосны вековые смотрят в небо,
Жил когда-то молодой вогул.

Жил с семьей безбедно и беспечно.
Сети плел, имелося ружье.
Рыбы было много в местной речке,
И окрест водилося зверье.

На дары щедра была природа.
Ягод – море, за окном кедрач.
Беспокоясь о продленье рода,
Песнь любви там выводил косач.

---

[32] *Молданова Т.А.* Историческое и современное деление казымских хантов на различные группы по данным фольклора и современным представлениям // Проблемы административно-государственного регулирования межнациональных отношений в Тюменском регионе: исторический опыт и современность. Тобольск, 1995. С. 77–78.

[33] *Сподина В.И.* Влияние этнических стереотипов на характер русско-угорско-самодийских отношений. Текст любезно предоставлен автором статьи.

Лебеди садились на озера,
Красотою радуя глаза.
И никто не знал тогда, что скоро
Над тайгой прокатится гроза.

Нет не та гроза – дитя природы.
Вертолеты с неба упадут.
Зарычат в урманах вездеходы.
К озеру бурильщики придут.

Поначалу весело казалось.
Смех и песни, вышки в облака.
А тайга ворчливо отзывалась
Эхом, затаившимся в логах.

Может это быль, а может небыль.
Может перепутал что-то ветер.
Там, где буровые смотрят в небо,
Был кедрач – остался только пепел.

Местная речушка обмелела.
Рыба не заходит уж в нее.
И не пролетает лебедь белый.
В глубь тайги спасается зверье.

Может это быль. Сама не знаю.
Или это ветер мне шепнул.
В озеро поблекшими глазами
Грустно смотрит пожилой вогул.

Сыновья ушли на буровые.
Полтайги сгорело – плачь не плачь.
И слезинки катятся скупые.
Он теперь как раненый косач.

Формы проявления протеста со стороны аборигенов

В начале промышленного освоения у аборигенов вообще не было возможности влиять на государственную власть и нефтяные компании, которые стали работать в округе в середине 1960-х годов. Но с началом перестройки ситуация изменилась, и хотя в то время не было никаких оградительных для коренных народов законов, люди находили свои методы политической борьбы, часто применяя привычные для охотников средства в противостоянии с властями и промышленниками. Один из первых рассказов о таком противостоянии я записала на Конде: «*В 1990 г. манси остановили на границах своих рыболовных угодий химлесхоз, поставив на них огромный слопец* (по конструкции похожий на настоящую охотничью ловушку. – *Н.Н.*) *и блокировав мост. Рабочие ехали*

ночью, но дежурившие у слопца манси спали в пол-уха и, когда слопец захлопнулся, вскочили и остановили рабочих»[34].

Местные манси – лесные люди – считали, что химлесхоз работает варварскими методами и леса могут погибнуть от этого. Тогда власти решили избежать конфликта. Возможно, из-за отсутствия дорог они не очень были заинтересованы в промышленном освоении района. Манси пропустили рабочих, чтобы они забрали свои вещи и ушли. Сейчас эти семьи манси живут общиной, успешно развивая традиционное хозяйство. Правда, вблизи их родовых угодий нашли нефть. На Конде знают, что это такое, поэтому надеются, что не найдется инвесторов. В общине «Карым» не ретрограды, они не только успешно охотятся и рыбачат, но и поставили маленький перерабатывающий завод, широко пользуются другой современной техникой. Вот только то, как работают нефтяники, и то, что те сделали с землей на Конде, приводит манси в ужас.

Взаимоотношения аборигенов и нефтедобывающих корпораций с самого начала носили характер противостояния. Но с 1990 г. они переросли в конфликт. Формой его выражения стали пикеты, организованные известным поэтом, вождем лесных ненцев Юрием Вэллой. Он сделал попытку разрешить конфликт способами, которые используются в традиционной культуре.

Первый открытый конфликт произошел в 1990 г., когда лесные ненцы и ханты перекрыли дорогу, а на мосту через р. Лухкопл, недалеко от г. Радужного поставили чум. Аборигены составили черный список преступлений нефтяников и отправили телеграмму Президенту М.С. Горбачеву со своими требованиями. «Первое – передать земли нашей исторической родины в собственность родовых общин коренных народов. Второе – отношения между промышленными предприятиями и родовыми общинами строить на договорных основах. Третье – всю власть на местах передать создаваемым родовым советам». Тогда водители машин, шедших с грузами и вахтами на промыслы, присоединились к пикету и подписались под требованиями аборигенов. И люди поверили, что положение изменится[35].

Причиной пикета послужил отвод земель под Западно-Варьеганское месторождение без согласования с аборигенами. Поведение нефтяников вызывало возмущение. Они портили угодья, на тяжелых машинах ездили по пастбищам за грибами и ягодами, на дороге сбивали домашних оленей, находили также и мертвых

---

[34] ПМА, Карым, 1997 г.

[35] *Айпин Е.* Чум на дороге раздора // Московские новости, 14.10.1990.

оленей с дробью. Аборигены составили акт на все нарушения, которые допустили нефтяники, и поставили чум на дороге.

Вот что рассказывают об этих событиях их участники: «*После пикета все пошли в клуб, где собралось очень много народу с обеих сторон. Нефтяники предложили заплатить 1,5 млн рублей, чтобы установить как бы нулевой вариант, то есть забыть о всех их нарушениях. Тогда это были большие деньги, и был соблазн согласиться, но аборигены выставили свои требования, которые в результате были выполнены. После пикета на все нефтеразведочные и нефтедобывающие работы стали спрашивать согласие аборигенов. И даже если это согласие было формальным, все же важно, что искали хоть какую-то подпись. Кроме того, два раза в месяц Варьеганнефтегаз стал предоставлять вертолет для облета стойбищ. Это очень важно, так как чаще всего на стойбищах нет никакой связи с внешним миром, средства передвижения ограничиваются снегоходом и оленьей упряжкой или лодкой*». Значение этого пикета было еще и в том, что он был первым. Требования аборигенов носили морально-политический, а не экономический характер. Нефтяники не смогли откупиться деньгами. Тогда конфликт впервые был определен, сформулирован, даже больше не словами, а действиями. Последнее обстоятельство заслуживает специального внимания, и я ниже скажу о включенности политической борьбы и особенно пикетов в систему культуры аборигенов.

Следующий пикет состоялся на крыльце Нижневартовскнефтегаза, когда там проходили торги. Юрий Вэлла предложил заявить о существовании аборигенов на той земле, в которой будут добывать нефть. Тогда аборигены решили выдвинуть требование о доле коренных жителей в доходах от продажи нефти. В пикете участвовало 4 человека. Они поставили чум, на нем развесили свои лозунги, таким образом заявив о себе. Аборигены просто стояли на площади, но все, кто шли в здание, видели их и могли познакомиться с их требованиями. Хотя прямых результатов этот пикет не принес, он был одним из этапов роста политического сознания аборигенов.

Третий пикет состоялся в 1992 г. перед зданием Варьеганнефтегаза в г. Радужном. Речь шла о приватизации месторождений. Перед этим аборигены обращались в различные организации по приватизации, но их интересы никто не собирался учитывать. Тогда снова поставили чумы. Один из плакатов назывался «Варьеганский Чернобыль». Во время пикета демонстрировались фотографии – свидетельства варварского обращения с природой со стороны нефтяников. Эти материалы хранятся в Варьеганском

музее, они стали «историко-культурным памятником». Еще до того как о взаимоотношениях аборигенов и нефтяников стали писать ученые, сами ханты и ненцы поняли значение всех этих свидетельств для науки. Можно сказать, что такое отношение к своей культуре вообще характерно для современных аборигенов. Многие из них понимают, что культура находится под угрозой, и поэтому создают свои архивы. В округе есть несколько фольклорных архивов, материалы которых являются важнейшими источниками по языкам и фольклору. Кроме того, материалы по отношениям с нефтяниками есть в Варьеганском музее, а материалы по конфликту, связанному с Тянским месторождением, находятся даже в Государственном архиве ХМАО, составляют личный фонд А.С. Сопочиной – активного участника событий.

Во время третьего пикета заняли автостоянку перед зданием, и туда никто не мог проехать, так как на входе поставили машину. Аборигены расположились в своих чумах, пили там чай. Телевидение вело съемку. Собралось довольно много народу. Руководителей пикета пригласили к главному инженеру. Генеральный директор был в это время в Москве. Ю. Вэлла говорил с ним по телефону. Юрий сказал ему о тех нарушениях, которые допускают нефтяники: это и экологические нарушения, и бездомные собаки, и задавленные машинами олени. Он выдвинул требование выделить Западно-Варьеганское месторождение аборигенам. Механизм достижения цели представлялся следующим: хозяином этого месторождения, по его мнению, должна была стать администрация Варьегана, а через нее и все население поселка. Администрация становится хозяином на месторождении и с этой позиции строит свои отношения с нефтяной компанией, которая будет добывать нефть. Генеральный директор пообещал обратиться к В.С. Черномырдину и попросил снять пикет. Договорились на том, что когда генеральный директор вернется из Москвы, он приедет в Варьеган и договорится с местными жителями. На это стороны согласились. Эту встречу мы можем рассматривать как начало диалога между конфликтующими сторонами. Особого внимания заслуживают те символы, которые выражают новую политическую культуру коренных малочисленных народов.

Возможно, даже сами аборигены не задумываются часто над тем, почему они используют те или иные элементы своей культуры сегодня. Это происходит как бы естественно. Включая политическую борьбу в свою жизнь, а значит и культуру, они придают ей те формы, которые значимы для их образа жизни. В культуре аборигенов больше используется действие, чем слово. Многие понятия вообще никогда не выражаются словами,

о многом нельзя сказать. Поэтому сама форма пикета, выбранная Ю. Вэллой, очень органична для их культуры. Сегодня далеко не все аборигены живут в чуме, но представление о своей культуре в современном мире они могут дать без лишних слов, поставив чум в городе.

Этот процесс вовлечения современной культуры и политической борьбы в систему культуры аборигенов продолжается, и его исследование представляет особый интерес.

В процессе формирования новой культуры взаимодействия коренных жителей и нефтяников большую роль сыграл Варьеганский музей под открытым небом. В последнее время в этом музее стали проводить не только собрания местных жителей, но и встречи с представителями другой культуры. Генерального директора Варьеганнефтегаза посадили в музее на оленью шкуру. Аборигены приготовили на открытом огне рыбу, чай. «*Побили в бубен для настроения*», – как сказал Юрий Вэлла. Но даже если использовался игровой бубен, это произвело впечатление на нефтяника.

В такой обстановке стали обсуждать вопросы приватизации. В результате этих переговоров определили, что 10% доходов от продажи добытой нефти будут у коренных жителей. Уже тогда все понимали, что это очень большая цифра. Потом, когда вопрос решался органами власти различного уровня в районе, округе, стране, эта цифра стала 5%, а когда началась приватизация, в эту долю вошли все экологические и некоторые другие службы: комитеты по охране природы, рыбинспекции, охотинспекции, комитеты Севера. В результате аборигенам осталось только 2–2,5%. Но даже на их основе была создана коммерческая фирма «Титул». Сейчас она является чековым инвестиционным фондом, где 51% акций принадлежат аборигенам. Если эта доля по какой-нибудь причине снижается, то совет директоров должен следить, чтобы она опять вернулась на прежний уровень.

Вероятно, можно было бы рассматривать создание «Титула» как большое завоевание. И многие аборигены так это воспринимают. Это действительно шаг вперед, но процедура создания фонда не учитывала развития, т.е. месторождения работают, влияют на окружающую среду, портят все новые земли, а вложение денег в фонд было разовым, в дальнейших доходах аборигены уже не участвуют. В последующие годы мне вообще не удалось выяснить, куда пошли средства этого фонда.

Следующий пикет проходил перед зданием администрации в г. Ханты-Мансийске перед майскими праздниками 1995 г., когда на аукцион были выставлены месторождения, находящиеся

на землях хантов и лесных ненцев. Еще зимой Юрий Вэлла обратился через газету к администрации округа с просьбой снять месторождения с конкурса.

«Прошу снять с конкурса нефтяные месторождения Выинтойское и Южно-Выинтойское. Здесь живет моя семья и семьи трех моих родственников. Наша жизнь, будущее наших детей и внуков полностью зависят от целостности оленьего пастбища. Нам не нужны взамен нашей земли компенсационные и прочие блага европейской цивилизации. Они неприемлемы для условий Севера. Надо сохранить гармонию северной цивилизации. Не нарушить хрупкую, но единую цепочку – земля – ягель – олень – оленевод – внук оленевода. Сегодня нефтяные разработки вокруг нас не дают возможности сдвинуться в сторону. Не вынуждайте нас идти на крайности.

Вождь племени Юрий Айваседа (Вэлла).
Стойбище на Тюйтяхе».

Он также выступил по телевидению, отправил телеграмму главе администрации и ждал приезда его заместителя В.И. Карасева, который возглавлял Комитет по нефти в округе. Все эти действия ни к чему не привели, представители органов власти не вступили в диалог, поэтому аборигены решились на следующий пикет. Он был поддержан многими хантами и манси, проживающими в Ханты-Мансийске, в первую очередь сотрудниками Института возрождения обско-угорских народов, окружного Центра культуры народов Севера и др.

Во время пикета особенно ярко проявилась ритуализация современной политической культуры народов Севера. У ненцев был такой обряд – если в чуме умирал человек, его могли там оставить, повернув чум входом на «ночную сторону». Чум превращался в могилу. Ю. Вэлла решил воспроизвести этот обряд во время пикета.

Чум поставили перед зданием администрации. В нем находилось чучело, изображавшее администрацию. На чуме надпись «Осторожно! В чуме больной. Не кричать!» На чучеле листовка: «Приблизительный диагноз – нефтяная чума? Окончательный диагноз – ...» Последнее должна была определить администрация округа[36]. Когда еще до пикета Ю. Вэлла рассказывал о своих планах, он сказал: «*Если администрация будет с нами говорить и согласится не трогать нашу землю, мы поймем, что администрация вылечилась, и разберем этот чум. Если нет, мы будем считать, что*

[36] Полевые материалы автора; см. также: *Глухих А.* Ленин тоже отвернулся // Новости Югры, 11.05.1995.

больной умер, и чум оставим прямо на площади, повернув его на ночную сторону. Мы, коренные жители, будем считать, что наша администрация заразилась тяжелой болезнью и умерла».

Этой акцией удалось лишь на некоторое время приостановить продажу месторождений. Яркая театральность пикета не только привлекла к нему внимание, но и свидетельствует о поисках компромисса с властью и нефтяниками в первую очередь со стороны аборигенов. Цель этой борьбы – не вернуть земли и прекратить нефтедобычу, как может показаться, а остановить ее на тех границах, которые сегодня существуют между промышленно освоенными территориями и землями традиционного природопользования. Политическая борьба аборигенов облекается в форму пикетов, но она не агрессивна. Они не находят отклика, их не понимают и не принимают, а они снова и снова выходят на площадь.

Следующий пикет планировалось провести в июне 1996 г. Напряжение в отношениях с нефтяниками в это время было связано с тем, что в Сургутском районе прекратили выдачу документов на родовые угодья. Аборигены выступали за то, чтобы были выданы государственные акты на земли, где фактически живут и занимаются промысловым хозяйством и оленеводством семьи хантов и ненцев. К этому времени в администрацию Сургутского района поступили заявления от аборигенов на 147 родовых угодий, по 96 были приняты постановления главы администрации, но только 30 главам семей выдали временные акты. Представители администрации ссылались на отсутствие правовой базы для решения этой проблемы. Они считали, что на земли, которые уже предоставлены под промышленное освоение, претендуют аборигены.

Причина в том, что земли под родовые угодья предоставляют по остаточному принципу, часто затягивается оформление бумаг на участки, где планируется добыча нефти, т.е. фактически в Сургутском районе аборигены могут быть выселены со своих земель, если это понадобится нефтяникам. В постановлении главы администрации округа, а вслед за ним и Сургутского района, родовые угодья названы землями «побочного пользования (оленеводства, охотничьего и рыболовного промыслов, сбора дикоросов)», и их границы должны быть согласованы после проведения аукционов с предприятиями-победителями[37]. Как видно из документов, администрация отдавала приоритетные права на распоряжение землей нефтяникам, а не аборигенам (более подробно экономические

---

[37] Постановление Главы администрации Ханты-Мансийского автономного округа № 21 от 02.02.95 «О предоставлении родовых угодий»; Постановление Главы администрации Сургутского района № 21 от 06.03.1995 «О предоставлении родовых угодий».

соглашения рассматриваются в гл. 5). Пикет в июне не состоялся, аборигены смогли договориться с нефтяниками, которые пошли на некоторые уступки, но это не значит, что не возникнет снова необходимость подобной акции.

Важными элементами сложившейся синкретичной политической культуры коренных народов Севера стала презентация «своей» культуры через образы культуры «пришлого» населения и включение политической системы страны в картину мира аборигенов. Процесс этот происходит на наших глазах, что создает определенные трудности при его интерпретации. При исследовании политической культуры мы имеем дело скорее с интерпретациями интерпретаций и «угадывание значений, оценивание догадок и выведение поясняющих заключений из наиболее удачных догадок», по словам К. Гирца[38], строятся в данной работе на соотнесении деклараций и действий как со стороны аборигенов, так и со стороны часто противостоящих им государственной власти и частного бизнеса. Если механизмы установления диалога между государством и обществом, частью которого являются аборигены, нам более известны, то аборигенная политическая культура мало исследована.

Эта культура рассматривается как «выражающее действие», включающее стандартизованные и уникальные символы[39]. В данном случае сложность заключается в том, что рассматриваемые символы – *олень и чум*, сочетают черты и того, и другого, т.е. к их привычной семантике добавляется уникальная. В рассматриваемой ситуации мы сталкиваемся с «эффектом двойной реальности», когда ритуал приобретает черты ритуализованного, игрового поведения, когда мир воспринимается и как реальный, и как условный, а у ритуала появляются зрители[40].

Обращение к ритуалу и ритуализованному поведению в условиях конфликтов в сфере природопользования связано со стремлением аборигенов быть услышанными, донести до власти свои требования, когда обычные правовые методы оказываются малоэффективными. Через ритуал делается попытка включить в свой мир «нетрадиционных» участников (президента, администрацию).

Чум на городской площади становится минимумом ритуала. Сейчас далеко не все аборигены живут в чумах и даже не все имеют чумы в качестве временного жилища. Но он играл большую

---

[38] *Гирц К.* Интерпретация культур. М., 2004. С. 28.

[39] *Лич Э.* Культура и коммуникация. Логика взаимосвязи символов. М., 2001. С. 18–19.

[40] *Байбурин А.К.* Ритуал в традиционной культуре. СПб., 1993. С. 22–23.

роль в традиционной оленеводческой культуре и наряду с оленем является образом их культуры. Здесь значимо все. Чум как жилище отражает образ жизни. Он не только максимально адаптирован к природным условиям, но по нему можно проследить и социальный статус живущих в нем людей, и их мифологические представления, а при более глубоком исследовании и в целом существующую в этом обществе модель мира.

Чум в городе и по его форме, и по материалу, из которого сделан (оленьи шкуры), воспринимается как знак аборигенной, чужой, альтернативной культуры даже для тех людей, которые не будут вдаваться в различные семиотические тонкости. Возможно, даже сами аборигены не задумываются часто над тем, почему они используют те или иные элементы своей культуры. Это происходит как бы естественно, т.е., включая политическую борьбу в свою жизнь, а значит и культуру, они придают ей те формы, которые значимы для их образа жизни. Поэтому сама форма пикета, выбранная Ю. Вэллой, очень органична для их культуры, чум выступает не только знаком конфронтации, но и попыткой установления диалога, через чум на площади происходит освоение нового для аборигенов пространства городской, государственной культуры.

Подобный подход подробно исследован В. Тэрнером на примере отношения к близнечеству в Африке. Он пишет: «В обществе, основанном на родстве, с близнечеством можно сделать две вещи. Либо можно сказать, подобно мальчику, впервые увидевшему жирафа: “Я не верю этому” – и отрицать социальное существование биологического факта, или же, принимая факт, можно попытаться учесть его. Если попытаться учесть факт, то нужно, поскольку это возможно, заставить его казаться не противоречащим всей культуре»[41]. Для разрешения возникшего конфликта в традиционной культуре возможны две тактики ритуального поведения: «чужое либо выпроваживается из своего мира, либо его превращают в свое»[42]. Для хантов и лесных ненцев чум как временное жилище становится и убежищем при вынужденных перемещениях, когда нефтяники занимают все новые земли. Из-за недостатка пастбищ аборигены в ХМАО вынуждены сокращать свое кочевание, при этом я видела у лесных ненцев избушки, внутри оформленные как чумы. Возможно, со временем у чума появятся еще какие-то функции, но как средство и пространство борьбы он используется и аборигенами в других странах, такой опыт прошли норвежские саами.

---

[41] *Тэрнер В.* Символ и ритуал. М., 1983. С. 140.
[42] *Байбурин А.К.* Ритуал в традиционной культуре. С. 191.

Стержнем культуры коренных народов Севера и ее основным символом является *олень*. Между оленем и человеком существует неразрывная связь, поэтому не случайно в современной жизни именно через оленя Ю. Вэлла попытался установить контакт с государством и президентом как гарантом Конституции. Для аборигенов «олень всегда прав». Он – центр их культуры. Олень подчинился человеку, но не до конца. Он всегда сохраняет долю независимости, в отличие, например, от бесконечно преданных человеку лаек. И люди, понимая это, стараются подстроить свою жизнь под него, живут в его ритмах. Российские аборигены считают, что оленя нельзя кормить, чтобы он не разучился добывать себе корм сам. Оленя нельзя обижать, потому что, не имея возможности ответить человеку, он может навредить себе или своим детенышам. Человек в этом мире просто идет за оленем, а иногда даже не идет, а только думает, «мысленно пасет оленей», ведь эти животные знают сами, где им нужно кормиться, где отдыхать, когда возвращаться домой. Обладание оленем позволяет человеку быть свободным, дает ему ощущение ценности своей жизни, даже, можно сказать, придает смысл этой жизни.

Ритуал посвящения оленя президенту явился попыткой установления связи между президентом и людьми, которые следуют по жизни за оленем. В традиционном мировоззрении коренных народов быть вождем означает не столько иметь власть, сколько брать на себя ответственность. Такой человек должен отвечать за живущих рядом с ним. Именно с этих позиций воспринимают аборигены и современную политическую систему, и роль государственных лидеров в ней. Поэтому, для того чтобы обеспечить защиту аборигенам, важно было установить такую связь, включить президента в систему аборигенной культуры. Через проведение этого ритуала президент становился «своим», была сделана попытка установить с ним партнерские отношения и, кроме того, показать президенту то очевидное для народов Севера, но не очевидное для власти обстоятельство, что на Севере России живут не только нефтяники и газовики, но и оленеводы.

В современных условиях границы между культурными и этническими группами становятся все более проницаемыми. Аборигенные сообщества все более стратифицируются, все более широкий спектр интересов становится для них актуальным, они все больше подвергаются аккультурации и ассимиляции. И именно оленеводы являются теми людьми, которые отстаивают уже самим своим существованием право на инаковость в современном мире.

Юрий Вэлла пытался приобщить людей с «материка» (как часто называют на Севере живущих в городах или в центре Рос-

сии) тем, что посвящал им оленей. Особенно важным он считал посвящение оленя президенту как гаранту Конституции, а следовательно, и прав аборигенов. Юрий так рассказывал об этом:

«*В марте 1996 года на священном месте в Нумто во время жертвоприношения мы с женой посвятили специально купленного оленя президенту России. Если его не устраивает, что я пасу его оленя, он может его забрать. Это не олень Ельцина, это олень президента, пока он президент, у него на этого оленя все права, вплоть до того, что он может его забить, но если он перестанет быть президентом, то автоматически олень переходит новому, и так с каждым президентом. Олень живет согласно нашим обычаям. Прежде всего, у этого оленя есть шанс жить вечно. В стаде всегда идет отбор, и может оказаться, что сегодня этого оленя нужно забить. Но тогда я должен заменить его другим оленем. Если у этого оленя появится потомство, то оно тоже будет принадлежать президенту.*

Вообще олень влияет на человеческую жизнь. Имение оленя, обретение оленя для человека большой почет и большая ответственность. Между оленем и его хозяином налаживается некая связь. У нас считается, что человек без оленя, не имеющий такой связи, – несчастный человек, бедный человек. Олень приносит радость. Человек считает, что он главнее, чем олень, что он управляет оленьей жизнью, когда надо, перегоняет туда-сюда. Недавно я пришел к такой мысли, что это совершенно не так. Это человек так считает. А на самом деле человеческая жизнь полностью зависит от жизни оленя. Олень является центром мира.

И в какой-то момент я думал, мечтал, чтобы между нашим президентом и оленем была такая связь. Олень все-таки положительно влияет на человека. Я хотел бы, чтобы это отражалось на жизни президента, его деяниях. Олень – хрупкое существо. Он может заболеть или исчезнуть. Если это произойдет не по моей вине, я не возмещаю ущерба. Если мое пастбище попадет под месторождение и я не смогу больше пасти свое стадо, то я забиваю всех оленей – своих и президентских. И в этом случае я не возмещаю ущерба президенту, ибо вина лежит не на мне. Скорее, это вина самого президента, который имеет возможность и должен создавать в своей стране благоприятные условия жизни – для разных людей и для своих оленей».

При возникновении и развитии конфликта с нефтяниками Ю. Вэлла постоянно апеллирует к президенту как олицетворению государственной власти. Судьба президентского оленя складывается достаточно драматично. Рождающиеся у нее, а это важенка, оленята не живут долго, то погибнет от бездомных собак,

то замерзнет в снегу. Это воспринимается аборигенами как знак неуспешности того человека, которому посвящен этот олень. Некоторые люди считают, что вообще не нужно было делать такой обряд, раз президент отдает земли и пастбища нефтяникам. У ненцев считается, что олень дается человеку на удачу. Для того чтобы стадо было большим, недостаточно быть хорошим оленеводом и хорошо следить за оленями, нужно еще обладать «оленьим счастьем». Совершение обряда посвящения оленя президенту явилось попыткой установить связь между главой государства и оленными людьми, сделать его «следующим за оленями, следящим за оленями и людьми», ведь именно так воспринимается «вождь» в традиционной культуре. Можно рассматривать этот ритуал как шаг со стороны аборигенов навстречу власти. Пока этот подарок остался без отдарка.

Еще одним важным символом традиционной культуры является *дорога, путь*. Отношение к ней далеко не однозначное. Не случайно у манси появилась пословица «*Не живи у большой дороги – дом потеряешь*». Понятие пути имеет большое философское значение, путь рассматривается как судьба, обретение. В современных условиях – часто потеря. Один из основных принципов их традиционной культуры – «*не наследить*». Дороги – это тоже след. Местные люди часто обращали мое внимание на то, что вездеходы на Севере не ездят по одной колее, чаще всего они пробивают себе все новые и новые дороги. Водители даже не задумываются, сколько они портят земли.

У аборигенов особое отношение к дорогам, перекресткам. Охотник никогда не ляжет спать или даже не присядет отдохнуть на дороге. Не людское это место. А когда на Севере появилось много дорог, эти мифологические представления нашли как бы еще одно отрицательное для сознания людей подтверждение.

Для истории развития частного оленеводства в Ханты-Мансийском округе в последние двадцать лет интересна судьба семьи О.П. Айваседы (ныне покойного). В конце 1990-х годов он считался самым богатым оленеводом в округе. 20 лет назад у него было два оленя, а своим сыновьям он оставил около 500. Во время нашего знакомства он обустроил уже третье стойбище: с двух предыдущих его вынудили уйти нефтяники. Стойбище большое, на нем жило пять семей и земли, казалось, было достаточно. Но оно находится на границе с Ямало-Ненецким округом, и уходить ненцам уже некуда, а нефтяники все теснят и теснят со всех сторон. Нефтяники здесь уже лет пятнадцать. А когда начинали бурение, семья О.П. Айваседы только приехала в эти места.

«*Мы тогда относились к рабочим нормально, пусть работают на здоровье. Думали, земля большая, а она оказалась малень-*

кой. Однажды на озеро вертолет прилетел, они на охоту пошли и наших оленей убили, а ведь мы их предупреждали. В тот раз мы у них мясо забрали, но теперь они прилетают на вертолете или на машине подъезжают прямо к озеру, бьют наших оленей, рыбачат на наших угодьях», – рассказывал Олег Панчиевич. Вертолет не оставляет следов на земле, но он оставляет след в сердцах тех людей, у кого с этого вертолета убили и увезли оленей...

Сейчас в Ханты-Мансийском автономном округе много дорог, между городами они даже очень хорошие, между поселками и стойбищами похуже, но аборигены их берегут, ведь часто они – единственная связь с внешним миром, который здесь олицетворяет поселок: там есть администрация, почта, магазин, школа, больница, т.е. все те минимальные блага, существование которых горожане даже не замечают. Есть такая связующая нить и между стойбищем на Тюйтяхе и поселком Варьеган. Именно с ней связана драматическая история конфликта между нефтяниками и семьей Ю. Вэллы, произошедшая в 2000 г.

Тогда рабочие ЛУКОЙЛа разрушили дорогу, и Ю. Вэлла со своей семьей оказались свидетелями этого. Они уверены, что это было сделано для того, чтобы ограничить доступ стойбищных семей в поселок, где есть средства связи. Компания объясняла свои действия тем, что они перестали пользоваться мостом и поэтому его убирают. В этом событии можно увидеть самоуправство компании, которая считает себя хозяином территории. Традиционные средства защиты семьи приобрели форму «самозащиты прав», регламентируемой Гражданским кодексом. Эти события привели к судебному процессу, который подробнее описан в главе 3.

Рассмотренные формы противостояния стали знаками конфликта не по воле аборигенов. В ситуации постоянного интенсивного отторжения земель под промышленное освоение аборигены использовали уже традиционные средства, простые попытки вести переговоры с нефтяниками оказались малоэффективными. Расширение переговорной площадки, включение в нее ритуала помогли привлечь общественное мнение к проблемам аборигенов, но, однако, не привели к желаемому результату. Сегодня, в том числе и в данной работе, предлагаются другие пути установления диалога. Важно подчеркнуть, что инициатива сотрудничества принадлежит коренным народам. Конечно, нужно учитывать, что они доведены до предела, они понимают, что если не смогут установить отношения, то нефтяной каток сметет их. Но такой взгляд является односторонним. Скорее, это проявление их ответственности за свою судьбу, за свою землю и за своих оленей.

4. Слово и молчание как культурные границы. О чем и почему молчат аборигены

Слово и молчание в мире коренных народов выполняют коммуникативную функцию, причем во многих важных ситуациях приоритет принадлежит именно молчанию. Молчание выступает и культурным маркером аборигенов, важнейшим кодом и средством их презентации в современном мире. Молчание является своеобразным паролем во взаимодействии коренных народов с окружающим миром, но чтобы понять его и суметь интерпретировать, необходимо исследовать культуру аборигенов, понять, почему и когда они говорят или молчат. Молчание можно сравнить с вечной мерзлотой, которая является основой сохранения арктической природы. Представителями других культур молчание или недоговоренности аборигенов часто воспринимаются как недостаток последних.

Право на слово и молчание

Речь и молчание выступают неразрывными характеристиками мира коренных народов Севера. Особенно ярко они проявляются в сфере их взаимодействия с промышленными корпорациями и органами государственной власти. Именно с целью дать аборигенам право голоса в государственной правовой системе и было принято посвященное им законодательство в России. Без этого их чаяния и интересы относились к сфере молчания со стороны государственных органов. И это молчание значило пустоту. Оно создавало пропасть между коренными народами и правительством, человеком и государством. Коренные малочисленные народы в России вышли из этого молчания в 1993 г., когда была принята новая Конституция, потом были приняты законы, регламентирующие их положение в государстве, но и сегодня многие проблемы далеки от разрешения. Сказанное или написанное слово воспринимается как норма жесткой регламентации и часто не соответствует механизмам передачи информации, принятым в традиционных обществах. Эта же черта культуры характеризует поведение аборигенов в суде, невозможность для них говорить о некоторых вещах. В современных условиях это может быть связано с их неопытностью и правовой неграмотностью. Как и большинство людей в России, они испытывают недостаток правовых знаний и навыков их применения. Вместе с тем в культуре аборигенов есть много запретов, когда нельзя, например, говорить о маленьких детях или о священных местах. По закону «О гарантиях прав» в суде должны учитываться обычаи и традиции коренных народов, а значит, и существующие

у них запреты. В таких случаях антрополог может выступить экспертом-посредником в суде, дать необходимые пояснения, ведь только специалист может объяснить суду суть таких умолчаний. При этом нужно знать, что судебное заседание по просьбе участников процесса может быть в особых случаях закрытым и можно воспользоваться этим правом.

Правда, пока таких судебных процессов сравнительно немного. Их анализ показывает, что особенности традиционного образа жизни, аборигенного мировоззрения часто становятся препятствием для вынесения справедливого решения, так как просто остаются непонятыми судьями. Различия в средствах коммуникации участников таких процессов создают дополнительные сложности, но они неотъемлемы от нормативной культуры и должны стать предметом изучения не только антропологов, но и юристов.

Международное право более чувствительно к особенностям коммуникации в культуре коренных народов. В 1992 г. была принята Конвенция ООН о биоразнообразии, которая предусматривает обязанности государств-участников в области сохранения и поддержания традиционных знаний и практик коренных народов, имеющих значение для сохранения биологического разнообразия. Результатом работы конференции по этой конвенции стали «Добровольные руководящие принципы Агуэй-гу проведения оценок культурных, экологических и социальных последствий предлагаемой реализации проектов в местах расположения святынь, а также на землях и в акваториях, занимаемых или используемых коренными и местными общинами». В этом документе оценка культурных последствий в том числе строится в соответствии с уважением потребности в уединении для целей, связанных с культурой, что можно интерпретировать как гарантию права на молчание.

Устойчивость коммуникативных границ является одной из причин того, что коренные народы часто не воспринимают «написанный» закон, а продолжают строить свою жизнь по нормам обычного права, которое не поддается письменной фиксации. Особый интерес в современном мире представляют альтернативные внесудебные процедуры разрешения конфликтов, которые приняты не только в аборигенном сообществе, но и некоторыми государствами, например в ювенальной юстиции Канады. Важнейшей чертой аборигенного разрешения конфликтов является необходимость достижения консенсуса, а одним из средств этого – орлиное перо как символ слова в кругах правосудия, которые проводятся в Северной Америке и Канаде. В них люди

высказываются, только взяв в руки такое перо, его передают по часовой стрелке. Символ слова помогает говорить и слушать, он создает определенный ритм диалога и обеспечивает равенство в круге. Символом слова может быть и другой предмет, но он должен обязательно пользоваться уважением участников круга, иметь символическую нагрузку[43]. Таким образом, знак слова становится определяющим в общении, ведь перо регулирует не только право говорить, когда ты держишь его в руках, но и обязанность всех остальных молчать. Благодаря символу слова люди не перебивают друг друга, у каждого появляется возможность быть услышанным, а значит в результате конфликт будет урегулирован.

Сходные представления существуют и у коренных народов Севера. Во многих ситуациях немногословность аборигенов также создает возможность лучше слышать друг друга. Интересное наблюдение содержится в работе по самодийским культурам О.Б. Христофоровой: «Даже что-либо важное человек не может сказать, не заручившись прежде согласием слушателя: клише “у меня есть слово” означает просьбу выслушать, и пока собеседник не произнесет “отзыв”: “какое слово, говори”, ничего не может быть сказано. В целом, самодийские культуры можно назвать “молчащими”. Нормы их речевого этикета не допускают прямого выражения просьбы, отказа и оценки. Предпочтение некатегоричных форм высказывания, невербальных средств и иносказаний объясняется стремлением не навязать своего мнения собеседнику, дать ему возможность понять подтекст высказывания и самому сделать выводы. Говоря что-либо (вне зависимости от кода, которым выражено сообщение), его отправитель надеется, что получатель ответит нужным образом. На свои действия человек смотрит глазами партнера по взаимодействию; такого же рефлексивного – и социально ответственного – поведения ожидает и от него»[44].

Еще один аспект молчания – культурная граница – заслуживает специального рассмотрения. Хотя мои информанты говорили о возможности «*общаться молча*» и с представителями других культур, они отмечали большую роль молчания в своей культуре.

---

[43] *Пранис К., Стюарт Б., Уедж М.* Круги примирения. От преступления к сообществу / Пер. с англ. М., 2010. С. 94–103.

[44] *Христофорова О.Б.* Интерпретации молчания: речевой этикет народов Севера в заметках путешественников и по данным фольклора // Arbor mundi. Международный журнал по теории и истории мировой культуры. Вып. 12. 2006. С. 82–194.

В интервью с художником Г.С. Райшевым я записала его мнение о разных типах молчания:

«*Культура молчания есть у народа, не говорить лишнее и ненужное, а слушать и соотноситься часто не словами, а своим поведением, отношением. Вот с одним человеком встречаешься, ты напряжен, а с другим – нет напряжения, значит, есть культура доверительности, она становится не словом, а молчанием, молчать с таким человеком можно. А когда ты встречаешься с другим человеком, может возникнуть психическое неравновесие. Если ты молчишь, то ты должен думать. Бывает агрессивное молчание. Таким наделяются чиновники, и это не случайно. Они будто бы бетонируют пространство этим молчанием. Человек перед ними становится робким. Это определенный способ воздействия на просителя. И я бы таких людей сразу увольнял*»[45].

Молчание власти служит другим целям, устанавливаемые в этом случае границы становятся непреодолимыми. Нефтяники также используют молчание для закрытости, создания замкнутой субкультуры. Например, нефтяники объявляют какую-то информацию коммерческой тайной, чтобы скрыть свои планы по изъятию территорий из традиционного природопользования. В этих случаях молчание означает закрытие, отсутствие коммуникации, а разрешение конфликта возможно только государственными способами – через суд.

В этнографической литературе молчание рассматривается чаще всего как запрет слова, как образ другого. Новые полевые материалы позволяют по-иному взглянуть на эту проблему, показать роль молчания как средства коммуникации. Именно такая функция молчания является определяющей в аборигенном обычном праве. Показательна в этом плане фраза в разговоре между аборигенами «*ты нечестно молчишь*».

О некоторых вещах нельзя сказать, но можно передать информацию, используя какие-то *предметы*. Большее доверие у аборигенов вызывают невербальные средства передачи информации, например *бирки с насечками*. Так, на одном из главных праздников обских угров – Медвежьем количество пропетых песен или исполненных сцен фиксируется насечками на специальной палочке или посохе. Причем разные по значению и статусу представления определялись разным количеством насечек. А последние, в свою очередь, усиливали значение исполненного на празднике.

---

[45] ПМА, интервью с Г.С. Райшевым, 2001 г., г. Ханты-Мансийск.

Когда ханты собираются сейчас на большие празднества-жертвоприношения, они оповещают об этом сородичей и соседей тоже с помощью палочки с насечками. Передадут или покажут тебе такую палочку, узнаешь, когда и куда тебе нужно приехать. В 1931 г. с помощью подобного предмета собирались участники Казымского восстания. Это была шум-ты-юх – палка, передававшаяся из селения в селение и возвращавшаяся к отправителю, на которой ставили тамги все желающие участвовать в сборе[46]. Интересно, что подобные бирки использовались в туземных судах на Севере в двадцатые–тридцатые годы, когда советская власть делала попытку использовать нормы обычного права этих народов при создании своей судебной системы[47].

В научной литературе невербальные средства коммуникации чаще всего описываются через язык жестов[48]. У аборигенов Севера жестов сравнительно немного, их культура лаконична в этом плане. В ней применяются скорее действия, чем отдельные жесты. Так, например, приглашение зайти и посидеть в чуме достаточно широко используется для установления контактов. Они привозят чумы в Москву и ставят их на площади на ВДНХ, так же поступают во время проведения Дня оленевода в поселках и городах на Севере. Аборигены считают, что людям других культур достаточно просто посидеть в чуме, выпить чаю или что-то съесть, и они смогут почувствовать культуру народов Севера, а значит, впоследствии с ними будет легче установить контакт. Возможно, поэтому они в начале 2000-х годов широко использовали чумы в проведении предвыборной кампании в Ханты-Мансийском автономном округе.

Взаимодействие аборигенов с работниками промышленных компаний происходит в большей степени в сфере делового общения – при подписании экономических соглашений, встречах при возникновении конфликтов, поэтому интересно привести следующие данные: «психологи разных стран отмечают, что воздействие, которое мы в устном деловом общении оказываем на других людей, зависит от того, что мы говорим, лишь приблизительно на 7%; от того, как мы говорим, – на 38%, а от языка нашего тела – на 55%. Было также подсчитано, что 80%, а то и 90% всей эмоциональной информации мы еще до слов фактически

---

[46] *Головнев А.В.* Говорящие культуры: традиции самодийцев и угров.Екатеринбург, 1995. С. 167–168.

[47] Государственный архив Ханты-Мансийского автономного округа. Ф. 138, оп. 1, д. 18, л. 2–5.

[48] Напр.: *Бутовская М.Л.* Язык тела: природа и культура. М., 2004; *Крейдлин Г.Е.* Мужчины и женщины в невербальной коммуникации. М., 2005.

выражаем и передаем в интерактивной деловой коммуникации невербальным способом»[49].

При изучении коренных народов, особенно их взаимодействия с промышленными компаниями и органами государственной власти, важно раскрыть смыслы ограничений на слово, а также показать их культурный контекст. О.Б. Христофорова обратила внимание на особенности коммуникативного поведения ненцев как возможную причину конфликтов и проблем в деловых контактах между аборигенами и приезжающими на Север специалистами, принявшими универсальную систему коммуникации, которая у северян ассоциируется с русскими. Та же напряженность характерна для взаимоотношений коренного населения с местной администрацией, государственными и коммерческими организациями. По мнению Христофоровой, данное явление во многом обусловлено «этнокультурной спецификой нормативного коммуникативного поведения русского и коренных народов, иными словами, несовпадением представлений о правильном поведении при общении». Об особом отношении к слову говорят и пословицы коренных народов, например: «*Слово – тот же нож без ножен: будь с ним очень осторожен*» (нганасаны); «*Как олень волка боится, так и люди болтливого человека боятся»* (ненцы); ср. якутские пословицы: «*Меньше слов – сладко, много слов – горько*»; «*Человеческое слово – что секира*»; «*Во многословии много и ошибок»; «Сказанное слово не бывает не услышанным»*[50].

О чем молчат

То, о чем и как молчат на стойбищах, может многое сказать о том, как аборигены устанавливают межкультурные коммуникации. Особенно важно то, что это именно межкультурные коммуникации, а не только контакт внутри сообщества. В современных условиях значение молчания в таком качестве становится все более важным и актуальным, так как аборигены все больше включаются в жизнь окружающего их сообщества. Можно сказать, что молчание – это часть их знаний об окружающем мире, которые могут рассматриваться как важнейший компонент их идентичности и статуса в государстве.

Запреты на слова, речь, называние животных строятся у некоторых народов Севера на представлении о словах и мыслях как реально существующих. Так, у долган, по данным А.А. Попова,

---

[49] *Крейдлин Г.Е.* Мужчины и женщины... С. 152.

[50] Цит. по: *Христофорова О.Б.* Особенности коммуникативного поведения народов Сибири и их роль в межкультурном общении //Языковое сознание: формирование и функционирование. М., 1998. С. 224–231.

«каждый охотник, подстерегающий с ружьем на поколке диких оленей, естественно думал, как бы добыть оленей, т.е. по его представлению, вселялись в охотника … тени оленей, связанные с их материальным существом. И эти образы-тени, выходя обратно через рот охотника, могли предупредить оленей и направить их в другую сторону. Во избежание этого охотник затыкал себе рот пучком травы... А у так называемых медных эскимосов существовал запрет на танцы и песни вне дома, на открытом воздухе, так как при этом слова песни могли “разнестись” в разные стороны, а певцы умереть»[51]. Анализируя эти и многочисленные данные по другим народам, С.В. Иванов делает вывод о том, что словам в таких случаях приписывалась способность превращаться в видимые животные и фантастические существа[52]. Конечно, табу на слова или ограничения на речь, говорение в определенных ситуациях есть у всех народов. Большая роль слова в культуре аборигенов определяется представлением о нем как о носителе жизненной силы, энергии, например у ненцев. Специалист по фольклору ненцев Е.Т. Пушкарева отмечает, что образам слова свойственны «передача героям жизненной энергии как звучанием, так и колебанием»[53].

Существует несколько видов молчания. О некоторых вещах просто нельзя говорить – словом можно разрушить и сам священный объект, и свой контакт с ним. Такие нормы относятся в первую очередь к сакральной сфере. Многие активисты и ученые из числа аборигенов считают, что нельзя даже задавать вопросы о таких вещах. «Святые сказания – это табу. Они рассказываются только в конкретных случаях определенным человеком доверенному лицу, который при этом получает точное указание о дальнейших действиях в отношении полученной информации. Это надо всегда иметь в виду. Самый верный путь закрыть перед собой двери доверия обских угров, это спросить их о “святых сказаниях”»[54]. В то же время, по моему полевому опыту, когда

---

[51] *Попов А.А.* Пережитки древних дорелигиозных воззрений долганов на природу // СЭ. 1959, № 2. С. 89; *Jenness D.* The life of The Copper Eskimo. Ottawa, 1923. P. 184. Цит. по: *Иванов С.В.* Древние представления некоторых народов Сибири о слове, мысли и образе // Страны и народы Востока. Вып. XVII. Кн. 3. М., 1975. С. 119–126.

[52] *Иванов С.В.* Древние представления...

[53] *Пушкарева Е.Т.* Образы слова в фольклоре ненцев // ЭО. 2002, № 4. С. 28–38; *Она же.* Картина мира в фольклоре ненцев: системно-феноменологический анализ. Екатеринбург, 2007. С. 35–36.

[54] *Песикова А.С.* Современная структура миропонимания обских угров, ведущих традиционный образ жизни (на примере сургутских ханты)// Памятники Югры. Томск, 2000. С. 133.

я стала расспрашивать своих информантов-аборигенов о молчании, я даже услышала в свой адрес: «*А ты кое-что стала понимать*». В их культуре молчание – код.

О некоторых вещах нельзя говорить женщинам или нельзя говорить в каких-то ситуациях, например перед охотой или вечером. Еще более строгие нормы существуют в отношении поведения в лесу, там нельзя нарушать *тишину – покой духов.* Молчание играет большую роль и в повседневной жизни аборигенов, существует множество правил, особенно в отношении наиболее важных сторон жизни. Например, нельзя говорить о детях до года, так как такие дети находятся на пограничье миров духов и людей. Нельзя говорить и о результатах промысла. Многие информанты рассказывали, что они с детских лет усвоили норму: когда охотник пришел из леса, его не нужно ни о чем спрашивать[55]. О промысле вообще лучше не говорить, так как, по представлениям охотников, *звери могут услышать*. Существует правило, по которому нельзя говорить о своих возможных успехах в будущем. О последнем даже существует сценка на медвежьем празднике. В 1981 г. я наблюдала такое представление в д. В. Нильдино в ХМАО. Сценка сопровождалась песней и игрой на музыкальном струнном инструменте – сангультапе. Вот ее содержание: «Старый лось ночью спит, слышит во сне: “Завтра в полдень придут охотники, будут вас гнать”. Он говорит молодому лосенку: “Тебя охотники убьют, а я уйду за Урал”. Утром побежали олени. Молодой лось слышит, охотники рядом, вот-вот догонят. Лосенок легкий, он побежал вперед быстрее, всех обогнал и убежал. Вдруг слышит выстрел, это старого лося вожака убили». Объясняя содержание песни, исполнитель сказал, что это случилось потому, что старый лось сказал заранее: «*никогда нельзя заранее говорить, особенно перед охотой*». Здесь охотничьи табу переносятся на мир животных[56]. Медвежий праздник обских угров – не только главный праздник, собрание жизненно важных обрядов, он выполняет функцию передачи традиций, знаний, норм следующим поколениям.

Необходимость молчания в быту диктуется жизненными условиями – проживание на стойбище или в чуме многих людей, естественно, вызывает такие требования. Но для аборигенов есть различие между молчанием как сокрытием важной информации и бытовым молчанием, с которым сталкиваются многие приезжие, впервые попавшие на стойбище. Показательной является поговорка «*Детей и оленей не считают*». Не нужно спрашивать,

---

[55] См. также: *Лапина М.* Этикет хантов. Томск, 1998. С. 29.
[56] *Новикова Н.И.* Традиционные праздники манси. М., 1995. С. 145.

сколько у семьи оленей – не нужно ставить людей в ситуацию нарушения нормы. Молчание, таким образом, в обжитом, освоенном пространстве регулируется определенными правилами, причем они зависят не только от пространства, но и от времени – особенно много запретов существует для вечера.

На стойбищах не спешат рассказать все, что знают и видели. Иногда человек, вернувшись с оленями к дому, скажет пару слов, а его домочадцы уже все знают, какой дорогой они шли, где останавливались ночевать, что видели по дороге. А.С. Песикова называет эту черту их культуры *закрытая открытость*. Она пишет: «В среде пимских ханты вы чаще встретите людей, широко открытых, до наивности. Но эта открытость кажущаяся. Исторический опыт сохранения своего этноса подсказал обским уграм: все заветное хранить подальше от чужого, от недоброго. Пимские ханты всегда гостеприимны: и накормят, и спать уложат, но не все будут рассказывать, не все показывать»[57].

Молчание как протест

В современных условиях молчание проявляется и как форма социального протеста. Например, в районах месторождений, которые находятся прямо за родовыми угодьями хантов, мне приходилось встречать подростков и даже молодых людей, которые вообще не знают русского языка. К сожалению, многие ханты в таких местах не видят для себя будущего и считают, что детей не нужно отдавать в интернат, там им будет плохо, а настоящего образования они все равно не получат. Я сталкивалась с такой ситуацией в районе Тянского месторождения во второй половине 1990-х годов.

Иногда протест проявляется в виде молчания детей со стойбищ в интернате или школе. Таких детей даже иногда отправляют в школы для слаборазвитых, вместо того чтобы работать с ними более внимательно и профессионально. Когда я разговаривала со студентами, обучающимися в Югорском университете в г. Ханты-Мансийске, многие из них говорили, что самым сильным негативным воспоминанием о первых днях в школе было то, что «учительница кричала».

Молчание играет важную роль в коммуникативной адаптации. Так, например, аппачи молчат в ситуациях, когда кто-то бывает в гневе, бешенстве. В этой ситуации традиция предписывает

---

[57] *Песикова А.С.* Некоторые аспекты этнопсихологии обских угров (на примере пимских ханты) // Научные труды Сургутского университета (СурГУ). Сургут, 1996. Т. 3. С. 230.

сохранять молчание[58]. Аборигены Российского Севера используют такую тактику поведения с нефтяниками. Во время подписания экономических соглашений компании собирают всех хантов и ненцев со стойбищ и объясняют им условия заключения соглашений. Во второй половине 1990-х на таких собраниях часто выяснялось, что не все условия выполнены, но аборигены молчали. Однако это было не молчание – поражение, как может показаться на первый взгляд. Они молчали и выжидали, отступали, так как думали, что нефтяники уйдут, или считали, что смогут получить от нефтяников обещанное, так как «*посмотрели в глаза друг другу*», а этого, по нормам их обычного права, достаточно.

О подобном *выжидательном молчании* пишет и исследователь исландских саг Э. Эстерберг. Она отмечает, что в подобных ситуациях люди в сагах хранят молчание, поскольку слово может только усугубить возникшую ситуацию противостояния. Молчание представляет собой промежуточную ступень на пути от одного действия к другому, но отнюдь не конечный этап. Такое насыщенное выжидательное молчание автор выводит из модели «одноукладной» культуры[59]. Другую трактовку молчания и слова в сагах дает А.Я. Гуревич, считая их возможными истоками и регуляторами судебной ментальности, так как в сагах сюжеты, связанные с судебными разбирательствами, достаточно распространены. А человек смотрит на себя как бы со стороны, так как зависит от суждения социальной группы[60]. У российских аборигенов молчание в отношениях с нефтяниками является их попыткой установить контакт, дать возможность собеседнику почувствовать сопричастность. Сложность и даже опасность такой тактики заключается в том, что нефтяники (как, впрочем, и чиновники) воспринимают коммуникацию более однозначно.

В культуре аборигенов есть семантически насыщенные символы, используя которые они могут передать информацию не только внутри сообщества, но и вовне. Возможно, даже сами аборигены не задумываются часто над тем, почему они используют те или иные элементы своей культуры сегодня. Это происходит как бы естественно, то есть включая политическую борьбу в свою жизнь, а значит, и культуру, они придают ей те формы, которые значимы для их образа жизни. В культуре аборигенов больше используется

---

[58] *Basso K.* «To Give up on Words»: Silence in Western Appache Culture // Southwestern Journal of Anthropology. 1970, № 26. P. 213–230.

[59] *Эстерберг Э.* Молчание как стратегия поведения. Социальное окружение и ментальность в исландских сагах// Arbor Mundi. Мировое дерево. 1996, № 4. С. 35.

[60] *Гуревич А.Я.* Несколько соображений на полях статьи Эвы Эстерберг // Там же. С. 43–46.

действие, чем слово. Например, для того чтобы высказать свои претензии к промышленным компаниям, аборигены в 1990-х гг. без лишних слов могли поставить чум в городе.

Молчание как код понимания

Аборигены Севера могут общаться без слов. Получить объяснение этому феномену трудно, одно из возможных содержится в работе А.С. Песиковой, которая пишет о существовании «*ореола*» любого предмета, объекта или явления, на котором запечатлевается воздействие других объектов[61]. Возможно, именно это позволяет хантам передавать информацию без слов, совершая какие-то действия мысленно. Ведь о некоторых священных местах не только говорить нельзя, на них даже нельзя смотреть. Причем это относится и к вполне бытовым хозяйственным практикам, таким как оленеводство («*мысленно пасти оленей*»).

Почему же сегодня аборигены не хотят открыть все свои знания об окружающем мире и о своих отношениях в обществе? Вероятно, этому их учит печальный опыт первоначального промышленного освоения Севера, когда уже многие памятники были разрушены. Сходный путь прошли и другие коренные народы мира, в частности в США.

Я обсуждала судьбы развития традиционных культур с американским писателем Н. Скоттом Момадэем во время его визита в Москву в 2000 г. Он сказал, что в индейской истории есть примеры, когда их идеи уходили вовне, и приходило зло. Возможно, это одна из причин того, что некоторые племена не хотят иметь письменность. Он привел пример, когда в племенах Юго-Запада учительница на уроке в деревне написала на доске слово на языке этого племени, вождь с ней беседовал и запретил писать их слова. Он считает, что поэтому и писатели индейцы пишут по-английски, нет традиции письменной культуры.

К. Бассо описывает виды молчания у аппачей, когда дети возвращаются из интерната домой и родители с ними первое время не разговаривают. Его информанты так объясняли эту ситуацию: «Дети в школе общаются с белыми людьми, находятся под влиянием их мыслей и ценностей. Они забывают, откуда они, и стыдятся того, что их родители бедные. Они забывают, что они аппачи»; или «Мы молчим с детьми. Они долго не были дома, и мы не знаем, как им теперь нравится быть дома. Через какое-то время мы видим, что им нравится дома. Это значит, что мы

---

[61] *Песикова А.С.* Современная структура миропонимания обских угров, ведущих традиционный образ жизни (на примере сургутских ханты) // Памятники Югры. Томск, 2000. С. 132.

можем себя чувствовать хорошо. Значит, мы снова можем с ними разговаривать. Все становится, как было до их отъезда»[62]. Его примеры показывают, что индейцы пережидают ситуацию нарушения порядка в молчании. Вероятно, можно сказать, что люди через молчание как инструмент проживают, прорабатывают эту ситуацию и восстанавливают порядок.

Несмотря на то что современная политика в отношении коренных народов Севера складывается уже в течение десятков лет, создается впечатление, что действительные устремления аборигенов, заинтересованных в сохранении и развитии традиционного природопользования, остаются непонятными власти. Аборигены различными способами демонстрируют миру тот непростой факт, что на Севере представлены разные культуры и государство и общество должны научиться управлять этим многообразием. Коренные народы используют для этого нормы и механизмы своей традиционной культуры. Слово и молчание являются не единственными, но наиболее яркими, сущностными знаками аборигенной культуры, важными для ее научной интерпретации. Коренные народы стремятся установить паритетные отношения и добиться их принятия государством и промышленными корпорациями, показывая при этом, что на Севере, несмотря на его огромные пространства, существуют слишком тесные связи между людьми, между людьми и природой. Мои полевые материалы показывают, что аборигены очень ценят в людях умение молчать, в диалоге вести себя правильно, не говоря лишнего. Такое поведение предполагает не только эмпатию собеседника, но и ответственность за свои действия и слова.

Выводы

Аборигены в России проявляют интерес к правовому образованию, к современной политике. Многие из них, даже не имея высшего образования, интересуются правовыми документами, я видела Конституцию Российской Федерации в чуме. Для аборигенов важным является право на самоуправление, которое в современных условиях может стать основой со-управления ресурсами. Это также очень важно в их взаимодействии с промышленными компаниями. В данной главе основное внимание уделяется формам культурного самоопределения, которое позволяет выбирать те формы и механизмы установления диалога в современном мире, которые основываются на традиционных ценностях.

[62] *Basso K.* To Give up on Words.

Аборигенные музеи играют в этом процессе большую роль. Они выполняют несколько функций – в первую очередь возрождения и сохранения культуры, но более важной в контексте промышленного освоения является их прагматическая роль – научить аборигенов заниматься традиционным природопользованием в современных условиях. Музеи самим фактом своего существования демонстрируют миру, что на Севере представлены разные культуры и государство и общество должны научиться управлять этим многообразием. Коренные народы используют для этого нормы и механизмы своей традиционной культуры. В ней передача информации происходит не с помощью правил, а с помощью образцов, цитат. Такой культуре невозможно научиться, ее можно только выучить[63].

Рассмотренные символы этой культуры являются не единственными, но наиболее яркими, сущностными для ее интерпретации. С их помощью аборигены пытаются не только восстановить нарушенный порядок в своем мире, но и транслировать свои ценности вовне. При этом данное исследование строится на необходимости привнесения в правовые, экономические, профессиональные, культурные и другие взаимоотношения и возникающие на их основе альянсы аборигенные интересы. Аборигены стараются заинтересовать окружающий мир своими культурными ценностями, теми образами, в которых предстает перед ними современный мир, ожидая, что это поможет в установлении диалога. Кроме того, аборигены предлагают и свои механизмы передачи информации как вовне, так и внутри сообщества следующим поколениям.

---

[63] *Байбурин А.К.* Ритуал в традиционной культуре. С. 13.

Глава 5

МЕХАНИЗМЫ ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ КОРЕННЫХ НАРОДОВ И ПРОМЫШЛЕННЫХ КОМПАНИЙ

> Мы должны обеспечить участие коренных народов – женщин и мужчин – в процессе принятия решений на всех уровнях, включая обсуждение вопроса об активизации деятельности, направленной на скорейшее осуществление целей в области развития, сформулированных в Декларации тысячелетия, и разработку повестки дня в области развития на период после 2015 года.
>
> *Из послания Генерального секретаря ООН Пан Ги Муна*

Основное внимание ООН в 2013 г. уделено теме «Создание альянсов коренных народов: соблюдение положений договоров, соглашений и других конструктивных договоренностей». Выделение этой проблемы из всего спектра вопросов, касающихся коренных народов, не случайно. Образ жизни, условия проживания, мировоззрение этих народов ставят их в особое положение, которое все больше учитывается мировым сообществом. В Российской Федерации вопрос о «контроле над своей судьбой» также актуален для аборигенных народов. Об этом заявляют их лидеры на больших форумах, об этом говорят оленеводы, охотники и рыболовы в тайге и тундре. Важно подчеркнуть, что стремление коренных народов находит поддержку и в важнейших документах государства. Так, в принятой в 2012 г. «Стратегии государственной национальной политики Российской Федерации» одной из первых задач государственной национальной политики определена необходимость создания условий для участия коренных малочисленных народов в решении вопросов, затрагивающих их права и интересы.

Достижение действительного партнерства коренных народов с промышленными компаниями на Севере России сегодня становится одним из условий не только выживания этих народов, но и защиты геополитических интересов государства, обеспечения работы важнейших отраслей экономики.

В современных условиях перспективы сохранения и развития культуры коренных малочисленных народов Севера в значитель-

ной степени определяются промышленным развитием регионов их проживания. Добыча углеводородов, политика государства в сфере недропользования и само присутствие промышленных компаний на Севере существенно изменили социально-экономическое и этнокультурное развитие этих народов.

В настоящее время мы можем говорить лишь о начале процесса осознания взаимной ответственности и взаимной заинтересованности в установлении новых отношений. Партнерство не может установиться автоматически, необходима определенная работа по его развитию и укреплению. В последние годы складываются различные практики взаимодействия местного и пришлого населения – хозяйственные, политико-правовые и культурные. В Российской Федерации взаимодействие между промышленными компаниями и коренными малочисленными народами Севера развивается по нескольким сценариям. Рассмотрим несколько ситуаций, связанных с предприятиями топливно-энергетического комплекса, и те риски, которые стоят на пути диалога между аборигенами и компаниями. Обращение к юридической антропологии при рассмотрении данной проблемы позволяет говорить не только о государственном официальном правовом регулировании этих отношений, но и о том, как оно связанно с хозяйственными и символическими практиками.

1. Обзор научных и политических подходов к оценке взаимодействия коренных народов и промышленных компаний

В современном изменяющемся мире перед аборигенными народами Севера стоит много проблем, которые в значительной степени далеки от разрешения. В разных странах предлагаются различные пути осуществления их прав как на индивидуальном, так и на коллективном, групповом уровне. Первое Десятилетие коренных народов мира проходило под лозунгом партнерских отношений коренных народов с государствами, в которых они проживают, и с теми индустриальными компаниями, которые работают на землях, традиционно используемых коренными народами. Мировое сообщество, включая Россию, только еще оценивает результаты этой деятельности, но само объявление второго Десятилетия свидетельствует о том, что эти задачи далеки от решения. Программа действий была направлена на дальнейшее укрепление международного сотрудничества в решении проблем, стоящих перед коренными народами в таких областях, как культура, образование, здравоохранение, права человека, окружающая среда

и социальное и экономическое развитие, с помощью ориентированных на практические действия программ и конкретных проектов, увеличения технической помощи и соответствующей деятельности по установлению стандартов. Специальные меры при этом должны применяться к обеспечению участия коренных народов в принятии решений по вопросам, затрагивающим их интересы[1].

В документах ООН 2011 г. дается разъяснение принципа *свободного, предварительного и осознанного согласия* коренных народов на осуществление промышленной деятельности. «Общее понимание принципа свободного, предварительного и осознанного согласия заключается в том, что согласие должно даваться свободно, без принуждения, запугивания и манипулирования (свободное); испрашиваться достаточно заблаговременно, до окончательного утверждения и начала осуществления мероприятий (предварительное); и основываться на понимании всего комплекса проблем, обусловленных конкретным видом деятельности или решением (осознанное)».

Кроме того, в этом документе отмечается: «Российская Федерация сообщила, что до начала использования земель и эксплуатации ресурсов, которые влияют на условия жизни коренных народов, компании должны получить свободное, предварительное и осознанное согласие соответствующих коренных народов. Коренные народы имеют право на равноправное участие в переговорах через свои представительские структуры, с тем чтобы на равной основе пользоваться соответствующими выгодами. В случае необходимости им должно быть обеспечено юридическое представительство, с тем чтобы не допустить нарушения их прав в результате незаконного поведения компаний». Таким образом, в данном случае мы видим не только провозглашение принципа международного права, но и заявленные на уровне ООН обязательства России[2]. На практике предстоит еще серьезная работа для действительного достижения такого участия коренных народов в контроле над использованием земли и других природных ресурсов. Правовые основания для этого есть, нужна политическая воля и широкая просветительская работа в обществе.

---

[1] Доклад Генерального секретаря по программе действий на второе Международное десятилетие коренных народов мира // Шестидесятая сессия Генеральной Ассамблеи ООН. Пункт 70 предварительной повестки дня, A/60/270. 18.08.2005.

[2] Анализ, подготовленный секретариатом Постоянного форума ООН по вопросам коренных народов: экономическое и социальное развитие, окружающая среда и свободное, предварительное и осознанное согласие // Экономический и Социальный Совет, Постоянный форум по вопросам коренных народов. Нью-Йорк, 16–27 мая 2011 г. E/C.19/2011/13.

Разница в идеологических представлениях и практическом освоении северных территорий провоцирует конфликты, острота которых показывает, что неразрешение их в ближайшее время может привести к исчезновению культуры коренных народов. Многими политиками, учеными и самими аборигенами предлагаются различные пути выхода из данной ситуации.

Изучение взаимодействия коренных народов и промышленных компаний началось сравнительно недавно, в 1990-е годы. До этого рассматривалось лишь влияние промышленности на регионы Севера, причем в основном в плане загрязнения окружающей среды и вывода из сферы традиционного природопользования возобновляемых природных ресурсов. С конца 1980-х годов специалистами крупнейших научных центров страны готовятся экспертные доклады, характеризующие положение коренных малочисленных народов. Сектором этнографии народов Крайнего Севера и Сибири Института этнографии АН СССР была разработана и опубликована концепция развития народов Севера[3], где отмечались локальность промышленного развития, очаговый характер предприятий, незначительное участие народов Севера в индустриализации, в то время как традиционные отрасли хозяйства сохраняют свое значение во взаимодействии коренного населения с окружающей средой. Авторы отмечали необходимость планирования деятельности промышленных и перерабатывающих предприятий: «это касается в первую очередь сравнительно недолговечных предприятий по добыче нефти, газа, золота и прочих ископаемых, имеющих ограниченный характер»[4].

Такой подход показал неразработанность данной проблемы, отсутствие ее научной оценки. И в дальнейшем промышленное освоение как фактор социально-экономического развития коренных малочисленных народов Севера рассматривалось недостаточно, преимущественно в контексте загрязнения, хотя уже в середине 1990-х годов высказывалось обоснованное мнение о необходимости выведения части территорий из зоны промышленного, в первую очередь нефтяного, освоения[5]. В обобщающей работе

---

[3] Этнокультурное развитие народностей Севера в условиях научно-технического прогресса на перспективу до 2005 года (концепция развития). М., 1988, 1989.

[4] Там же. С. 18–32.

[5] *Соколова З.П.* Народы Севера России в условиях экономической реформы и демократических преобразований // Народы Севера и Сибири в условиях экономической реформы и демократических преобразований. М., 1994. С. 16–50; См. также: *Соколова З.П.* Перестройка и судьбы малочисленных народов Севера // История СССР. М., 1990, № 1. С. 155–166; *Она же.* Актуальные вопросы современного развития экономики и культуры хантов (на материалах Сургут-

«Народы Севера России»[6] проанализировано социально-экономическое и культурное развитие этих народов по стране и по автономным округам. Рассматриваемая проблема охарактеризована кратко, наряду с загрязнением окружающей среды авторы видят причину ухудшения положения коренных народов в ослаблении внимания руководящих советских и партийных учреждений и организаций к развитию традиционного хозяйства и культуры, так как их внимание направлено на промышленное развитие[7].

В этой работе приводятся данные экспертного опроса. Почти единогласно (97%) отрицательно оценивалось развитие добывающей промышленности в районах проживания малочисленных народов. Отрицательные последствия проявились в следующих явлениях: деформация структуры занятости (большая часть населения занята традиционными видами деятельности, по сравнению с индустриальными), утрата языка и многих традиционных знаний и навыков, рост алкоголизма, преступности, ослабление традиционной морали и т.п. Вместе с тем эксперты высоко оценили возможность возрождения культуры при условии специальных мер государства и общественности. Большинство из них высказались за необходимость возврата к традиционному образу жизни. Более 70% ответов были предложениями закрепить за народами Севера отдельные территории, а право вето – за органами местной власти[8]. Эти данные соответствуют стремлению коренных народов в годы перестройки возродить свою культуру, закрепить за собой территории и остановить на их границах промышленное освоение. К сожалению, такие широкомасштабные исследования в дальнейшем не проводились. Хотя вопросы государственной политики и отчасти политических реформ, регулирования природопользования освещались в проекте, выполненном отделом Севера ИЭА РАН под руководством Л. Силанпяя и Д.А. Функа[9]. Для данной книги, наряду с другими, использованы и собранные в рамках этого проекта материалы.

В экспертных докладах, подготовленных ИЭА РАН, рассматривается влияние промышленного развития на коренные народы как экологическая и социальная проблема. В докладе 2004 г. дается

ского и Нижневартовского районов Ханты-Мансийского а.о. Тюменской области) // Исследования по прикладной и неотложной этнологии. М., 1990, № 4.

[6] Народы Севера России. Материалы к серии «Народы и культуры». Ч. 1–3. М., 1992.

[7] Там же. С. 578–579.

[8] Там же. С. 676–718.

[9] *Sillanpaa L.* Awakening Siberia. From Marginalization to Self-Determination: the Small Indigenous Nations of Northern Russia on the Eve of the Millennium. Helsinki, 2008.

краткий обзор взаимодействия нефтяных, газовых и горнодобывающих компаний с коренными народами и делается вывод о необходимости правовой регламентации этого взаимодействия и увеличения компенсационных выплат[10]. В докладе, выполненном по заказу Министерства регионального развития, эти вопросы имели более полное освещение[11].

В конце 1990-х – начале 2000-х годов появился ряд работ, в которых анализировался опыт взаимодействия нефтяников и коренных народов в ХМАО, показано, как формировалась нормативная база, рассмотрены проблемы, которые возникали у аборигенов в связи с массированным промышленным освоением. Характерно, что не было ни одной монографии, посвященной этой проблеме, она не воспринималась как достаточно этнографическая. Представления аборигенов о нефтяниках, а уж тем более сами нефтяники не включались в исследовательское поле – это были проблемы «влияния», а не «взаимодействия». Тем не менее можно назвать несколько работ, в которых рассматриваются проблемы взаимодействия коренных народов и промышленных компаний в Ханты-Мансийском автономном округе. Было проведено социологическое исследование такого взаимодействия[12], эти вопросы рассматриваются также в ряде этнографических работ общего характера[13].

В этот период опубликован ряд работ, где ситуация в ХМАО и вопросы взаимодействия коренных народов с промышленными компаниями анализируются в широком сравнительном контексте развития Севера и Сибири. Так, в коллективной монографии сибирских ученых представлены данные гуманитарной экспертизы положения коренных народов Севера в современных условиях. В ней анализируются острые проблемы, с которыми столкнулись ханты после начала нефтяных работ в ХМАО и Томской области. Заслуживающим особого внимания является наблюдение Н.В. Лукиной и В.М. Кулемзина о «нефтяной эйфории, которая

---

[10] *Лукьянченко Т.В., Ямсков А.Н.* Окружающая среда и природные ресурсы; *Сирина А.А.* Хозяйство и социальная сфера // Современное положение и перспективы развития малочисленных народов Севера, Сибири и Дальнего Востока / Отв. ред. В.А. Тишков. М., 2004. С. 43–53, 71–74.

[11] Север и северяне. Современное положение коренных малочисленных народов Севера, Сибири и Дальнего Востока / Отв. ред. Н.И. Новикова, Д.А. Функ. М., 2012.

[12] *Мархинин В.В., Удалова И.В.* Традиционное хозяйство народов Севера и нефтегазовый комплекс. Социологическое исследование в Ханты-Мансийском автономном округе. Новосибирск, 2002.

[13] *Мартынова Е.П., Пивнева Е.А.* Традиционное природопользование народов северного Приобья (по материалам Ханты-Мансийского автономного округа). М., 2001. С. 114–125.

постепенно переходила у хантов в ностальгию по охоте»[14]. Другой работой, в которой дается обзор опыта взаимодействия нефтяных компаний и коренных народов в ХМАО в 1990-е годы, была коллективная интернациональная монография, подготовленная под эгидой Госкомсевера с характерным для того времени названием «От патернализма к партнерству»[15].

Пожалуй, единственным исследованием того периода, близким к моим представлениям о том, как следует анализировать данную проблему, был раздел в коллективной монографии «Очерки истории традиционного землепользования хантов (материалы к атласу)», написанный американским антропологом Э. Вигетом[16]. Особый интерес для меня этой работы связан с тем, что она посвящена районам моих полевых исследований. В этих районах округа В.И. Сподина проводит исследования, которые отчасти касаются культурно-ценностных аспектов взаимодействия нефтяников и аборигенов[17]. Ряд работ по данной теме в эти годы был опубликован и автором настоящей книги[18].

Проблемы взаимодействия коренных народов и промышленных компаний рассматривались в немногочисленных этнологических экспертизах, результаты которых опубликованы[19]. Эти

---

[14] *Кулемзин В.М., Лукина Н.В.* Ханты: чужие на своей земле // Народы Сибири: права и возможности. Новосибирск, 1997. С. 104–122.

[15] От патернализма к партнерству (строительство новых отношений народов Севера и государства) / Под ред. А. Пилясова. Магадан, 1998.

[16] Очерки истории традиционного землепользования хантов (материалы к атласу). Екатеринбург, 1999. С. 159–214.

[17] *Сподина В.И.* Представление о пространстве в традиционном мировоззрении лесных ненцев. Нижневаровск, 2001. С. 54–55, 79–91.

[18] Охотники и нефтяники: возможности договора // Социальное, экономическое и культурное развитие народов Севера: традиции и современность. М., 1995. С. 43–64; Взаимодействие общин коренных народов Севера России и нефтедобывающих корпораций: взгляд антрополога // Экология, общество и традиция: социальные и политические кризисы в СНГ в контексте разрушения природной среды (Таджикистан и Российский Север) / Под ред. М. Олкотт и А. Малашенко. Московский Центр Карнеги, научные доклады. Вып. 15. М., 1997. С. 42–62; Договор в культуре обских угров // Homo Juridicus. М., 1997. С. 229–236; От чума на центральной площади до суда // Северные народы на пути в новое тысячелетие. М., 2000. С. 150–158; Как живется оленю президента России // Расы и народы. 2002. М., 2002. С. 133–146; Конфликты, соглашения, ойлизм: по исследованиям в Ханты-Мансийском автономном округе // 7-я международная конференция и выставка по освоению ресурсов нефти и газа Российской Арктики и континентального шельфа СНГ. Труды. СПб., 2005. С. 571–573; и др.

[19] Опыт проведения этнологической экспертизы. Оценка потенциального воздействия программы ОАО «Газпром» поисково-разведочных работ в акваториях Обской и Тазовской губ на компоненты устойчивого развития этнических групп коренных малочисленных народов Севера / Ред. О.А. Мурашко.

исследования, выполненные по современной методике, наиболее полно представляют общую картину, хотя они не касаются ситуации в Ханты-Мансийском автономном округе.

И сегодня очень мало исследователей, которые специально занимаются или занимались проблемами взаимодействия промышленных компаний и коренных малочисленных народов на Севере России. Практически все они стали участниками дискуссий в журналах «Sibirica»[20] и «Этнографическое обозрение»[21], но так и нет работ, где рассматривалась бы эта проблема в контексте правового плюрализма. Дискуссии в журналах подготовлены интернациональными командами ученых, большинство из которых проводили исследования на Севере и Дальнем Востоке России. Большое значение имеют работы двух авторов: Э. Уилсон и Ф. Штамлера[22]. Наряду со многими общими подходами, характерными и для автора данной работы, они имеют ряд особенностей. Общим можно назвать внимание к включенному наблюдению, рассмотрение проблем коренных народов, вызванных взаимодействием с промышленными компаниями, системно, через анализ социально-экономических и культурных аспектов, амбивалентные оценки, которые дают промышленному освоению коренные народы. Особенностью проектов Ф. Штамлера является коллективный междисциплинарный характер исследования с широким привлечением научно-естественных методов. Его работы посвящены преимущественно исследованию жизни ненцев, большое внимание уделяется усиливающемуся промышленному развитию при изменении климата[23]. Большое значение для данной моно-

---

М., 2002; Обзор документации проекта «Сахалин-2», касающейся коренных малочисленных народов Севера острова Сахалин // Люди Севера. Права на ресурсы и экспертиза / Отв. ред. Н.И. Новикова. М., 2008. С. 288–311; *Сирина А.А., Жуковская Н.Л., Инешин Е.М., Рагулина М.В., Тюхтенева С.П.* Газ на экспорт: этнокультурные проблемы транспортировки. М., 2008; *Василькова Т.Н., Евай А.В., Мартынова Е.П., Новикова Н.И.* Коренные малочисленные народы и промышленное развитие Арктики: этнологический мониторинг в Ямало-Ненецком автономном округе. Москва; Шадринск, 2011; *Мартынова Е.П., Новикова Н.И.* Тазовские ненцы в условиях нефтегазового освоения. М., 2012.

[20] 2006. Vol. 5, № 2.

[21] 2008, № 3.

[22] *Stammler F., Wilson E.* Dialog for Development: An Exploration of Relations between Oil and Gas Companies, Communities and State // Sibirica. Vol.5, № 2. P. 1–42.

[23] *Штамлер Ф.* Кочевой образ жизни оленеводов прибрежной зоны Западной Сибири (Ямал): возможности и ограничения в свете недавних перемен // Экологическое планирование и управление. 2008, № 3–4. С. 78–91; *Форбс Б., Штамлер Ф., Кумпула Т., Месштыб Н., Паюнен А., Каарлеярви Э.* Ямальские

графии имели также многочисленные обсуждения с Э. Уилсон[24]. Для ее работ характерен интерес к правовому и квазиправовому регулированию вопросов природопользования и корпоративной этики. И наконец, обобщающая монография М. Наттэла по нефтегазовым проектам в Канадской Арктике[25]. Особый интерес для меня представляли публикации иностранных ученых, работавших в полевых условиях в тех же регионах, где я проводила свои исследования: Сахалин, Ямал в России, район бассейна р. Макензи в Канаде.

Другой сектор исследовательского поля представляют работы (тоже единичные) юристов и экономистов. Первые рассматривают эту проблему как правовое регулирование землепользования[26]. Из работ, оценивающих проблему с экономической точки зрения, можно назвать публикации в серии «Библиотека коренных народов Севера», издающейся Центром содействия коренным малочисленным народам[27]. Работа В.А. Крюкова и А.Н. Токарева анализирует рассматриваемую проблему в широком контексте правового регулирования в России (на федеральном и региональном уровнях), США и Канаде. Особый интерес представляют их предложения по созданию механизмов учета долгосрочных экономических интересов коренных народов при добыче нефти и газа. Работы, издаваемые в этой серии, направлены на практическую помощь организациям коренных народов в защите их

оленеводы, газовое освоение и изменения в окружающей среде: адаптивный потенциал кочевого образа жизни и его ограничения// Экологическое планирование и управление. 2011, № 1. С. 52–68; *Stammler F., Peskov V.* Building a 'culture of dialogue' among stakeholders in North-West Russian oil extraction'// Europe-Asia studies. 2008. Vol. 60, № 5. P. 831–849.

[24] *Уилсон Э., Свидерска К.* Горнодобывающая промышленность и коренные народы в России: регулирование, участие и роль антропологов // ЭО. 2008, № 3. С. 28–36; *Книжников А., Уилсон Э.* Управление подрядчиками в нефтегазовой отрасли России как фактор экологической безопасности. М., 2010.

[25] *Nattall M.* Pipeline Dreams. People, Environment and the Arctic Enerdgy Frontier. Copenhagen, 2010.

[26] Правовой статус коренных народов приполярных государств (Материалы конференции. Москва, 26–28 февраля 1997). М., 1997; *Андриченко Л.* Традиционное природопользование коренных малочисленных народов России и проблемы правового регулирования // Федерализм в России и Канаде: правовые и экономические аспекты. М., 2004. С. 100–120.

[27] *Крюков В.А., Токарев А.Н.* Учет интересов коренных малочисленных народов при принятии решений в сфере недропользования. Библиотека коренных народов Севера. Вып. 10. М., 2005; Коренные народы Севера и промышленное развитие. Социально-экономические соглашения с добывающими компаниями: от конфликта – к партнерству, от благотворительности – к программам развития. Обзоры, примеры, уроки и выводы. Библиотека коренных народов Севера. Вып. 12. М., 2008.

прав. Обращение авторов к экономической составляющей взаимодействия свидетельствует о довольно прагматичном подходе лидеров коренных народов к этой проблеме. Морально-этические аспекты, указания на ценность традиционного природопользования и знаний коренных народов постепенно отходят на второй план. Такое духовное и гуманитарное осмысление роли промышленного освоения в жизни коренных народов осталось предметом творчества их писателей и поэтов. Эти ценностные оценки важны также для некоторых оленеводов, охотников и творческой интеллигенции.

Интерес политиков к исследуемой проблеме проявляется в организации парламентских слушаний, причем нужно отметить, что этим занимается соответствующий комитет Совета Федерации[28]. В Государственной думе заинтересованных политиков гораздо меньше. Начавшаяся здесь в 2011 г. работа над законопроектом «Об оценке воздействия промышленной деятельности на исконную среду обитания и традиционный образ жизни коренных малочисленных народов Севера» пока не привела к успеху[29].

На региональном уровне вопросы взаимодействия коренных народов и нефтяников стали предметом рассмотрения нескольких конференций. Их сложно назвать чисто научными. Первая такая научно-практическая конференция «Пути выживания народов ханты и манси» была организована ассоциацией «Спасение Югры» и состоялась в п. Лянтор (ныне город) Сургутского района. На ней была поставлена задача: выработать модель этнической территории, где были бы воплощены идеи самоуправления и собственности на землю. Во время этой конференции президентом страны было подписано распоряжение о разработке 18 месторождений нефти. Участники конференции послали Б. Ельцину телеграмму, где заявили о катастрофических последствиях осуществления этого проекта[30]. Конференция проходила в поселке, вблизи которого живут «стойбищные» ханты.

Затем было организовано несколько международных конференций «Коренные народы. Нефть. Закон» в г. Ханты-Мансийске. К сожалению, статус и значение этих конференций снижались год от года. Наибольший эффект для становления общественного сознания аборигенов дала первая конференция 1998 г., на которой

---

[28] Правовое обеспечение этнологической экспертизы как обязательного условия при освоении северных территорий. Парламентские слушания. М., 2008; Вопросы взаимоотношений коренных малочисленных народов с промышленными компаниями (опыт, практика сотрудничества, документы). М., 2009.

[29] Я являюсь членом рабочей группы по подготовке данного законопроекта.

[30] *Кулемзин В.М., Лукина Н.В.* Ханты: чужие на своей земле. С. 117.

присутствовал и отвечал на вопросы губернатор А.В. Филипенко[31]. Следующие были организованы уже на более низком уровне и в значительной степени превращались в рекламную акцию компании «ЛУКОЙЛ – Западная Сибирь». Тем не менее на этих конференциях обсуждались многие актуальные и для аборигенов, и для промышленных компаний вопросы, однако практика их рассмотрения не получила должного развития в России. В Канаде состоялось уже три конференции по изучению аборигенной политики (Aboriginal Policy Research Conference, 2002, 2006, 2009). На конференции 2009 г. одна из секций была посвящена проблемам коренных малочисленных народов в условиях изменения климата и новой волны индустриального развития[32]. В серии этих конференций вопросы взаимодействия обсуждались в широком междисциплинарном поле. В 2009 г. российская ситуация послужила поводом для международной дискуссии.

В заключение обзора необходимо сказать о том, что центральным пунктом исследовательского поля в данной работе выбран Ханты-Мансийский автономный округ, потому что именно здесь есть наибольший опыт правового, социального, культурного и психологического взаимодействия аборигенов и нефтяников. С начала 1990-х годов начались серьезные изменения в подходах к этой проблеме со стороны региональных органов власти. Первый этап осмысления этих процессов показан в гл. 1.

В 1996 г. я записала интервью с А.В. Филипенко (губернатор округа с 1995 г.). Мы говорили об арктической политике в регионе и России в целом. Первое, что нужно отметить, в округе к тому времени уже сложилась традиция работать с учеными, в том числе и гуманитариями. В начале интервью губернатор даже ответы на мои вопросы начинал со слов: «Этнографы говорят». Мне все же удалось выяснить и его позицию в этом вопросе. Он отметил, что выделение родовых угодий было существенным шагом по сохранению территорий традиционного природопользования. Но именно это стало основанием проблем с промышленниками. Филипенко сказал: «Когда я говорю: что-то удалось, я в первую очередь имею в виду самое существенное, в чем мы продвинулись за эти более чем десять лет, – изменилось сознание людей, их психология. Раньше производственники говорили: “Мы выполняем государственную задачу – добываем нефть. Какая там речка?

---

[31] Сборник тезисов докладов международной конференции «Коренные народы. Нефть. Закон» (г. Ханты-Мансийск, 23–25 марта 1998 г.). М., 1998.

[32] Indigenous Peoples in Chaging Arctic Climate and New (wave) Industrial Development / Aboriginal Policy Research Conference. Program. Я была дискуссантом данной секции.

Какой лес? Какие аборигены? Перевезем их на 20 километров в сторону (я подчеркиваю, "перевезем"), построим там деревню, пусть они там живут и не мешают нам решать дела государственной важности", – и это воспринимается как норма. Сегодня психология другая. В соглашениях, которые мы как власть заключаем с нефтяными компаниями, мы пишем перечень того, что можно и чего нельзя. Это принципиально важно… А если в зоне действия нефтяников, геологов, лесников стоит чум или находятся охотничьи угодья, пастбища, обязательно согласие тех, кто там живет. При этом договор с конкретной семьей. В округе уже некоторые шутят, что пора защищать нефтяников»[33]. Конечно, и сам губернатор, и ученые, и аборигены отдавали себе отчет в том, что это политическое высказывание, на практике все складывалось сложнее. Но проведение исследований по этой теме в различных регионах показывает, что политика и публичные высказывания первых лиц являются очень важными факторами установления отношений промышленных компаний и коренных народов.

В ХМАО потребовалось 30 лет, чтобы этот процесс начался. В некоторых регионах – намного больше. Тем не менее, хотя многие чиновники освоили новую терминологию, некоторые – искренне, существуют и спустя 10 лет после этой публикации психологические проблемы во взаимодействии между нефтяниками и аборигенами, властью и аборигенами. Например, в Государственной думе приходится иногда слышать определение аборигенов – «корешки», а в средствах массовой информации время от времени появляются оскорбительные для коренных народов статьи. Так, в журнале «Русский Newsweek» и на его сайте в 2008 г. была опубликована статья «Возвращение первородства», в которой дается свой взгляд на права коренных народов. Привожу несколько цитат: «До недавнего времени коренные народы считались низшей кастой человечества, теперь с ними придется считаться всем» (речь идет о принятии Декларации прав коренных народов в 2007 г.), «коренные народы российского Севера и Востока предпочитают идти именно этим путем – разумного шантажа» и т.п. В этой статье есть много фактических ошибок, но главное, что возмутило Ассоциацию коренных малочисленных народов и почему они обратились в прокуратуру, это оскорбительный тон по отношению ко всем народам, которые представляет эта организация. А поводом для авторов послужили международные и национальные нормы права и взаимодействие с нефтяными компаниями

---

[33] Интервью опубликовано: *Филипенко А.* Можно ли разморозить арктическую политику // Северные просторы. 1996. № 3–4. С. 1–3.

в ХМАО и на Сахалине[34]. Факты, свидетельствующие о национальной нетерпимости, приводятся в докладе Н.Б. Вахтина – одном из первых экспертных заключений по положению коренных народов[35]. Эти факты показывают всю сложность взаимодействия коренных народов и промышленных компаний, ситуация ухудшается, когда на них накладываются межэтнические отношения. В этом вопросе законов недостаточно. А вот добровольно принятые стандарты могут оказаться эффективными.

Как показатель неразработанности данной проблемы можно рассматривать и то, что в глубоком и информативном Докладе о развитии человека в Арктике эти вопросы были лишь намечены. В нем подчеркивается связь положения коренных народов, уровня их благосостояния и сохранения культуры и языков с земельными требованиями и участием в со-управлении. В докладе эта проблема рассматривается на широком сравнительном материале. В отношении России отмечается, что «и в России коренные народы озабочены тем, что мало выигрывают от приватизации коллективных предприятий и подконтрольных им ресурсов. При этом, как правило, именно северным народам приходится расплачиваться за разработку ресурсов последствиями экологического, социального и культурного плана»[36]. Таким образом, к настоящему времени сложились определенные представления о взаимодействии коренных народов и промышленных компаний. В научной литературе отражены многие составляющие этого процесса, этапы его истории, хотя вопрос о культурно-ценностных аспектах взаимодействия, его обычно-правовом регулировании и его влиянии на конструирование идентичности коренных народов не получил должного освещения.

2. Международные стандарты взаимодействия коренных народов и промышленных компаний и его правовое регулирование в России

Регулирование взаимодействия нефтяных компаний и коренных народов Севера строится на комплексе норм, включающих международные и национальные. В 2007 г. Генеральная Ассамблея ООН приняла Декларацию прав коренных народов, в которой сформулированы положения, характеризующие общие нормы для

---

[34] Люди Севера: права на ресурсы и экспертиза. М., 2008. С. 360–367.

[35] *Вахтин Н.* Коренное население Крайнего Севера Российской Федерации. СПб., 1993. С. 42–44.

[36] Доклад о развитии человека в Арктике. Екатеринбург; Салехард, 2007. С. 135.

государств, в которых проживают коренные народы. В Декларации подчеркивается их роль в осуществлении контроля над принятием решений, хозяйственной деятельности и т.п. Для целей данной работы первостепенное значение имеет ст. 32 Декларации прав коренных народов, которая гласит:

«1. Коренные народы имеют право определять приоритеты и разрабатывать стратегии освоения или использования своих земель или территорий и других ресурсов.

2. Государства добросовестно консультируются и сотрудничают с соответствующими коренными народами через их представительные институты с целью заручиться их свободным и осознанным согласием до утверждения любого проекта, затрагивающего их земли или территории и другие ресурсы, особенно в связи с освоением, использованием или разработкой полезных ископаемых, водных или других ресурсов.

3. Государства обеспечивают эффективные механизмы справедливого и честного возмещения в связи с любой такой деятельностью и принимают надлежащие меры для смягчения ее неблагоприятных последствий для окружающей среды, экономики, общества, культуры или духовного развития».

Определенное значение имеют также статьи 19, 25–29. Особенно важно подчеркнуть, что признаются права этих народов на земли, которыми они владели по традиции «*с должным уважением к обычаям, традициям и системам землевладения соответствующих коренных народов*» (ст. 26).Уважение и учет традиций и обычаев коренных народов являются одними из принципиальных положений международного права. Для Российской Федерации это очень важно, так как вопросы правового регулирования взаимодействия коренных народов и промышленных компаний урегулированы недостаточно, а там, где молчит закон, действует обычай.

Таким образом, ООН не только признала права коренных народов в этом вопросе, но и определила обязанности государств по их защите. Международное право исходит из того, что права коренных народов связаны с обеспечением им доступа к определенным территориям, которые как сами по себе, так и находящиеся на них другие ресурсы составляют основу их жизнеобеспечения: «*Ни один народ ни в коем случае не может быть лишен принадлежащих ему средств существования*» (Международный пакт о гражданских и политических правах, ст. 1).

Международное право включает также необходимость проведения специальных исследований по оценке взаимодействия промышленных предприятий и аборигенов. Так, согласно п. 3 ст. 7

Конвенции Международной организации труда № 169 о коренных народах и народах, ведущих племенной образ жизни в независимых странах: «При необходимости правительства в сотрудничестве с соответствующими народами обеспечивают проведение исследований для оценки влияния на них планируемой деятельности с целью развития ее в социальном, духовном и культурном аспекте, а также в аспекте окружающей среды. Результаты этих исследований рассматриваются как основные критерии осуществления такой деятельности». Фактически эта статья говорит о необходимости проведения этнологической экспертизы.

Таким образом, в данных документах предполагаются процедуры согласования любой деятельности, которая затрагивает интересы коренных народов. Такое согласование, осознанное и информированное участие коренных народов в принятии решений могут рассматриваться как формы со-управления.

В 1992 г. была принята Конвенция ООН о биологическом разнообразии, которая предусматривает обязанности государств-участников в области сохранения и поддержания традиционных знаний и практик коренных народов, имеющих значение для сохранения биологического разнообразия. Результатом работы Конференции по этой конвенции стали «Добровольные руководящие принципы Агуэй-гу проведения оценок культурных, экологических и социальных последствий предлагаемой реализации проектов в местах расположения святынь, а также на землях и в акваториях, занимаемых или используемых местными и коренными общинами». Этот документ допускает возможность объединения оценок культурных, экологических и социальных последствий в единый процесс. Оценка культурных последствий предполагает: «возможное воздействие на непрерывное обычное использование биологических ресурсов; возможное воздействие на уважение, сохранение, охрану и поддержание традиционных знаний, нововведений и практики; возможные последствия на места расположения святынь и связанные с ними ритуалы и обряды; уважение потребности в уединении для целей, связанных с культурой; возможное воздействие на осуществление обычного права»[37].

Определенным эталоном в отношении политики взаимодействия промышленных компаний и коренных народов стали документы Всемирного Банка. Хотя сама политика Всемирного Банка

---

[37] Добровольные руководящие принципы Агуэй-гу проведения оценок культурных, экологических и социальных последствий предлагаемой реализации проектов в местах расположения святынь, а также на землях и в акваториях, занимаемых или используемых местными и коренными общинами. Приложение к журналу «Мир коренных народов – Живая Арктика». М., 2004.

и не всегда соответствует этим стандартам, они могут рассматриваться как ориентиры при проведении этнологической экспертизы и оценке взаимодействия промышленных компаний и коренных народов. Политика банка в этом вопросе регламентируется документом «Операционная директива 4.10. – Коренные народы», который содержит требования к оценке воздействия проектов любой деятельности, осуществляемых на территории традиционного проживания коренных малочисленных народов. Документы Всемирного Банка предназначены для его сотрудников и не претендуют на рассмотрение данного вопроса в полном объеме. В случаях, когда проект Всемирного Банка затрагивает интересы коренных народов, проводится социологическая оценка, с тем чтобы оценить возможные положительные и отрицательные последствия проекта для коренных народов и в случаях возможного значительного неблагоприятного эффекта рассмотреть альтернативные варианты осуществления проекта.

Социологическая оценка может рассматриваться как вариант этнологической экспертизы. Различия могут заключаться в используемых экспертами методах.

«Социологическая оценка.

1. Широта, глубина и тип анализа, необходимого для проведения социологической оценки, соответствует характеру и масштабам потенциального воздействия предлагаемого проекта на коренные народы.

2. Социологическая оценка при необходимости включает следующие элементы:

А. Обзор правовой и институциональной основы, применимой к коренным народам, в масштабах, соответствующих проекту.

Б. Сбор фоновых данных о демографических, социальных, культурных и политических характеристиках общин коренных народов, интересы которых затрагивает предлагаемый проект, землях и территориях их традиционного владения, пользования или обитания, а также природных ресурсах, от которых они зависят.

В. Учет результатов обзора и фоновых данных, определение ключевых заинтересованных сторон проекта и разработка процесса проведения консультаций с коренными народами, совместимого с их культурой, на каждом этапе подготовки и реализации проекта.

Г. Оценка потенциально отрицательного и положительного воздействия проекта на основе проведения свободных, заблаговременных и информированных консультаций с общинами коренных народов, интересы которых затрагивает предлагаемый проект.

При определении потенциально неблагоприятных последствий важнейшее значение имеет анализ относительной уязвимости и рисков для общин коренных народов, интересы которых затрагивает предлагаемый проект, с учетом их особых обстоятельств и тесных связей с землями и природными ресурсами, а также более ограниченных возможностей по сравнению с другими социальными группами населения, регионами или национальными сообществами, среди которых они проживают.

Д. Определение и оценка мер, необходимых для предотвращения неблагоприятных последствий, на основе проведения свободных, заблаговременных и информированных консультаций с общинами коренных народов, интересы которых затрагивает предлагаемый проект; или, если такие меры не являются осуществимыми, определение мер по минимизации, уменьшению последствий или компенсации такого воздействия, а также обеспечению доступа коренных народов к выгодам проекта, совместимым с их культурой».

Очень важным элементом политики Всемирного Банка является осуществление надзора за реализацией проекта, в котором участвуют специалисты в области социологии и эксперты по правовым вопросам.

На основании этих документов Всемирного Банка разрабатывается концепция политики Европейского банка реконструкции и развития в отношении коренных народов. В ней содержатся четкие требования при осуществлении проектов, потенциально затрагивающих интересы коренных народов, проводить оценку такого воздействия на коренные народы. Документы Банка предусматривают обращения с запросами к «опытным независимым специалистам по социальным вопросам». Разрабатывается процедура оценки воздействия как до, так и во время осуществления проекта в социальной, культурной (включая культурное наследие) и экологической сферах и планируемые меры по предотвращению или смягчению неблагоприятного воздействия и обеспечению получения выгод от проекта. Специально указывается, что экспертиза должна проводиться культурно приемлемыми для коренных народов методами.

В последнее десятилетие все большее значение приобретают международные документы, которые определяют принципы социальной и экологической деятельности промышленных компаний. Многие компании подключаются к Глобальному договору, который включает десять принципов, два из которых: Деловые круги должны поддерживать и уважать подход, предусматривающий защиту международных прав человека в их сферах влияния;

Деловые круги не должны быть причастными к нарушениям прав человека – определяют позицию компаний в сфере прав человека.

В соответствии с этим документом Российским союзом промышленников и предпринимателей была инициирована «Социальная хартия российского бизнеса». В ней специально выделены вопросы участия бизнеса в развитии местных сообществ, следования принципам корпоративного гражданства. Наряду с другими положениями этого документа в нем высказана такая интересная мысль: «принятие социальных обязательств российским деловым сообществом и отдельными компаниями – не альтруизм и не выкуп "социальной лицензии" на коммерческую деятельность. Социальная ответственность бизнеса может быть и обязана быть полезна для долгосрочного успеха самих компаний в той же мере, как и полезна для общества в целом». Именно добровольность составляет основу таких документов.

В течение многих лет банки, работающие в секторе проектного финансирования, искали пути создания единых правил, отражающих социальные и экологические аспекты, применимые во всех странах мира к проектам во всех отраслях промышленности. Они несколько раз перерабатывались, и в 2006 г. была утверждена новая редакция «Принципов Экватора», которые регламентируют условия финансирования в соответствии с принятыми стандартами. В отношении коренных народов особый интерес представляет то, что согласно этому документу предусмотрены стандарты и процедуры, определяющие ответственность заемщиков в вопросах охраны окружающей среды и групп населения, на которые оказывает воздействие финансируемый проект. Эти десять принципов предусматривают экологическую и социальную оценку, консультации с местным населением, планы действий, которые должны приводить к смягчению воздействия проекта, а также мониторинги, независимые оценки и т.п. Очень важно, что организация, принимающая эти принципы, каждый год публикует отчет о том, как она их выполняет. В документах объединения организаций, принявших «Принципы Экватора» («организации EPFI»), подчеркивается, что они принимают и реализуют принципы добровольно и независимо[38].

Такие инициативы являются добровольными и эффективными для общественного контроля. Нефтяные компании часто работают в разных странах и чувствительны к вопросам имиджа, о чем свидетельствуют, например, их сайты и выступления топменеджеров в СМИ. Всемирным фондом дикой природы (WWF)

[38] www.equator-principles.com

был осуществлен проект «Вклад крупнейших компаний России в устойчивое развитие». На вопросы подготовленной фондом анкеты лучше всего ответили нефтяные компании – 100%. При сравнении этих компаний с другими отраслями делается вывод о том, что их можно считать наиболее интегрированными в мировую экономику представителями делового сообщества.

Вместе с тем в рамках ООН звучат мнения о необходимости изменения ситуации. В 2007 г. Джон Рагги, Специальный представитель Генерального секретаря ООН по вопросу о правах человека и транснациональных корпорациях и других предприятиях завершил доклад, в котором сделал выводы о недостаточности добровольных инициатив и рекомендовал усилить работу по выработке более четких обязательных рамок для корпоративной ответственности и подотчетности в сфере прав человека[39]. Рагги также возглавил группу экспертов, которая подготовила важнейший документ «Руководящие принципы предпринимательской деятельности в аспекте прав человека: осуществление рамок Организации Объединенных Наций, касающихся “защиты, соблюдения и средств правовой защиты”». Этот документ строится на признании защиты прав человека со стороны государств, роли предприятий, которым предъявляется требование соблюдать все действующие законы и уважать права человека, и необходимости обеспечивать соблюдение прав и обязанностей с помощью эффективных средств правовой защиты. Таким образом, за государствами признается их важнейшая роль в соблюдении законов. В отношении деятельности предприятий предполагается, что государства будут «поощрять и при необходимости требовать от предприятий предоставления информации о том, каким образом они устраняют оказанное ими воздействие на права человека».

В докладе Дж. Рагги 2011 г. приводится краткая информация о работе, проведенной им в период 2005–2011 гг. В результате исследования была изучена практика многих корпораций и правительств по проблемам, возникающим в сфере прав человека в результате деятельности промышленных корпораций. В июне 2008 г. Специальный представитель внес только одну рекомендацию, предложив Совету поддержать рамки, касающиеся «защиты, соблюдения и средств правовой защиты», которые были им разработаны по итогам проводившихся в течение трех лет исследований и консультаций. Совет единогласно поддержал эту рекомендацию, «приветствовав» рамки в своей резолюции 8/7, и тем

---

[39] *Уилсон Э., Свидерска К.* Горнодобывающая промышленность и коренные народы в России: регулирование, участие и роль антропологов // ЭО. 2008, № 3. С. 23–26.

самым учредил отсутствовавший ранее авторитетный координационный механизм.

В основу этих рамок положены три исходные предпосылки. Во-первых, государства обязаны обеспечивать защиту от нарушений прав человека третьими сторонами, включая предприятия, посредством надлежащей политики, нормативного регулирования и судебного разрешения споров. Во-вторых, корпорации обязаны соблюдать права человека, а это означает, что предприятиям следует проявлять должную осмотрительность, с тем чтобы избегать нарушения прав других сторон и устранять неблагоприятное воздействие на них, к которому они причастны. В-третьих, существует потребность в расширении доступа жертв нарушений к эффективным средствам судебной и внесудебной правовой защиты. Каждая исходная предпосылка представляет собой основополагающий элемент в рамках взаимосвязанной и динамичной системы профилактических мер и мер правовой защиты: обязанность государства обеспечивать защиту – поскольку это составляет самую суть международного режима прав человека; ответственность корпораций за соблюдение прав человека – поскольку именно этого общество в первую очередь ожидает от предпринимателей в сфере прав человека; и доступ к средствам правовой защиты – поскольку даже максимальное согласование усилий не может предотвратить все нарушения.

Помимо целесообразности этих рамок как таковых, их широкому позитивному восприятию, безусловно, способствовало проведение большого числа всеохватных консультаций с заинтересованными сторонами. Так, к январю 2011 г. проведено 47 международных консультаций на всех континентах, специальный представитель и члены его группы посетили производственные объекты, а также встречались с заинтересованными сторонами на местах более чем в 20 странах.

В результате были разработаны рекомендации – «Руководящие принципы предпринимательской деятельности в аспекте прав человека: осуществление рамок Организации Объединенных Наций, касающихся “защиты, соблюдения и средств правовой защиты”». Документ подготовлен с учетом информации, полученной в ходе широких обсуждений со всеми группами заинтересованных сторон, включая правительства, предприятия и ассоциации, отдельных лиц и общины, которых непосредственно затрагивает деятельность предприятий в различных частях мира, гражданское общество и экспертов по многим областям права и политики, к которым имеют отношение руководящие принципы. Следует отметить, что некоторые руководящие принципы уже

прошли проверку практикой. Проще говоря, цель руководящих принципов состоит в том, чтобы не только служить практическим руководством, но и быть основанными на современной практике. Они не создают новых норм международного права, но могут служить основанием для разработки рекомендаций по организации деятельности промышленных компаний в местах проживания коренных малочисленных народов.

Именно благодаря общему характеру они могут быть применены для выработки политики в отношении специфических групп населения, к которым могут быть отнесены коренные малочисленные народы Севера Российской Федерации. При этом в документах ООН указывается, что при определении ситуации с соблюдением прав коренных народов должны учитываться как общие документы, так и те документы, которые приняты специально в отношении этих народов. Среди специальных документов, посвященных коренным народам, в первую очередь должна быть названа Декларация прав коренных народов ООН, но даже в этом документе столь актуальные вопросы взаимодействия с промышленными компаниями не могли быть подробно рассмотрены.

«Руководящие принципы» исходят из того, что именно государства призваны соблюдать, защищать и осуществлять права человека, причем в них отмечается, что одна из функций государства – «поощрять и, при необходимости, требовать от предприятий представления информации о том, каким образом они устраняют оказанное ими воздействие на права человека». В рамках корпоративной ответственности за соблюдение прав человека предприятия должны устранять неблагоприятное воздействие, предотвращать, смягчать его и при необходимости возмещать ущерб – так достаточно однозначно указывается в комментариях к «Руководящим принципам». Для выполнения своих функций предприятия должны оценивать риски, опираясь на собственные экспертные знания или знания независимых внешних экспертов и консультации с потенциально затрагиваемыми группами. В документе предлагается отслеживать эффективность мер, которые предпринимают предприятия для ликвидации неблагоприятных последствий.

Для практического применения этого документа особенно важны его разделы о доступе к средствам правовой защиты, где наряду с государственными судебными и внесудебными механизмами рассматриваются негосударственные механизмы рассмотрения жалоб. В документе отмечается: «С целью оперативного рассмотрения жалоб и прямого возмещения ущерба предприятиям следует учредить в интересах отдельных лиц и общин,

которые могут оказаться жертвами неблагоприятного воздействия, эффективные механизмы рассмотрения жалоб на оперативном уровне или принимать участие в их работе». Критериями эффективности внесудебных механизмов рассмотрения жалоб являются следующие: легитимность, доступность, предсказуемость, справедливость, транспарентность, соответствие нормам в области прав человека, источник непрерывного обучения. Эти механизмы должны быть основаны на взаимодействии и диалоге.

Механизмы рассмотрения жалоб представляют особый интерес, так как могут создать благоприятный климат для раннего предотвращения конфликтов и создать основу для действенного диалога между промышленными компаниями и лицами и общинами коренных народов. Опыт изучения использования подобного механизма в компании «Сахалин энерджи» показывает, что он требует и от аборигенов, и от предприятий определенных постоянных усилий и самоорганизации. На Сахалине в компании был даже разработан дополнительный механизм для работы с коренными народами в рамках Плана содействия коренным малочисленным народам. В результате выполнения этого плана происходит не только сотрудничество между компанией, правительством Сахалинской области и Советом уполномоченных представителей коренных малочисленных народов, но и институализация коренных народов, они приобретают опыт взаимодействия, установления диалога и разрешения конфликтов.

Предыдущий опыт регионов Севера показывает, что государственных правовых механизмов установления партнерства между промышленными компаниями и коренными народами явно недостаточно. Конечно, предстоит еще большая работа по совершенствованию законодательства, но наряду с этим нужно заниматься и выработкой механизмов осуществления корпоративной ответственности промышленных компаний. Если они будут следовать в своей деятельности международно признанным принципам осуществления и защиты прав человека (и прав коренных народов) на основании добровольно взятых на себя обязательств, то их работа в районах Севера будет встречать большую поддержку населения и сможет стать основой для устойчивого развития коренных малочисленных народов и повышения благосостояния и качества жизни коренного и местного населения. А установление процедуры рассмотрения жалоб сможет обеспечить обратную связь между компаниями и коренными народами и послужит средством раннего предотвращения конфликтов. Поэтому столь важно включить «Руководящие принципы» в исследовательский и правозащитный контекст в Российской Федерации.

Все анализируемые в этом разделе документы не являются обязательными для работающих в ХМАО компаний, но благодаря интернациональному характеру и нефтяного бизнеса, и движения коренных народов они часто используются в политических целях и пиар-акциях. Международные стандарты могут рассматриваться как важнейшая часть переговорной площадки для установления партнерских отношений между коренными народами и промышленными компаниями.

Существенную роль в процессе регулирования отношений между нефтяниками и аборигенами играют обязательные международные нормы, правда, это касается лишь работающих в России иностранных (чаще всего международных) компаний или если компании работают на займы международных банков и в рамках международных соглашений. В политике Всемирного Банка принципы взаимодействия с коренными народами четко зафиксированы, в последнее время вырабатываются аналогичные документы Европейского банка реконструкции и развития. Не останавливаясь подробно на этом вопросе, необходимо отметить, что согласно этим принципам требуется информированное участие коренных народов в процессе промышленного освоения. Одним из требований банков является составление Плана содействия коренным малочисленным народам и выполнение определенных программ. Такие документы позволяют анализировать осуществляемую компаниями деятельность. Я принимала участие в работе группы экспертов (В.А. Тишков – руководитель группы, О.А. Мурашко и автор книги) по анализу такой деятельности компании «Сахалин энерджи» на Сахалине в декабре 2006 г.[40] К положительным элементам Плана было отнесено то, что он способствовал повышению активности коренных народов, усилению их самоорганизации. К процессу действительного участия в работе компаний аборигены чаще всего не готовы, не хватает нужного образования и, что еще важнее, самоорганизации, осознания общих целей и воли к их достижению. Российские аборигены сегодня только формируются в качестве активной политической силы.

Общим недостатком Плана содействия было признано сужение сферы действия правовой базы, существующей в России. Юристы компании, участвующие в работе над ним, рассматривали лишь отдельные нормы международного и национального права, а не общий подход, провозглашенный в Конституции Российской Федерации. Мы могли наблюдать общую «болезнь» экспертов, работающих по заданию компаний. «Технократическая структура

[40] Люди Севера: права на ресурсы и экспертиза. М., 2008. С. 288–312.

требует, чтобы юрист в совершенстве знал нормы и процедуры, с которыми непосредственно имеет дело. От юриста она не ждет ничего другого, кроме безупречности и эффективности его услуг. Чтобы соответствовать этим требованиям, юрист вынужден применять свои знания во все более узкой сфере практики, превращаться в заурядного профессионала – технолога, иногда впрочем высокооплачиваемого»[41]. Несмотря на недостатки деятельности компании «Сахалин энерджи», характерные для начального этапа их работы, сегодня можно сказать, что План содействия является наиболее совершенной формой взаимодействия промышленных компаний и коренных народов Севера. Современная деятельность компании в рамках этого плана предполагает именно поддержку традиционного хозяйства и культуры коренных народов Сахалина, которая осуществляется на конкурсной основе.

Правовое регулирование нефтедобычи в связи с правами коренных народов Севера России

По Конституции Российской Федерации к компетенции органов государственной власти отнесена защита исконной среды обитания и традиционного образа жизни коренных малочисленных народов. Согласно ст. 5 Федерального закона «О гарантиях прав коренных малочисленных народов Российской Федерации», федеральные органы государственной власти могут:

– устанавливать по согласованию с органами государственной власти субъектов Российской Федерации и уполномоченными представителями малочисленных народов ограничения нетрадиционной для малочисленных народов хозяйственной деятельности организаций, находящихся в федеральной собственности, в местах традиционного проживания и хозяйственной деятельности малочисленных народов;

– решать вопросы возмещения убытков, причиненных им в результате нанесения ущерба исконной среде обитания малочисленных народов деятельностью организаций, находящихся в федеральной собственности.

Более того, органы власти субъектов федерации имеют право в пределах своих полномочий ограничивать хозяйственную деятельность организаций всех форм собственности в местах традиционного проживания и хозяйственной деятельности малочисленных народов (ст. 6).

Таким образом, согласно законодательству, вопросы взаимодействия промышленных компаний и коренных малочисленных

---

[41] Право и культура. М., 2002. С. 147.

народов Севера находятся в компетенции органов государственной власти.

Из норм этого закона также следует необходимость согласования промышленной деятельности с коренными народами. Статья 8 гарантирует права коренных малочисленных народов и лиц, принадлежащих к этим народам:

– на участие в осуществлении контроля за использованием земель различных категорий, необходимых для осуществления традиционного хозяйствования и занятия традиционными промыслами малочисленных народов, и общераспространенных полезных ископаемых в местах традиционного проживания и хозяйственной деятельности малочисленных народов;

– на возмещение убытков, причиненных им в результате нанесения ущерба исконной среде обитания малочисленных народов хозяйственной деятельностью организаций всех форм собственности, а также физическими лицами.

В развитие этих положений и для эффективной защиты прав коренных малочисленных народов Правительство Российской Федерации в 2009 г. приняло Концепцию устойчивого развития коренных малочисленных народов Севера, Сибири и Дальнего Востока Российской Федерации, в которой среди принципов устойчивого развития названы:

необходимость участия представителей и объединений малочисленных народов Севера в принятии решений по вопросам, затрагивающим их права и интересы, при освоении природных ресурсов в местах традиционного проживания и традиционной хозяйственной деятельности;

необходимость оценки культурных, экологических и социальных последствий предлагаемых к реализации проектов и работ в местах традиционного проживания и традиционной хозяйственной деятельности малочисленных народов Севера;

возмещение ущерба, нанесенного исконной среде обитания, традиционному образу жизни и здоровью малочисленных народов Севера.

Взаимодействие нефтяных компаний и аборигенов происходит в рамках правового регулирования недропользования в Российской Федерации и строится на принципах совместного распоряжения недрами РФ и субъектов РФ, платного пользования недрами и лицензионного порядка предоставления недр в пользование. Принципиальным для Российской Федерации является вопрос о государственной собственности на недра (ст. 1.2 закона «О недрах»). Вопросы владения, пользования и распоряжения недрами находятся в совместном ведении РФ и субъектов

РФ. Защита прав граждан, в том числе коренных малочисленных народов, находится в ведении органов государственной власти субъектов федерации (ст. 4 закона «О недрах»). Ввиду особой экологической опасности добычи и транспортировки нефти эти процессы регулируются также природоохранным законодательством (в первую очередь, ФЗ «Об экологической экспертизе»). Для рассматриваемых проблем также важны ФЗ «О гарантиях прав коренных малочисленных народов РФ» и «О территориях традиционного природопользования коренных малочисленных народов Севера, Сибири и Дальнего Востока РФ».

Юридический анализ прав коренных малочисленных народов на недропользование дается в работе В.А. Кряжкова[42]. Особый интерес представляют приведенные им данные о попытке правительства Ханты-Мансийского автономного округа в 2006 г. внести изменения в федеральные правила проведения конкурсов и аукционов, получения лицензий на право пользования участками недр и включения в них обязательства по заключению экономических соглашений с владельцами территорий традиционного природопользования. Эти предложения были отклонены. До сегодняшнего дня такие правила не были приняты.

Исследователи отмечают, что «современное право буквально на наших глазах превращается из источника надежд на правду и справедливость в инструмент обслуживания коммерческих интересов, потребностей экономической элиты, финансовых и промышленных олигархий. Болезнь коммерциализации захватила сегодня публичное право, конституционные институты, избирательные процедуры, сферу административных отношений, связи между гражданином и государством, достигла самых высот публичной власти, но все же в публичном праве пока еще нет такой сплошной концентрации коммерческого духа, какая существует в праве частном»[43].

Сложившееся положение встречает противодействие не только со стороны аборигенов, имеющих, по распространенным представлениям, особые традиционные взгляды на распоряжение природными ресурсами, но и, согласно опросам общественного мнения, со стороны значительной части россиян[44]. Исходя из либертарно-юридического правопонимания, возможность разрешения конфликта между нефтяными компаниями и коренными народами находится в состоянии восстановления формального

---

[42] *Кряжков В.А.* Коренные малочисленные народы Севера в российском праве. М., 2010. С. 288–309.

[43] Право и культура. М., 2002. С. 147.

[44] Там же. С. 376.

равенства между ними. Решению этой задачи могут служить гарантии прав человека и развитие со-управления ресурсами. Согласование интересов сторон является сегодня уже требованием законодательства (Земельный кодекс, ФЗ «О территориях традиционного природопользования коренных малочисленных народов Севера, Сибири и Дальнего Востока»).

Использование недр на всей территории Севера на основании действующего законодательства не решает в полной мере социальных проблем коренных народов Севера и не обеспечивает экологической безопасности региона. Из 52 статей Федерального закона «О недрах» (принят в 1992 г.) в его первом варианте была статья, по которой «при пользовании недрами в районах проживания малочисленных народов и этнических групп часть платежей, поступающих в бюджеты субъектов РФ, используется для социально-экономического развития этих народов и групп» (ст. 42). Опыт показывает, что, так как в законодательстве не было определено, какие суммы и как конкретно должны расходоваться для этих целей, данная статья закона не решала поставленных задач.

При более значительной регуляции прав коренных народов на земли традиционного природопользования могла бы быть использована другая статья данного закона «Условия землепользования площадей залегания полезных ископаемых»: «Земельные участки, необходимые для проведения работ, связанных с геологическим изучением и использованием недр, временно или постоянно могут отчуждаться для государственных нужд с возмещением собственникам указанных земельных участков их стоимости в соответствии с земельным законодательством». Вероятно, можно было бы защитить при этом не столько имущественные права, которых у аборигенов нет, но и их публичные права, связанные с особым статусом земель, входящих в территории традиционного природопользования. В любом случае представляется целесообразным оговорить права коренных малочисленных народов и в законодательстве о недрах.

В настоящее время норма возможности использования части рентных платежей на нужды коренных народов из закона исчезла, а полномочия между органами государственной власти перераспределены в пользу федерального центра (проект закона о недрах)[45]. Вместе с тем полномочия по «защите интересов малочисленных народов, прав пользователей недр и интересов граждан,

---

[45] *Крюков В.А., Токарев А.Н.* Учет интересов коренных малочисленных народов при принятии решений в сфере недропользования. В серии Библиотека коренных народов Севера. Вып. 10. М., 2005. С. 27.

разрешению споров по вопросам пользования недрами» отнесены к полномочиям органов власти субъектов федерации (ред. 2004 г., ст. 4, п. 10).

Представляется, что таким образом государство стремится превратить уже сложившийся и действующий в некоторых регионах, в первую очередь в Ханты-Мансийском автономном округе, треугольник «власть – нефтяники – аборигены» в отношения «власть – аборигены», взяв на себя, причем на федеральном уровне, полномочия по урегулированию отношений с недропользователями.

В большей степени прописаны рассматриваемые вопросы в Федеральном законе «О соглашениях о разделе продукции» (1995 г.). Но данный закон регулирует отношения, возникающие лишь при включении рассматриваемого участка недр в перечень, обоснованный правительством для работы по данному закону. Он предполагает, что участок недр, расположенный на территории традиционного проживания и хозяйственной деятельности коренных малочисленных народов, выделяется по решению законодательного органа субъекта РФ, принятому с учетом интересов коренных малочисленных народов, предусматривается выплата соответствующих компенсаций, а в качестве условия выполнения работ предполагается, что «инвестор обязан принимать предусмотренные законодательством РФ меры по защите исконной среды обитания и традиционного образа жизни коренных малочисленных народов, а также обеспечивать выплату соответствующих компенсаций в случаях и в порядке, которые установлены Правительством РФ» (ст. 2, 6, 7). К сожалению, в Федеральном законе «О недрах» этот вопрос прописан не так подробно.

Согласно ст. 7 (п. 3) этого закона «при выполнении работ по соглашению на объектах, расположенных на территориях традиционного проживания и хозяйственной деятельности коренных малочисленных народов, инвестор обязан принимать предусмотренные законодательством Российской Федерации меры по защите исконной среды обитания и традиционного образа жизни коренных малочисленных народов, а также обеспечивать выплату соответствующих компенсаций в случаях и порядке, которые установлены Правительством Российской Федерации». Правда, Правительство еще не сказало своего слова в этом вопросе, нет единого для страны порядка взаимодействия промышленных компаний и коренных народов.

ХМАО по праву считается пионером в правовом решении этого вопроса, но и здесь взаимодействие коренных народов и нефтяных компаний часто приобретает конфликтную форму.

Многие территории традиционного проживания и хозяйственной деятельности коренных народов были заняты нефтяным освоением до принятия законов, защищающих права этих народов. Уже это обстоятельство исключает равные отношения в современных условиях, закрепляя приоритет прав нефтяников на определенные участки территорий.

Изучение ситуации в ХМАО демонстрирует определенный прогресс в правовом регулировании взаимодействия нефтяников и коренных народов, хотя и показывает существование проблем и конфликтных ситуаций. Сами аборигены часто предлагают в качестве правового механизма разрешения конфликта проведение экологической и этнологической экспертизы, как, например, жители п. Нумто написали в письме губернатору округа летом 2007 г. Другим интересным экспериментом стали документы об особом режиме недропользования на некоторых месторождениях, где нефтяники и аборигены взаимодействуют особенно тесно в прямом смысле этого слова. В какой-то степени одной из форм взаимодействия в ХМАО стал особый статус святилищ, священных мест, которые требуют правовой защиты. Такие места особо выделяются при заключении экономических соглашений, договоров и согласовании размещения промышленных объектов.

В ХМАО с 1992 г., когда было принято «Положение о родовых угодьях», сложилась уже определенная правовая база взаимоотношений между нефтедобывающими корпорациями и представителями коренных народов, причем можно отметить, что в этом смысле округ опередил другие субъекты федерации, в которых проживают коренные малочисленные народы Севера, хотя проблем в этой сфере остается еще очень много.

В принятом в 1996 г. законе ХМАО «О недропользовании» было провозглашено: «Пользование недрами должно осуществляться в интересах всех народов Российской Федерации, населения автономного округа с учетом обеспечения экологической безопасности, сохранения окружающей природной среды и традиционного уклада жизни малочисленных народов Севера» (ст. 3). Но особенно важной новеллой закона явились статьи 103–106, определившие правила предоставления и использования земельных участков для недропользования в границах родовых угодий.

В законе «Об изъятии и предоставлении земельных участков на территории Ханты-Мансийского автономного округа» (2000 г.) предусмотрено согласование условий технических проектов промышленной разработки месторождений с владельцем родового угодья, причем в случае недостижения такого согласования окончательное решение принимается Правительством округа, хотя

за владельцем родового угодья остается право обжаловать такое решение в суде (ст. 28). Этим законом предусматривается также заключение договора недропользователя с владельцем родовых угодий; ввиду уникальности данного положения приводим статью полностью.

Статья 30. Договор об использовании земельных участков в границах родовых угодий, предоставляемых для целей недропользования

«1. Использование земельных участков в границах родовых угодий для целей недропользования осуществляется на основании договора недропользователя с владельцем родового угодья.

2. В договоре об использовании земельных участков в границах родовых угодий должны быть предусмотрены:

а) цели использования недропользователем земельных участков в границах родового угодья;

б) сроки пользования;

в) расположение (границы) размещения промысловых объектов и объектов инфраструктуры на территории родового угодья, правовой режим их использования;

г) режим пользования водными и иными природными ресурсами в границах родового угодья;

д) проведение обязательных работ по рекультивации используемых земельных участков (приведению в состояние, пригодное для использования по целевому назначению);

е) проведение мероприятий по лесовосстановлению.

3. В договоре определяется размер компенсации за ограничение традиционных для коренного населения промыслов вследствие эксплуатации недр в границах родовых угодий, а также иные условия на усмотрение сторон.

4. Договор подлежит регистрации в органах местного самоуправления по месту нахождения родового угодья, в границах которого предоставлен земельный участок для целей недропользования.

5. Споры о предоставлении земельного участка и расположении инфраструктуры могут рассматриваться согласительной комиссией, образуемой Правительством Ханты-Мансийского автономного округа по заявлению лица, заинтересованного в предоставлении земельного участка, в состав которой входят представители государственных органов исполнительной власти автономного округа, органов местного самоуправления, представители недропользователя и владельцев родовых угодий»[46].

---

[46] Статус коренных малочисленных народов. Кн. 3. М., 2005. С. 671–672.

Практика договорных отношений в Ханты-Мансийском округе показывает вектор развития отношений между представителями коренных народов и нефтяными компаниями. За годы промышленного развития в ХМАО накопилось довольно много претензий, в первую очередь связанных с невыполнением соглашений нефтяными компаниями, но для многих ханты и ненцев нефтяные компании представляются важным источником пополнения семейного бюджета. Именно экономическая составляющая этих отношений является сегодня определяющей.

Несколько в другом направлении могут развиваться эти отношения в связи с принятием в декабре 2006 г. нового закона «О территориях традиционного природопользования регионального значения в Ханты-Мансийском автономном округе – Югре». Еще рано давать его полную характеристику, остановлюсь лишь на одном положении – на содержании ст. 12 «Осуществление деятельности в границах территорий традиционного природопользования лицами, не являющимися субъектами права традиционного природопользования». В ней определяются требования к такой деятельности и необходимость ее согласования с субъектами права традиционного природопользования. Последнее понятие является новым для законодательства, но фактически оно отличается от общепринятого определения «коренные малочисленные народы Севера» лишь тем, что определяет лиц и общины, для которых были образованы родовые угодья и сведения о которых включены в Реестр территорий традиционного природопользования (ст. 1 данного закона).

Провозглашенный принцип обязательного согласования предполагает даже такую ситуацию, когда «при отрицательном согласовании схемы размещения объектов либо отказе в ее согласовании субъектами права традиционного природопользования варианты месторасположения и условия размещения промышленных и иных сопутствующих объектов рассматриваются Комиссией по вопросам территорий традиционного природопользования, которая готовит соответствующие рекомендации Правительству автономного округа. Правительство автономного округа с учетом рекомендаций Комиссии может принять решение о согласовании либо об отказе в согласовании схемы размещения объектов в границах территории традиционного природопользования» (ст. 12, п. 4).

Проблема договоров (экономических соглашений) остается не решенной, хотя в округе накопился большой опыт их использования. В современных условиях они не направлены на устойчивое развитие коренных малочисленных народов Севера. В работе Е.П. Мартыновой и Е.А. Пивневой анализируются экономические

соглашения с точки зрения их влияния на усиление стратификации аборигенного сообщества. Авторы пишут, что аборигенное сообщество разделилось на тех, «кто получает», и тех, «кто не получает», т.е. ведет традиционный образ жизни в границах лицензионных участков и вне их[47].

По моим полевым материалам в Сургутском районе, где более всего родовых угодий и в основном работают нефтяники, ситуация сложнее. Родовые угодья до придания им официального статуса использовались для традиционного природопользования, живущие на них ханты и лесные ненцы занимались и продолжают заниматься оленеводством и рыболовством в тех объемах, которые позволяет состояние ресурсов. Реальные же компенсационные выплаты не только не приводят к росту благосостояния, но чаще не покрывают причиненный ущерб. Влияние промышленных объектов сказывается на значительно более широкой территории, чем та, которую эти объекты занимают. Кроме того, в указанной работе не учитываются моральный ущерб, неблагоприятная психологическая обстановка в районах нефтяного освоения, невозможность для аборигенов выдвигать дополнительные требования. Список условий экономических соглашений строго лимитирован, экологические вопросы в них вообще не регламентируются, хотя аборигены предпринимали попытки их включить. На первых порах это удалось лишь Юрию Вэлле, правда, в дальнейшем его экономическое соглашение (приводится в гл. 3) было расторгнуто.

Регулятором отношений между «охотниками» и «нефтяниками» сегодня является экономическое соглашение, которое заключается на один год, хотя месторождения разрабатываются в течение более длительного времени. По истечении года, если владелец родовых угодий требует его выполнения (а надо сказать, что нефтяники постоянно нарушают это соглашение и в течение года), то нефтяники соглашаются его продлить, только если владелец угодий подпишет им разрешение на отвод дополнительных участков земли. Таким образом, нефтяники диктуют свои условия, а аборигенам приходится выпрашивать свои права, так как органы местной власти своими постановлениями отдали приоритетные права нефтяным корпорациям.

Экономические соглашения есть далеко не у всех коренных жителей. К тому же это далеко не идеальная форма взаимоотношений. Кроме того, то соглашение, которое заключают недро-

---

[47] *Мартынова Е.П., Пивнева Е.А.* Традиционное природопользование народов Северного Приобья. М., 2001. С. 119.

пользователи с хозяином родового угодья, является вторичным. Основное соглашение заключается между недропользователем и органами власти района, затем следует соглашение с сельской администрацией и лишь потом с владельцем родового угодья. Таким образом, как пишет одна из деятелей движения за права коренных народов А.С. Песикова, «за счет промышленного освоения родового угодья решаются финансово-материальные проблемы техногенного населения, то есть в Западной Сибири самих нефтяников, а коренному жителю достаются крохи»[48]. Главным недостатком экономических соглашений, на мой взгляд, является то, что они не дают возможностей для развития коренных народов, а подчас способствуют росту иждивенческих настроений. В лучшем случае они помогают семьям аборигенов выживать и сохранять традиционный образ жизни.

Проблемой является также недостаточный государственный и муниципальный контроль за их исполнением. Соглашения не предполагают полной компенсации, так как промышленное освоение территорий традиционного природопользования наносит комплексный урон социально-экономическому и культурному развитию аборигенов. Органы государственной власти таким образом перекладывают груз социальной ответственности на промышленные компании, что встречает недовольство с их стороны и стремление избавиться от этого груза. Компании вырабатывают свои собственные внутренние документы, которые позволяют им сузить сферу действия экономических соглашений. Экономические соглашения не стали действительными договорами, они не являются добровольными для обеих сторон. Нефтяники должны их заключать по закону, это условие их работы в округе. Для аборигенов соглашения часто являются вынужденными, так как ясно, что если они их не подпишут, нефтяники заключат соглашение со всеми соседями и аборигены все равно лишатся возможности заниматься традиционным природопользованием и ничего не получат взамен.

Еще более вероятно то, что власти решат эту ситуацию в пользу нефтяников и аборигены все равно проиграют. Законы о необходимости заключать соглашения приняты недавно, еще нет практики рекультивации земель и возвращения их в зону традиционного природопользования. В округе при всех плюсах политики заключения экономических соглашений/договоров с аборигенами сказывается отсутствие организации, которая взяла

---

[48] *Песикова А.С.* Колонизация земель аборигенов Севера и Сибири в современных условиях // Научные труды. Ханты-Мансийск, 1995. С. 19–20.

бы на себя ведение переговоров. Проживание коренных народов в округе на широкой территории среди другого населения не позволяет им выделить большую территорию для придания ей статуса традиционного природопользования для больших групп аборигенов. Попытка создания биосферного резервата на Югане пока не удалась.

Безусловную проблему для округа составляет то, что карта территорий традиционного природопользования и карта объектов промышленного развития почти полностью совпадают. Это вызывает необходимость остановить промышленное развитие в каких-то пределах, например, оставить наиболее ценные для культуры коренных малочисленных народов места, такие как озеро Нумто. Живущие в этом районе аборигены уже неоднократно обращались в органы государственной власти с просьбой проведения этнологической экспертизы промышленного освоения, но положительного решения вопроса нет.

Другим механизмом установления отношений с промышленными компаниями и защиты прав коренных народов является принятие региональных нормативных документов, закрепляющих особый режим недропользования на некоторых месторождениях. Чаще всего это те месторождения, освоение которых уже вызвало острые конфликты. В документах специально оговариваются необходимость соблюдения экономических соглашений и ответственность за их соблюдение. Контроль над выполнением распоряжений осуществляет соответствующее лицо из органов исполнительной власти. Такие нормативные документы определяют режим природопользования на данных территориях. Степень влияния на традиционное природопользование может быть различной. В одних случаях для целей оленеводства аборигены могли временно использовать сначала одни земли, а потом другие. Промышленные же объекты занимают все большую территорию. Результат один и тот же, это приводит в лучшем случае к консервации определенного уровня жизни аборигенов, а в будущем – к ухудшению их положения и ассимиляции. Полноценной хозяйственной деятельностью аборигены не могут заниматься на территориях, где работают промышленные компании.

Изучение опыта ХМАО в этой сфере показывает, что принцип совместного ведения, провозглашенный в Конституции, очень важен, так как позволяет корректировать политику. Органы власти субъекта федерации хорошо знакомы с проблемами коренных народов, но они же бывают заинтересованы и в работе нефтяных компаний на своей территории, и в этом вопросе коренные народы могут апеллировать к центру как гаранту прав человека. С другой стороны,

излишняя централизация, о которой свидетельствует эволюция законодательства после 2004 г., может лишить власть «знания жизни». Для выработки решений, более адекватных правам и интересам коренных малочисленных народов, необходим мониторинг их положения на основании определенных и сравнимых индикаторов. Тогда будет возможно судить, насколько эффективны те или иные механизмы. Эта работа должна быть осуществлена сначала на уровне регионов, для которых характерно взаимодействие коренных народов и промышленных компаний, что позволит учесть их исторические, культурные и экологические особенности.

3. Примеры взаимодействия за границами Ханты-Мансийского автономного округа

Зарубежный опыт взаимодействия коренных народов и промышленных компаний на примере проекта строительства газопровода в долине р. Макензи в Канаде

Опыт северных канадских территорий представляет большой интерес для России. Взаимодействие с промышленными компаниями здесь строилось не на пустом месте. Можно отметить опыт работы королевской комиссии по расследованию противодействия коренных народов Северной Канады строительству газопровода. В результате в 1977 г. был опубликован доклад судьи Т. Бергера «Северная граница, северная родина», который получил широкое признание, явившись новаторским подходом к освоению Арктики. В нем отмечается: «Север – это граница, но это и родина… И это наследие, уникальная среда, которую мы призваны сохранить для всех канадцев… Решения, которые нам предстоит принять, касаются не только северного трубопровода. Это решения о защите северной среды и будущего северных народов»[49]. По планируемому проекту газопровода в долине р. Макензи переговоры ведутся уже десятки лет. В 2006–2007 годах проходили общественные слушания. Мне удалось присутствовать на обсуждениях, которые состоялись в октябре 2006 г. в г. Инувике. Несколько организаций коренных народов Канады учредили Объединенный секретариат, который активно участвовал в слушаниях. Они проводились во всех населенных пунктах, где живут аборигены, кроме того, переводились на пять языков и транслировались по радио в отдаленные поселки и на стойбища. Меня поразили тщательность обсуждения и понимание социальных и экологических последствий планируемых работ для каждого человека, занимающегося

[49] Цит. по: Доклад о развитии человека. С. 22.

традиционным природопользованием или желающего перейти на работу в промышленную компанию. При этом нужно сказать, что многие проблемы, связанные с возможным промышленным развитием их территорий, сами инувиалуиты и гвитчины, с которыми мне удалось поговорить, считают неразрешимыми. Их отношения с компаниями приобретают подчас драматический и даже трагический характер. Так, в одном интервью я записала историю женщины, которая решила работать в компании и не выступать резко против ее деятельности после того, как ее сын покончил жизнь самоубийством из-за того, что не мог найти работу в Инувике и содержать свою семью.

Изменилась и позиция некоторых лидеров. Так, глава корпорации инувиалуитов, бывший премьер-министр СЗТ Нелли Курноеа в 1970 г. выступала против проекта, а потом стала его сторонницей. Она, как и некоторые другие лидеры, изменила свою позицию, так как изменилась позиция правительства. Президент Племенного совета гвитчин Фред Кармайкл сказал в начале слушаний: «Трубопровод по долине Макензи… не уничтожит землю, но без хоть какой-то экономической базы мы, безусловно, уничтожим наш народ»[50].

Когда я была на этих слушаниях, то обратила внимание на неоднозначное отношение местных людей к тому, что рассказывали работники министерств и органов власти. Уважение к лидерам (в том числе к Нелли) и их позиции является важным фактором для определения позиции в обсуждениях. Меня, до этого знакомую только с российским опытом, потряс охват слушаний, в частности перевод на местные языки. Когда я спросила, зачем это делается, организаторы отвечали, что это необходимо, так как некоторые аборигены испытывают трудности в понимании сложных терминов на английском языке, а Объединенная наблюдательная комиссия и Объединенный секретариат, которые выступали организаторами обсуждений, были заинтересованы в максимальном участии коренных народов. Кроме того, в слушаниях принимали участие и адвокаты, работающие с общинами коренных народов. Я беседовала с одним адвокатом, которая активно задавала вопросы, обращая внимание участников на проблемы, с которыми могут столкнуться, например, аборигены, занимающиеся охотой и живущие на побережье.

Вторым важным обстоятельством взаимодействия с компаниями можно считать разработанные ими программы обеспечения занятости. Еще не заработал проект газопровода в долине Макензи, а уже была проведена большая подготовительная

---

[50] *Наттэл М.* Нефть, газ и права аборигенов в Арктике: опыт Северной Канады // ЭО. 2008. № 3. С. 12.

работа, в колледже существует специальная образовательная программа по подготовке необходимых для промышленных компаний работников, причем работа ведется гибко, готовят различных специалистов. Обучаются люди любого возраста, преподаватели выезжают непосредственно в общины, обучение занимает период от нескольких недель до нескольких лет. Консорциум компаний основной задачей для коренных народов выдвигает обеспечение занятости. У них есть четко сформулированный план, определены необходимые трудовые вакансии и пути подготовки кадров.

Кроме того, в 2000 г. создана Аборигенная группа по наблюдению за газопроводом (Aboriginal Pipeline Group – APG), которая представляет интересы аборигенов и в 2003 г. стала партнером проекта газопровода, причем доходы от добычи газа должны распределяться следующим образом: APG – 33,3%, компании Imperial Oil – 34,4%, ConocoPhillips Canada – 15,7%, Shell Canada – 11,4%, Exxon Mobil Canada – 5,2%. Сейчас трудно судить, как события будут развиваться в реальности. Сами аборигены высказываются как за развитие промышленности в Арктике, так и против него, но очевидно, что они уже сегодня участвуют в процессе со-управления ресурсами, хотя это и не означает, что их социально-экономические и культурные запросы полностью удовлетворены, а проблемы решены. Характерно, что когда я спросила директора языкового центра в Инувике, что будет с языком инувиалуитов, когда заработает трубопровод, она сказала: «Язык умрет»[51].

Ситуация с этим газопроводом и правами коренных народов на землю и другие ресурсы подробно описана и проанализирована[52]. Организация общественных слушаний высоко оценена экспертами, хотя М. Наттэл отмечает и противоречия, которые возникли в ходе обсуждений. Во-первых, много молодежи высказалось против строительства газопровода. Во-вторых, против проекта выступила первая нация де чо центральной долины Макензи (которая представляла тринадцать общин). Они были не согласны с принимаемыми решениями, считали, что их права ущемляются. Процессом проведения слушаний была также недовольна дене тха' Северной Альберты, которая подала иск в суд против проекта[53]. Позиция де чо вызвала отрицательную реакцию федерального министерства, в Инувике я видела по телевизору фильм о борьбе вождей этого народа против проекта. В самом Инувике люди по-разному относились к этому противостоянию, некото-

---

[51] ПМА, г. Инувик, 2006 г.

[52] *Наттэл М.* Нефть, газ и права аборигенов в Арктике: опыт Северной Канады // ЭО. 2008, № 3. С. 4–17; *Nuttall M.* Pippeline Dreams. People, Environment and the Arctic Energy Frontier. Copenhagen, 2010. P. 98–136.

[53] *Наттэл М.* Нефть, газ и права аборигенов в Арктике. С. 12–17.

рые сочувствовали, кто-то не говорил об этом, но я не слышала, чтобы кто-то осуждал.

Опыт взаимодействия коренных народов с промышленными компаниями в различных регионах Севера показывает, что местные жители заинтересованы и в оплачиваемой работе, и в возможности использовать «ресурсы, имеющие устойчивую продовольственную, культурную и экономическую ценность». Именно с использованием местных ресурсов связываются перспективы устойчивого развития[54]. В любом случае при различных моделях взаимодействия мы видим, что аборигены отдают предпочтение местным возобновляемым ресурсам и своему труду по их освоению. Промышленное развитие чаще всего воспринимается ими как рискованное, от которого ожидают многого, но нет уверенности, что ожидания оправдаются.

Возможности участия коренных народов в процессах со-управления ресурсами, участия в принятии решений, получении компенсаций или участия в прибылях в значительной степени зависят от конституционных гарантий и обеспеченности земельных требований. На Севере Канады процесс взаимодействия обеспечен Конституционным актом 1982 г. и соглашениями, заключенными с Федеральным правительством. Инувиалуиты заключили такой акт в 1984 г., гвитчин – в 1992, сахту дене – в 1994[55]. Эти документы гарантируют права народов на ресурсы и обязанность правительства и промышленных компаний согласовывать с ними любую деятельность на их землях[56]. Для достижения таких соглашений в России, как в Канаде, потребуется серьезная правовая и организационная работа, но существенное различие заключается в том, что в России не сделано никаких выводов из конфликтов в сфере природопользования, вернее, эти конфликты очень ослабили правовую базу, когда в конечном итоге права компаний и государства оказываются более значимыми и обеспеченными, чем права коренных народов.

План содействия развитию коренных малочисленных народов Севера Сахалина как форма взаимодействия этих народов с компанией

Промышленное освоение территории Сахалина началось еще раньше, чем в Западной Сибири. Это были сухопутные месторождения нефти в Ногликском и Охинском районах. К 1990-м годам возникшие в связи с их освоением проблемы не получили

---

[54] Доклад о развитии человека. С. 122.

[55] *Наттэл М.* Нефть, газ и права аборигенов в Арктике: опыт Северной Канады. С. 8.

[56] Люди Севера: права на ресурсы и экспертиза. С. 56–82, 101–148.

правового разрешения. Впоследствии они только углубились из-за добычи нефти на шельфе. Сравнительно небольшая площадь острова и зависимость всего его населения от морских ресурсов сказались на остроте возникающих конфликтов. С конца 1950-х годов развернулась масштабная разработка нефти в Ногликском районе. В 1970–1980-е годы отторгались значительные территории без согласования и компенсаций. Т.П. Роон приводит яркое высказывание оленевода В.А. Иннокентьева: «Шаманы раньше говорили, что придет время, и мы, уильта не узнаем свою землю. Сюда придут чужие люди. Земля будет изрыта, разворочена, звери и люди не смогут здесь жить, оленей постреляют и они уйдут. Мы раньше не верили, а теперь сами видим, во что нефтяники превратили нашу землю. Нам самим жить негде»[57].

Большую роль в защите окружающей среды, в первую очередь бассейна Охотского моря, играли правозащитные экологические организации, которые проводили семинары, организовывали компании в СМИ, судебные процессы[58]. По мере деятельности нефтяных компаний и все большего загрязнения окружающей среды росло недовольство коренных народов. На Дальнем Востоке сформировалось неформальное общественное движение в защиту чистоты и ресурсов Охотского моря, и постепенно аборигены Сахалина все больше включались в деятельность по защите моря как основы традиционного природопользования. Организации коренных народов предпринимали различные шаги по противодействию нефтяным компаниям, сначала они стояли на позиции непримиримого противостояния: призывали к митингам, перегораживанию дорог и другим акциям гражданского неповиновения.

В 2004 г. проходил V съезд коренных малочисленных народов Сахалинской области, в решении которого отмечалось, что Ассоциация принимает решение: «Приступить к самозащите своих конституционных прав через проведение акций протеста по отношению к нефтяным компаниям, нарушившим права коренных народов, в соответствии с нормами и принципами международного права и российского законодательства». Тем не менее в начале 2000-х годов многие аборигены Сахалина не считали нефтяное освоение большой проблемой для себя и некоторые даже считали такое противодействие попыткой получить большую денежную компенсацию со стороны их лидеров. В тот период коренные

---

[57] Цит. по: *Роон Т.П.* Изменения в экономике коренных народов Сахалина в XX в. // Расы и народы. Вып. 28. М., 2002. С. 156

[58] *Мурашко О.А., Суляндзига П.В.* Охотское море: жизнь и нефть. Разные точки зрения //Северные народы России на пути в новое тысячелетие. М., 2000. С. 138–150.

малочисленные народы Сахалинской области, насчитывавшие около 3500 человек, оказались не готовы к объединению и организации для начала реального диалога с промышленными компаниями[59]. Первым реальным шагом по установлению диалога коренных народов и промышленных компаний явилось принятие Плана содействия развитию коренных малочисленных народов Севера Сахалина. Ему предшествовал период конфронтации, что подтверждает общее положение о том, что коренным народам всегда приходится именно в борьбе добиваться права на участие в управлении.

План был принят в 2006 г. как осуществление требования Всемирного Банка. Это трехсторонняя программа, которая реализуется компанией «Сахалин энерджи», администрацией Сахалинской области, Региональным советом уполномоченных представителей коренных малочисленных народов Севера. Ее задачами являются повышение качества жизни этих народов, содействие развитию их потенциала, способствующее активному участию в управлении ресурсами, предотвращение или смягчение негативного воздействия проекта на жизнь коренных малочисленных народов. План включает несколько подпрограмм, финансирование осуществляется на конкурсной основе. Часть проектов направлена на поддержку хозяйственной деятельности, ее развитие, повышение ее конкурентоспособности. Есть проекты самообеспечения. Некоторые проекты направлены на развитие культуры, например публикация букваря уйльта, поддержка клуба «Нивхинка» и др.[60] Важно подчеркнуть, что по мере развития программы поднимались и решались различные вопросы. Дискуссии возникали из-за необходимости выбрать традиционные либо модернизационные проекты, давать ли деньги на стипендии студентам или на зубопротезирование, букварь или родовые хозяйства.

Я немного утрирую, но первоначально у населения возникали подобные вопросы. Со временем растет квалификация людей, которые управляют распределением средств, этому способствует проводимый мониторинг и простое обсуждение возникающих проблем. Важнейшей чертой программы является то, что уже сейчас средства распределяются аборигенами и среди аборигенов. Это их собственная ответственность, и уже сам по себе факт существования такой программы способствует росту потенциала аборигенного сообщества. Так, уже сейчас все ре-

---

[59] *Роон Т.П.* Промышленное освоение и правовые проблемы коренных народов Сахалина (1990-е годы) // Обычное право и правовой плюрализм. М., 1999. С. 131–136.

[60] Люди Севера: права на ресурсы и экспертиза. М., 2008. С. 288–312.

шения по финансированию мини-грантов принимаются советом, состоящим исключительно из представителей коренных малочисленных народов Сахалина. Фонд составляет 10% бюджета Плана содействия. По мнению представителя коренных малочисленных народов при Сахалинской областной думе В.В. Агнюна «фонд мини-грантов является своего рода моделью схемы управления Планом содействия в будущем, когда принятие всех решений, реализация программ и осуществление контроля в рамках данной инициативы станет исключительной прерогативой представителей коренных народов Сахалина»[61]. План высоко оценивается руководством области, для которого он является средством правовой защиты коренных малочисленных народов, а средства компании помогают решать многие финансовые проблемы. Сегодня План содействия признается в России лучшей практикой взаимодействия коренных народов и промышленных компаний.

План действует уже более 5 лет, но пока недостаточно осмыслен учеными. Фактически есть только публикуемые небольшими тиражами результаты мониторинга независимого эксперта Г. Гулдина. Этот мониторинг проводится два раза в год, методами интервью, опросов, наблюдений. Американский антрополог приезжает на Сахалин. Он обратил внимание на некоторые противоречия при выполнении плана, которые могут быть, по его мнению, связаны со столкновением двух или более идеологий: одна позиция (компании «Сахалин энерджи» и некоторых других организаций) заключается в том, что средства должны распределяться в соответствии со строгими правилами конкуренции, чтобы награда была заслуженной. «Другие, под влиянием традиционных общинных ценностей коренных народов и, возможно, также давнего наследия в виде советской идеологии равенства, предпочитают такой подход, при котором средства распределяются между членами сообщества таким образом, чтобы создать более гармоничное общество путем предотвращения зависти, появляющейся в результате неравенства»[62]. Им также отмечалось, что люди часто ссылаются на сложности с оформлением бумаг из-за ориентированности скорее на устное, чем на письменное общение[63].

---

[61] *Агнюн В.В.* План содействия развитию коренных малочисленных народов Севера Сахалина // Вопросы взаимоотношений коренных малочисленных народов с промышленными компаниями (опыт, практика сотрудничества, документы). М., 2009. С. 26–31.

[62] *Гулдин Г.* Четвертый независимый мониторинг [июль 2008 г.]. С. 16.

[63] Там же. С. 20.

В 2009 г. компания «Сахалин энерджи» подписала Глобальный договор, чем провозгласила свою приверженность высоким международным принципам социальной корпоративной ответственности. В настоящее время Сеть Глобального договора в России не очень обширна, далеко не все нефтяные компании к ней подключились. Акция компании «Сахалин энерджи» – знак не только успешности ее политики в отношении коренных народов Севера, но и ее большой ответственности.

Значение этой практики имеет тем большее значение для нашей страны, что она может служить наиболее привлекательной моделью и для организаций коренных народов, и для региональных органов власти. Поэтому очень важны и мониторинг Плана, который проводится независимым экспертом на Сахалине, и анализ различных элементов этого процесса. Особый интерес представляет практика жалоб, закрепленная в компании «Сахалин энерджи». Она рассматривается как один из механизмов установления обратной связи. В процессе взаимодействия коренных народов и промышленных компаний наиболее сложным и одновременно важным является именно установление диалога, в котором важно, чтобы обе стороны были услышаны[64].

Следующим шагом в Сахалинской области стало подписание соглашения Сахалинского правительства, Регионального совета уполномоченных представителей коренных народов с другой зарубежной компанией «Эксон Нефтегаз Лимитед» в сентябре 2012 г. Стороны стали равноправными партнерами в Консультативном комитете. Это соглашение направлено на обеспечение долгосрочных экономических и социальных выгод для коренного населения острова[65]. Показательным при этом является то, что такие соглашения заключаются с зарубежными компаниями. Задачей государственной политики на Севере должно стать создание условий для того, чтобы и российские компании приняли участие в подобных альянсах, тем более что это соответствует международным стандартам.

Более серьезное научное исследование Плана как формы взаимодействия коренных народов и промышленных компаний – дело будущего. Тем более что развитие социальной ответственности

---

[64] *Novikova N., Wilson E.* The Sakhalin2 Project Grievance Mechanism, Russia // Wilson, E. and Blackmore, E (eds). Dispute or dialogue? Community perspectives on company-led grievance mechanisms. International Institute for Environment and Development. London, 2013. P. 84–109.

[65] *Королева Е.А.* Новый этап в развитии партнерских отношений // Современное состояние и пути развития коренных малочисленных народов Севера, Сибири и Дальнего Востока Российской Федерации. М., 2013. С. 154–157.

бизнеса в ориентации на международные и национальные стандарты со временем приведет к развитию различных партнерских программ.

Взаимодействие коренных малочисленных народов Севера с предприятиями ОАО «Газпром»

Для сравнения ситуации в различных регионах Севера особый интерес представляет опыт Ямало-Ненецкого автономного округа. Анализируемые материалы собраны автором в рамках выполнения этнологических экспертиз и этнологического мониторинга техногенного воздействия на коренные малочисленные народы ЯНАО[66]. Округ занимает особое место среди регионов Севера, так как живущее здесь кочевое население в значительной степени сохраняет традиционный образ жизни, основанный на оленеводстве. По данным на 2012 г., в округе около 15 тыс. кочевников, что составляет около 40% всех живущих здесь аборигенов. Предлагавшиеся в прошлом планы перевода оленеводов на оседлость и переселения их в поселки доказали свою бессмысленность, поэтому вопросы сочетания традиционного природопользования и промышленного развития в ЯНАО приобрели особую актуальность в последнее время, от их решения зависит и жизнь коренных малочисленных народов, и геополитические интересы России.

Обязательства Российской Федерации перед этими народами и социальная ответственность ОАО «Газпром» и его подрядных организаций являются императивом установления партнерских отношений между ними. Общим требованием аборигенных организаций в ЯНАО является переход от благотворительной помощи промышленных предприятий к установлению партнерских отношений, согласованию вопросов, представляющих взаимный интерес. Предприятия ОАО «Газпром» также в какой-то степени стремятся найти пути смягчения воздействия промышленного освоения на коренные малочисленные народы.

Приоритетным направлением деятельности Газпрома является освоение газовых ресурсов полуострова Ямал, Арктического шельфа, Восточной Сибири и Дальнего Востока. По поручению

---

[66] Полевые материалы собраны во время проведения ООО «Этноконсалтинг» этнологических экспертиз, материалы которых опубликованы: *Василькова Т.Н., Евай А.В., Мартынова Е.П., Новикова Н.И.* Коренные малочисленные народы и промышленное освоение Арктики: этнологический мониторинг в Ямало-Ненецком автономном округе. Москва; Шадринск, 2011; *Мартынова Е.П., Новикова Н.И.* Тазовские ненцы в условиях нефтегазового освоения. М., 2012.

Правительства Российской Федерации Газпром является координатором деятельности по реализации Программы создания в Восточной Сибири и на Дальнем Востоке единой системы добычи, транспортировки газа и газоснабжения с учетом возможного экспорта газа на рынки Китая и других стран АТР (Восточная программа).

В деятельности компании выделяется экологическое направление, которое должно обеспечивать создание системы мер экологической безопасности регионов, снижение отрицательных эффектов техногенного воздействия на окружающую среду, а также восстановление привычной среды обитания коренных малочисленных народов, проживающих в районах интенсивной добычи природного газа. Вопросы, связанные с коренными народами, отнесены ОАО «Газпром» к области региональной экологической политики и организационной деятельности и включают в себя взаимодействие с общественными организациями, представляющими интересы коренного населения.[67]

Ежегодно ОАО «Газпром» заключает с Администрацией ЯНАО «Соглашение о сотрудничестве». В нем отмечается, что стороны будут осуществлять свою деятельность на основе своевременного и качественного исполнения взаимных договоренностей, надлежащего и регулярного контроля за их исполнением. Наряду с экономическими, имущественными и налоговыми вопросами такие документы включают и вопросы коренных малочисленных народов Севера. Так, например, в 2007 г. ОАО «Газпром» и его дочерние организации приняли на себя обязательства оказывать содействие в транспортном обеспечении кочующего населения, оленеводческих и рыболовецких бригад, предприятий агропромышленного комплекса; при эксплуатации своих объектов с вахтовым методом организации труда, расположенных на территории округа, способствовать приоритетному привлечению на работу квалифицированных кадров из числа постоянно проживающих на территории округа, в том числе из числа коренных малочисленных народов Севера. Стороны рекомендуют дочерним организациям ОАО «Газпром» при осуществлении производственной деятельности оказывать поддержку коренным малочисленным народам Севера и «национальным» поселкам ЯНАО и считать приоритетной работу с ними.

Наиболее четко обязательства Газпрома прописаны в документах муниципальных образований. В соглашении между администрацией муниципального образования Ямальский район

---

[67] http://www.gazprom.ru

и ООО «Надымгазпром» приоритетными объявляются следующие направления: «рациональное использование участков недр и земель, создание условий для устойчивого развития традиционных отраслей хозяйства, сохранения «традиционных отраслей хозяйства на основе признания и определения ареалов обитания коренных народов Севера, возмещения комплексного ущерба». Здесь также указываются обязательства общества: по оплате налогов, арендной платы, соблюдению сроков пользования и графиков сдачи рекультивированных земель, согласованию с администрацией мероприятий, которые могут привести к экологическим и иным последствиям, затрагивающим интересы людей, проживающих на территории района, участию в реализации планов и программ социально-экономического развития, социальной поддержке коренных малочисленных народов Севера, решению уставных задач движения «Ямал», содействию транспортному обеспечению кочующего населения, выделению авиатранспорта комиссии по приемке рекультивированных земель.

Постановление Администрации муниципального образования Ямальский район «Об утверждении Положения о порядке принятия решений о предоставлении земельных участков под изыскательские работы и объекты строительства на межселенной территории муниципального образования Ямальский район» (2006 г.) определяет комплект документов, которые подаются заявителем, в него входят отчет и акт историко-культурной экспертизы на испрашиваемый земельный участок. Согласование границ участка происходит при участии многих заинтересованных сторон, в том числе районного отделения ассоциации коренных малочисленных народов Севера «Ямал – потомкам!».

В Тазовском районе закреплена другая практика отношений. Мною были проанализированы некоторые соглашения между подразделениями ОАО «Газпром» и администрациями районов. Генеральное соглашение о сотрудничестве администрации и ООО «Ямбургдобыча» было заключено на 2005–2010 гг. По этому документу коренные малочисленные народы Севера упоминаются только в двух разделах. В области социальной политики предполагалось приоритетное привлечение на работу в общество квалифицированных кадров из числа постоянно проживающих на территории ЯНАО, в том числе в Тазовском районе. Теоретически это может означать прием на работу и представителей коренных малочисленных народов Севера. Общество также участвует в реализации совместных программ, касающихся жизнедеятельности и традиций малочисленных народов. Согласно ст. 6 о благотворительной деятельности, «Общество окажет содействие

администрации в реализации региональных программ поддержки малочисленных народов Севера и развития традиционных отраслей хозяйствования в рамках мероприятий по благотворительности и спонсорству». Администрацией Тазовского района принято постановление «Об утверждении Временного порядка принятия решений о предоставлении земельных участков под изыскательские работы и объекты строительства на межселенной территории муниципального образования Тазовский район» (2008 г.). Требования при этом близки аналогичным документам, принятым в Ямальском районе.

Таким образом, основой отношений ОАО «Газпром» и коренных малочисленных народов официально признается согласование выделения земель с организациями коренных народов, при необходимости проведение местного референдума. Наряду с окружным законом, который регламентирует проведение местного референдума, разработаны документы и на местном уровне. Так, решением районной думы муниципального образования Тазовский район от 12 марта 2008 г. утверждено Положение о сходе граждан по вопросам изъятия, в том числе путем выкупа, земельных участков для муниципальных нужд и предоставления земельных участков для строительства объектов, размещение которых затрагивает законные интересы коренных малочисленных народов Севера.

В 2012 г. принято Положение о порядке проведения общественных слушаний по выбору земельных участков для строительства и по рассмотрению материалов оценки воздействия намечаемой хозяйственной и иной деятельности на окружающую среду на территории муниципального образования Тазовский район, утвержденное Постановлением Администрации Тазовского района от 6 июля 2012 г. № 346. В нем сфокусировано внимание на правах коренных малочисленных народов Севера, проживающих на территории района. В рамках антрополого-юридического исследования важен не только формально нормативный, но и процессуальный анализ воздействия промышленной деятельности предприятий Газпрома и нефтяных компаний.

В Положении оценка воздействия намечаемой хозяйственной и иной деятельности на окружающую среду рассматривается как процесс, способствующий принятию экологически ориентированного управленческого решения о реализации намечаемой хозяйственной и иной деятельности посредством определения возможных неблагоприятных воздействий, оценки экологических последствий, учета общественного мнения, разработки мер по уменьшению и предотвращению воздействия на окружающую

среду. Общественные слушания проводятся с целью выявления потенциальных экологических конфликтов, учета общественного мнения и его влияния на принимаемые решения. Документ учитывает специфику района, который отнесен и федеральным, и региональным законодательствами к местам традиционного проживания и традиционной хозяйственной деятельности коренных малочисленных народов Севера. Географическое положение за полярным кругом усиливает риски, связанные с промышленным освоением в Арктике. Вполне оправданной является постоянная работа администрации по совершенствованию Положения, в последнее время каждый год принимается новое. При оценке этого документа и практики проведения общественных слушаний на основании протоколов и экспертных интервью были выявлены некоторые риски.

К положительным чертам Положения необходимо отнести повышенное внимание к роли коренных малочисленных народов Севера. Они могут наряду с главой района и заказчиком выступать инициаторами проведения общественных слушаний. Причем инициатива может исходить как от соответствующих общественных организаций и общин, так и от групп граждан, относящихся к коренным малочисленным народам, не менее 10 человек. Это открывает перспективу роста общественного сознания населения, а при огромной территории района такие инициативы могут быть высказаны группами, ранее не вовлеченными в общественное движение. Хотя нужно отметить, что у большинства активистов есть понимание того, что ресурсы района должны использоваться системно, а значит должен быть единый центр, который будет контролировать этот процесс. С этим же связано заявление общественных организаций района о необходимости проведения комплексного исследования влияния промышленного освоения на коренное население.

Данное Положение оставило в силе то, что «Общественные слушания считаются правомочными при участии в них более половины жителей, обладающих избирательным правом, постоянно или преимущественно проживающих в местах, планируемых к изъятию, где ими ведется традиционный промысел и традиционное хозяйствование». Также отмечается, что информационные материалы и предварительные материалы ОВОС рассылаются исполнительно-распорядительному органу муниципального образования и общественной организации коренных малочисленных народов. Суть сведений, отраженных в материалах ОВОС, и информацию по выбору земельного участка представителям общественных организаций и населению должен разъяснить

квалифицированный специалист, они должны содержать резюме нетехнического характера, включая результаты и выводы ОВОС, адаптированные для неспециалистов.

Ряд положений этого документа вызывает недоумение. Так, не понятно, почему информацию об открытии общественной приемной и дате проведения общественных слушаний заказчик обязан опубликовать за 30 дней до начала общественных слушаний, а по материалам выбора земельного участка для строительства в местах традиционного проживания и хозяйствования коренных народов Севера – за 3 дня до проведения общественных слушаний. Или почему время ответов на вопросы не может превышать времени основного выступления. В отмеченных недостатках документа видится стремление сузить возможности для участия общественности, в первую очередь представителей коренных малочисленных народов.

В ходе полевых исследований было выявлено недовольство населения процедурой проведения общественных слушаний. Их бывает слишком много для небольшой общественной организации – районного отделения Ассоциации. Ее представителям не всегда удается подготовиться к ним, дать квалифицированную оценку. Сегодня ОВОС и общественные слушания являются немногими механизмами участия общественности в принятии важных решений и спешка здесь неуместна. Но что еще более важно, это мониторинг учета мнения коренных народов в дальнейшей работе компаний. И администрация, и активисты понимают, что у компаний сегодня нет обязательств выполнять все пожелания населения. Значит, должна быть создана рабочая группа, совет уполномоченных или какая-то иная организация, которая на постоянной основе работала бы над выработкой и согласованием мнения населения и политики компаний. Это особенно важно для того, чтобы у населения не было завышенных ожиданий от работы промышленных предприятий, а компании действительно участвовали в социально-экономическом развитии района. Кроме того, несоответствие ожиданий и практики приводит к стрессовому состоянию людей.

В полевых материалах есть свидетельства того, что в тундру или на берег реки приезжают какие-то люди, представляющиеся руководителями предприятий, и разговаривают с живущими там ненцами, дают какие-то обещания материальной поддержки или устройства на работу, а затем ничего этого не происходит. Особенно вопиющая ситуация в этом смысле в п. Находка, который расположен в 20 км от крупнейших промышленных объектов и находится в катастрофическом положении. В поселке нет газа,

люди живут в чумах вокруг поселка, в бочках, балках без элементарного обеспечения. В последнее время построено несколько домов, но так как канализации в них нет, то отходы не убираются и создают опасную для здоровья людей ситуацию. Для питья и приготовления пищи люди пользуются водой из Тазовской губы, берут ее в непосредственной близости от мест «парковки» лодок. Можно сказать, что это не связано с промышленным освоением. Но, как отмечалось выше, во время проведения общественных слушаний высказывались обещания существенно изменить эту ситуацию. В чем же тогда значение промышленного освоения для населения района и округа? Какую роль в жизни поселка играет компания ЛУКОЙЛ?

Кроме того, были проанализированы материалы общественных слушаний, предоставленные нам в Департаменте имущественных и земельных отношений Администрации Тазовского района и в районном отделении Ассоциации «Ямал–потомкам!». Протокол общественных слушаний от 15 февраля 2012 г. по рассмотрению материалов «Обустройство Северо-Русского газоконденсатного месторождения и строительства газопровода и трубопровода внешнего транспорта «Северо-Русское – Заполярье» на территории Тазовского района ЯНАО ОАО «НОВАТЭК – ТАРКОСАЛЕНЕФТЕГАЗ» демонстрирует большую подготовительную работу, осуществленную ассоциацией. Она провела массовый опрос населения, в результате были предложены меры по минимизации негативных последствий планируемой деятельности и по социально-экономическому развитию района. Все предложения были сгруппированы и переданы в компанию. Судя по протоколам, они были приняты. Как это будет на практике, пока трудно судить. Представляется целесообразным проводить мониторинг деятельности компаний по выполнению предложений населения, принятых на общественных слушаниях. Так как нам были предоставлены некоторые протоколы общественных слушаний с отрицательным для заказчиков результатом, они действительно являются одним из действенных механизмов взаимодействия с промышленными компаниями. Для их большей эффективности организации коренных малочисленных народов нужно лучше готовиться к слушаниям, может быть, создать специальную организацию по взаимодействию между коренными народами и промышленными компаниями. По положению, принятому в Тазовском районе, во время общественных слушаний могут привлекаться эксперты, очевидно, нужно активнее пользоваться этим правом. Нужно иметь в виду, что только открытость этого

процесса поможет использовать общественные слушания в деле защиты прав коренных малочисленных народов.

В ходе проведения этнологической экспертизы мы столкнулись с узким пониманием представителями органов власти политики компаний. В администрации Тазовского района мы не могли получить практически никакой информации о тех мерах, которые предпринимают промышленные компании по соглашению с районом, в основном речь идет о перечислении денежных сумм, причем складывается впечатление, что ни администрация, ни компании не стремятся к транспарентности и публичности в оценке политики компаний.

Основными мерами политики ОАО «Газпром» по отношению к коренным малочисленным народам Севера могут быть названы:

1. Возмещение убытков со стороны промышленной компании предприятиям коренных народов.

2. Обеспечение транспортом кочевого населения.

3. Содействие организациям коренных народов.

4. При изъятии пастбищ выплата компенсаций предприятиям коренных народов, согласно расчетам упущенной выгоды.

5. Запрет на месторождениях использовать рыболовные снасти, охотничье оружие, содержать собак.

В Надымгазпроме в 1994 г. была введена специальная должность для осуществления этой деятельности. Ее занимает бывший президент Ассоциации коренных народов «Ямал – потомкам!» Х.М. Езенги. В его обязанности входит:

1. Знать общественно-политическую ситуацию там, где работает компания.

2. Определять, какая помощь должна быть оказана тому или иному предприятию или поселку.

3. Делать прогнозы, что произойдет в связи с изъятием пастбищ, рыболовных угодий во время и после осуществления промышленных работ, включая расчеты упущенной выгоды.

4. Знакомить работников Газпрома с культурой коренного населения.

В 2010 г. эта должность была ликвидирована, что, безусловно, скажется на политике компании и организации их работы с ненцами.

В ходе проведения этнологической экспертизы и мониторинга авторы должны были определить, насколько политика компании является адекватной проблемам коренных малочисленных народов, и предложить пути смягчения негативного воздействия на них промышленного освоения. Работа была организована таким

образом, чтобы имели возможность высказаться по этому вопросу и работники администраций и местного самоуправления, и активисты общественных движений коренных малочисленных народов, и руководители организаций различных форм собственности, осуществляющих свою деятельность в традиционных и промышленных отраслях хозяйства, а также оленеводы и рыбаки, на судьбе которых промышленное развитие скажется в первую очередь.

Многие представители коренных народов выступают за сохранение традиционного образа жизни, основой которого являются оленеводство, рыболовство, а также охота и собирательство. Интересно, в чем сами ненцы видят проблему в их отношениях с газовиками: «*Газовики, если бы просто работали, а они живут тут. Русские всегда представляли угрозу – казаки, после революции богов сжигали, сохранилось такое отношение. Как только геофизики появились, стали бояться, далеко от чума не ходили. Ягоду туда не идешь собирать, стадо туда не ведешь. Людям надо кочевать, а пространство будет ограничено. Этнологическая экспертиза должна учитывать и те проблемы, которые возникнут между коренными жителями, между совхозными стадами и частниками. Были планы всех частников в поселок перевести. Но опыт показывает, что они более здоровые, они лучше за оленями следят, растет стадо лучше у частников. Всегда такие проблемы, но раньше был простор, было куда разъехаться, мы между бригадами кочевали, мы им собирали оленей. Пенсионеры были все частники. Проблемы переходов возникают. Как пройти через дороги и карьерные насыпи. Проблема собак всегда была, сейчас вроде меньше. Психологические проблемы для тех, кто задумывается и сталкивается уже с этими проблемами. А тех, кого задевает, они задумываются*»[68].

Администрации районов отмечают положительное значение соглашений, заключенных с подрядными организациями Газпрома, которые способствуют развитию инфраструктуры, строительству домов и дорог, факторий. В докладе главы Тазовского района отмечается, что благодаря строительству фактории на 5-х и 6-х песках тундровики получили возможность покупать горячий хлеб, пользоваться телефонной связью, приобретать необходимые товары, получать медицинскую помощь. Местное население ждет большей отдачи от деятельности компании на территориях их проживания, а для этого необходимы большие отчисления в районы. Во время проведения референдума люди голосуют за

[68] ПМА, п. Яр-Сале, 2008 г.

предоставление земель под объекты месторождений в расчете на получение доходов в район и соответственно улучшение условий своей жизни, причем население ожидает, что средства будут распределяться в зависимости от того, насколько оно находится в зоне воздействия того или иного промышленного проекта.

В современных условиях работники местных администраций сталкиваются с проблемами по защите прав населения, в первую очередь коренных малочисленных народов Севера, вызванными недостатком действенных механизмов контроля и эффективного реагирования на негативную практику использования и рекультивации земель. В администрациях имеются многочисленные документы, свидетельствующие о низком уровне проведения работ по рекультивации земель, что приводит к отказу в их приемке.

Проведение полевых исследований показывает, что на фоне общих экологических проблем, связанных с промышленным освоением, часто компании позволяют себе не выполнять действующее законодательство и взятые на себя обязательства. О таких фактах свидетельствует интервью со специалистом администрации Муниципального образования Тазовский район К.В. Черкиным:

«*Здесь работают подрядные организации от Газпрома. Это просто катастрофа, все наплевательски относятся и к законам, и к коренным народам. У нас административные законы плохо работают, такие предприятия наказываются на сумму 20 тыс. руб. Обсуждение было по Заполярке, народ согласился, потому что им много пообещали. Они сказали, что отнимут одну территорию, а это все разрастается, самовольно захватывают земли и эти площади практически не возвращаются, концы трудно найти с их подрядчиками. У земельного комитета есть только одна мера – 25-кратный коэффициент. В прошлом году мы после рекультивации из 10 участков приняли только 2. Они дальше платят нам аренду, пока не наведут порядок. Газпром и его подрядчики часто бурят без землеотводов. При этом они не проводят должным образом рекультивацию. Они изымают огромнейшие площади, так как рассчитывают, что никто не проверит. Мы видим, что после разведочных скважин бардак, а что потом будет. По Заполярке в прошлом году – не был принят ни один участок земли. Такая же ситуация по приемке карьеров. Мы когда проверку проводим, почти всегда сразу в прокуратуру обращаемся. Я пишу также письма в администрацию ЯНАО, ведь затраты на очистку этой территории окажутся настолько огромными, что никто не сможет их нести.*

На некоторых территориях, например, в заказнике мы работаем в основном по наводке оленеводов и рыболовов. Иногда уже поздно. Есть и плановые мероприятия, но они в основном

в бесплановых помогают. Они пишут заявления, и мы реагируем. Мы тогда вылетаем на место. Финансирование персонала заповедника такое, что они может быть один раз в год могут облетать. А коренные там пасут оленей, это оговорено в положении о заповеднике, и постоянно следят».

И в администрации, и в организациях коренных малочисленных народов Севера нам рассказывали о трагедии, случившейся с оленеводом А.Т. Ядне, у которого погибли около 1000 оленей из-за отравления химикатами. В управлении по работе с населением межселенных территорий и традиционными отраслями хозяйствования мы познакомились с делом А.Т. Ядне. Гибель оленей произошла в районе Северо-Ямбургского месторождения Анерьяхинской площади Тазовского района ЯНАО. Было возбуждено уголовное дело. В ходе предварительного следствия было установлено, что произошла гибель 68 оленей, причинен ущерб 370 145 руб. (в период с 6.02 по 13.02. 2007). Впоследствии падеж оленей продолжался и достиг 1000 голов.

Были выполнены экспертизы Центральной научно-методической ветеринарной лабораторией (г. Москва) и Центром лабораторного анализа и технических измерений по Уральскому федеральному округу. В результате на территории буровой скважины 3 П-458 Северо-Ямбургской площади Ямбургского нефтегазоконденсатного месторождения Тазовского района обнаружена почва с очень высокой степенью вредного воздействия на окружающую природную среду отходов при производстве работ на буровой скважине, что послужило причиной нарушения экологической системы, невозможности восстановления почвы. Кроме того, в результате экспертизы Центра лабораторного анализа и технических измерений по Уральскому федеральному округу в г. Салехард, 3.08.07 были отмечены высокая степень вредного воздействия на окружающую природную среду и общее нарушение экологической системы. Эксперты сделали вывод о том, что олени, питаясь произрастающими на данной почве растениями, могли получить дозу токсичных веществ, что могло стать причиной их гибели. Однако, несмотря на свидетельские показания и заключения экспертиз, этот вопрос остается нерешенным, а семья оленевода до сих пор не получила компенсации.

Серьезным негативным фактором в развитии отношений ненцев с промышленными компаниями выступает предшествующая практика работы промышленных предприятий в регионе. Например, был построен вахтовый поселок Ямальский, а сегодня дома там пустуют, вокруг – кучи металлолома и бытового мусора. При обсуждении дальнейших планов развития газодобывающей

отрасли местное население высказывало недовольство тем, как там организована работа. Положение многих поселков является настолько бедственным, что жители были бы готовы к тому, чтобы компания строила дома для своих рабочих именно там. Ненцы убеждены, что со временем газовики и строители уйдут из мест их проживания, а дома останутся. На территории поселков невозможно заниматься традиционным природопользованием, поэтому естественно было бы там строить дома, больницы, школы, создавать все необходимое и для работников газодобывающих предприятий, и для кочевого населения, а не изымать огромные территории тундры.

Последствием промышленного освоения является изменение идеологии природопользования. Появились семьи, в которых пьют и ведут асоциальный образ жизни, засоряют тундру, занимаются браконьерством. Для некоторых ненцев работа промышленных компаний оказалась действенным примером.

При рассмотрении взаимодействия с промышленными компаниями необходимо учитывать тот факт, что промышленное развитие дает разным группам населения неодинаковые возможности и приводит к различным последствиям. Для тундровиков это – сокращение пастбищ и загрязнение окружающей среды. Поселковые, как ненцы, так и другие жители, ждут от развития промышленности на севере новых рабочих мест. Если бы Газпром планировал развивать инфраструктуру в поселках, то местное население, включая ненцев, поддерживало бы промышленные проекты с большим энтузиазмом.

Для кочевников оленеводов очень важным фактором здорового психологического самочувствия является уверенность в том, что они смогут продолжать заниматься своей деятельностью в будущем. Многие ненцы уже сделали свой выбор – оленеводство является их занятием, работой, образом жизни. Негативное влияние на взаимодействие с Газпромом оказывает отрицательный опыт аборигенов, связанный со строительством дороги на Бованенково. Ненцы говорят, что 10 лет назад их о ней спрашивали, и они ответили – нет, а дорогу все равно строят. И сегодня, когда идет процесс согласования, аборигены не верят, что их мнение будет учитываться, тем более, что в организации коренных народов документы на согласование часто поступают в последнюю очередь, тогда, когда все остальные их подписали. Это оказывает на ненцев психологическое давление.

Депутат районного собрания и оленевод А. Окоттето так характеризует эту ситуацию: «*Оленеводы говорят: “У вас там оборудование стоит?”. Те отвечают: “Стоит”. А зачем тогда*

спрашивать. Спрашивайте, не спрашивайте, все равно будете разрабатывать. Ничего мы не подписали, оборудование там стоит. Это всегда так. Под поселок Ямалтрансстрой отвели место, туда прилетаем, а там уже поселок. Документы идут с опозданием. Вот этот механизм, о чем мы сейчас говорим, нужно искоренить. Раз перечислены деньги, значит уже работают. Уже оборудование поставлено». Отрицательно сказывается и тот факт, что не все оленеводы и рыбаки предварительно знакомятся с условиями строительства, не знают, что они получат или потеряют в результате. Неслучайно многие ненцы, особенно активисты, говорили о необходимости проведения этнологической экспертизы.

Негативную реакцию у аборигенного населения вызывает позиция промышленников и строителей, которые рассматривают свою деятельность по взаимодействию с аборигенами как благотворительную. Так, строители говорили, что им не платят за то, что они делают переходы. Очевидна необходимость выработки четких условий взаимодействия, когда стороны согласуют свои действия и заключат договор, в котором будут прописаны не только обязательства сторон, но санкции за их невыполнение. Заключение такого договора должно быть трехсторонним – ОАО «Газпром», Администрация ЯНАО и организация коренных народов. Так как возникли некоторые трения внутри общественных организаций, возможно, в этом должна участвовать новая организация, которая бы занималась только вопросами взаимодействия с газопромышленными предприятиями. ОАО «Газпром» мог бы оказать помощь, в том числе финансовую, в подготовке специалистов для работы в такой организации.

Отсутствие информации приводит к возникновению различных слухов, домыслов о том, что всех ненцев переселят в поселки, что им запретят кочевать с оленями и т.п. Люди недовольны тем, что под промышленные разработки идут высокие участки земли, которые ненцы используют для стоянок, на которых часто располагаются священные места. Уже в течение длительного времени обсуждается судьба 60-го карьера, который как раз оказался на священном месте, несмотря на то что аборигены не согласовали этот отвод земли, компания уже несколько раз нарушала нормативные требования по этому вопросу. Очевидно, что в рамках законодательства, особенно окружного закона «Об объектах культурного наследия Ямало-Ненецкого автономного округа», такая практика недопустима и права коренных народов на священные земли должны признаваться всеми неукоснительно.

Сокращение пастбищ приводит к проблемам, особенно зимой, когда все оленеводы стремятся поставить чумы поближе

к поселку. Исторически все маршруты складывались так, чтобы избежать конкуренции за пастбища. При промышленном освоении и строительстве дорог не учитывается этот фактор. И так как все большие пастбищные территории отторгаются под промышленное освоение, могут возникнуть конфликты внутри аборигенного сообщества, между бригадами и семьями.

Неоднозначно может быть оценена и политика ценообразования на оленье мясо. Приведу интервью с директором предприятия «Ямальские олени» Е.В. Мальцевым: «*Газодобыча не столько на нашем производстве скажется, сколько на деятельности совхозов. Промышленники мешают – занимают большие территории. Мы сейчас ведем большую работу с частным сектором, подняли приемную цену. Есть госдотации. Оленеводы через нас получают эти деньги. 1 кг – 145 руб. Дотация из них 100 руб. Все равно пастбищ становится не больше, а стадо растет, значит, будут проблемы. Мы поэтому и цену увеличиваем, чтобы выровнять количество оленей. У нас более 300 тыс. это много, поэтому нужно сократить*».

Некоторыми лидерами общественных организаций коренных народов повышение цены на мясо оленей воспринимается как попытка стимулировать сокращение стада, что болезненно воспринимается ненцами. Традиционная идеология строится на стремлении иметь как можно больше оленей, олень воспринимается как богатство, счастье.

По поводу продажи мяса оленей также есть свои проблемы. Предприятие «Ямальские олени» с помощью Департамента по делам коренных народов стремится сделать Газпром и его подразделения закупщиками своей продукции. Организация такой торговли будет способствовать успешной деятельности предприятия, приведет к расширению производства, созданию возможностей для повышения уровня жизни ненцев, расширению рынка труда через создание новых рабочих мест, и развитию Ямальского района в целом.

Все, что происходит сейчас в сфере взаимоотношений промышленных компаний и коренных народов, не может быть оценено однозначно, требуется большая работа по их выстраиванию. Сегодня они чаще всего строятся спонтанно. При нападении собак на оленей оленеводы должны жаловаться руководству компании или сами уничтожать бездомных животных. Весной 2008 г. в 6-й бригаде погибло 13 оленей, их загрызли одичавшие собаки. По этому вопросу было написано письмо в Надымгазпром, после чего был издан приказ, запрещающий содержание собак. И это условие должно быть в соглашениях, а компании с начала своей

деятельности должны следить за его соблюдением. Другой пример – на собрания попадают не все оленеводы, и как следствие возникают претензии из-за несправедливого, по их мнению, распределения компенсаций (например, резиновые лодки или другие необходимые для их жизни вещи). В результате в компаниях и в общественном мнении складывается представление об иждивенческих настроениях аборигенов. А ведь компенсации должны быть одним из условий землеотводов.

Яркий показатель необходимости особой политики в отношениях между сторонами – строительство переходов. Некоторые оленеводы вообще не понимают, почему это является проблемой. Они рассказывают, что каждый раз перед движением через дороги бригадиры должны не только согласовывать места переходов, но и проверять их готовность. Очень часто «достраивают» эти переходы уже тогда, когда началось кочевание. И люди справедливо замечают, что когда дорога будет построена, им не к кому будет обратиться по этому вопросу.

Все должно происходить так: бригадир приезжает к строителям, и они вместе отмечают на карте и на местности, где нужно сделать переходы – насыпать пологие откосы от дороги. Потом переходы должны быть покрыты дернитом, чтобы оленям было легче пройти и перетащить груженые нарты. Однако мы столкнулись с ситуацией, когда строители сделали переход не там, где указал бригадир, кроме того, и дернит не был постелен. Возникший конфликт был погашен совместными усилиями работников предприятия и оленеводов. Когда мы обсуждали эту ситуацию с руководителями производственного отдела по строительству, они высказали мнение, что компании вообще не должны это делать, это их благотворительная акция, у компании не запланированы для этого ни деньги, ни рабочие.

«*Мы еще в прошлом году сделали бумаги по переходам. Мы за эти работы отвечаем. Проектные переходы мы сделали, а оленеводы просят покрыть дернитом и еще много чего сделать, и мы это делаем. В документах дернита нет, это временная мера. Мы не можем там стоять, это на добровольных началах делается, это проектом не предусмотрено, это «хотелки» местного населения. В документах предусмотрены переходы, но дернита там нет. Это такая мера, которую нужно делать каждый год, а мы дорогу уже сдали. Эта проблема должна решаться на стадии проекта.*

Также не могут быть разрешены проблемы с собаками. Мы не можем предписать отстреливать, оружие запрещено завозить. Мы письмами оповещаем подрядные организации, которые за это отвечают, но механизма нет, как это решать, нужно

решать на уровне или администрации, или милиции. Регулирование рыболовства, складирования отходов, содержание собак – это все в ведении подрядных организаций, а там определяется приказами, в договорах этих пунктов нет»*.

Мониторинг ситуации в течение двух лет позволил по-новому посмотреть на проблему переходов и продвижения оленеводов со стадами через дорогу. За год стали очевидными многие недостатки строительства. Переходы создают для оленеводов много проблем: насыпь опускается, переходы становятся очень крутыми, их нужно постоянно подсыпать. Делается несколько переходов, так как по одному не могут пройти все аргиши и олени. Для того чтобы следить за переходами, используют вертолеты. Некоторые оленеводы считают, что вместо того чтобы тратить столько денег, переходы нужно сделать по-другому – чтобы олени ходили под мостом. В любом случае требуется более внимательное изучение этого вопроса. По материалам Департамента информации и общественных связей ЯНАО, в начале июня 2009 г. состоялись рабочие поездки заместителя главы Ямальского района по делам малочисленных народов Севера Д. Сэротэтто и заместителя главы района по строительству Т. Толстова, которые посетили Бованенковское месторождение с целью контроля за обустройством переходов оленеводческих бригад через Бованенковское месторождение, а также через железнодорожную трассу Обская–Бованенково. В результате было принято решение о приостановлении передвижения автотранспорта на момент каслания оленеводческих бригад.

Иногда инженеры говорят о том, что в их отношениях с коренными народами нет проблем, потому что те не жалуются. При этом не учитываются особенности психологии оленеводов, которые будут жаловаться только в том случае, если другого выхода не будет. Кроме того, во время кочевания им просто некогда ездить на Бованенково в Управление капитального строительства, а звонить, как предлагают им в компании, они не могут – во многих местах их кочевания нет мобильной связи.

Очевидно, что отсутствие четкой регламентации как в компании оператора, так и ее подрядчиков, организация работ, затрагивающих жизнедеятельность оленеводов, не устраивают ни ту, ни другую сторону и создают конфликтную ситуацию.

В связи с промышленным освоением тундры возникают и психологические проблемы, о которых ненцы не всегда говорят. Во время переходов через дорогу для оленеводов создается сложная ситуация, они устают, волнуются, возможно, поэтому не

* ПМА, Бованенково, 2008 г.

хотят, чтобы их видели, а особенно фотографировали. Мы были свидетелями такой ситуации, когда из-за того, что аргиши перегородили дорогу и скопилось несколько машин, водители фотографировали ненцев мобильными телефонами. Просьба девушки-студентки, которая во время каникул кочевала со своей семьей, не делать этого, ни к чему не привела. Другая сходная ситуация возникла, когда приехали «*посмотреть на ненцев*» студенты, которые проходили практику на Бованенково. Ненцы гостеприимны, но важно, чтобы приезжие понимали, что чум – это дом, и они своим приходом вторгаются в чужую частную жизнь.

В целом взаимодействие предприятий Газпрома и Администрации ЯНАО осуществляется в рамках соглашений о сотрудничестве, которые в округе многие считают партнерскими. Они направлены на развитие строительства и капитальный ремонт социальных объектов, благотворительную помощь коренным малочисленным народам, реализацию социокультурных и спортивных проектов.

Кроме того, сообщает пресс-служба Газпромнефти, в рамках сотрудничества большое внимание уделяется реализации программ в области охраны окружающей среды и рационального использования природных ресурсов. Газпромнефть и администрация ЯНАО также изучают возможности создания фонда инновационного развития для формирования инфраструктуры, поддержки и финансирования инноваций.

В отношении районов округа приняты программы «мероприятий по гармоничному сочетанию индустриального и традиционного укладов жизни коренных малочисленных народов Севера». Интересной и ценной нужно признать инициативу ООО «Газпром добыча Надым» – публикацию буклета о правилах поведения для сотрудников, в первую очередь вахтовиков, работающих на Бованенковском и других месторождениях полуострова Ямал «Не навреди». В нем отмечается:

Отношение к тундровикам должно строиться на уважении, соблюдении прав человека и его интересов. Правила поведения вахтовиков на месторождениях по отношению к местному населению должны быть близки к режиму заповедных мест и всегда руководствоваться принципом «Не навреди».

1. Запрещается перемещаться по тундре вне промысловых дорог.

2. Запрещается рвать и губить любые наземные растения.

3. Запрещается провозить с собой огнестрельное оружие, рыболовецкие снасти.

4. Запрещается сорить в тундре.

5. Нельзя провозить на месторождение собак.

6. Нельзя брать с собой в тундру радиоприемники и магнитолы во избежание возникновения шума.

7. Запрещается беспокоить и отвлекать оленеводов во время перехода стада через месторождение. В момент каслания (перемещения оленей) запрещается проведение любой фото- и видеосъемки.

Ответственность за исполнение данных правил ложится на руководителей предприятий, осуществляющих любые виды деятельности на производственных объектах. Сложность заключается в том, что этот документ должен стать элементом корпоративного права, тем более что из года в год сохраняются претензии местного населения к промышленным компаниям из-за загрязнения тундры.

Ненцы высказывают много претензий к компаниям, в современных условиях правительству округа удается регулировать эти отношения в рамках договоров, в первую очередь с Газпромом. Проведение мониторинговых исследований в течение двух лет показывает, что проблемы решаются слишком медленно. Пока список вопросов, которые стоят перед кочевым населением, не сокращается, появляются новые проблемы из-за необходимости переселения в поселки части ненцев. Остается проблемой взаимодействие, а точнее ответственность компании за деятельность подрядчиков. Этот вопрос так и не был урегулирован. Вопрос с переходами требует дальнейшего изучения, нареканий слишком много, год от года их становится все больше. Временные приостановки передвижений транспорта в будущем вряд ли будут возможны.

Мнение представителей органов власти заключается в том, что в освоении природных ресурсов Ямала должен быть системный подход, на основании которого будет строиться взаимодействие всех заинтересованных сторон – органов власти, промышленных предприятий и коренных народов. Сегодня преобладают договорная практика и финансовый подход, необходимо выработать высокие социальные технологии с учетом альтернативных путей развития.

Очевидно, что проблемы, которые возникают у промышленных компаний с кочевым населением, нужно урегулировать. Одним из путей их решения может стать четкое разграничение на территории мест промышленного освоения и территорий, где живут и занимаются традиционным природопользованием ненцы. Казалось бы, правовые возможности для этого есть – Федеральный закон «О территориях традиционного природопользования коренных малочисленных народов Севера, Сибири и Дальнего

Востока РФ», хотя до сих пор не создано ни одной такой территории федерального значения. ТТП регионального значения есть в Ханты-Мансийском автономном округе, но наряду с другими трудностями, которые возникают у аборигенов при стремлении применить этот закон на практике, у кочевников есть и свои дополнительные проблемы. Ценное замечание высказал Г.П. Ледков, руководитель сельскохозяйственного производственного кооператива «Тазовский» и член общественной организации: «Если уже от Заполярки дорога отпугнула оленей, то можно предположить, что будет, если здесь будет сеть дорог. Здесь один песок будет. У меня такое мнение, нужно закрепить маршруты. Нужно людей в этом убедить. Можно это сделать. Ведь так сделали в Ненецком округе. Нужно выделить разные участки, где пасут оленей, где нет, где кладбища, где священные места. Мне кажется, это дело времени. Нужно думать, как дальше жить. Сейчас нужно учитывать в организации местного самоуправления, что здесь живет кочевое население»[69]. Такие предложения будет возможно претворить в жизнь, если и органы власти, и промышленные компании будут учитывать интересы коренных малочисленных народов и стремиться сохранить традиционный образ жизни в Арктике.

В последнее время растет обеспокоенность коренных малочисленных народов Севера, органов государственной власти и местного самоуправления Ямало-Ненецкого автономного округа в связи с бессистемным промышленным освоением, отсутствием общего взгляда на строительство промышленных объектов на территориях проживания коренных малочисленных народов Севера. Это приводит к росту социальной напряженности, местное население обращается к губернатору, проводятся рабочие встречи и совещания[70].

Проведение полевых исследований показывает, что на фоне общих экологических проблем, связанных с промышленным освоением, часто компании позволяют себе не выполнять действующее законодательство и взятые на себя обязательства. Способствует этому и существующая практика штрафных санкций, обеспечение которых не представляет серьезной проблемы для предприятий топливно-энергетического комплекса.

---

[69] В настоящее время Г.П. Ледков – Председатель Ассоциации коренных малочисленных народов Сеевра, Сибири и Дальнего Востока РФ и депутат Государственной Думы.

[70] *Мартынова Е.П., Новикова Н.И.* Тазовские ненцы в условиях нефтегазового освоения. М., 2012.

4. Экологическая и этнологическая экспертные оценки взаимоотношений аборигенов и нефтяников

В данной работе экология рассматривается не абстрактно, а в связи с отношениями в треугольнике «власть – нефть – аборигены», поэтому меня в первую очередь интересует то, как экологические права и экологические проблемы рассматриваются именно в этом контексте. Необходимо сделать несколько общих замечаний.

На международном уровне лишь в 1972 г. на Стокгольмской конференции ООН по окружающей среде права на благоприятную экологическую среду стали рассматриваться как самостоятельная проблема. Стокгольмская декларация провозгласила: «Человек имеет основное право на свободу, равенство и благоприятные условия жизни в окружающей среде, качество которой позволяет вести достойную и процветающую жизнь, и несет главную ответственность за охрану и улучшение окружающей среды на благо нынешнего и будущих поколений»[71]. В России значимость этих прав подчеркивается специальными конституционными гарантиями (ст. 42 и 58) и принятием в 1990-е годы ряда законов, определивших экологические права. Под последними понимаются «признанные и закрепленные в законодательстве права индивида, обеспечивающие удовлетворение разнообразных потребностей человека при взаимодействии с природой». В системе этих прав выделяют права на природопользование[72]. В данной работе я фокусирую внимание именно на этой составляющей экологических прав, оставляя в стороне весь широкий спектр других прав на благоприятную окружающую среду. Такой подход вызван актуальностью этого вопроса для аборигенов и нефтедобывающих компаний.

В настоящее время все больший вес в общественном сознании приобретают экологические проблемы, связанные с загрязнением Арктики, районов Севера и выводом из традиционного природопользования значительных территорий оленьих пастбищ и промысловых угодий. В Нуукской декларации об охране окружающей среды в Арктике, подписанной в 1993 г. министрами по защите окружающей среды ряда стран, в том числе и Российской Федерации, особо отмечается, что для «достижения устойчивого развития охрана окружающей среды должна составлять неотъемлемую часть процесса развития и не может рассматриваться независимо от него»[73].

---

[71] Права человека. Итоги века, тенденции, перспективы. М., 2002. С. 50.

[72] Там же. С. 56–57.

[73] Нуукская декларация об окружающей среде и развитии в Арктике // Проблемы традиционного природопользования. Север, Сибирь и Дальний Восток Российской Федерации. Аналитические материалы. Правовые акты. М., 2000. С. 88.

В действительности, сегодня основное внимание уделяется тому, чтобы воздействовать на нефтяников штрафными санкциями, т.е. процесс развития идет параллельно штрафам за нарушения, в политике и в общественном мнении утверждается представление о том, что развитие нефтяной отрасли может быть только аварийным. Экспертами наиболее влиятельных экологических организаций России были разработаны «Совместные экологические требования общественных природоохранных организаций к нефтегазовым компаниям», в которых подчеркивается «*презумпция потенциальной экологической опасности деятельности компании*». В этом документе также отмечается, что в «местах традиционного проживания, хозяйственной деятельности, расположения объектов историко-культурного и духовного наследия коренных малочисленных народов компания осуществляет свою деятельность при условии обязательного согласования мест реализации проекта с вышеперечисленными группами, проведения этнологической экспертизы намечаемой деятельности и учета ее результатов, соблюдения особого режима ведения деятельности, обеспечивающего сохранение исконной среды обитания и традиционного природопользования коренных малочисленных народов и приравненных к ним этнических общностей».

В 1990-е годы в Ханты-Мансийском автономном округе проведено широкое экологическое исследование, материалы которого были опубликованы в 1997 г. В этой работе, выполненной большим коллективом авторов, предложена методика оценки эколого-экономического ущерба окружающей среде, причем авторы предлагают разделить всю территорию округа на открытую и закрытую для антропогенного воздействия. Подчеркивается сложность рекультивации нефтезагрязненных земель и отмечается, что нефть попадает в окружающую среду как по чисто технологическим причинам, так и в результате аварий на внутрипромысловых и магистральных трубопроводах[74]. Одной из основных причин загрязнения окружающей среды являются порывы труб. Приведу отрывок из интервью с В. Фомичем, бывшим строителем трубопроводов, впоследствии председателем Нефтеюганского городского Совета:

«Трубопроводы? Да всегда они рвались. И нефть всегда проливалась. Не стройте иллюзий: и нынешние строители трубопроводов не стали “друзьями природы”. Хаять их и их труд не следует, нелепо тех же сварщиков изображать злодеями: они, кстати, как правило старались удержать качество сварки в пределах ГОСТов,

[74] Экология Ханты-Мансийского автономного округа. Тюмень, 1997. С. 193, 232.

да удавалось не всегда. Сами трубы как шли, так и идут низкокачественные. В итоге – рвутся, проливается нефть. Ее, как и в мои времена, присыпают песком, чтобы какая-нибудь экологическая комиссия не придралась. А нефть-то под песком остается, ей на разложение десятки лет нужны. Так что у нас на месторождениях луж и озер нефти хватает... Решаема ли проблема с авариями на трубопроводах? В принципе, да, при соблюдении трех "если". Если труба соответствует ГОСТу. Если сварка без отступления от технологии. Если, наконец, трубопровод правильно подобран по диаметру»[75].

Как видим, требования не такие уж сложные. Одной из причин невнимания к качеству труб являлись низкие цены на нефть[76]. Такое положение приводило к тому, что аварии на трубопроводах воспринимались как неизбежность. Основной причиной порывов трубопроводов является коррозия. Не останавливаясь здесь на технической стороне проблемы, можно отметить, что во многих интервью, которые я записывала как у инженеров-нефтяников, так и руководителей нефтяной отрасли различного уровня и в Москве, и в Ханты-Мансийске, указывалось на неизбежность порывов труб. В законодательстве такой взгляд нашел отражение в юридически закрепленной потенциальной экологической опасности нефтяной промышленности. Это положение приобрело императивную форму.

В современных условиях, когда цены на нефть сохраняются на очень высоком уровне, ситуация с порывами труб вызывает еще больше вопросов. Мне часто приходилось слышать от аборигенов, что их возмущает не просто нефтедобыча, а ее варварский, природоразрушительный характер. Экологи-юристы также отмечают, что «существенным дефектом экологического законодательства (прежде всего о недрах) является отсутствие в нем требований о нормировании использования (добычи) ресурсов недр, что ведет к их истощению из-за чрезмерной эксплуатации в последние десятилетия»[77].

В нефтяных компаниях довольно своеобразно определяется связь между экологией и коренными народами. Например, в ЛУКОЙЛе отделы, имеющие дело с аборигенами, называются отделами «по коррозии труб и работе с коренными малочисленными народами». При всей анекдотичности этого сочетания в какой-то степени оно отражает отношение в компаниях к этим вопросам,

---

[75] *Казаков Ю.* Хождения в Югру, Тюмень, 1993. С.177–178.

[76] *Славкина М.В.* Триумф и трагедия: Развитие нефтегазового комплекса СССР в 1960–1980-е годы. М., 2002. С. 176–177.

[77] Права человека. Итоги века, тенденции, перспективы. М., 2002. С. 60.

которые часто воспринимаются как досадные препятствия в их работе.

В Комитете по природным ресурсам Государственной думы я беседовала с экспертами, которые отмечают различные подходы к освоению ресурсов в настоящее время:

«*Как подходить к освоению этих ресурсов, если потребительски, что надо этот ресурс разведать, тогда вахтовый метод подходит. Приехал – уехал. А если думать, что не на двадцать лет, а на сто пятьдесят, чтобы не сливки взять с ресурса, а взять полностью, ведь технологии развиваются, становятся более рентабельными. Если с такой точки зрения подходить, то нужно создавать там населенные пункты со всеми удобствами и жить достаточно долго, может быть всю свою трудовую жизнь. Чтобы ты не был ущемлен ни в чем, чтобы полноценная жизнь была. Только тогда этот ресурс можно взять полностью и это должно быть запланировано на 200–300 лет. Если они постоянно будут там жить, то и отношение к природе будет другое. По нефтяной технологии, если медленно нефть добывать, то больше можно взять. У нас в стране подход был, чтобы поскорее взять. В Ханты-Мансийске концепцию пытаются внедрить, чтобы добывать так, чтобы и после нас люди смогли жить. Те, кто живет в городах, считают, что там можно полноценно жить и долго. А в Москве считают, что это ни к чему, там деньги вкладывать. А я считаю, что нужно осваивать долго и упорно, другой-то территории у нас нет*».

В нефтяных компаниях делается ставка на специальную подготовку сотрудников для работы в нефтяной отрасли, большинство из которых имеют высшее или среднее специальное образование. Сами нефтяники, особенно руководители – начальники цехов, инженеры отмечают, что культура труда и экологическое сознание выше у тех, кто постоянно живет и работает на Севере, по сравнению с вахтовиками.

Интересен взгляд на проблемы выживания коренных народов Севера одного из крупнейших экологов страны, во время нашей беседы занимавшего пост председателя Межведомственной комиссии по экологической безопасности Совета Безопасности РФ А.В. Яблокова, который считает, что задача сохранения традиционного природопользования в значительной степени экологическая, задача в первую очередь экологического закона. Ему должны подчиняться все органы власти. «Только закон, который в каждый конкретный момент может быть невыгоден правительству, государству. Но выгоден стране в целом в долгосрочной перспективе. А наши законодатели часто хотят, чтобы любая статья работала прямо сейчас и уже сегодня приносила прибыль. Вижу только

один выход – «долгоиграющий» закон, такой, который бы определял политику на 20–30 лет... Следующее общество, следующее поколение законодателей, может быть, изменит этот закон на лучший. Они будут умнее нас, спокойнее нас, будут смотреть подальше, чем мы с вами. А нам хотя бы на 20 лет заглянуть.

Только законодатель может подняться над рутиной сегодняшней жизни и установить какие-то нормы, которые, может быть, не будут выгодны сегодня для развития конкретного региона, но создадут условия для бесконечно долгого существования коренных народов…»[78].

Неприятие доктрины устойчивого развития большинством нефтяников на деле, а не на словах является одним из показателей того, что они на Севере – временные поселенцы. И именно так они воспринимаются аборигенами.

Экологическая безопасность нефтедобычи в значительной степени связана с контролем за этой деятельностью. Очень часто и сами нефтяники, и особенно органы государственной власти считают, что для соблюдения экологических норм требуются слишком большие деньги. В середине 1990-х годов я записала интервью Л.М. Якушина – главного специалиста Департамента нефтяной промышленности Минтопэнерго, кандидата геолого-минералогических наук: «Есть технологический процесс по проекту. Авария – это отклонение от заданного технологического процесса. Гарантии, что аварии не будет, нет. Чтобы система была устойчива, нужны большие затраты. С гарантией 99% стоимость увеличивается на порядки. Расчета на абсолютность нет. Проектирование идет на компромисс. По нефти трудно сказать, какая вероятность. Что влияет? Создание определенной системы контроля. Качество труб, качество строительства, защита, контроль. Если порыв, меняется давление. Есть всякие датчики, которые за это отвечают. Такие закупили, например, Транснефть на магистральные нефтепроводы. На других труднее».

Во время полевых исследований я много раз сталкивалась с высказываниями о том, что контроль за деятельностью компаний в экологической сфере строится на тех докладах, которые эти компании готовят. Во время существования Межведомственной комиссии по экологии Совета безопасности ситуация была несколько иной. Так, в 1995 г. этой комиссией была проведена проверка состояния окружающей природной среды, обусловленного промышленным освоением нефти и газа. В документах комиссии

---

[78] Нам бы лет на 20 заглянуть вперед. Интервью с А.В. Яблоковым // Северные просторы. 1995, № 4–5. С. 21–22.

отмечается, что увеличение количества аварий на нефтепроводах связано с коррозией труб, ремонт которых не проводится из-за дефицита собственных средств.

В 1994–1995 годах Комитетом по охране окружающей среды и природных ресурсов Ханты-Мансийского автономного округа за различные нарушения в сфере экологии на должностных лиц четырех нефтяных компаний наложен штраф на общую сумму 70 млн руб. В целом же в экологические фонды только в 1994 г. поступило 24 643 млн руб. В документах проверки отмечается, что «большинство нефтегазодобывающих предприятий округа проводят аэрокосмосъемку месторождений нефти, замеры уровней загрязнения окружающей природной среды в местах размещения нефтепромысловых объектов, ведут работу по нанесению на карты-схемы загрязненных нефтью и пластовыми водами земельных участков… Для повышения надежности трубопроводов отдельные предприятия закупили блочное оборудование по антикоррозийному покрытию внешней и внутренней поверхности труб специальной пленкой, красками, лаками»[79]. Но, как показывает практика, этих мер недостаточно для сохранения природы.

Сейчас в основном используются штрафные санкции, но они не настолько велики, чтобы серьезно влиять на деятельность компаний. Я согласна с Яблоковым, который сказал: «Почему в западных странах природопользование более экологически чистое? Потому что там работает судебная система. Любой гражданин или объединение граждан имеют возможность возбудить судебный иск против загрязнителя природы и выиграть дело. Если я подам иск в суд на нефтяную компанию за загубленную речку, я оценю свой иск не в 100 тысяч. Ведь эта речка должна и может обеспечить здоровую жизнь моим детям и внукам, все подсчитав, я предъявлю иск на миллиард. На этом кончится промышленная активность того, кто загубил эту речку, он будет разорен. Следующая нефтяная компания будет учитывать это и уже не допустит загрязнения – себе дороже. Чтобы заработал закон, он должен быть в поле зрения общества»[80]. Поэтому штрафные санкции должны быть, вероятно, ощутимыми для компаний.

Для нефтегазовых районов характерно множество источников поступлений загрязняющих веществ. Так, ежегодно в Западной Сибири в факелах сгорает до 10 млрд м^3 попутного газа, загрязняя продуктами сгорания прилегающие территории. Сгорание

---

[79] Письмо председателя Комитета по охране окружающей среды и природных ресурсов Ханты-Мансийского автономного округа В.А. Долингера А.В. Яблокову. Архив автора.

[80] ПМА, интервью с А. Яблоковым.

попутного газа в факелах приводит также к тепловому загрязнению атмосферы: количество тепла при этом сопоставимо, по некоторым оценкам, с годовым радиационным балансом территории. Наибольший вред в этих районах причиняют разливы нефти. На месторождениях Западной Сибири систематические порывы нефтепроводов случаются до 35 тыс. раз в год, в том числе до 300 официально регистрируемых аварий (с выбросами свыше 10 тыс. т нефти в каждом случае). Более мелкие аварии, как правило, даже не регистрируются. В бассейне Оби практически не осталось рек, не загрязненных нефтью. Донные отложения в районе зимовальных ям осетровых и сиговых рыб в Обской губе на 10% состоят из тяжелых фракций нефти[81].

Люди, которые работают на Севере сегодня, часто сталкиваются с необходимостью обращаться к знаниям аборигенов при решении многих повседневных проблем. Именно в сфере экологии знания аборигенов и их опыт являются особенно ценными. Важно подчеркнуть, что ханты и ненцы – оленеводы и рыбаки – часто становятся «общественными инспекторами», именно они первыми сообщают об авариях, о нанесении ущерба окружающей среде.

Механизмы контроля за промышленной деятельностью могут быть действенными только при неукоснительном выполнении законодательства, строжайшем контроле правоохранительных органов и достаточно больших штрафах, которые могли бы существенно повлиять на благосостояние компаний. Только существенные материальные потери могут привести к изменению политики компаний, пока же для них чаще выгоднее платить штрафы, чем вкладывать большие средства в экологию. И это связано не только с деятельностью компаний, но и с уровнем экологического сознания в обществе, когда «экологические права оказались крайне неудачно расположены в иерархии социальных ценностей… общество не готово поставить экологический интерес выше экономического»[82]. В этих условиях действенными в защите природных ресурсов могут быть только долгосрочные экономические стимулы и судебная система.

В северных регионах природоохранным мероприятиям при добыче нефти и газа придается особое значение. Это связано как с климатическими условиями, так и социальными – проживанием здесь коренного населения, напрямую связанного с использованием возобновляемых природных ресурсов. При этом ограничен-

---

[81] «Проблемы загрязнения Арктики». Материал подготовлен рабочей группой, созданной распоряжением Секретаря Совета Безопасности РФ от 25 мая 1995 г. 16-рсб во главе с заместителем Министра РФ по делам национальностей и региональной политике А.И. Волгиным». Архив автора.

[82] Права человека. Итоги века, тенденции, перспективы. М., 2002. С. 76.

ный выбор альтернатив их образу жизни подчеркивает важность сохранения традиционных способов использования ресурсов и учета потенциального отрицательного воздействия промышленного освоения[83]. В этнографических работах часто указывается на экологичность традиционного природопользования. Существует и критика такого взгляда, который иногда объявляется «романтическим», особенно специалистами, не имеющими собственного полевого опыта. В этом смысле особый интерес представляет замечание И.И. Крупника: «при оценке исторической роли аборигенного охотника следует…четко различать его экологический опыт – систему накопленных представлений и рациональных знаний об окружающей среде и месте в ней человека – и экологическое поведение – реальную форму освоения природных ресурсов. Экологический опыт всех аборигенных групп Арктики, без сомнения, представляет ценнейшую часть их культурного наследия, составлявшую часть общечеловеческих знаний о природе Крайнего Севера». Этот автор связывает неоднозначное экологическое поведение северных народов с особенностями их природной среды, неустойчивостью возможностей добычи ресурсов[84]. Кроме того, как уже говорилось в гл. 1, принципиальное различие традиционного и промышленного использования ресурсов заключается в соблюдении меры в первом случае и коммерциализацией, слабым контролем – во втором. В традиционном природопользовании и в современных условиях для аборигенов важен принцип устойчивости, связанный не только с их религиозными представлениями, но и со сравнительно слабой мобильностью за пределы традиционного ареала.

В наши дни загрязнение окружающей среды химическими веществами, производственными и бытовыми отходами на Севере приобретает катастрофический характер, что не может не вызывать законного возмущения у коренных народов, вся жизнь которых зависит от возобновляемых природных ресурсов, от состояния пастбищ и водоемов. Контроль за использованием земель, на которых живут и ведут хозяйственную деятельность коренные народы, необходим им в первую очередь для сохранения традиционного природопользования. Именно в этих вопросах особенно очевидно различие традиционных правовых норм и существующей практики. Требование экологической безопасности ко всем видам хозяйственной деятельности на севере – это требование, необходимое для выживания экосистем, человека,

---

[83] Разведка на нефть и газ и их добыча на сухопутных месторождениях в Арктике и Субарктике. Руководство по природоохранным мероприятиям. Лондон, 1993. С. 11.

[84] *Крупник И.И.* Арктическая этноэкология. М., 1989. С. 206–208.

планеты в целом. Один из главных принципов устойчивого развития территорий – ресурсопользование нынешних поколений не должно приносить ущерба интересам будущих поколений, а ресурсно-экологический потенциал не должен быть меньше, чем достался современному поколению. Принципам устойчивого развития в большей степени соответствует идеология традиционного природопользования коренного населения в том случае, если она не деформирована внешними влияниями коммерциализации, где приоритетом становится максимальная прибыль в кратчайшие сроки. Эта опасность весьма реальна. Поэтому представляется, что целесообразно, с одной стороны, более жестко регламентировать добычу природных ископаемых с учетом особенностей среды на севере, а с другой стороны, более внимательно отнестись к принципам и нормам традиционного природопользования коренных народов Севера, осознать, что необходимо соединение традиционных и научных знаний охраны природы.

Этнологическая экспертиза

Понятие «этнологическая экспертиза» появилось в российской правовой системе в 1999 г. в законе «О гарантиях прав коренных малочисленных народов Российской Федерации»: «*этнологическая экспертиза – научное исследование влияния изменений исконной среды обитания малочисленных народов и социально-культурной ситуации на развитие этноса*». При отмечаемых многими специалистами недостатках этого определения этнологическая экспертиза стала уже элементом общественного правосознания на Севере, где представляется как экспертное заключение о влиянии хозяйственных проектов на сохранение и развитие образа жизни коренных народов. Вместе с тем требуется более широкое ее применение – и в экспертизе законодательства, судебной деятельности, в оценках СМИ, различных социальных программ, организации образования, здравоохранения; пожалуй, трудно назвать сферы жизни, которые не могут быть подвергнуты этнологической экспертизе. В данной работе этнологическая экспертиза рассматривается именно в контексте взаимодействия коренных народов и промышленных компаний. Проведение этнологической экспертизы позволяет уделить больше внимания традиционным знаниям и ценностям коренных народов и создать действенный механизм учета их мнения. Качественное проведение экспертизы способствует росту доверия исследуемых народов к антропологам.

Вопросы этнологической экспертизы обсуждаются в научной литературе и практике уже в течение длительного времени. Первоначально сложилось представление об этноэкологической

экспертизе как о комплексе стандартизированных научных исследований, направленных на оценку возможных этносоциальных последствий управленческой деятельности. Главными целями такой экспертизы провозглашались предупреждение распада общности населения и сохранение этнокультурной среды, поддерживающей эту общность. Наиболее полная характеристика этого подхода содержится в работах сотрудников Института этнологии и антропологии РАН, в основном проводящих исследования по этноэкологии и демографии в различных районах нашей страны с конца 1980-х годов.[85] Близки к этому подходу и предложения выделять этнополитическую, этноэкологическую, этносоциальную и т.п. экспертизы[86]. Другое направление экспертизы как этнологического мониторинга разработано В.А. Тишковым в рамках проекта «Сети этнологического мониторинга и раннего предупреждения конфликтов», эксперты которого проводят исследования по 46 условным индикаторам[87].

В отношении коренных малочисленных народов этнологическая экспертиза имеет еще более длительную историю. В 1955 г. в Институте этнологии и антропологии АН СССР был создан сектор по изучению социалистического строительства у малых народностей Севера, позднее переименованный в сектор Крайнего Севера и Сибири. Сотрудники занимались как фундаментальными, так и прикладными исследованиями. Ученые работали в сотрудничестве с Комиссией по проблемам Севера Совета по изучению производительных сил (СОПС) АН СССР, и данные, полученные во время полевых этнографических исследований, регулярно представлялись в Совет министров РСФСР. В те годы так называемые «докладные записки» имели закрытый характер, их результативность зависела от многих, подчас субъективных обстоятельств[88]. Тем не менее благодаря этой работе удавалось привлечь внимание органов государственной власти к наиболее

---

[85] *Степанов В.В.* Теория этноэкологической экспертизы // Методы этноэкологической экспертизы. М., 1999. С. 61–128; *Он же*. Этнологическая экспериза // Обычай и закон: Исследования по юридической антропологии. М., 2002. С. 241–260; *Он же.* Научная экспертиза и законодательство о национально-культурном развитии // Этнология обществу. М., 2006. С. 79–108.

[86] *Ямсков А.Н.* Этноэкологические экспертизы в международных организациях // Этнология обществу. С. 10–62.

[87] *Тишков В.А., Степанов В.В.* Измерение конфликта. Методика и результаты этноконфессионального мониторинга Сети EAWARN в 2003 году. М., 2004. С. 15–16.

[88] Этнологическая экспертиза: Народы Севера России. М., 2004. С. 5–6; К настоящему времени опубликованы 5 выпусков на основе таких докладных записок: Этнологическая экспертиза. Народы Севера России / Под ред. З.П. Соколовой, Е.А. Пивневой. 1956–1958 годы. М., 2004; 1959–1962 годы. М., 2005; 1963–1980 годы. М., 2006; 1981–1984 годы. М., 2006; 1985–1994 годы. М., 2007.

острым проблемам положения народов Севера. Такая практика существовала до 1994 г. В определенной степени роль гуманитарной экспертизы играли и независимый экспертный доклад «Современное положение и перспективы развития коренных малочисленных народов Севера, Сибири и Дальнего Востока»[89], и выпускаемая Институтом этнологии и антропологии РАН серия работ «Исследования по прикладной и неотложной этнологии»[90], часть которых также посвящена коренным народам Севера.

Большое место занимает этнологическая экспертиза в деятельности и публикациях Ассоциации коренных малочисленных народов Севера, Сибири и Дальнего Востока Российской Федерации. По инициативе ее регионального подразделения «Ямал – потомкам!» в 2002 г. была проведена широкомасштабная экспертиза в Ямало-Ненецком автономном округе[91].

При этом анализировалось заключение государственной экологической экспертизы, в котором отмечалось, что коренные народы не испытают отрицательного воздействия от проектов, затрагивающих акватории Тазовской губы, потому что являются оленеводами, а не рыболовами[92]. С подобным непониманием комплексного характера хозяйства коренных народов мы столкнулись и на Сахалине, когда компания «Сахалин энерджи» предлагала при проведении экспертизы разграничить проблемы рыболовства и коренных народов, не учитывая того, что основу их жизнеобеспечения составляет именно рыболовство. Организации коренных народов активно участвовали в проведении экспертиз и на Сахалине, но во всех перечисленных случаях это была общественная экспертиза, которая не имела обязательной силы.

Ассоциация коренных малочисленных народов Севера предлагает три варианта проведения государственной этнологической экспертизы: как часть государственной экологической экспертизы, на основании специального закона, и, наконец, на основании международных документов[93]. Согласно ст. 8 ФЗ «О гарантиях

---

[89] Отв. ред. В.А. Тишков. М., 2004.

[90] К настоящему времени опубликовано более 220 выпусков.

[91] *Богоявленский Д.Д., Мартынова Е.П., Мурашко О.А., Хмелева Е.Н., Якель Ю.Я., Яковлева О.А.* Опыт проведения этнологической экспертизы. Оценка потенциального воздействия программы ОАО «Газпром» поисково-разведочных работ в акваториях Обской и Тазовской губ на компоненты устойчивого развития этнических групп коренных малочисленных народов Севера. Ред. О.А. Мурашко. М., 2002.

[92] «Этнологическая экспертиза» в России и международные стандарты оценки воздействия проектов на коренные народы / Сост. и автор вступительной статьи О. А. Мурашко. М., 2006. С. 17.

[93] Там же. С. 25–26.

прав коренных малочисленных народов Российской Федерации», коренные малочисленные народы имеют право участвовать в проведении экологической и этнологической экспертиз. Такое положение содержится в статье, посвященной правам этих народов, что свидетельствует о его важности для законодателя. Участие коренных народов в проведении таких исследований может рассматриваться как форма и средство со-управления со стороны их организаций, поэтому требование проведения этнологической экспертизы неслучайно выдвигается ими при возникновении конфликтных ситуаций, например, на Сахалине или в связи с территорией вокруг озера Нумто в Ханты-Мансийском автономном округе.

Существует распространенное мнение, что этнография (культурная антропология) в значительной степени обязана своим возникновением потребностям управления и работе государственных структур. Этнологическая экспертиза является важнейшим видом прикладных исследований. Антропологическое исследование при этом позволяет смотреть на жизнь изучаемого сообщества как на систему взаимообусловленных элементов, находящихся в диалектической связи, когда изменения одних неминуемо вызывают изменение других.

Этнологическая экспертиза имеет своей целью минимизировать отрицательные последствия управленческих решений, хозяйственных и тому подобных проектов для жизни людей. В 1983 г. в рамках Международного союза антропологических и этнологических наук была учреждена Комиссия по прикладной антропологии, но и раньше подобные исследования применялись при необходимости корректировки управления или иной деятельности в различных странах. Этнологическая экспертиза может рассматриваться как форма участия научного сообщества в общественной жизни и как средство защиты прав на культурную самобытность при разрешении конфликтов, связанных с управлением культурным многообразием. Процесс проведения этнологической экспертизы демонстрирует ее достоинства и ограничения.

В разных странах и особенно в разные периоды истории прикладная антропология ставила перед собой различные цели, их выполнение зависело не только от академических знаний. Одной из главных проблем являются традиции науки, «которая со времен классиков эволюционизма была обращена в прошлое, а настоящее воспринимала преимущественно как “живую старину” ⟨…⟩ Поэтому многие антропологи питали симпатии к “вчерашнему” африканцу, меланезийцу, австралийцу, идеализировали его общинные и племенные порядки и почти совсем не замечали новых веяний, появлявшихся на надобщинном и надплеменном уровнях политической культуры, либо считали их вредной аномалией», –

пишет о классической британской социальной антропологии А.А. Никишенков[94]. Необходимо признать, что подобная характеристика применима ко многим отечественным исследованиям, особенно коренных малочисленных народов.

Правовую основу проведения этнологической экспертизы составляют законодательства Российской Федерации, субъектов РФ, международные договоры и соглашения, а также решения, принятые гражданами на общих референдумах и в результате осуществления иных форм непосредственной демократии.

Важнейшее значение при выработке подходов к проведению этнологической экспертизы имеет «Положение об оценке намечаемой хозяйственной и иной деятельности на окружающую среду в Российской Федерации», утвержденное Приказом от 16 мая 2000 г. № 372 Государственного комитета РФ по охране окружающей среды. В этом документе указывается, что «Материалы по оценке воздействия на окружающую среду должны быть научно обоснованы, достоверны и отражать результаты исследований, выполненных с учетом взаимосвязи различных экологических, а также социальных и экономических факторов (принцип научной обоснованности, объективности и законности заключений экологической экспертизы» (п. 2.6).

Основой проведения этнологической экспертизы является определение оснований, на которых будет строиться та или иная деятельность, затрагивающая права и законные интересы коренных народов. Но экспертиза – это не только норма, но и процесс.

Этнологическая экспертиза позволяет согласовать интересы сторон, минимизировать отрицательные последствия проектов развития, изменения природных и социально-экономических условий проживания коренных народов в современном мире, а в идеале способствует их устойчивому гармоничному развитию. Необходимость этнологической составляющей оценки предполагаемых проектов нуждается в постоянном подтверждении. В разных странах используются различные механизмы обеспечения прав коренных народов при осуществлении промышленных проектов в местах их проживания. Одной из форм являются общественные слушания, причем особенно важно во время их проведения защитить специфические интересы, которые не могут быть защищены общим законодательством. Так, во время Общественных слушаний по проекту строительства газопровода в долине р. Макензи в Канаде при обсуждении вопроса о качестве питьевой воды основное внимание участников слушаний было сосредоточено

---

[94] *Никишенков А.А.* История британской социальной антропологии. СПб., 2008. С. 369–370.

на очистных сооружениях. Дж. Клинек, адвокат, работающая с одной из общин де чо (Deh Cho), привлекла внимание участников слушаний к тем аборигенам, которые берут воду из открытых источников, т.е. пользуются неочищенной водой. Роль эксперта в данном случае заключалась в защите интересов аборигенных народов, занимающихся традиционным природопользованием.

Несмотря на то что в законодательстве России пока не разработаны механизмы проведения этнологической экспертизы, на практике она применяется. Она проводится чаще всего по заказу промышленных компаний при возникновении конфликтов между ними и коренными жителями. В этом случае компании получают рекомендации от экспертов, которые помогают им выработать правильную политику в отношении этих жителей.

В 2010 г. был принят Закон Республики Саха (Якутия) «Об этнологической экспертизе в местах традиционного проживания и традиционной хозяйственной деятельности коренных малочисленных народов Севера Республики Саха (Якутия)». В этом документе предусмотрены эффективные меры защиты прав коренных народов при проведении промышленной деятельности. Правда, пока сложно говорить о его жизненности, но, безусловно, проведение экспертизы в одном из крупнейших регионов Севера даст мощный импульс для прикладных исследований и, возможно, для федерального законодателя[95].

Законодательство в отношении этнологической экспертизы представлено наиболее полно на примере ЯНАО. Здесь существует обширная правовая база, гарантирующая защиту прав коренных малочисленных народов Севера. В Уставе ЯНАО (1998 г.) приблизительно пятая часть статей (или их отдельных пунктов) прямо посвящена правам коренных малочисленных народов и защите их законных интересов. В этом основополагающем для округа документе наряду с общими положениями, посвященными этим народам, специальная статья регламентирует защиту их прав при промышленной разработке природных ресурсов. Приведем выдержки из ст. 30 Устава:

«При предоставлении земельных участков в случаях, предусмотренных федеральным законодательством, на территориях проживания и традиционной хозяйственной деятельности коренных малочисленных народов Севера, этнических общностей для целей, не связанных с традиционным природопользованием,

---

[95] *Шадрин В.И.* Этнологическая экспертиза в Якутии: опыт, проблемы, перспективы // Этнополитическая ситуация в России и сопредельных государствах в 2013 году. Ежегодный доклад Сети этнологического мониторинга и раннего предупреждения конфликтов / Ред. В.А. Тишков и В.В. Степанов. М.: ИЭА РАН, 2014. С. 331–344.

органы местного самоуправления выясняют их мнение на местном референдуме.

Граждане из числа коренных малочисленных народов Севера, этнических общностей, вынужденные покинуть территории проживания и традиционной хозяйственной деятельности в связи с промышленным освоением имеют право на компенсацию за причиненные им потери, убытки и упущенную выгоду. Гражданам из числа коренных малочисленных народов Севера, этнических общностей гарантируется право на возвращение на территории проживания и традиционной хозяйственной деятельности после проведения мероприятий по рекультивации земель на этих территориях.

Граждане из числа коренных малочисленных народов Севера, этнических общностей, постоянно проживающие на территории автономного округа, имеют право на получение части платежей за эксплуатацию недр на территориях их проживания и традиционной хозяйственной деятельности».

Законодательно (Закон «О перечне труднодоступных, отдаленных местностей и территорий компактного проживания коренных малочисленных народов Севера в Ямало-Ненецком автономном округе», 2001 г.) закреплен список территорий компактного проживания коренных малочисленных народов Севера.

Важную роль в защите прав коренных малочисленных народов Севера на традиционное природопользование и сохранение территорий, на которых они ведут традиционное хозяйство, играет закон «О местном референдуме в Ямало-Ненецком автономном округе» (2003 г.). По этому закону к вопросам, которые могут быть вынесены на местный референдум, относятся: «предоставление земельных участков в местах традиционного проживания и хозяйственной деятельности коренных малочисленных народов Севера, этнических общностей для целей, не связанных с их традиционной хозяйственной деятельностью и традиционными промыслами» (п. г ст. 7). Данная статья имеет принципиально важное значение для оценки участия коренных народов в контроле за использованием земель и иных природных ресурсов. Она гарантирует права коренных малочисленных народов Севера на *контроль над использованием ресурсов на территориях их проживания.* Эта статья является также развитием статьи 8 федерального закона «О гарантиях прав коренных малочисленных народов РФ».

В ЯНАО в 1997 г. принят закон «О регулировании земельных отношений в местах проживания и традиционной хозяйственной деятельности коренных малочисленных народов Севера на территории Ямало-Ненецкого автономного округа». Как отмечает председатель Государственной думы ЯНАО С.Н. Харючи,

принципиальными для данного закона являются положения о триединстве земли как объекта природы, объекта традиционного хозяйствования (пользования), объекта собственности; о сочетании интересов в использовании земель коренных малочисленных народов Севера и этнических общностей и всего населения автономного округа и Российской Федерации. В законе дано определение земель традиционной хозяйственной деятельности народов Севера: земли, «используемые для ведения оленеводства и традиционных промыслов, нуждающиеся в особом правовом режиме, с исторически сложившимися образом жизни и формами традиционного хозяйственного уклада коренных малочисленных народов Севера и этнических общностей, могущие включать земли различных категорий, выделенных в земельном законодательстве по основному хозяйственному назначению, а также водные, лесные и другие возобновляемые природные ресурсы, являющиеся наряду с землей основой жизни и традиционной хозяйственной деятельности этих жителей»[96].

Кроме того, в ЯНАО принят ряд законов, защищающих права коренных малочисленных народов Севера: «О государственной поддержке общин коренных малочисленных народов Севера и организаций, осуществляющих традиционные виды хозяйственной деятельности на территории Ямало-Ненецкого автономного округа» (2005 г.), «О защите исконной среды обитания и традиционного образа жизни коренных малочисленных народов Севра в Ямало-Ненецком автономном округе» (2006 г.), «Об объектах культурного наследия Ямало-Ненецкого автономного округа» (2006 г.).

Центральное место в системе правовой защиты коренных малочисленных народов Севера ЯНАО при осуществлении промышленной деятельности в местах их проживания и хозяйственной деятельности занимает закон «О защите исконной среды обитания и традиционного образа жизни коренных малочисленных народов Севера в Ямало-Ненецком автономном округе» (в ред. 2008 г.). В нем сформулированы основные направления реализации государственной политики в сфере защиты исконной среды обитания и традиционного образа жизни коренных малочисленных народов Севера на территории автономного округа:

1) сохранение исконной среды обитания и традиционного образа жизни коренных малочисленных народов Севера, в том числе охрана окружающей природной среды;

(в ред. Закона ЯНАО от 25.09.2008 N 74-ЗАО)

---

[96] *Харючи С.Н.* Коренные малочисленные народы: проблемы законодательства. Томск, 2004. С. 164–165.

2) обеспечение сохранности и развития исторически сложившихся способов природопользования коренных малочисленных народов Севера;

3) создание условий для сохранения и возрождения самобытной социальной организации проживания коренных малочисленных народов Севера с целью поддержки развития самобытной культуры коренных малочисленных народов Севера, сохранения их обычаев и верований (ст. 5).

По этому закону к полномочиям исполнительных органов государственной власти автономного округа относится «содействие в возмещении убытков, причиненных коренным малочисленным народам Севера, организациям, осуществляющим традиционные виды хозяйственной деятельности, в результате нанесения ущерба исконной среде обитания коренных малочисленных народов Севера хозяйственной деятельностью организаций всех форм собственности, а также физическими лицами, в соответствии с федеральным законодательством, законодательством автономного округа и иными нормативными правовыми актами автономного округа» (п. 2.12 ст. 6).

Для данного исследования особенно важна ст. 9. Сохранение исконной среды обитания и традиционного образа жизни коренных малочисленных народов Севера:

1. В автономном округе создаются условия для сохранения исконной среды обитания и традиционного образа жизни коренных малочисленных народов Севера, в том числе охрана окружающей природной среды.

(в ред. Закона ЯНАО от 25.09.2008 N 74-ЗАО)

2. По вопросам использования и охраны земель традиционного проживания и хозяйственной деятельности коренных малочисленных народов Севера принимаются окружные целевые программы.

(часть 2 в ред. Закона ЯНАО от 25.09.2008 N 74-ЗАО)

4. В автономном округе создаются условия для обязательного проведения оценки воздействия на исконную среду обитания и традиционного образа жизни коренных малочисленных народов Севера. Порядок проведения оценки воздействия на исконную среду обитания и традиционного образа жизни коренных малочисленных народов Севера определяется законом автономного округа (часть 4 введена Законом ЯНАО от 25.09.2008 N 74-ЗАО).

В настоящее время в округе ведется работа по подготовке такого специального закона. В этой деятельности материалы проводимых этнологических экспертиз являются ценным источником.

Важными для сохранения и развития традиционного природопользования коренных малочисленных народов в округе явля-

ются специализированные законы, особенно «Об оленеводстве» ввиду отсутствия федерального регулирования в этой сфере. В окружном законе содержится определение *оленеводства как традиционно сложившегося этносохраняющего вида хозяйственной деятельности коренных малочисленных народов Севера, направленного на сохранение, разведение и использование домашнего оленя*. Необходимо также отметить, что по закону ЯНАО регулятором отношений в области оленеводства наряду с законами признаются традиции и обычаи коренных малочисленных народов Севера. Целями закона названы:

а) государственный протекционизм, направленный на создание в автономном округе для коренных малочисленных народов Севера и этнических общностей, населения автономного округа льготных условий развития оленеводческой деятельности по обеспечению государственных нужд в продукции оленеводства;

б) установление щадящего режима природопользования, учитывающего уязвимость северной природы и обеспечивающего рациональное использование природных ресурсов;

в) предоставление гарантий и компенсаций коренным малочисленным народам Севера и этническим общностям для возмещения дополнительных затрат на осуществление оленеводческой деятельности в природно-климатических условиях Севера (ст. 3 закона).

Закон «Об оленеводстве» ЯНАО существенно расширяет сферу защиты прав коренных малочисленных народов в округе по сравнению с федеральным законодательством. Статья 16 отмечает: «основные требования по предотвращению гибели оленей при осуществлении производственных процессов, а также при эксплуатации транспортных магистралей, трубопроводов, линий связи и электропередачи на территории автономного округа и меры ответственности за их невыполнение устанавливаются органом исполнительной власти автономного округа по согласованию с органами местного самоуправления и общественными организациями коренных малочисленных народов Севера и этнических общностей».

Другим уникальным правовым документом является принятый в 2006 г. Закон ЯНАО «Об объектах культурного наследия Ямало-Ненецкого автономного округа». В нем выделены особенности и важнейшие черты традиционного образа жизни коренных малочисленных народов Севера. В последние годы ученые и активисты организаций коренных малочисленных народов Севера много пишут о необходимости особого внимания к священным местам этих народов. «Тундра – это пространство со многими

измерениями, в том числе и духовными. Высшим проявлением экофильного поведения коренных народов является стремление к сохранению священных мест. Нет территории без духа хозяина. Одной из важных проблем является изучение особенностей влияния форм религиозного мировоззрения на организацию жизненного пространства»[97].

Закон «Об объектах культурного наследия» должен будет сыграть решающую роль в сохранении культуры ненцев, в частности при проведении гарантированной законодательством историко-культурной экспертизы. Ряд статей закона специально посвящен коренным малочисленным народам Севера.

В частности, отмечается, что

1. Священные места и места захоронений коренных малочисленных народов Севера используются только в соответствии с их функциональным назначением (ст. 10).

Согласно ст. 28,

1. В отношении объекта культурного наследия, включенного в регистр объектов культурного наследия автономного округа, находящегося в собственности автономного округа, либо земельного участка или участка водного объекта, в пределах которого располагается объект археологического наследия, выявленного объекта, объекта культурного наследия коренных малочисленных народов Севера в целях обеспечения сохранности и использования данного объекта и соблюдения прав и законных интересов граждан администрацией автономного округа могут быть установлены ограничения при использовании данного объекта культурного наследия либо данного участка. Ограничения действуют до момента полного устранения обстоятельств, явившихся основанием для введения установленных ограничений.

Таким образом, в результате деятельности Думы ЯНАО заложены правовые основы для установления согласованной политики между коренными малочисленными народами Севера, промышленными компаниями и органами власти, но требуется еще большая работа по их совершенствованию для создания действительной защиты окружающей среды, социально-экономических и культурных прав этих народов, повышению уровня их жизни. Этнологическая экспертиза и мониторинг положения этих народов в районах промышленного освоения явятся действенными элементами этой деятельности.

---

[97] *Харючи Г.П.* О роли северных народов в мировой цивилизации // Коренные народы Ямала в современном мире: Сценарии и концепции развития. Новосибирск–Салехард, 2007. С. 16.

В ХМАО законы, касающиеся этнологической экспертизы, так и не были приняты. Автор участвовала в работе по подготовке Этноконсалтингом концепции такого закона по заказу Думы Ханты-Мансийского автономного округа. Поэтому в данной главе столь подробно анализируется законодательство ЯНАО.

Подобная практика существует и в других странах, в частности в Канаде. Можно согласиться с мнением Р. Крибла о том, что «экспертиза создает такой климат, в котором Первые нации могут напрямую иметь дело с предлагающими проект организациями по вопросам влияния проекта на их положение и получения выгод от него, а также по другим вопросам, таким как проведение научных исследований и подготовка кадров»[98].

Необходимость проведения именно этнологической экспертизы для изучения изменений положения и состояния этнических общностей в современных условиях обсуждается сегодня в различных сферах, как на уровне государственной власти, так и в научном сообществе. Особенности антропологического метода были удачно сформулированы К. Клакхоном. Он писал об уникальном вкладе антрополога в региональные исследования благодаря тому, что «его образование позволяет ему быстро узнавать основные особенности региона и организовывать их в стройную модель. Поскольку антрополог обладает знанием и о соотношении человека с человеком, и о взаимных связях человека с природой, он в состоянии помочь другим специалистам понять отношение их профессий к жизни общества в целом»[99].

Приведу выделенные им особенности метода, а затем проиллюстрирую их российскими практиками. Итак, во-первых, антрополог видит закономерности. Он рассматривает общество и культуру как единое целое. Во-вторых, он смотрит на все явления с точки зрения культуры, причем с точки зрения представителей той культуры, прикладное исследование которой проводит. В-третьих, при анализе конкретной ситуации он использует все, что известно о культуре и обществе в целом. Антрополог в своем исследовании учитывает, что «существует неизбежный зазор между достижением полезных с социальной точки зрения новых технических знаний и их использованием гражданским населением»[100]. Добавим к этому еще положение о том, что антрополог подчеркивает равное значение символических и утилитарных составляющих человеческих отношений. Можно сказать, что при

---

[98] *Крибл Р.* Оценка воздействия на окружающую среду и «этнические требования» при ее проведении в Канаде // Обычай и закон. Исследования по юридической антропологии. М., 2002, с. 229.

[99] *Клакхон К.* Зеркало для человека. Введение в антропологию. СПб., 1998. С. 211.

[100] Там же. С. 210–215.

проведении экспертизы конкретной ситуации он использует системный подход.

Например, при экспертизе влияния промышленного развития на жизнь оленеводов обязательно указывается его влияние на состояние земли и других биологических природных ресурсов, причем имеется в виду не только состояние пастбищ, но и состояние водоемов и не только как источников питьевой воды, но и как мест обитания рыбы. Даже при ведении достаточно специализированного оленеводческого образа жизни для многих хозяйств основу питания составляют рыба и морские животные.

Кроме того, обращается внимание на развитие инфраструктуры, в первую очередь на строительство дорог, которое может повлечь за собой как благоприятные, так и негативные последствия. При анализе всех результатов промышленного развития обращается внимание также на состояние традиционных этнографических предметов – одежду, жилище, средства передвижения, орудия лова и т.п. При этом изучаются не только изменения ресурсной базы, технологий, но и использование родных языков, сохранение фольклора, религии, особенно культовых мест.

При экспертизе анализируется как действительная, так и потенциальная ресурсоемкость занимаемых данной группой территорий, а также весь комплекс возможных влияний деятельности, осуществляемой в приграничных к ней областях. И все эти обстоятельства рассматриваются с точки зрения этнической группы, попадающей под влияние промышленного проекта. Проводить этнологическую экспертизу в отношении коренных народов Севера проще, так как для них в большей степени, чем для других народов, характерно сохранение традиционного образа жизни, при всей относительности этого понятия в современных условиях. Для экспертизы в этом случае важно то, что есть правовое определение «исконной среды обитания» и видов традиционной хозяйственной деятельности, а система жизнеобеспечения этих народов строится на использовании местных природных ресурсов.

В России этнологическая экспертиза рассматривается как научное исследование влияния деятельности и административных решений на развитие этнических групп, по аналогии с экологической экспертизой. В проведении последней могут участвовать ученые разных специальностей, перед которыми стоит задача исследовать влияние на окружающую среду. Этнологическая экспертиза учитывает и традиционные знания исследуемых групп, в первую очередь в сфере экологии и природопользования, и обычное право, существующие юридические практики. Основой такого подхода является изучение изменений образа жизни, причем антропологические методы изучения позволяют исследовать

и социально-экономические, и политические, и культурные, и демографические аспекты. При этом изучаемые этнические общности рассматриваются как стратифицированные общества, в которых представлены различные хозяйственные и культурные практики.

Сложности при проведении этнологической экспертизы связаны со многими обстоятельствами. Отмечу некоторые из них.

Опасность музеефикации. Многие этнографы нашей страны, а еще шире – специалисты в сфере гуманитарных наук, воспринимают антропологию и этнологию как науку о прошлом, поэтому образцом выступает то, что было если не в XIX в., то хотя бы до Второй мировой войны или коллективизации. В этом случае идеальной моделью является традиционная культура, не затронутая процессами модернизации.

Иллюзия, что можно делать экспертизу этапами. Часто делаются попытки провести экспертизу проекта по частям, что лишает ее целостности.

Неоправданно высокие, подчас фантастичные, ожидания, когда население ожидает от экспертизы решения всех своих проблем.

Отказ от приглашения узких специалистов. Очень часто при проведении этнологической экспертизы не учитывается, что основой такого исследования должно стать длительное, по возможности включенное, наблюдение. Экспертиза чаще всего бывает ограничена во времени и пространстве, поэтому с такой задачей может справиться только антрополог, имеющий большой опыт работы в данном регионе. Хотя и это не исключает ошибок при проведении экспертизы.

Объектом этнологической экспертизы чаще всего оказывается жизнь конкретных людей, имеющих *различные жизненные стратегии.* Задача антрополога предоставить каждому из них право голоса, в первую очередь это касается представителей наиболее уязвимых групп (женщины, старики, молодежь) – тех, защита прав которых требует особого внимания.

Для принятия административных решений или внесения изменений в промышленные проекты необходимо, чтобы экспертиза включала в себя стандартизированные сравнимые параметры. Большую роль играет фигура эксперта. К его работе могут быть предъявлены как минимум два требования – научная объективность и независимость. Непременным качеством эксперта должно быть его умение установить контакт с исследуемой группой. Кроме субъективных характеристик важным для успешной экспертизы является и статус антрополога и, шире, интеллектуала в обществе, так как если у людей сложится впечатление, что от проводимых экспертиз их жизнь не зависит, а принимаемые органами власти решения строятся на иных, чем научная экспертиза,

основаниях, возможность сбора объективных данных будет существенно затруднена.

Антрополог может быть посредником, обеспечивая информированность коренных народов о возможных последствиях и их правах при осуществлении промышленных проектов. Зарубежные коллеги, имеющие большой опыт работы с компаниями по этим вопросам, подчеркивают: «Как показывает практика, там, где компании и работающий в них персонал обучаются способам ведения переговоров и получают знания о коренных и местных народах, отношения складываются более доверительно. Более вероятно, что долговременные отношения, основанные на доверии, будут более успешны, если это станет основным подходом. Таким образом, антропологи должны выступать в роли переводчиков и посредников при интерпретации культур, будучи переводчиками не только языков и их диалектов, но также различных ценностей, мировоззрений и нужд (т.е. западных и коренных, поселковых и корпоративных). Опыт показал, что сложные вопросы успешно решаются там, где отзывчивые и энергичные представители компании, особо связанные с группой коренных народов, выполняют роль посредников между данной общиной и приезжими разработчиками. Важно, чтобы в общинах знали таких людей и доверяли им. …Долгосрочное этнологическое исследование, проведенное в конкретном сообществе или общине, важно не только для развития антропологической научной теории, но также и для государственной политики и корпоративной стратегии»[101].

Наконец, необходимо сказать и об участии коренных народов и их организаций в этнологической экспертизе. Во-первых, они могут инициировать ее проведение, во-вторых, они могут участвовать в ее осуществлении или иметь возможность контролировать ее проведение или ее результаты. Вместе с тем многообразие интересов исследуемых групп в современных условиях создает дополнительные трудности при проведении этнологической экспертизы.

Определенное место вопросы этнологической экспертизы занимают в публикациях журнала «Этнографическое обозрение». Так, специальной темой номера одного из выпусков была «Нефть, экология, культура»[102]. В рамках данного проекта опубликованы 12 статей отечественных и зарубежных авторов, которые всесторонне описали опыт проведения экспертиз и других форм взаимоотношения коренных народов и нефтяных и газодобывающих

---

[101] *Уилсон Э., Свидерска К.* Горнодобывающая промышленность и коренные народы в России: регулирование, участие и роль антропологов // ЭО, 2008, № 3. С. 27.

[102] Отв. ред. Сирина А.А., Ярлыкапов А.А., Функ Д.А. // ЭО. № 3, 2008. С. 3–102.

компаний в России и Канаде. В этих материалах подчеркивается, что при проведении этнологической экспертизы особое внимание должно быть уделено современным полевым исследованиям и сравнительному анализу ситуации в регионе[103].

В последние годы проблемы, связанные с этнологической экспертизой, привлекают все больше внимания ученых и политиков. О последнем свидетельствует Всероссийская научная конференция «Проблемы сохранения, использования и охраны культурного наследия при реализации проектов и программ развития Сибири и Дальнего Востока», проведенная рядом научных учреждений и государственных органов власти, в том числе Министерством регионального развития, в г. Томске в сентябре 2007 г. Существенным импульсом для активизации интереса к этой теме явились парламентские слушания «Правовое обеспечение этнологической экспертизы как обязательного условия при освоении северных территорий» (октябрь 2007 г., Москва), организованные и проведенные Комитетом по делам Севера и коренным малочисленным народам Севера Совета Федерации. На них директор департамента межнациональных отношений Минрегиона подчеркнул, что «в процессе обсуждения этих вопросов была поддержана инициатива Минрегиона о создании при министерстве экспертной группы (или экспертного совета) по этнологической экспертизе»[104]. Правда, ничего не было сделано для практического воплощения этой инициативы.

В России опыт проведения этнологических экспертиз в отношении коренных малочисленных народов Севера еще невелик. Тем не менее такие экспертизы уже несколько раз проводились в Ямало-Ненецком автономном округе[105], а также в Сахалинской области, где такая экспертиза была инициирована промышленной компанией под влиянием движений коренных малочисленных народов[106].

---

[103] *Роон Т.П.* Размышления о Сахалине и его жителях в свете траснациональных проектов добычи углеводородов на шельфе Охотского моря (к вопросу об этнологической экспертизе) // ЭО. 2008. № 3. С. 44–47.

[104] Правовое обеспечение этнологической экспертизы как обязательного условия при освоении северных территорий. Парламентские слушания. М., 2008. С. 8.

[105] *Богоявленский Д.Д., Мартынова Е.П., Мурашко О.А., Хмелева Е.Н., Якель Ю.Я., Яковлева О.А.* Опыт проведения этнологической экспертизы. Оценка потенциального воздействия программы ОАО «Газпром» поисково-разведочных работ в акваториях Обской и Тазовской губ на компоненты устойчивого развития этнических групп коренных малочисленных народов Севера. М., 2002; *Василькова Т.Н., Евай А.В., Мартынова Е.П.. Новикова Н.И.* Коренные малочисленные народы и промышленное развитие Арктики (Этнологический мониторинг в Ямало-Ненецком автономном округе). Москва; Шадринск, 2011; *Мартынова Е.П. , Новикова Н.И.* Тазовские ненцы в условиях нефтегазового освоения. М., 2012.

[106] Обзор документации проекта «Сахалин-2», касающейся коренных малочисленных народов Севера острова Сахалин //Люди Севера: права на ресурсы и экспертиза. М., 2008. С. 288–311.

В Российской Федерации этнологическая экспертиза как часть правовой системы появилась в законодательстве о коренных малочисленных народах. Это соответствует как международному праву, так и российской Конституции. В действующем российском законодательстве этнологическая экспертиза представлена скорее как возможность, а не обязанность, и в таких условиях очень важным фактором является общественное мнение. Для изменения законов в пользу прав коренных народов потребуется еще очень большая работа. Право на этнологическую экспертизу может рассматриваться как реализация права на культурную самобытность и возможность управления культурным многообразием, а также как создание равных возможностей для развития культур всех народов страны.

Сегодня этнологическая экспертиза проводится в основном в отношении коренных малочисленных народов, а также представителей других народов, которые ведут такой же образ жизни. В Российской Федерации в течение длительного времени складывалась практика наделения особым статусом именно коренных малочисленных народов Севера, Сибири и Дальнего Востока, что представляется вполне оправданным. Такие народы выделяются в особые общности во всем мире, они относятся к коренному населению территорий своего проживания и, что не менее важно, ведут особый образ жизни, особое традиционное природопользование, которое в России включает охоту, рыболовство, сбор дикоросов, оленеводство.

Исторически проживая в районах Севера и Сибири, они выработали механизмы неистощительного использования природных ресурсов, социальные нормы (обычное право), которые позволяли и в некоторой степени позволяют им теперь устанавливать отношения добрососедства с окружающими их народами. Для коренных малочисленных народов характерны обычаи, праздники и религиозные ритуалы, направленные на максимальное сохранение окружающей их природы. Правовые обычаи этих народов дают возможность не только разрешать конфликты, возникающие в их среде, но и развивать отношения с другими народами, с организациями, занимающимися промышленным развитием территорий. Очевидно, что у людей, работающих в нефтяной, газовой, лесной и некоторых других отраслях промышленности, складываются иные, чем у аборигенов, формы и методы использования природных ресурсов. Кроме того, государство строит свою социальную политику чаще всего исходя из интересов большинства. Развитие инфраструктуры, градостроительная деятельность, организация здравоохранения и образования направлены на унификацию населения, осуществляются на основе общих стандартов и не учитывают особенностей расселения и проживания корен-

ного населения, ведущего кочевой и полукочевой образ жизни. При проведении этнологической экспертизы возможно в большей степени уделить внимание традиционным знаниям и ценностям этих народов и создать действенный механизм учета их мнения по поводу выполнения того или иного проекта.

В России до принятия закона об этнологической экспертизе создается уникальная возможность накопления опыта в ее проведении. Пока этот процесс не регламентируется юридически, в каждом конкретном случае эксперты создают свою программу. Анализ самих экспертиз и мониторинг ситуации осуществления проектов в процессе и после их осуществления создают возможность оценить их эффективность и предложить более действенные механизмы защиты прав и участия коренных малочисленных народов Севера в со-управлении. Вероятно, первоначально законы об этнологической экспертизе могли бы быть приняты в субъектах федерации, где проживают коренные народы, а затем на основании опыта их применения – на федеральном уровне. Научная этнологическая экспертиза и гарантированное (в том числе судом) выполнение законодательства о ней будут способствовать гармонизации отношений в обществе и защите конституционных прав граждан.

В современных условиях существуют различные подходы к проведению этнологической экспертизы, но необходимо отметить, что уже сегодня многие ключевые в рассматриваемых вопросах структуры высказали свое положительное отношение к необходимости ее проведения на парламентских слушаниях в Совете Федерации. Так, по мнению заместителя руководителя Федерального агентства кадастра объектов недвижимости В.С. Киселева, «проведение этнологической экспертизы федеральных и региональных государственных программ освоения природных ресурсов и охраны окружающей природной среды в местах традиционного проживания и хозяйственной деятельности малочисленных народов, предусмотренной Федеральным Законом “О гарантиях прав коренных малочисленных народов Российской Федерации”, в значительной мере будет способствовать снижению очагов социальной напряженности в местах проживания и традиционной деятельности этих народов»[107].

Более того, в рекомендациях этих слушаний подчеркивается: «Участники парламентских слушаний полагают, что дальнейшая работа по нормативному закреплению процедуры оценки воздействия намечаемой хозяйственной или иной деятельности на исконную среду обитания, традиционный образ жизни и тради-

---

[107] Правовое обеспечение этнологической экспертизы как обязательного условия при освоении северных территорий. Парламентские слушания. М., 2008. С. 55.

ционное природопользование коренных малочисленных народов может идти в следующих направлениях:

– установления в законодательстве обязательности проведения этнологической экспертизы при освоении северных территорий, регламентации порядка, процедуры и методов ее организации;

– разработки и нормативного закрепления параметров (критериев) оценки состояния этнической группы в зоне действия намечаемой хозяйственной деятельности;

– разработки и нормативного закрепления параметров (критериев) оценки воздействия намечаемой хозяйственной деятельности на исконную среду обитания;

– регламентации процедуры этнологической экспертизы в нормативно-правовых актах субъектов Российской Федерации до принятия нормативно-правовых актов федерального уровня»[108].

В самом общем виде этнологическая экспертиза может рассматриваться как механизм взаимодействия органов власти, промышленных компаний, научного сообщества и коренных малочисленных народов Севера. Ее процедура могла бы включать следующие элементы: определение стартовой ситуации, моделирование ситуации с учетом общих закономерностей и отношения населения, предложения по оптимизации решений и минимизации отрицательных последствий, предложения альтернативных путей развития.

Выводы

Для анализа и оценки общих принципов взаимодействия промышленных компаний и коренных малочисленных народов Севера были рассмотрены механизмы и практики взаимодействия с конкретными компаниями. Можно выделить следующие формы такого взаимодействия в России:

• соглашения между промышленными компаниями и субъектами федерации и муниципальными образованиями;

• соглашения между компаниями, лицами из числа коренных малочисленных народов и их организациями и органами государственной власти и местного самоуправления;

• нормативные документы об особом режиме недропользования;

• спонсорская помощь коренным малочисленным народам и их организациям;

• планы содействия развитию коренных малочисленных народов Севера.

---

[108] Там же. С. 41.

В некоторых субъектах федерации, в первую очередь в ХМАО и ЯНАО, приняты нормативные документы, регламентирующие взаимодействие промышленных компаний и коренных малочисленных народов. Сравнительный анализ нескольких регионов показывает, что необходимо сочетание общих стандартов и норм, учитывающих специфику района и укладов отдельных народов. Адекватность механизмов такого взаимодействия культурным ценностям коренных народов и защите их законных прав и интересов зависит в значительной мере от степени самоорганизаций коренных народов и уровня этнологической экспертизы или других прикладных исследований. В ходе таких работ должны быть выявлены риски и ожидания аборигенов и возможные основания взаимодействия, которые будут приемлемы для бизнес-сообществ.

Ситуация осложняется тем, что промышленная деятельность началась до того, как были приняты соответствующие нормы права, защищающие интересы коренных малочисленных народов, поэтому должны быть выработаны и приняты и компенсаторные меры. Наиболее существенным недостатком промышленного влияния на жизнь коренных народов является то, что в России пока не достигнут паритет в их взаимодействии ни в правовой сфере, ни на практике. Основой их равноправного партнерства могут стать законодательно закрепленное со-управление и развитие всех форм самоорганизации, а также выработка общих стандартов.

Определенную роль в процессе правовой защиты коренных малочисленных народов могут сыграть этнологическая экспертиза и гарантированное (в том числе судом) выполнение законодательства о ней. Это будет способствовать гармонизации отношений в обществе, в первую очередь между коренными народами и промышленными компаниями. Неоднозначность методики проведения этнологической экспертизы требует очень осторожного и внимательного отношения к ней со стороны государства. В России важно выработать механизмы ее воздействия на общество. Первоначально необходимо совершенствование методов научного анализа, интерпретации аборигенных правовых знаний, того, как они могут быть включены не только в правовую систему государства, но и в научную картину северного сообщества. Осознание сложности исследования вопросов правового статуса коренных народов в современном мире не должно служить основанием для отказа от его антрополого-юридического исследования и использования полученных знаний в практических целях. Этнологическая экспертиза дает информационное обеспечение выработки гибких, адаптированных к условиям регионов механизмов.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Заканчивая анализ взаимодействия коренных народов и промышленных компаний, можно отметить некоторые итоги определенного этапа российской северной политики и развития аборигенных движений, связанных с культурным самоопределением и защитой прав на участие в принятии решений и контроле над использованием природных ресурсов. Во многом описанные события сегодня уже стали историей. Каковы же результаты многолетней борьбы аборигенов за достижение паритета в доступе к ресурсам Севера? Как сегодня представить эту историю через антропологические и антрополого-юридические знания? Какие нормы наиболее адекватно могут регулировать положение аборигенных народов в районах их проживания сегодня? Насколько они соответствуют их этнической идентичности? Насколько актуальна сегодня этническая идентичность для аборигенов Российского Севера? Как язык этнографического поля перевести в юридическую норму?

Некоторые из этих вопросов получили освещение в настоящей книге, другие будут решаться в будущем. Я видела свою задачу в том, чтобы представить отношения аборигенов и нефтяников максимально полно, так как имела возможность наблюдать, разговаривать, участвовать в описанных событиях. Надеюсь, эта книга вызовет интерес к заявленной тематике и у будущих исследователей будет менее драматичное этнографическое поле.

Культурная отличительность и аборигенная идентичность

Культурная отличительность и строящаяся на ней аборигенная идентичность имеют тенденцию к нивелировке при отсутствии деятельности, в первую очередь самих людей, принадлежащих к коренным народам. Сегодня много говорится о стирании граней между этими группами и остальным населением в современном мире. Многие процессы оказывают влияние на изменение самоопределения коренных народов. Определение этнической идентичности зависит от понимания особых факторов, которые могут сделать поддержание этой идентичности невозможным или

непривлекательным. Нужно учитывать, что статусная идентичность для аборигенов сегодня важна независимо от того, насколько их права как коренных малочисленных народов действительны и гарантированы государством.

В современных условиях аборигенная идентичность предполагает несколько вариантов. Некоторые представители коренных народов считают основными для самоидентификации образ жизни («какую работу делают») и язык. Правда, языки относят к необходимой характеристике все меньше, так как сфера их использования постоянно сокращается. Нефтяное освоение играет в конструировании идентичности аборигенов неоднозначную роль. Представители изучаемых сообществ при обсуждении с ними значения добычи нефти и газа по-разному его оценивали. Некоторые молодые люди сетовали, что в их родных селениях не нашли нефть и поэтому там нет компенсаций и других выплат от компаний. При этом аборигены очень редко рассматривают промышленные компании как место потенциальной работы. Значительные группы ждут от нефти улучшения своей жизни через компенсации, именно это обстоятельство «подпитывает» сохранение аборигенной идентичности в ряде регионов. Существуют и группы, которые ориентируются на сохранение традиционного природопользования или переход к промышленному либо иному более интенсивному использованию возобновляемых биологических ресурсов, но и те и другие осознают свою зависимость от их качества и количества.

В условиях промышленного освоения идентичность аборигенов часто сохраняется, но приобретает иной набор черт. В работе рассматриваются те ценности, которые составляют основу самоидентификации аборигенов, по которым они сами проводят этнические, культурные и правовые границы. Важно отметить, что многие элементы модернизированного хозяйства, организации быта (использование техники, интернета, телефонов и т.п.), которые аналогичны у нефтяников и аборигенов, не имеют для последних ценностной оценки и не воспринимаются маркерами границ.

В работе представлены возможности теории правового плюрализма для интерпретации современного статуса народов Севера. Именно как обладатели специальных прав они выступают в отношениях с промышленными компаниями. При оценке правового положения аборигенных народов основное внимание уделяется трем проблемам: трансформации государственного регулирования положения коренных малочисленных народов, критике формального «списочного» определения субъекта специальных

прав и интерпретации обычно-правового регулирования традиционного природопользования.

На основании анализа научной литературы, правовых документов, полевых этнографических материалов делаются выводы об основных вопросах антрополого-юридического анализа современного правового положения коренных малочисленных народов. При рассмотрении вопросов, нашедших отражение в системе законодательства Российской Федерации, внимание фокусируется на его особенностях в определении специальных прав и тех практических проблем, которые возникают в связи с их применением. В первую очередь, речь идет о вопросах землеи природопользования. Делается вывод о том, что юридическое закрепление особого правового режима определенных территорий, обеспечение международных норм и гарантий коллективных и индивидуальных прав аборигенов, признание роли обычаев этих народов в их правовой защите в полной мере соответствуют устремлениям коренных малочисленных народов Севера.

Усиливающаяся централизация в правовой сфере только затрудняет взаимодействие с промышленными компаниями. В последние годы очевидно отставание федерального законодательства от регионального в этом вопросе. В течение рассматриваемого в работе периода положение коренных малочисленных народов ухудшалось, из законодательства уходили некоторые нормы, гарантировавшие право на участие в контроле над ресурсами, представительство в органах власти. Затягивание процесса юридического закрепления прав аборигенов на территории традиционного природопользования федерального значения приводит к тому, что часть таких территорий занимается под промышленное освоение, что ущемляет права аборигенов. Не урегулированы и вопросы пользования территориями, которые они традиционно занимают и на которых ведут традиционное природопользование, их передачи следующим поколениям и действенного контроля над их использованием.

Одной из наиболее сложных проблем в настоящих условиях является определение субъекта этого права. Современная ситуация требует скорейшего решения этого вопроса, тем более что сегодня часть аборигенов придает именно своей правовой идентичности наибольшее значение. Для некоторых из них, особенно теряющих свои права на природные ресурсы в ходе промышленного освоения, именно правовой статус становится единственным определяющим фактором и этнической идентичности. При этом для некоторых малых по численности групп, этнонимы, за которыми скрывается особая культура, теряют свое значение.

В этом смысле мы сталкиваемся с ситуацией, сходной с зафиксированной у людей, подвергшихся воздействию радиации на Урале, где во время опросов Г.А. Комаровой они говорили: «У нас одна национальность – радиоактивные»[1].

Наличие особого правового статуса у коренных малочисленных народов Севера подчас приводит к тому, что место этнической идентичности занимает правовая, при этом часто культурные и языковые запросы отходят на второй план, а главным становится достижение незначительных льгот. Из государственно-правовой и повседневной жизни уходят даже названия народов, и люди пользуются определением «народы Севера» или даже «КМНС». Введение специального статуса для коренных малочисленных народов Севера было вызвано стремлением уравнять их в правах и, что особенно важно, в уровне социально-экономического развития с остальным населением. В какой-то степени это удавалось, но сегодня этот статус создает не только преференции, но и ограничения. Можно сказать, что правовая идентичность деформирует культурную.

В Западной Сибири мы сталкиваемся скорее с другой ситуацией. Как важность сохранения традиционной культуры и противостояния нефтяникам, так и возможность получения определенных материальных благ от промышленного освоения актуализируют в этих районах культурную и этническую идентичность аборигенов. Проведенные исследования показали, что уровень жизни людей, сохранности окружающей среды, возможностей для традиционного природопользования, государственная политика вариативны в России, но все эти факторы оказывают влияние на важность самоидентификации для аборигенов.

Право как необходимая форма свободы

Определение субъекта специальных прав на основании списков, принятых на федеральном и региональном уровнях, затрудняет процессы самоопределения и самоидентификации коренных народов. Фактически законодательство не только дает им специальные права, но в реальности часто ограничивает их развитие, предписывая проживание в определенных регионах, занятие определенными видами деятельности. Даже вопросы защиты объектов культурного наследия этих народов и их священных мест в большинстве субъектов федерации решаются без учета их обычаев, культурного и исторического контекста. В результате я пришла к выводу о том, что для определения субъекта

[1] *Комарова Г.А.* Предтеча Чернобыля. М., 2002. С. 187.

специальных прав важно опереться на его собственные правовые знания, нормы обычного права и выработать критерии, правила, по которым обычаи могут служить дополнительным источником прав. В этом случае такие принципиальные черты обычного права могут также рассматриваться как основания для подтверждения их традиционного образа жизни, который определяет выделение коренных малочисленных народов по российскому законодательству. Именно трансформации законодательства и усиливающееся промышленное освоение Севера требуют поиска новых источников защиты прав коренных народов.

Очевидно, что взаимодействие коренных народов и промышленных компаний протекает непросто, возникающие конфликты повышают требования к созданию гибкой правоохранительной системы. Именно поэтому рассматриваемые практики восстановительного правосудия в Канаде представляют такой интерес, кроме того, они могут использоваться и в организации и проведении переговоров между коренными народами и промышленными компаниями. Переговоры в наибольшей степени соответствуют механизмам обычно-правового регулирования, которые приняты в аборигенном сообществе. Во многих странах обычное право выступает дополнительным источником защиты прав коренных народов в суде и при проведении альтернативных процедур разрешения конфликтов как наиболее соответствующее их хозяйственным и культурным практикам, адаптированное к современным условиям и определяющее их этническую культурную идентичность. В России, несмотря на то что государство признало обычаи коренных малочисленных народов, в процессе их действительного включения в правовую и политическую систему страны сделаны только первые шаги.

При исследовании взаимодействия коренных народов и промышленных компаний особенно важно учитывать обычное право, которое рассматривается в нескольких плоскостях:

– как важное средство дополнительной правовой защиты в суде;

– как средство установления диалога и разрешения конфликтов во взаимодействии с промышленными компаниями;

– как средство альтернативного правосудия в рамках самоуправления;

– как фактор установления статуса лица, обладающего специальными правами в государстве.

Особую важность на современном этапе развития коренных малочисленных народов имеет выработка принципов обычного права, для того чтобы провозглашенная в законе «О гарантиях

прав коренных малочисленных народов РФ» возможность учета их обычаев и традиций в судебной защите стала действенной практикой защиты их прав. Изучение обычного права коренных народов и корпоративного права нефтяных компаний создает возможности для установления переговорной площадки между аборигенами и промышленными компаниями.

Своя земля

В контексте рассматриваемых в монографии проблем земля является ядром культуры аборигенов, их представления об особой связи с землей определяют их международный и обычно-правовой статус. Недостаточная проработанность и определенность представлений о роли земли как центре окружающего мира, как достоянии, даре, который должны сохранить аборигены, составляют один из основных недостатков современного российского законодательства. Определяющей ценностью коренных народов выступает концепт «своя земля», который проявляется в представлениях об освоенной территории, о необходимости следить за землей и в определении своих границ для возможных передвижений по земле. Именно со «своей землей», распределяемой по рекам, и связана самоидентификация аборигенов. В Ханты-Мансийском автономном округе при определении идентичности проявляется представление о ее многослойности: сначала люди называют свою локальную принадлежность к «сообществу реки (= места)». Они идентифицируют себя как «человек с Казыма или Сосьвы» или другой реки. Внутри сообщества именно эта идентичность является определяющей. Этнонимы ханты, манси, угры, югра стали привычными для аборигенов за годы советского и постсоветского существования, и именно они стали основой формальной «списочной» идентичности.

Нефтяное развитие и занятие земли все новыми и новыми промышленными объектами, строительство дорог и других элементов инфраструктуры существенно изменили традиционные представления о земле и те практики землепользования, которые представлены в современных условиях. Существенным является представление коренных народов о себе как содержимом земли и о том, что и другие люди, которые пришли на север, также «принимаются» землей. Именно такие суждения определяют их отношение к нефтяникам и газовикам, они должны были их принять на «своей земле» и не их вина, что отношения стали конфликтными.

Важным элементом аборигенной картины мира являются священные земли. Интерес представляет анализ полифункцио-

нальности таких мест: это и природные резерваты, и места совершения жертвоприношений и других религиозных обрядов, и площадки для определения того, что является правовой нормой. Последнее обстоятельство является новым для антропологической литературы и позволяет рассматривать такие места как своеобразные судебные площадки. Они имеют различный статус для аборигенов, и именно только высокостатусные выполняют правовую функцию. Важно также то, что, по представлениям коренных народов, благодаря священным местам мир становится единым, всеобщим и, как оболочка, защищает людей. Поэтому так важна их адекватная правовая защита государством.

В данном вопросе особый интерес представляет региональное законодательство. Законом ХМАО «О фольклоре коренных малочисленных народов Севера, проживающих на территории Ханты-Мансийского автономного округа» (2003 г.) введена особая категория земель, которые имеют правовую защиту – «места традиционного бытования фольклора – территории, в пределах которых исторически сложилось и развивается в соответствии с самобытными традициями нематериальное культурное наследие коренных малочисленных народов». Очевидный смысл этой нормы в том, чтобы обеспечить защиту аборигенных земель, так как легко доказать, что все территории их традиционного проживания одновременно являются и «местами традиционного бытования фольклора». Кроме того, анализ законов только двух регионов – ХМАО и ЯНАО – показывает вариативность правовой защиты, особенности ее в связи с культурными традициями коренных народов, что наиболее полное воплощение получило в законодательстве ЯНАО. В ЯНАО допускается защита священных мест в том числе на основании обычаев.

В конфликтах, связанных со священными местами, между коренными народами и промышленными компаниями находит отражение сложность интерпретации «священного» как правового явления. Как показывают полевые материалы, окружающему коренные народы населению бывает сложно понять, что священными являются те земли, которые *воспринимаются таковыми самими аборигенами*. И пока это положение не найдет четкого юридического оформления в федеральном законе, будут повторяться описанные факты, когда нефтяники определяют, какие места являются или не являются священными.

Полевые материалы показывают еще одну проблему, связанную со священными землями. В современных условиях они становятся, с одной стороны, средством презентации культуры коренных народов в глобальном мире, а значит и основой их

идентичности, а с другой стороны, по нормам обычного права, сообщение сведений о таких местах, их картографирование воспринимаются аборигенами как вынужденная и чаще всего крайняя мера, вызванная промышленным освоением.

На основании анализа материалов, собранных в ХМАО и ЯНАО, и современной судебной практики делаются выводы об основных особенностях обычно-правового регулирования отношений землепользования: общественный характер норм землепользования, включающий коллективные и индивидуальные права, разделение общественного статуса освоенных территорий и имущественных интересов, признанная необходимость следить за землей, оберегать ее и соблюдать меру в использовании природных ресурсов, проницаемость границ, неотчуждаемый характер землепользования, проявляющийся в том, что земля может передаваться по наследству или передаваться внутри группы, но не продаваться. Отчуждение земли для целей, отличных от традиционного природопользования, воспринимается аборигенами отрицательно.

Практика показывает, что особенности правопонимания коренных народов становятся камнем преткновения для судей, хотя они в значительной степени получили юридическое воплощение в Федеральном законе «О территориях традиционного природопользования коренных малочисленных народов Севера, Сибири и Дальнего Востока Российской Федерации». Именно поэтому организации коренных народов так настойчиво противостоят попыткам внесения в него изменений или вообще принятия нового закона, а такие инициативы в последние годы выдвигает Департамент межнациональных отношений Министерства регионального развития РФ.

Так как данная работа выполнена как междисциплинарное антрополого-юридическое исследование, то в ней представлена антропологическая критика законодательства, в первую очередь Земельного кодекса РФ с точки зрения его соответствия хозяйственно-культурным практикам аборигенов. Современное законодательство недостаточно защищает права аборигенов, в некоторых вопросах создает дополнительные ограничения. Так, по Земельному кодексу все права, связанные с земельными ресурсами и вопросами контроля над их использованием, являются только коллективными, принадлежат общинам. В современных условиях на Севере должно быть гораздо большее разнообразие субъектов права. Но особенно острые проблемы возникают в связи с противоречивостью законодательства, когда по закону о ТТП допускается владение природными ресурсами, а по Земель-

ному кодексу – только собственность и аренда. В реальности это приводит к тому, что аборигены вынуждены арендовать свои традиционные земли или пользоваться ими незаконно. Последнее обстоятельство делает их беззащитными перед промышленными компаниями. Внесение изменений в земельное законодательство продолжается, но их анализ – предмет будущих книг.

В работе также делается вывод о том, что именно контроль над территориями, получение аборигенами родовых угодий или территорий традиционного природопользования создают для некоторых из них возможность получения нового ресурса – денежной компенсации, получения техники и других жизненных благ взамен на заключение экономических соглашений с нефтяниками. Такая практика сложилась только в ХМАО, поэтому специально анализируется законодательство этого субъекта федерации. В монографии рассмотрено Положение о статусе родовых угодий (1992 г.), прекратившее свое действие, но оказавшее существенное влияние не только на правовое положение коренных народов округа, но и на развитие федерального законодательства. Этот документ представляет интерес, так как в его подготовке принимали участие сами аборигены – активисты, политики и чиновники и в нем нашли государственно-правовое преломление правовые ценности коренных народов.

Для обоснования необходимости выделения территорий, имеющих особый статус, в округе было выполнено два проекта – обоснования выделения территорий по рекам Казым и Северная Сосьва. Эти проекты являлись примерами выделения ТТП еще до принятия специального закона и фактическим воплощением идей неотрадиционализма. Были предложения создания биосферного резервата по р. Юган. К сожалению, все эти проекты остались пожеланиями ученых, что в значительной степени связано с недостаточным вовлечением самих аборигенов в эту работу и противостоянием органов власти.

Культурно-ценностные конфликты

В современных условиях отношения между коренными народами округа и промышленными компаниями регулируются законами о недропользовании и ТТП регионального значения. Они определяют процедуру заключения договора между промышленной компанией и субъектами права традиционного природопользования (хозяйственной деятельности). Таким сложным понятием определяются главы семей и общин коренных народов. Закон ХМАО существенно расширяет положения федерального законодательства по защите прав, согласованию промышленной

деятельности с аборигенами, выплатам компенсаций, но действие его может быть ограничено, так как на территории ХМАО из-за природных особенностей должны выделяться ТТП федерального значения. Практика применения этого закона затруднена, так как органы власти не спешат юридически подтверждать права аборигенов на все территории, которые они традиционно занимают, на многих из них уже работают нефтяники.

Показателем недостаточной правовой защиты коренных народов являются острые конфликты. В монографии анализируются три наиболее острых конфликта. Благодаря широкому освещению в СМИ в начале 1990-х годов известность приобрел конфликт по Тянскому месторождению, когда борьба живущих по р. Тромаган хантов привела к временной приостановке промышленных работ. На этом месторождении работает Сургутнефтегаз. Второй конфликт был связан с освоением ОАО «ЛУКОЙЛ – Западная Сибирь» Южно-Выинтойского месторождения. Как показывают полевые и архивные материалы, несмотря на то что конфликты вызваны деятельностью разных компаний, были приняты сходные меры – документы об особом режиме их освоения. В первом случае ханты были объединены и смогли организовать сход граждан, в котором участвовали 362 человека из 391, проживающих на этой территории. У аборигенов были сильные лидеры, и они многого смогли добиться, но впоследствии результаты их борьбы были фактически сведены на нет, так как на этой огороженной территории нельзя полноценно заниматься оленеводством, охотой и рыболовством, а иных источников существования там нет, кроме компенсаций нефтяников, которые недостаточны для современного развития аборигенных хозяйств, но являются часто единственным источником жизнеобеспечения и создают неблагоприятную психологическую обстановку.

По второму анализируемому конфликту ситуация еще более негативная. Несмотря на введение особого режима освоения, нефтяники расторгли все соглашения, и живущие в этом районе семьи лесных ненцев и хантов оказались в условиях сокращения природных ресурсов, сокращения пастбищ, загрязнения окружающей среды, с очень незначительной финансовой компенсацией, а некоторые семьи и без нее. Основным противником нефтяного освоения в этом районе являлся оленевод, поэт и общественный деятель Юрий Вэлла. Все эти события привели к тому, что он подвергался судебному преследованию и травле в СМИ. Только благодаря московскому адвокату уголовное преследование было заменено штрафом. Но в итоге его наследники не имеет ни документов на землю, ни компенсаций от нефтяников, несмотря на

то что занимаются оленеводством на традиционно используемых землях.

Третий анализируемый конфликт связан с отторжением промысловых угодий нефтяной компанией и заповедником, в результате охотники также фактически лишены средств к существованию.

Вопрос о юридическом закреплении прав на ТТП в суде анализируется на примере судебного процесса 2006 г. в Пресненском районном суде г. Москвы. Рассматриваемый конфликт был связан с отказом в выделении нескольких ТТП в Иркутской области и Красноярском крае. Этот процесс ярко продемонстрировал неготовность суда к рассмотрению таких вопросов, а также нежелание органов государственной власти защитить законные права и интересы аборигенов, когда, как было заявлено, *эти земли в будущем могут понадобиться нефтяникам*. Анализ судебного процесса, который автор могла наблюдать, демонстрирует необходимость выработки дополнительных механизмов для учета обычаев и традиций коренных народов, которые были гарантированы законом «О гарантиях прав коренных малочисленных народов РФ» еще в 1999 г.

Судебный процесс высвечивает проблемы информационного обеспечения законотворчества и правоприменения: как и какое антропологическое знание становится юридической нормой и насколько судебные процессы могут учесть трансформации жизненных практик. Для сравнения в работе рассматриваются судебные процессы в Приморском крае России и в Австралии. Такой широкий охват представляется оправданным, так как, несмотря на разницу правовых систем этих двух стран, проблемы оказались сходными, связанными с представлением об аборигенах как людях, сохраняющих генеалогические связи с определенными территориями, преемственность хозяйственных и культурных практик. В российском случае судьи не обременяют себя необходимостью познакомиться с такими практиками и строят судебное разбирательство без этнологической экспертизы. В рассматриваемом процессе в Австралии проблемы связаны с недостатками современного анализа и интерпретации этнографической действительности. Эти судебные процессы ставят непростые вопросы как перед органами государственной власти, так и перед антропологами.

В монографии делаются выводы о необходимости со-управления, развития равноправных отношений в сфере природопользования и создания материальной ресурсной базы для сохранения и развития культуры коренных народов. Только тогда будет

возможно установить действительное партнерство с промышленными компаниями. В правовой сфере для этого потребуется работа по совершенствованию законодательства и правоприменения для защиты конституционных прав коренных народов. Взаимодействие коренных народов и промышленных компаний в значительной степени зависит от интерпретации характерных черт правопонимания этих народов, выработки действенных механизмов защиты их прав при возникновении конфликтов.

Интерес как основа взаимодействия

Особенностью предложенного в данной работе концептуального подхода является включение аборигенов, нефтяников и государства в одно исследовательское поле, поэтому наряду с привычными объектами исследования, которыми являются аборигены и государственная политика, исследуются и нефтяники как референтная группа, демонстрирующая представления и практики промышленных компаний. В связи с этим рассматриваются несколько положений.

«Ойлизм» как слияние нефтяного бизнеса и власти не только определяет приоритеты власти, но и создает как бы ситуацию «власти без власти», передачу фактических рычагов управления в регионах «стратегической элите», исключающую демократические механизмы влияния на власть. Именно такое положение сложилось в ХМАО, и оно привело к тому, что все важнейшие для аборигенов вопросы решаются с точки зрения защиты интересов нефтяных компаний.

Нефтяники рассматриваются как социально-профессиональная группа, ее особенность заключается в том, что для отношений с коренными народами почти нет разницы между высказываниями и практиками генеральных директоров, инженеров или рабочих. Даже сравнительно небольшой промежуток времени, когда проводились полевые исследования, показывает динамику в поведении нефтяников, в современных условиях они представляют скорее государство в государстве, профессиональную субкультуру. На основании анализа полевых материалов и литературных данных делаются выводы о значительной роли государства в конструировании образа нефтяников в стране и их профессиональной идентичности. В работе рассматриваются противоречия между профессиональными знаниями и советскими, а позднее корпоративными, интересами. Представлены в динамике и взгляды аборигенов на эту группу.

Основное внимание уделено тому, как нефтяники конструируют статус и идентичность аборигенов, выстраивая приоритеты их развития, занятий, даже культовых практик. С другой стороны,

нефтяники в современных условиях вырабатывают и принимают корпоративные нормы, которые рассматриваются как особая форма нормативной культуры. Корпоративные нормы могут служить основанием для установления диалога между промышленными компаниями и коренными народами. Так как такое исследование является сравнительно новым, да и сами корпоративные нормы еще слишком «молоды», исследование бытия нефтяников в соответствии с ними, что было бы очень важно для целей юридической антропологии – дело будущего.

Специальное внимание уделено анализу культурных ценностей аборигенов, которые определяют формы и механизмы их взаимодействия с промышленными компаниями. Коренные народы, их политические лидеры, деятели искусства и культуры, а также оленеводы, охотники и рыбаки предлагают различные варианты установления отношений с промышленными компаниями. Наряду с лозунгами о праве на землю важнейшими для аборигенных движений стали в современных условиях идеи самоорганизации и самоопределения для представления себя в глобальном мире. В работе рассматриваются различные варианты самоопределения – социально-политического, экономического, культурного. Если общинное самоопределение, вопросы представительства в органах власти уже рассматриваются в научной литературе достаточно подробно, то образы и знаки предлагаемого аборигенами диалога с промышленными компаниями остаются сравнительно мало исследованными. Создание новых «народных» музеев, использование основных символов аборигенной культуры – чума и оленя для установления взаимодействия с нефтяными компаниями и органами государственной власти рассматриваются с точки зрения самих аборигенов. Именно то, как и зачем аборигены создали свои музеи, устраивали пикеты, посвящают оленей разным людям, включая Президента России как гаранта конституции, представляет антропологический интерес. Необходимо отметить большую вариативность этих поисков. К сожалению, приходится отмечать, что все эти яркие акции были эффективными лишь в начале 1990-х годов. Отказ именно представителей органов государственной власти вступить в диалог с аборигенами, организовавшими пикеты на пути нефтяного освоения, показывает слабость власти, ее неспособность выполнять наложенные на нее конституцией обязанности. Свидетельством того, что нефтяники становятся на Севере действенной политической силой, является и то, что они сами устанавливают определенные рамки своей деятельности, вступают в диалог с аборигенами, пусть и под давлением борьбы коренных народов.

Другим активным актором этого процесса являются лидеры коренных народов, которые готовят и проводят в законодательных органах власти нормативные акты, защищающие аборигенные права. В этих условиях для коренных народов особую актуальность приобретает создание системы образования, которая позволяла бы соединить традиционные и научные знания. В работе делается вывод о большой роли самих аборигенов в процессе создания таких образовательных центров. А создаваемые ими музеи являются в какой-то степени преградой на пути массированного промышленного освоения, так как через них происходит знакомство нефтяников с культурой аборигенов, а значит и может возникнуть интерес к этой культуре. Проявление интереса может стать первым шагом на пути установления партнерства.

В работе анализируются приемы и методы народной северной педагогики, которая учит детей самостоятельности и сопричастности. Именно этих качеств, по мнению аборигенов, не хватает нефтяникам, поэтому особенно действенным представляется знакомство нефтяников, работающих на Севере, с культурой коренных народов, существующими у них нормами поведения. Такие попытки предпринимаются самими аборигенами, в том числе работающими в компаниях. О необходимости информационного обеспечения промышленной деятельности на Севере свидетельствуют и этнологические экспертизы. Но без государственной поддержки такие начинания оказываются малоэффективными.

В монографии подробно рассматриваются культурно-исторические основы диалогичности аборигенной культуры, важности договорных отношений. Те нормы, которые сложились у аборигенов при установлении их взаимоотношений внутри сообщества и особенно со сверхъестественным миром, сегодня они переносят на соглашения с нефтяниками. Так они сами объясняют практику заключения экономических соглашений. Но у нефтяников действуют другие установки, они подчиняются лишь законам и корпоративным нормам. Недостаточный контроль за выполнением экономических соглашений, который возложен по закону на органы государственной власти, приводит к постоянному нарушению прав коренных народов. Особенно нужно указать, что в соответствии с документами об особом режиме недропользования на некоторых месторождениях при невыполнении экономических соглашений промышленная деятельность должна быть прекращена и должен быть поставлен вопрос о лишении лицензии ответственной компании. Таким образом, культурные и социальные ценности аборигенов и нефтяников могли бы выступать основой для установления диалога.

В монографии рассматривается и стратификация аборигенного сообщества в современных условиях, когда некоторые его

представители ведут асоциальный образ жизни, а заключение экономического соглашения рассматривают как возможность существовать не работая. Прослеживается динамика отношений к нефтяному освоению со стороны местного собщества. Некоторые лидеры, первоначально выступавшие против нефтяного освоения или его экологических и социальных последствий, сегодня отходят от этой борьбы. В обществе, благодаря определенным СМИ, складывается образ аборигена, «эксплуатирующего место рождения». Для большинства районов Севера России, в первую очередь для Западной Сибири, нефтяное освоение не превратилось в фактор эффективного развития аборигенного сообщества.

В исследовании наряду с анализом пространственных границ, которые по нормам обычного права являются проницаемыми, рассматриваются важные культурные границы – слово и молчание. На основании анализа полевых материалов ставятся вопросы о разнообразии коммуникативных практик коренных народов, которые выполняют различные функции: скрытие информации от чужих, адаптивная коммуникация в условиях стресса, протест. Существенные различия наблюдаются в отношении устной и письменной информации у аборигенов и окружающего их населения, это затрудняет процесс правового регулирования отношений с промышленными компаниями в рамках государственной правовой системы. По образному выражению А.С. Сопочиной, для аборигенов характерна *закрытая открытость*. Как отмечается исследователями, это позволяло им сохранять свои культурные ценности и знания в течение длительного времени проживания в рамках превалирующей государственной культуры. Но эти же обстоятельства существенно затрудняют их взаимодействие как с нефтяниками, так и чиновниками, придерживающимися иных коммуникативных стратегий. И если от государственных служащих уважение традиций народов России требуется по указу президента, то необходимость знакомства с ними нефтяников ложится на плечи антропологов и самих аборигенов. В рамках современной социально ответственной политики компаний такие коммуникативные проблемы решаемы. Но для этого компаниям потребуется перейти от деклараций к действенному партнерству с аборигенами.

Варианты развития

В заключительной главе книги анализируются различные модели взаимодействия коренных народов и промышленных компаний, представленные в Российской Федерации, в сравнении с проектом строительства газопровода в долине р. Макензи в Канаде. Они рассматриваются в контексте международных стандартов,

принятых в бизнес-сообществе под влиянием документов ООН, МОТ, политики финансовых корпораций, различных стандартов и принципов, которые провозглашаются в рамках корпоративной социальной ответственности.

Другим фактором, определяющим такое взаимодействие, выступают правовые регуляторы, принятые на федеральном и региональном уровнях. При этом, если на федеральном уровне наблюдается большой разрыв между ресурсным законодательством и законами о правах коренных малочисленных народов, то на региональном разработаны более действенные механизмы такого взаимодействия:

– договоры между промышленными компаниями и органами государственной власти субъектов федерации и/или органами местного самоуправления;

– соглашения между компаниями, лицами из числа коренных малочисленных народов и их организациями и органами государственной власти и местного самоуправления;

– нормативные документы об особом режиме недропользования;

– спонсорская помощь коренным малочисленным народам и их организациям;

– планы содействия развитию коренных малочисленных народов Севера.

В качестве одного из механизмов взаимодействия коренных народов и промышленных компаний рассматривается этнологическая экспертиза, которая позволяет минимизировать отрицательные последствия техногенного воздействия на коренные народы, учесть локальные практики. Так как по законодательству этнологическая экспертиза может проводиться в таком случае только в отношении коренных народов, она выступает фактором, влияющим на повышение значимости этнической идентичности как в сообществе аборигенов, так и у окружающего населения.

В России для ее успешности важно выработать механизмы ее воздействия на общество. Первоначально необходимо совершенствование методов научного анализа, интерпретации аборигенных правовых знаний того, как они могут быть включены не только в правовую систему государства, но и в научную картину северного сообщества. Осознание сложности исследования вопросов правового статуса коренных народов в современном мире не должно служить основанием для отказа от его антропологоюридического исследования и использования полученных знаний в практических целях. Этнологическая экспертиза дает информационное обеспечение выработки гибких, адаптированных

к условиям регионов механизмов взаимодействия этих народов и их отдельных представителей с промышленными компаниями.

В некоторых субъектах федерации приняты нормативные документы, регламентирующие взаимодействие промышленных компаний и коренных малочисленных народов. Сравнительный анализ нескольких регионов показывает, что необходимо сочетание общих стандартов и норм, учитывающих специфику района и укладов отдельных народов. Адекватность механизмов такого взаимодействия культурным ценностям коренных народов и защите их законных прав и интересов зависит в значительной степени от уровня самоорганизации коренных народов и этнологической экспертизы или других прикладных исследований. В ходе таких работ выявляются риски и ожидания аборигенов и возможные основания взаимодействия, которые будут приемлемы для бизнес-сообществ.

Ситуация осложняется тем, что промышленная деятельность на российском Севере началась до того, как были приняты соответствующие нормы права, защищающие интересы коренных малочисленных народов. Это требует внимания к компенсаторным мерам. Наиболее существенным недостатком влияния промышленного освоения на жизнь коренных народов является то, что в результате в России пока не достигнут паритет в их взаимодействии ни в правовой сфере, ни на практике. Основой их равноправного партнерства могут стать законодательно закрепленное со-управление и развитие всех форм самоорганизации, а также выработка общих стандартов.

Часто в реальности российское законодательство ограничивает возможности осуществления прав коренных народов при решении ими вопросов социально-экономического развития. Это происходит не только из-за ограничения использования ими природных ресурсов, но и из-за концептуальных подходов современной правовой политики. Коренными народами Севера считаются только те люди, которые ведут традиционный образ жизни, следовательно, если они хотят пользоваться правовыми преференциями, они ограничены в выборе сфер занятости. Определенные проблемы возникают и в случае, когда аборигены живут в городе и теряют предоставляемые законодательством права на работу в традиционном природопользовании. В последнее время частично эта проблема была решена, когда в 2009 г. в список мест традиционного проживания и традиционной хозяйственной деятельности были включены и городские муниципальные образования. Правовая регламентация этнической идентичности представляется непростым вопросом, предполагающим соединение несовмести-

мых на первый взгляд процессов – свободной самоидентификации и формальных критериев получения аборигенного статуса. Для решения этой задачи необходимо соединение усилий ученых, органов государственной власти и самих аборигенов и их организаций.

В ХМАО компании предлагают создать более жесткое законодательство для регламентации компенсационных выплат аборигенам, проживающим в границах территорий традиционного природопользования. Сам по себе этот факт является одним из многочисленных свидетельств того, что промышленные компании заинтересованы в установлении правового статуса коренных малочисленных народов Севера, но они настаивают на своей трактовке, объективно приводящей к консервации традиционного образа жизни. Компенсационные выплаты составляют значительную часть бюджета семей и общин коренных малочисленных народов Севера, но чаще всего недостаточны для их современного развития.

Промышленные компании конструируют культурную идентичность аборигенов, настаивая на том, что коренные народы должны производить продукцию и поставлять ее в города или вести традиционное природопользование, причем в ограниченном узком смысле, не предполагающем развития. И органы власти, и промышленные компании настаивают на своем видении развития народов Севера, когда им отводится роль обслуживающего персонала. Эта позиция находится в противоречии и с международно-правовым статусом этих народов, и с реальными стратегиями социально-экономического развития, которые они демонстрируют в современном мире.

При рассмотрении последствий промышленного освоения для коренных малочисленных народов Севера чаще всего пишут об экологии, причем в течение последних двадцати лет основное внимание уделяется загрязнению окружающей среды и выводу из традиционного природопользования значительных территорий. В данном контексте идентичность для коренных народов рассматривается как возможность ведения традиционной хозяйственной деятельности, но этого явно недостаточно. Очень многие социальные и психологические проблемы у аборигенов возникают из-за того, что, теряя традиционную культуру, они часто ничего не приобретают взамен. А государственно-правовой статус не всегда отвечает потребностям традиционного образа жизни и современной хозяйственной деятельности этих народов, в отличие от обычного права, которое соответствует их этнической (культурной) принадлежности.

Обычно-правовая система в прошлом гарантировала определенный уровень жизни, достаточно низкий. В современных усло-

виях самообеспечение не может основываться только на питании, аборигенам требуются деньги на покупку транспортных средств, топлива, образование детей, не говоря уже о том, что они должны быть свободны в выборе легальных источников существования. Государство и промышленные компании ограничивают экономические возможности аборигенов, требуя, чтобы они сохраняли традиционный образ жизни, диктуя им стандарты «котлового питания».

В 1986 г. ООН приняла «Декларацию о праве на развитие», которая провозгласила, что «право на развитие является неотъемлемым правом человека, и что равенство возможностей для развития является прерогативой как государства, так и людей, составляющих государство». Анализ ситуации в регионах Российского Севера, где проживают коренные народы, показывает, что современное законодательство позволяет лишь консервировать традиционный образ жизни, оно рассчитано на то, что аборигены будут оставаться наименее обеспеченным слоем населения, как это существует сейчас, оно не дает им возможностей для экономического роста. Правовой статус, установленный государством, основывается на традиционном образе жизни, он гарантирует их права только в этой сфере. Вместе с тем положение Конституции о том, что Российская Федерация гарантирует права коренных народов в соответствии с принципами международного права, позволяет рассматривать вопросы развития этих народов и искать правовые регуляторы и гарантии в рамках правового плюрализма, как сосуществования государственного и обычно-правового регулирования их положения. Кроме того, обычно-правовое регулирование исходит из культурного контекста, обычно-правовой статус строится на культурных характеристиках этих народов, а следование им усиливает этническую идентичность.

Наряду с государственным законодательством жизнь коренных народов регулируется их правовыми обычаями. При этом обычное право оказывается более гибким, модельным, оно в большей степени предполагает как возможности для развития, так и определенный уровень прагматичности. Эти обычаи строятся на их знаниях, складывающихся в течение длительного времени из наблюдений за окружающим миром, на основе опыта взаимодействия с другими участниками природопользования и связанных с этим социальных отношений.

В современных условиях даже традиционный образ жизни и традиционная культура часто определяются не обычным правом – «жизненным действием», а органами государственной власти, промышленными компаниями, подчас – экспертами. Возможно, именно это и приводит к многочисленным социально-экономиче-

ским и культурным проблемам российских аборигенов. Бизнес на основании традиционных видов деятельности открывает перспективы для развития культур народов Севера. Право, чувствительное к образу жизни коренных малочисленных народов, способное учитывать развитие традиционной (этнической) экономики, важность определения ими своей идентичности, позволит не только сохранить этнические культуры, но и достичь действительного паритета интересов между аборигенами и промышленными компаниями. А обеспечение свободного, предварительного, осознанного согласия коренных народов на проведение промышленной деятельности в местах их традиционного проживания может стать одним из действенных механизмов установления диалога между всеми природопользователями на Севере.

Механизмы установления диалога с промышленными компаниями, предлагаемые аборигенами, в современных условиях оказываются малоэффективными. Перспективной площадкой для диалога могут стать корпоративные нормы нефтяных компаний и международные стандарты, предъявляемые к их деятельности. Актуальной задачей для Российской Федерации является выработка национальных стандартов, на основании антропологического анализа существующих практик, изучения аборигенных и корпоративных норм, ответственного поведения аборигенов и перехода от деклараций к корпоративной социальной ответственности промышленных компаний.

В современных условиях свою роль в рассматриваемых процессах в какой-то степени осознают промышленные компании и коренные народы, не хватает еще одного звена – политической воли и деятельности органов государственной власти по созданию соответствующего законодательства и механизмов его применения. Только тогда будет выполняться ст. 69 Конституции Российской Федерации, гарантирующая права коренных народов в соответствии с принципами международного права, а значит и в соответствии с принятым ООН документом «Руководящие принципы предпринимательской деятельности в аспекте прав человека: осуществление рамок Организации Объединенных Наций, касающихся защиты, соблюдения и средств правовой защиты».

* * *

Многих из моих информантов уже нет в живых, но, может быть, их внуки или те антропологи, которые будут изучать жизнь их внуков, прочитают непростую историю «охотников и нефтяников» и тогда не прервется цепочка «земля – олень – оленевод – внук оленевода», а может быть, к ней прибавится еще одно звено – антрополог.

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

АПН – Агентство печати «Новости»
ГК – Гражданский кодекс
ГПК – Гражданско-процессуальный кодекс
ИВГИА – Международная рабочая группа по делам коренных народов
ИЭА РАН – Институт этнологии и антропологии Российской академии наук
КМН – коренные малочисленные народы
КМНС – коренные малочисленные народы Севера
МОТ – Международная организация труда
МСАЭН – Международный союз этнологических и антропологических наук
НГДУ – Нефтегазодобывающее управление
ООН – Организация Объединенных Наций
ПМА – полевые материалы автора
РОСИНГ – Российская общественная организация инженеров нефти и газа
СО АН СССР – Сибирское отделение Академии наук СССР
УК – Уголовный кодекс
ХМАО – Ханты-Мансийский автономный округ
ЦК КПСС – Центральный комитет Коммунистической партии Советского Союза
ЭО – журнал «Этнографическое обозрение»
ЯНАО – Ямало-Ненецкий автономный округ

SUMMARY

Natalya Novikova's book, *Hunters and Oil Workers: Studies in Legal Anthropology* [*Okhotniki i neftianiki: isledovaniye po uridicheskoj antropologii*], charts interactions of indigenous peoples of the North and oil and gas corporations in the 1990–2000s from the point of view of cultural values and legal systems at work on both sides. The research is based on long-term field research that Novikova conducted in Khanty-Mansiiskii and Yamalo-Nenetskii Autonomous Districts, Sakhalinskaia Province, Russia and in the Northwest Territories, Canada. Conceptually, the study draws on legal anthropology, in particular on the methodology of legal pluralism, symbolic anthropology and the research into cultural determination of human rights.

Indigenous peoples are considered as integral parts of the system of interrelations along with oil extracting corporations and authorities. These interrelations predetermine the potential for these peoples' existence and development in the present day context. Nowadays, anthropologists play a visible role in this system, acting both as academic researchers and mediating experts.

The book's focus is on the issues of legal regulation of these interrelations, and it pays special attention to legal traditions in the settlement of land claims and legal protection of indigenous rights. The central case study of the books is that of Khanty-Mansiiskii Autonomous District, where over a half of the national oil resources are extracted and where more than 30,000 Khanty, Mansi and forest Nenets reside. Of this indigenous population, over 500 families were granted a right to traditional land tenure, and they used it to move out to nomadic camps. This part of population in a significant extent preserved traditional way of life based on reindeer herding, hunting, fishing and gathering. But this book focuses on indigenous society as a whole and approaches it as complex and stratified, with its own visions of the future of traditional economy and culture and forms of dialogue with authorities, the technogenic world and dominating non-indigenous population.

The author pays major attention to legal culture and cultural communication between indigenous people and oil workers. During the long period of industrial exploitation of natural resources in Siberia, indigenous people have worked out different mechanisms for establishing a dialogue for which they employ the imagery of their culture, such as sacrifices, chums, reindeer and silence. They found folk museums as a means of representation of indigenous cultures. Oil workers also follow their own concepts and norms of interrelations built upon international and corporate law. The book examines activities of LUKOIL and Surgutneftegaz, the leading oil companies operating in Russia, while considering oil workers as a socio-professional group. Special attention is paid to the role of oil development in the construction of the indigenous identity. An important part of the research is the analysis of land claims and their settlement through alternative justice procedures.

In order to adequately assess the relations of Siberian indigenous peoples and industrial companies, as well as the role of the latter in indigenous socio-economic and cultural development, the book also looks at comparative material related to the construction of the Mackenzie Valley Pipeline in Canada's Northwest Territories. In light of this comparison, the book assesses the impact of Gasprom on indigenous peoples of Yamalo-Nenetskii Autonomous District, as well as Sakhalin Island's Indigenous Development Plan.

The book would be of interest to anthropologists, lawyers, political scientists, as well as to managers of oil companies and activists of indigenous peoples rights' movements.

CONTENTS

Introduction 5

Chapter 1

Customs and traditions of the indigenous small-numbered peoples of the North in the state legal system 46

1. The status of the indigenous peoples of the North in the context of legal pluralism 46
2. Customary law of the indigenous small-numbered peoples of the North in the system of the Russian legislation 74
3. Reconstructive jurisdiction and alternative procedures of a conflict resolution 96
4. Customary law as an indicator of the special status of the indigenous peoples in the state 109

Chapter 2

Land and other natural recourses in the ideas and practices of the aboriginal inhabitants, politicians and industrial companies 114

1. Mythological ideas about the relationship with land and traditions of land use 116
2. Legal regulation of the land-use issues in the past and in the present 137
3. Conflicts in the sphere of land-use 152
4. Anthropology of the court process 166

Chapter 3

«Oilism». Oil development as a social field of existence of the indigenous small-numbered peoples of the North 178

1. «Oilism» in the life of the aboriginal inhabitants 180
2. Oil-industry workers as a socio-professional group 191
3. Foreign and domestic companies working in Khanty-Mansiiskii Autonomous District 206
4. Corporations law as a special form of the «customary law» 215

Chapter 4

Cultural values of the indigenous small-numbered peoples as a basis for establishing a dialogue 223

1. Self-determination, self -government, self- education 223
2. Establishing a dialogue in the multicultural society: exchanging of gifts, contract, economic agreements 259
3. Stratification of the indigenous community and the forms of protest 264
4. A word and silence as cultural boundaries 281

Chapter 5

The mechanisms of interaction between the indigenous peoples and industrial companies 294

1. Review of the scientific and political approaches to the estimation of the interaction between the indigenous peoples and industrial companies 295
2. International standards of the interaction between the indigenous peoples and industrial companies and its legal regulation in the Russian Federation 306
3. Examples of cooperation outside Khanty-Mansiiskii Autonomous District 328
4. Ecological and ethnological expert analyses of the interrelation of indigenous peoples and oil-industry workers 355

Conclusion 383

Index 403

Summary 404

Научное издание

Новикова Наталья Ивановна

ОХОТНИКИ И НЕФТЯНИКИ
ИССЛЕДОВАНИЕ
ПО ЮРИДИЧЕСКОЙ АНТРОПОЛОГИИ

Утверждено к печати
Ученым советом
Института этнологии и антропологии
им. Н.Н. Миклухо-Маклая РАН

Редактор *Л.В. Филиппова*
Художник *Ю.И. Духовская*
Художественный редактор *В.Ю. Яковлев*
Технический редактор *Т.В. Жмелькова*
Корректоры *Е.А. Желнова, Т.И. Шеповалова*
Компьютерная верстка *С.В. Ишутиной*

Подписано к печати 14.11.2014
Формат 60 × 90$^{1}/_{16}$. Гарнитура Таймс. Печать офсетная
Усл.печ.л. 25,5 + 1,1 вкл. Усл.кр.-отт. 30,5. Уч.-изд.л. 30,4
Тип. зак.

Издательство “Наука”
117997, Москва, Профсоюзная ул., 90

E-mail: secret@naukaran.ru
www.naukaran.ru

ППП “Типография “Наука”
121099, Москва, Шубинский пер., 6